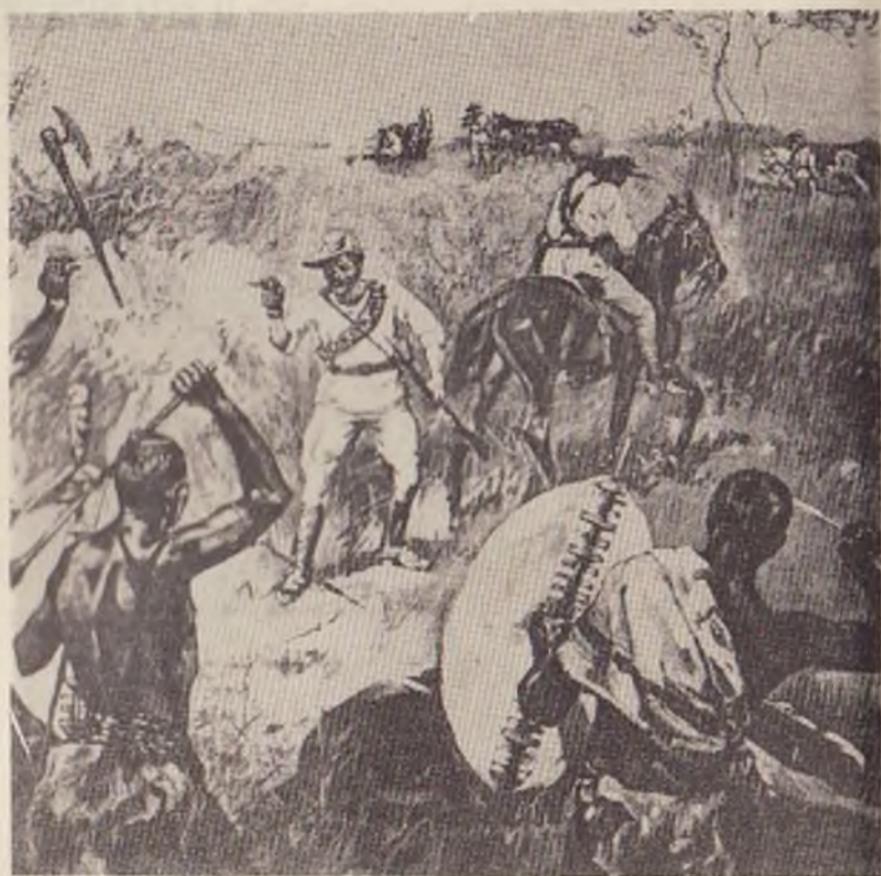

АПОЛЛОН ДАВИДСОН

БЕШПЬ
РОДЕ
И ЕГО ВРЕМЯ

Эпизод народного восстания в Южной Родезии. Фрагмент зарисовки боя 22 апреля 1896 года (из книги О. Рэнсфорда «Булавайо»: места исторических битв в Родезии. Кейптаун, 1968).

АПОЛЛОН ДАВИДСОН

БЕШЬ РОДЕ И ЕГО ВРЕМЯ

Москва
«Мысль»
1984

ББК 63.3 (4 Вл)

Д13

Редакция
исторической литературы

Рецензенты — член-корреспондент Академии наук СССР В. Г. Солодовников, доктор исторических наук Н. А. Ерофеев, кандидат экономических наук Н. П. Ястребова

Д 0504000000-114 154-84
004(01)84

© Издательство «Мысль». 1984

...Сесиль Родс... миллионер, финансовый король, главный виновник англо-бурской войны...

...В конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедовавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим шовинизмом!

В. И. Ленин

ЗАВЕЩАНИЕ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

олодому человеку нет еще и двадцати четырех, а он пишет завещание, и уже не первое. Обдумывает его под палящим солнцем Африки. В душные ночи, страдая бессон-

ницей и болями в сердце. Вечерами, придя с алмазных копей в трактир, среди гама старательской вольницы, игры в кости и карты, под звон кружек и хриплые проклятья, а то и под револьверные выстрелы. В дилижансах и фургонах, на тысячемильном пути из глубин Черного материка до океанского порта. В долгих плаваниях к берегам Европы, глядя на волны бескрайней Атлантики.

1877 год. Тогда, более ста лет назад, этот молодой человек чередовал добычу алмазов в Кимберли с учебой в Оксфорде. Первозданную, казалось бы, природу Африки — с индустриальной Англией. Правда, выглядело как будто наоборот... После кипучей жизни алмазных копей — тихий Оксфорд с пейзажем сельской Англии, с зелеными лужайками, где паслись овцы, со средневековыми постройками, заросшими мхом и плющом. Тот Оксфорд, где

С башен доносится бой колокольный,
Дремлют колледжи в объятьях теней.

В Кимберли горняки давно распугали диких зверей, столь привычных для африканского пейзажа. Там и в помине не было уже не только слонов и львов, но да-

же диких коз. А по Оксфорду свободно разгуливали лани, и студенты кормили их прямо из окон.

Но эта смена впечатлений вряд ли особенно занимала молодого человека. В том счастливом возрасте, когда другие отдаются мечтам, любви, романам, он продумывал и уточнял текст своей последней воли. Не распределение имущества и денег занимало его ум — распорядиться ими не трудно. К тому же такое завещание он написал еще раньше, когда ему не было и двадцати, после первого серьезного сердечного приступа и приговора, вынесенного тогда врачом:

— Жить осталось не больше чем полгода...

Нет, теперь молодой человек хочет ни мало ни много распорядиться судьбами Африки и Европы, судьбами всего мира, всего человечества. В завещании¹ он намечает: «...распространение британского владычества во всем мире... колонизация британцами всех тех стран, где условия существования благоприятствуют их энергии, труду и предприимчивости, и особенно заселение колонистами всей Африки, Святой Земли, долины Евфрата, островов Кипр и Кандия, всей Южной Америки, островов Тихого океана, пока еще не занятых Великобританией, всего Малайского архипелага, береговой полосы Китая и Японии, и возвращение Соединенных Штатов Америки в Британскую империю...»

Так что речь шла о всемирной империи.

Зачем? Для всеобщего мира, как полагал он. Под эгидой Англии. Для этого надо организовать имперский парламент, в котором были бы представлены «белые» поселенческие колонии. Цель парламента — «создание, наконец, настолько могущественной державы, что она сделает войны невозможными и поможет осуществлению лучших чаяний человечества».

Можно бы увидеть во всем этом курьез: помешался человек на сочинительстве завещаний. Кстати, за свою не очень долгую жизнь он составил их не одно и не два. Шесть! За тем, вторым, под которым стоит дата 17 сентября 1877 года, последовало еще четыре.

Если бы молодой человек вдруг умер, никто и не вспомнил бы об этих бумагах. Но он выжил. И не остался безвестным, как множество других, кто тоже мечтал в молодости круто изменить судьбы мира.

Имя его — Сесиль Джон Родс. Он вошел в историю как «отец Британской империи».

Впервые он изложил свои идеи в документе, который назвал «Символом веры». Родс закончил его

в том же 1877 году и поставил дату: 2 июня. «Символ перы» открывается рассуждением, что у каждого человека есть главная цель, которой он и посвящает свою жизнь. Для одного это счастливая семья, для другого — богатство. Для него же, Родса, это «дело служения родине».

Как же понимал он свою цель, так патетически сформулированную? Основа основ «служения родине» для него — это убеждение, что англичане — лучшие люди на земле. «Я утверждаю, что мы — лучшая нация в мире, и чем большую часть мира мы заселим, тем лучше будет для человечества».

Человечество страдает, считал он, оттого, что английский народ дает только половину прироста населения, на который способен. И все это из-за недостатка жизненного пространства для англичан, нехватки земель для поселения. Может быть, англичане могут эмигрировать за пределы Британской империи, в другие страны? Нет, отвечал Родс. «...Было бы бесчестно даже предположить это, поскольку, как я убежден, все мы считаем, что лучше бедность под своим флагом, чем богатство под чужим».

Выход один — расширять Британскую империю. «Только представьте себе, — призывал Родс, — какие перемены наступили бы, если бы те территории, которые населены сейчас самыми презренными образчиками человеческой породы, попали под англосаксонское влияние... Наш долг — пользоваться каждой возможностью, чтобы захватить новые территории, и мы должны постоянно помнить, что, чем больше у нас земель, тем многочисленнее англосаксонская раса, тем больше представителей этой лучшей, самой достойной человеческой расы на Земле».

Ребячество?

Ну а кто же призван выполнять этот долг? Во всяком случае, по мнению молодого Родса, не те, кто правил тогда Британией. Родс еще только мечтал получить признание в политических сферах, а добиться этого ему, человеку без имени и связей, было нелегко. Кем же могли быть в его глазах заседавшие в Вестминстере парламентарии, как не обюрократившимися, своекорыстными политиками? Палату общин Родс в сердцах назвал «собранием людей, которые посвятили свою жизнь накоплению денег».

Так что надо прежде всего создать организацию, готовую завалить на себя это бремя. «Почему бы нам не основать тайное общество с одной только целью — расширить пределы Британской империи, поставив весь нецивилизованный мир под британское управление, вернуть в нее Соединенные Штаты и объединить англосаксов в единой империи... Давайте создадим своеобразное общество, церковь для расширения Британской империи».

В эту организацию, по мысли Родса, должны были войти те, кто не нашел себе иного применения в общественной жизни, пусть даже это будут люди во всем уже разуверившиеся. Надо только заразить их идеей расширения пределов империи, добиться, чтобы они поняли «ее величие».

Организация по замыслу Родса должна быть тайной и иметь своих резидентов в каждой части Британской империи. Представители организации должны работать в университетах и школах и отбирать, «может быть, одного из каждой тысячи, чьи помыслы и чувства соответствуют этой цели». Такого избранника следует тренировать, учить ради главной цели пренебрегать в жизни всем остальным, подвергать трудным испытаниям. И только если он прошел через все, удостоить его чести быть принятым в общество и связать клятвой на всю жизнь. Ну а затем снабдить средствами и «послать в ту часть Империи, где в нем есть нужда».

Подходящий человеческий материал Родс видел в младших сыновьях английских аристократических, да и не только аристократических, семейств — в тех, кто не наследует ни титулов, ни сколько-нибудь крупной собственности. Он сам испытал участь младшего сына. У них, писал Родс, нет ни средств, ни возможности проявить себя. Тайное общество даст им и то, и другое.

Мысль о «младших сыновьях» приходила в голову не одному только Родсу. О той роли, которую сыграли в создании Британской империи особенности английской системы наследования имущества и титулов, писали многие. Рассуждения на эту тему встречаешь порой в книгах совершенно неожиданных.

«...Институт младших сыновей. Это были мальчики благородной крови, которых, однако, выбрасывали на улицу... Этим автоматически создавался класс «искателей приключений»...» Так писал в 1926-м В. Шульгин, страстный защитник российского монархизма. Он увлекся сравнением исторических судеб России и Ан-

глин в своей книге «Три столицы». Отсутствие системы майората, дробление уделов между княжескими сыновьями во времена Батыея погубили «варяжскую Русь», рассуждал он. «Найденный Московою майорат создал Российскую державу», но отсутствие «экономического» майората, «т. е. майората в частном быту, погубило эту державу при помощи идеи «земельного передела». В Англии же, считал Шульгин, «система разумная. Тут дележки «поровну» не было. Была «Свобода», было «Братство», только губительного «Раженства» не было...» Где только не искал Шульгин причин краха самодержавия... И завидовал Англии.

«Вот это они самые, «открыватели новых земель» — младшие сыновья и есть. От хорошей жизни, батенька, не полетишь. А вот когда ни гроша в кармане, а амбиции наследственной сколько угодно, тут тебе и станешь авантюристом.

Так и росла Англия. Крепко держали ее, не давая сбиться с панталыку, старшие сыновья, и каждое столетие новый континент приносили ей младшие».

Увлечся, конечно, Шульгин. Руками одних только бедных аристократов целые континенты не завоеешь. Но лепту свою — и немалую! — в создание Британской империи они вносили. Вот Сесиль Родс и связал с ними свои надежды.

...Полный текст «Символа веры» стал известен совсем недавно. Его издал канадский историк Джон Флинт в 1974 году². До того публиковались только отдельные цитаты, да и то в отредактированном виде.

Почему же этот документ не решались печатать так долго, почти сто лет?

Флинт считает, что биографы Родса боялись снизить привычный для читателей (подразумевается — английских) образ Родса и «потерять читательскую аудиторию», опубликовав этот «документ невысокого интеллектуального содержания и еще меньших литературных достоинств». Да и вообще план создания тайного общества попросту «абсурден», «составлен в духе дешевых новелл того времени»³.

«Если бы Родс составил свой «Символ веры» в двенадцатилетнем возрасте, в городке Бишоп Стортфорд, или даже в семнадцатилетнем, по дороге в Южную Африку, это можно бы принять за незрелые детские излияния, вроде отроческих стихов или философствований, при взгляде на которые мы краснеем... Но Родс в 1877-м — уже не ребенок, ему двадцать четыре

года, возраст, когда мужчина женится и растит детей, обзаводится домом, делает карьеру или пишет диссертацию» — таково мнение Флинта.

А первое политическое завещание другой биограф Родса, англичанин Бэзил Уильямс, назвал «ребяческим документом», «курьезным смещением ребячливости и пророчества, столь частым у великих людей»⁴.

Значит, наивность. И даже ребячество. «Наивный», «ребяческий» империализм?

«Ребяческий империализм» — так озаглавил когда-то страничку своих воспоминаний о детстве Осип Мандельштам. Даже сама архитектура блистательно-чиновного Санкт-Петербурга, столицы великой империи, писал он, «внушала мне какой-то ребяческий империализм. Я бредил конногвардейскими латами и римскими шлемами кавалергардов, серебряными трубами Преображенского оркестра, и после майского парада любимым моим удовольствием был конногвардейский праздник на Благовещенье».

Так, может, и Родс пережил нечто подобное? И, став старше, недостаточно повзрослел — остался в чем-то похож на тех, о ком много лет спустя пели: «Еще многих дураков порадует бравое пенье солдат»?

В духе масонов и иезуитов?

Это свое «ребячество» Родс пронес как знамя через всю жизнь. Тот же Флинт писал, что в 1891 году, познакомившись с известным английским журналистом Уильямом Стедом, Родс послал ему «Символ веры» с припиской: «Как Вы увидите, мои идеи мало изменились».

А ведь тогда Родсу было не двенадцать, не семнадцать и даже не двадцать четыре, а около сорока. И он уже был королем алмазов и золота, премьер-министром Канской колонии, героем дня в Англии.

Так что если ранние идеи Родса считать наивными, тогда уж логично признать таким же все его мировоззрение, а его дела — ребяческими забавами.

Ну а то, о чем Флинт написал как о самом «абсурдном», — план тайного общества? Вроде действительно нелепость. Но, если вдуматься, так ли уж он абсурден?

Что могло навести Родса на мысль о таком обществе? В «Символе веры» есть слова: «Я знаком с историей, читал я и историю иезуитов». Дальше Родс сообщает: «Сегодня я стал членом масонского ордена».

Значит, 2 июня 1877 года, именно в тот день, когда Родс написал или во всяком случае закончил свой «Символ веры», он стал масоном.

История масонства привлекает к себе внимание и в наши дни. Тайными происками масонов историки подчас пытаются объяснить не только многие загадки и явления старины, но и события двадцатого века.

О Родсе как о масоне мало что известно, а само по себе его вступление в этот орден в сущности почти ни о чем не говорит. Масонами в разные времена были люди самых разных занятий и взглядов — от Вольтера, Дидро, Гёте и Моцарта до Эйзенхауэра и Трумэна. В России — от декабриста Пестеля до монархиста Гучкова. А после Октября, в эмиграции — да и там какие разные: князь Вяземский, граф Шереметев, генерал Половцев, миллионер Путилов, шахматист Алехин... К тому же далеко не все масоны были политически активны. Так и сейчас, среди нескольких миллионов нынешних масонов. Так было и во времена Родса.

Кто знает, может быть, когда-нибудь историкам откроются новые факты, но пока создается впечатление, что Родс, подобно многим, вступил в масонскую ложу, как вступают в привилегированные клубы. Конечно, у масонства уже не было того ореола, что столетием раньше, во времена, когда в Париже, Лондоне и Санкт-Петербурге блистал граф Калиостро, преподаватель магических наук и демонологии. Но оно было престижно. «Великим мастером» английских масонов в 1875-м избрали принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII.

Родс относился к масонству без особого трепета. После вступления в ложу он рассказал за обедом все подробности тайной церемонии, шокировав своих новых собратьев. Да и в «Символе веры» отозвался о масонах свысока: «Я вижу богатства, которыми они владеют, их могущество, влияние, каким они пользуются; и меня изумляет, как такая большая организация может посвятить себя тому, что в наше время выглядит смешными и абсурдными обрядами без сколько-нибудь ясной цели». Но вместе с тем, по словам человека, хорошо его знавшего, «он сохранил интерес к масонству до конца жизни»⁵.

Неоднозначным было отношение Родса и к иезуитам. «Я вижу, сколь много они сумели сделать, но во имя дурной цели и, осмелюсь сказать, под руководством шлюхих вождей».

Но как бы строго ни судил Родс масонов и иезуитов, в облике тайной организации, которую он предлагал создать, проступают черты обоих орденов. Так что его план не столь абсурден, как это кажется Флинту. Ведь налицо вполне реальные исторические параллели.

И только ли исторические?

А наши дни, когда человек уже побывал на Луне, когда космические аппараты изучают Марс, Венеру, Юпитер?

...В тайный союз принимают неопита... Ночь. Отблески пламени факелов на задрапированных черным стенах. Посреди зала на носилках «труп» — кукла, завернутая в черное полотно. На полотне кровавыми буквами: «Измена». В груди «трупа» — кинжал, занесенный по самую рукоятку. Звучат слова клятвы: «Тот, кто изменит Братству, будет уничтожен. Братство никогда не прощает и никогда не забывает. Его месть мгновенна и неотвратима. Изменник нигде не спасется от кары...»

Это — Брудербонд, то есть Братство или Союз братьев. В его обрядности можно найти аналогию обрядам масонских лож и иезуитского ордена. Казалось бы, на фоне современной политической жизни организация с таким устаревшим реквизитом должна казаться детективно-опереточной пародией. Но Брудербонд вовсе не бутафория. Он совершенно реален. Он существует уже более шестидесяти лет, но его тайны так зорко охранялись, что в течение первых десятилетий мир даже не подозревал о его существовании. А структура его стала известна не так давно.

Каждый «брат» входит в одну из ячеек, которая насчитывает не больше пяти — десяти человек. Несколько ячеек объединяются в секцию. Секции подчинены двум советам: исполнительному и генеральному. Исполнительный совет состоит из двенадцати высших функционеров Брудербонда. Их обычно именуют — «двенадцать апостолов». В особых случаях заседает генеральный совет. Кроме «апостолов» в него входят ответственные представители ячеек и секций.

Практически высшая власть в Братстве сосредоточена в руках трех членов исполнительного совета, трех высших «апостолов». Имя председателя этой троицы «братьям» низшего и среднего звена неизвестно.

Есть у Брудербонда и свое гестапо — контрольный комитет. Оставаясь секретным даже для членов организации, он заботится о «внутренней чистоте» рядов

Братства, руководит шпионажем и «оборонной деятельностью»⁶.

Брудербонд потратил первые тридцать лет своего существования на расширение влияния. А с 1948 года и по сей день руками официальной политической партии управляет целой страной. И не каким-нибудь богом забытым островом. Территория этой страны в девять раз превышает Великобританию.

Это Южно-Африканская Республика. Значит, планы Родса осуществились? И именно там, где они создавались, — в Южной Африке? Осуществились, но только, как часто бывает, совсем не так, как представлял себе автор. Создан Брудербонд не англичанами, а бурами и служит он не английскому, а бурскому национализму, поддержанию его господства над Южной Африкой. А по структуре, по методам — разве это не сходно с тем, что грезилось Сесилию Родсу?

...Так что стоит ли отмахиваться от «Символа веры» как от наивной выдумки человека, не сумевшего повзрослеть?

А что не публиковали его сто лет, так разве обязательно из-за содержащихся в нем идей? Родс высказывал их потом в других завещаниях и в речах, которые никто из биографов издавать не стеснялся.

«Символ веры» так долго не издавали, весьма вероятно, из-за того, что знаков препинания в родсовской рукописи оказалось не слишком много, да и те поставлены как бог на душу положит. Правда, можно вспомнить, что Дюма-отец вообще не тратил времени на знаки препинания, предоставляя своим сотрудникам расставлять их. Но Александр Дюма — одно, а Родс — совсем другое, и его биографы вполне могли опасаться, что такая синтаксическая неряшливость могла снизить в глазах читателей образ «великого строителя империи».

Сами же идеи молодого Родса тогда, в конце 1870-х, были и не ребячеством, и не откровением. В них, может быть, прямолинейнее, яснее, чем у других его соотечественников и современников, выражался дух надвигающейся эпохи — эпохи империализма. Если бы идеи Родса действительно были ребяческими, разве называли бы англичане по его имени страны, по площади в несколько раз превосходящие Великобританию? Разве появились бы Южная Родезия и Северная Родезия?

— Мы живем еще в веке, когда возможны герои. Один из наиболее славных героев живет среди нас. Наши внуки с завистью будут говорить про нас: «Как они счастливы! Они были современниками великого Сесилия Родса!»

Так говорил лорд Солсбери, английский премьер-министр⁷. Он был современником Родса, жил во времена наших дедов и прадедов. А внуки, о которых он думал, — это мы. Те поколения, что живут сейчас.

— Именно таким людям, как Сесиль Родс, Англия обязана величием своей империи.

Это вторил лорду Солсбери Джозеф Чемберлен, наиболее известный из тогдашних английских министров⁸. А сама королева Виктория считала Родса человеком «совершенно замечательным» и горевала, что ее министры не похожи на него⁹.

Да и за пределами Англии у него нашлось немало поклонников. Даже кайзер Вильгельм II, такой вроде бы ненавистник всего британского, сказал Родсу:

— Если бы у меня был такой премьер-министр, как вы, я стал бы величайшим государем на свете¹⁰.

И только ли короли, императоры, премьеры, министры? Родс был и кумиром толпы, во всяком случае у себя на родине, в Англии. Его «каждое движение служит предметом наблюдения и обсуждения во всем мире» и «каждое слово передается по телеграфу во все стороны земного шара». Так писал тогда Марк Твен.

В каких только краях земли не спорили о нем! Настораживались, лишь услышав это имя, короткое, как выстрел.

Родс...

Устроить бы, как говорят теперь, «круглый стол» современников Сесилия Родса с повесткой дня: что вы думаете об этом человеке? От имени лучших людей того времени мог бы выступить как раз Марк Твен.

— Откровенно признаюсь, я восхищаюсь им; и, когда пробьет его час, я непременно куплю на память о нем кусок веревки, на которой его повесят.

И вместе с тем, подобно многим, великий американец считал Родса загадкой.

— На его месте десятка полтора великих мира сего рухнуло бы со своих пьедесталов, а он и по сей день стоит на головокружительной высоте, под самым куполом неба, оставаясь чудом своего времени, загадкой

*Одна из самых известных фотографий
«отца Британской империи»*

нынешнего века, архангелом с крыльями – для одной половины мира и дьяволом с рогами – для другой... Родс сохраняет свою популярность и огромное число приверженцев, несмотря на все свои преступления – это несомненно... В чем же тайна его всемогущества?¹¹

В наши дни образ Родса, конечно, не представляется загадочным. Слова лорда Солсбери оказались несбывшимся предсказанием. Родс – уже не кумир, даже у себя на родине. С географических карт сошло слово «Родезия». В республиках Замбия и Зимбабве, возник-

ших на месте Родезии, снимают с пьедесталов памятники Родсу, переименовывают улицы и площади, когда-то названные в его честь.

Так нужно ли теперь вникать в события, связанные с его именем, даже писать о нем книгу? Правда, в Южно-Африканской Республике и в Англии памятники Родсу высятся и сейчас. Есть даже громадный мемориал. Да и секреты Родса раскрыты тоже, наверное, не все. Даже западные историки еще совсем недавно сетовали, что их подпускают не ко всем документам архивного хранилища «Дома Родса» в Оксфорде.

Впрочем, так ли важны эти секреты? Да и стоит ли заниматься человеком, оставившим о себе недобрую славу? И все же факт остается фактом — из истории его не вычеркнуть. Не вычеркнули ведь Наполеона, а он-то принес страдания и гибель куда большему числу людей. И Родса надо, конечно, знать, чтобы лучше разобраться в том историческом механизме, который жестоко, железом и кровью, связывал воедино судьбы многих народов мира. Родс был одним из ведущих конструкторов этой огромной машины, именуемой колониализмом.

На наших глазах, на глазах живущих сейчас поколений, колониализм уходит в прошлое, становится вчерашним днем человечества. Но разве может уйти с исторической арены бесследно то, что жило пять веков и к тому же достигло апогея совсем недавно, на рубеже прошлого и нынешнего столетий?

Одни страны были объектами колониальной политики, другие выступали ее носителями — и мало на земле народов, которым не пришлось испить эту горькую чашу. Разве не лежит отпечаток колониализма на облике целых государств, даже континентов, на судьбах и характерах их жителей? Должно быть, именно сейчас, когда политическому владычеству колониализма пришел конец, именно сейчас-то и можно попытаться охватить взглядом это явление в целом, во всех его внутренних связях, во всей широте его влияний и очевидных уже сейчас последствий.

А поэтому важно внимательнее приглядеться и к Сесилю Родсу, к его роли в истории. Он олицетворяет собой эпоху, когда капитализм находился на подъеме и державы делили между собой мир. Родс стал символом самой крупной империи в истории человечества, могущества этой империи, когда оно находилось в зените.

Максим Горький полвека назад отметил, что никто из всемирно известных писателей не показал капиталиста во всей «красоте и силе» его цинизма, что этот образ не тронут литературой даже в той области, где он наиболее «красочен», — в колониальной политике. Даже Редьярд Киплинг и Джек Лондон, так любившие изображать сильных людей, показали лишь «волевые натуры» среднего калибра, а не крупные исторические фигуры. При этом Горький назвал именно Родса. «Сесиль Родс, организатор разгрома буров, остался в тени, изображались только мелкие авантюристы...»¹² — писал он. По-настоящему яркого романа о Родсе нет до сих пор. Да и в длинном перечне его биографий и посвященных ему исследований не так уж много серьезных попыток понять и обрисовать этого человека. Более того, в лондонском «Журнале африканской истории» сравнительно недавно было сказано: «Сколько-то разумительную биографию еще только предстоит написать»¹³.

Почему? Все ли его биографы отдавали своим книгам достаточно труда и таланта, искренности и души? Каждый ли мог положить руку на сердце сказать, как Пушкин о своей «Истории Пугачевщины»: «Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, по крайней мере я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей».

Но были и другие причины. Вполне объективные. Те, из-за которых толковое жизнеописание всегда было, по словам английского историка Карлейля, явлением ничуть не менее редким, чем толком прожитая жизнь.

В наши дни Андре Моруа поправил его: «На самом деле толковое жизнеописание встречается куда реже, чем толком прожитая жизнь». Самому Моруа, мастеру биографического жанра, тоже удавалось не все. И среди жизнеописаний, вышедших из-под его пера, книга «Сесиль Родс» оказалась далеко не лучшей.

Как же трудно восстановить облик ушедшего из жизни человека! Любого. Как воссоздать образ даже самого близкого тебе, того, кто, казалось бы, куда понятнее всех других?

У каждого — свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
но это все неизвестно для нас.

А к тому же есть люди, о которых писать особенно трудно. Среди них и те, кто в разные времена вершили судьбами народов, государств.

Судить об этих людях по их словам? Так слова им зачастую нужны были как раз, чтобы скрывать свои мысли. А по делам — так дела свои они окружали глубокой тайной. В их жизнь вплелись государственные секреты, тайны политических партий, гигантских хозяйственных механизмов. Получился сплав, разобраться в котором совсем не просто. И чем важнее эти секреты и тайны, чем теснее они связаны с мировыми катаклизмами, тем сложнее их раскрыть.

Все это относится и к Сесилию Родсу.

Но судить о колониализме сейчас, с его уходом, становится легче. Не случайно за последние годы зарубежные историки выпустили несколько интересных трудов о Родсе.

В надежде, что теперь многое стало яснее, работал и автор этой книги. Мне хотелось лучше разобраться, понять, почему же все-таки Сесиль Родс стал олицетворением тех времен и событий, чье влияние и мы, нынешние поколения, еще так остро чувствуем в окружающей нас жизни.

Невольно вспомнишь здесь, в этом первом разговоре с читателем, как же все-таки трудно понять старину, особенно если это старина других стран, других обычаев, других нравов. Как легко тут ошибиться, даже если стараешься вчитаться во все доступные документы, повидать улицы, где жили когда-то те люди, вдохнуть запах тех мостовых. Снова и снова приходит на память:

Не трогайте далекой старины,
Нам не сломить ее семи печатей.
А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий...

Но ведь и Гёте, написав эти строки, — как настойчиво он все равно вглядывался в прошлое...

Роясь в стогах архивного сена, автор этой книги отыскивал былинки тех трав, что удержали запах былого. Пытался ощутить дыхание той жизни, мира тех людей, тех надежд и страхов, дознаться, какие же бытовали предрассудки, чему учили в школе, какой была самая читаемая литература. Так появились в книге и стихи тогдашних английских поэтов и песни афри-

канских народов (некоторые перевел для этой книги А. К. Симонов, остальные — в известных русских переводах).

...Я совсем было уж собрался просить прощения у читателя за столь длинное вступление, но вспомнил одного давно забытого южноафриканского журналиста. Свою книгу он начал так: «Мне говорили, что каждому повествованию надлежит предпослать введение, и я теперь страшно озабочен, как бы соблюсти все положенное. Но вообще-то вступление ведь представляет интерес, только если автору есть что в нем сказать. Вот тут я и оказался в затруднении. Все, что я мог сказать, уже сказано в самой книге. А я не настолько самовлюблен, чтобы предложить тут читателю трафаретный ассортимент: мне не за что просить прощения (я слышал, что многие авторы в этом и видят главный смысл вступления); нет ничего такого, что я хотел бы особо оговаривать; ничего, что я хотел бы добавить; да и отказываться мне тоже не от чего...»¹⁴

Но и этот автор, даже после таких слов, все-таки ведь написал предисловие, и не очень уж короткое.

КОРОЛЬ АЛМАЗОВ И ЗОЛОТА

**«КАК
РАЗБОГАТЕЛ
СЕСИЛЬ РОДС»**

од таким заголовком петербургский журнал «Нива» 20 апреля 1902 года поведал своим российским читателям необычайную историю.

В 1870 году из далеких краев в Сидней приехал юноша. Знакомых здесь у него не было, и он долго не мог нигде устроиться. Как-то ночью бродил он по улицам, мечтал о куске хлеба и крыше над головой. А на рассвете оказался далеко от города, на берегу океана. И там встретил ловца акул. Взял у него удочку да и закинул ее на счастье. И сразу же вытащил шестиметровую акулу.

Вспороли ей брюхо, и оказались там... номер газеты «Таймс» и записная книжка — акула проглотила кого-то возле берегов Англии. «Таймс» был всего десятидневной давности — куда более свежий, чем газеты, прибывавшие с пароходами.

Из газеты юноша узнал, что в Европе началась франко-прусская война и потому резко подскочила цена на шерсть. Сразу сообразив, как дорого стоит эта вещь в Австралии, он и явился с ней к самому богатому в Сиднее маклеру по торговле шерстью. Сперва его, оборванца, слуга даже не хотел впускать. Но юноша добился своего. Он предложил маклеру скупить весь настриг шерсти. И при этом сумел выторговать себе половину барыша.

Заклучив сделку, маклер обратился к неожиданному компаньону:

— Позвольте еще раз спросить ваше имя?

— Сесиль Родс.

— Постараюсь его запомнить. Но если вам суждено жить долго, вы-то уж сумеете сделать его известным всему миру.

Повествование завершилось словами: «Спекуляция блестяще удалась и доставила молодому Родсу первый, легко им приобретенный капитал».

Напечатанная в популярном журнале, история наверняка привлекла внимание наших дедов. Ведь Сесилем Родсом тогда очень интересовались. Еще шла англо-бурская война, а Родса считали главным ее фантомом. Даже в глухих уголках Сибири, в деревнях, на крылечках разглядывали тогда фотографии бородатых буров и карикатуры на Сесилия Родса. По всей бескрайней России пели:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Шарманки разнесли эту песню повсюду, потеснив даже неистребимую дотоле «Разлуку». Паустовский вспоминал, как мальчишкой вместе с друзьями просил шарманщиков еще и еще раз сыграть «Трансвааль», отдавая заветные медяки, припрятанные на мороженое.

История с акулой, должно быть, озадачила читателей. «Нива» не сопроводила ее никакими пояснениями. Не говорилось, как история эта появилась на свет. Никакой подписи не было. Прочитал — хочешь верь, хочешь не верь.

Но ведь даже если оставить в стороне место действия — кто знает, быть может, вездесущий Родс и в Австралии успел побывать? — все-таки что это за «ловцы акул» с удочками? Поймать на удочку шестиметровую акулу и вытащить ее на берег словно плотвичку или ерша? Прочесть запросто бумаги, совершившие десятидневное путешествие в акульем брюхе?.. Даже самая буйная фантазия рыбацких рассказов такого, пожалуй, не выдумает. Это уже нечто марктовское.

Гротеск этот и в самом деле вышел из-под пера Марка Твена, хотя, может быть, великий американец и не придумал его, а подхватил и обработал где-то услышанное. Может быть, вспомнил легенду о том, как когда-то не столь еще известный человек по фамилии Ротшильд сумел использовать весть о битве при Ватерлоо?

В «Нине» же, вообще ничего не объяснив читателям, просто привели главу из книги Марка Твена «Поляратору», которая вышла в 1897 году, а в русском переводе появилась только-только, в 1901-м, под заглавием «Кругосветное путешествие».

О таинственном обогащении Родса ходило великое множество рассказов и слухов. В основе их зачастую лежал домысел о необыкновенном, чудесном везении. Бернард Шоу в пьесе «Простачок с Нежданных островов» тоже довел его до гротеска. Клерк-англичанин клянет свою судьбу в таких словах:

— Что я такое по природе? Сесиль Родс — вот кто я такой. А почему же я всего-навсего клерк?.. Да потому что жизнь никогда не давалась мне, как какому-нибудь Сесилию Родсу. Вот он нашел у себя на заднем дворе алмазные россыпи — ничего ему и делать не надо было: смыл с них глину и стал тут же миллионером.

И он сам себе пишет эпитафию: «Здесь лежит человек, который мог бы стать Сесилем Родсом, если бы ему везло так, как Родсу».

Так в чем же на самом деле был секрет обогащения Сесилия Родса? Откуда вдруг, как черт из табакерки, выскочил этот миллионщик?

Сын провинциального викария

В июне 1870 года юноша по имени Сесиль Родс взобрался на палубу корабля «Европа», который, отплыв от берегов Британии, должен был обогнуть Африку, миновать Кейптаун и прийти в порт Дурбан, в захваченную англичанами страну зулусов.

Был ли это уже тот Сесиль Родс, которого знаем мы? Должно быть, нет. Таким его вылепило время. А тогда...

Голубоглазый, довольно крепкого телосложения, казавшийся, впрочем, хрупким. Скромной внешности, но горделивого нрава. Говорил фальцетом, но довольно уверенно. Наверно, ему придавали уверенность деньги, те, что дал отец, и еще две тысячи фунтов, подарок тети Софи, сестры матери.

На корабле Родс встретил свое семнадцатилетие. «Нет рассудительных людей в семнадцать лет», — уверял в своих ранних стихах его сверстник француз Артур Рембо, через несколько лет тоже отправившийся в Африку. А Шарль Бодлер, обогнувший мыс Доброй Надежды тремя десятилетиями раньше, писал:

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом — даль, за каждой далью — вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах — как бесконечно мал!

Влекла ли и Родса та Муза Дальних Странствий, что манила в Африку несколько поколений юношей-европейцев? Африка — это глава — и еще какая! — в той истории мечтаний стремительной молодости, без которой трудно понять становление рода человеческого.

Сколько подростков бежало в Африку в поисках необычайных приключений, грезя экзотической природой, охотой на сказочных зверей в буйных зарослях тропических лесов. Родс плыл в Африку как раз на заре той поры, чуть-чуть опережая ее. Сразу же вслед за ним, в 1871-м, начал свои странствия Фредерик Силус. Он стал самым известным из европейских охотников в Африке, прототипом Алана Куотермена, героя «Копей царя Соломона» и других романов Райдера Хаггарда. Но таких, как Фредерик Силус, в те времена было не много. Африканские «сафари» еще не стали модой для европейских охотников и искателей приключений. И еще только зарождался тот приключенческо-колониальный жанр, который, чуть позднее заполнив книжные рынки, стал рекламой колониальной романтики.

Близилась события, которые мы теперь называем колониальным разделом мира. 1870 год был их кануном. Вот-вот... Современникам это было невдомек.

Но Родса, видно, влекла не одна романтика. Недаром кто-то из его школьных учителей вспоминал, что ему не была свойственна мечтательность. Что же еще?

Что нас толкает в путь? Тех — ненависть к отчизне,
Тех — скука очага, еще иных — в тени
Цирцеиных ресниц оставивших полжизни —
Надежда отстоять оставшиеся дни.

Родс еще не испытал глубоких разочарований, а ненависти к отчизне, кажется, не познал никогда. Юношеская неразделенная любовь? Об этом мы ничего не знаем.

Наверно, Родсу ближе были те чувства, с которыми, в надежде стать миллионером, отправился в Африку Артур Рембо: «Мой день кончен. Я покидаю Европу. Морской ветер сожжет мои легкие; климат далекой страны выдубит мне кожу. Плавать, мять траву, охотиться... пить напитки, крепкие, как расплавленный металл, как пили их наши предки вокруг костра.

Я вернусь с железными руками, смуглой кожей, бешеным взглядом... У меня будет золото. Я буду празден и груб. Женщины ухаживают за такими дикими калеками, вернувшимися из жарких стран».

Рембо и вернулся на родину калекой — не в переносном, романтическом, а в прямом смысле этого слова. И не добился почитания у женщин. Не стал героем с таинственным прошлым. Возвратился умирать. И когда в марсельском госпитале бредил расписками и счетами, африканскими пустынями и торговыми караванами, у его кровати дежурила только его младшая сестра. Даже мать не пожелала проститься с блудным сыном. Слава пришла к нему уже посмертно и совсем не в связи с его странствиями.

А Родса в Африке ожидали и миллионы, и власть, и мировая известность.

...Далекое странствие Сесилия Родса, его беспредельно авантюрный дух и всю его калейдоскопически стремительную карьеру — можно ли это хоть отчасти объяснить традициями семьи?

Первый же из биографов Родса, сэр Льюис Мичел, проследил историю его семьи до середины XVII столетия. Это были жители небольших селений и городков глубинной Англии. Зачастую они рождались и умирали в одной и той же местности. Отец Сесилия Родса — Фрэнсис Уильям Родс — тоже не был ни моряком, ни офицером, ни купцом. Он не пускался в дальние путешествия, никогда не болел ни золотой горячкой, ни алмазной лихорадкой. Вел спокойную патриархальную жизнь приходского священника. И даже не на побережье, где все жители, независимо от их занятий, постоянно связаны с морем, а в Центральной Англии, в городке Бишоп Стортфорд графства Хертфордшир.

Гам 5 июля 1853 года и родился Сесиль Джон Родс, пятый сын в немалой даже по тем временам семье: двенадцать сыновей и дочерей (правда, двое умерли еще детьми).

Родсы пользовались влиянием в тех местах. Они были довольно зажиточны, да и место викария, которое Фрэнсис Родс занимал почти три десятилетия, давало заметное положение в поселке.

Хорошего здоровья Сесилю от родителей не досталось. Как утверждают многие биографы, он с детства страдал чахоткой (а в те времена туберкулез был болезнью неизлечимой, косил людей, наводил ужас).

С ранней молодости давала о себе знать и болезнь сердца.

В отличие от старших братьев Сесиль не попал ни в одно из привилегированных учебных заведений Англии. Отцу не по средствам оказалось отправить его ни в Итон, ни в Харроу. Образование Родса ограничилось местной, основанной еще во времена королевы Елизаветы грамматической школой, иначе говоря, гимназией.

Как важны школьные годы для становления человека! Все мы родом из детства... Увлечения тех лет, мечты, даже полюбившаяся тогда музыка — все это остается до последних дней жизни, многое объясняет в поведении, стремлениях, во всей личности. Но как трудно уловить, понять тот глубинный пласт характера! А уж когда пишешь о человеке, жившем в другой стране, в другом веке, разглядеть его формирование еще сложнее. Как понять, к чему он стремился, о чем думал, выслушивая наставления учителей?

Все это, наверно, куда легче могут себе представить те, кто дышал с ним воздухом одной родины. Но сведений и даже рассуждений о его детстве и отрочестве крайне мало и у биографов-англичан. Правда, большинство его биографий написаны в те времена, когда еще не принято было изучать влияние детских впечатлений на дальнейшую жизнь. «Немногое известно о его школьных годах», — писал Л. Мичел, близко знавший своего героя. Действительно немногое.

Андре Моруа в своей книге о Родсе утверждает, что тот еще в детстве мечтал о великих свершениях и о власти. Моруа приводит запись из семейного альбома Родсов. На вопрос: «Каков Ваш девиз?» — тринадцатилетний Сесиль вписал туда слова: «Совершить или умереть!» Но можно ли считать эту детскую патетику ключом к образу Сесилия Родса? У скольких мальчиков в таком возрасте были подобные помыслы!

Известно, что Родс пришел в школу в 1861-м, что он увлекался античностью, что любимыми его предметами были история и география, что он хорошо знал Библию, любил Плутарха и Платона, Гомера и Аристотеля.

Что еще мог он читать? Что могли читать английские школьники в шестидесятых годах прошлого века? Романы Вальтера Скотта уже немного старомодны. «Том Сойер» появится только в 1876-м. А с ровесником Сесилия Родса — Шерлоком Холмсом — можно будет познакомиться лишь в 1887-м.

Во всех слоях читающей публики знали «Оливера Твиста» и «Дэвида Копперфилда», «Пиквикский клуб» издавался громадными для тех времен тиражами — десятками тысяч экземпляров. Были даже облегченные издания для простонародья, как сказали бы в России — лубочные. Из соотечественников читали Булвера-Литтона, Чарлза Кингсли, Энтони Троллопа, Чарлза Рида, Уилки Коллинза, Теннисона, Мэри Эйн Эванс, писавшую под псевдонимом Джордж Элиот.

Из переводных молодежь предпочитала Дюма-отца, виконта Понсона дю Террайля — автора бесконечных томов «Похождений Рокамболя», морские приключения капитана Мариетта, первые романы Жюль Верна. Многим нравились арабские сказки и только что переведенные на английский язык рубайи Омара Хайяма.

Находила себе поклонников зарождавшаяся детективная литература. Читали Эдгара По, умершего в 1849-м, и Эмиля Габорио, ставшего популярным во второй половине шестидесятых. Да и рукописной эротической литературы тоже, кажется, немало ходило по рукам в той чопорной викторианской Англии. Но самыми распространенными среди молодежи все же оставались исторические и псевдоисторические романы, морские приключения и охотничье-спортсменская литература.

Что из этого могло привлекать юного Сесилия Родса? Может быть, исторические романы о конкистадорах, о завоевании Нового Света, об адмирале Дрейке и других пиратах королевы Елизаветы? Мы знаем, что впоследствии, уже в Африке, Родс не расставался с томиком «Мыслей» римского императора Марка Аврелия, считал эту книгу кладезем мудрости. Поскольку еще в школе он увлекался античностью, не исключено, что и любовь к Марку Аврелию родилась еще тогда.

Мечтой Родса был Оксфорд. Но мечта оказалась недостижимой, и, закончив в 1869-м школу, он оказался на распутье. В следующем году решено было, что он отправится на юг Африки, где уже обосновался один из его старших братьев, 25-летний Герберт.

Почему судьба его решилась именно так? Одни биографы видят причину в слабом здоровье Родса, для которого якобы был полезен южноафриканский климат. Другие напоминают, что в тогдашних английских семьях многие сыновья отправлялись в колонии: там, конечно, куда больше неожиданностей, опасностей, риска, но зато легче пробить себе дорогу, сделать карьеру, раз-

богатеть. Так разлетелись по свету и братья Сесилия Родса — уехали в колонии, пошли в армию. Никто из них не выполнил волю отца, не захотел пойти по его стопам. Верх взяли не семейные традиции, а дух времени.

Сам Родс впоследствии говорил так:

— Почему я отправился в Африку? Ну, вам могут сказать, что для поправки здоровья или из-за тяги к приключениям — в какой-то мере и то и другое верно. Подлинная же причина в том, что я не мог больше сидеть без дела.

Так объяснял свое прошлое зрелый политик, король алмазов и золота. Но так ли ясно это было тому семнадцатилетнему юноше?

В семнадцать лет

Родс плыл на паруснике. Корабль «Европа» шел по тем временам не так уж медленно, путешествие заняло всего только... семьдесят два дня. Два с половиной месяца!

Было время подумать, вспомнить туманные берега удалявшейся родины, помечтать о приближавшихся жарких краях. Что же еще делать длинными днями, взглядываясь в бесконечное однообразие морских дали? Хорошо думалось и вечерами, при тусклом свете раскачивающихся масляных ламп, и ночью, после десяти, когда лампы гасили. Во избежание пожаров пассажирам строго-настрого запрещалось зажигать в каютах не только свечи, но даже тогдашнюю новинку — спички. Так он и коротал время — в разговорах со спутниками, в размышлениях о будущем.

Среди пассажиров многие, если не большинство, — переселенцы, люди, решившие начать новую жизнь вдали от родины, далеко не ко всем милостивой. Да и те, кто не хотел окончательно переселяться, сжали надолго. Если одна только дорога туда и обратно занимает почти полгода, вряд ли кто отправится в путь просто для развлечения. Больше всего, конечно, говорили о Южной Африке. Припоминали газетные сообщения, обсуждали слухи. Родс внимательно слушал, изредка вставлял свое слово, ведь он тоже знал кое-что о Южной Африке — из писем Герберта.

Вспоминали и рассказы путешественников. Тогда во всей Европе говорили о Ливингстоне. Его «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке»,

изданные в Лондоне в 1857 году, были переведены на многие языки. А в 1870-м тревога о судьбе Ливингстона, затерявшегося где-то в дебрях Тропической Африки, глубоко взволновала людей во многих странах мира. Журналист Стенли по поручению газеты «Нью-Йорк геральд» готовился отправиться на поиски.

За кормой корабля полыхала одна из самых больших европейских войн второй половины прошлого столетия — схватка между Францией и Пруссией. Она началась, когда корабль плыл по Атлантике. Но телеграфа еще не было, и вести шли долго, так что ни Родс, ни его спутники обсуждать эту войну не могли. Поминали другие войны. Ведь и за короткую жизнь юного Родса редкий год английских солдат не посылали сражаться и умирать. В Россию — Крымская война, в Индию — восстание сипаев, в Китай — вторая опиумная война, в Японию — бомбардировка портов, в Эфиопию — на войну против крупнейшего африканского государства. Одно время носилась в воздухе даже угроза войны с Соединенными Штатами.

Вот они, красные мундиры, — и в портах, и на судах. Среди тех, кто шыл с Родсом на одном корабле, многим придется отправиться потом в разные концы света, расширять пределы Британской империи, где «никогда не заходит солнце». И не все, далеко не все вернутся домой. Об этом, конечно, говорили и на палубе, и в салоне, и в каютах: кто — с тревогой, кто — с высокопартиотической напыщенностью.

Пассажиры из состоятельных обсуждали и светские новости, и литературные. Смерть Диккенса — он умер за несколько дней до отплытия их корабля (о смерти Проспера Мериме не знали — он скончался, когда они были уже у берегов Южной Африки). Литературные новинки — «Лунный камень» Уилки Коллинза или «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Романы модного тогда Энтони Троллопа. Сам Троллоп через несколько лет тоже сядет на корабль, чтобы повидать юг Черного материка и написать двухтомник «Южная Африка». Романы Жюль Верна. Герои первого из них — «Пять недель на воздушном шаре» — летали над той самой Африкой, откуда сейчас пышет жаром на просмоленные борта парусника. А герои другого — «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке» — изучали как раз те места, куда теперь направляются Родс и его спутники.

Любимый сверстниками Родса писатель Эмиль Габорио сам служил в Африке, был кавалеристом. Да и Дюма трудно не вспомнить. Он отправил своего викария де Бражелона «в Африку, где умирают». И сам побывал в Африке и издал, как после каждого своего путешествия, несколько томов путевых впечатлений. Теперь ему шестьдесят восемь, уж не до путешествий и не до сражений, жить осталось несколько месяцев. А Понсон дю Террайль, почти столь же плодовитый, как Дюма, уже сражается против пруссаков, вторгшихся на французскую землю.

Литературные реминисценции занимают немногих из спутников Родса. Элиту. А большинству не до светских разговоров. Книг некоторые из переселенцев и раньше не читали. А уж тут — до того ли? Ведь едут они на чужбину не просто так, а от злой судьбы. Что-то там, впереди? Да и на корабле уже начались несчастья — кто-то тяжело заболел, а лечить нечем, другой, изрядно выпив, устроил скандал...

Чего только не посмотрелся, не послушался семнадцатилетний юноша за эти два с половиной месяца, за шесть тысяч миль пути, и на корабле, и в портах. Тут он близко увидел жизнь бедняков, и выглядела она куда страшнее и непригляднее, чем из окон дома стортфордского викария. Изможденные женщины, грязные дети, беспомощные старики. Пьяницы, шулера, проститутки...

Родс не оставил воспоминаний об этом пути, как и вообще о своей жизни. Но вот впечатления другого человека. Тоже семнадцатилетним, он вслед за Родсом проплыл тем же самым путем несколькими годами позднее. С этого плаванья, писал он в старости, «началось мое воспитание; моими учителями были игроки, авантюристы и женщины свободных нравов — те, кто составили большинство в списке пассажиров старого, изъеденного ржавчиной «Мавра». Я буквально ощущал, как отрочество покидает меня. Помню, как на пятую ночь, вконец истерзанный морской болезнью, я стоял на корме «Мавра» и мысленно возвращался домой, в Англию, по другую сторону этой черной воды. В каюте позади меня кричали женщины, неистовствовали игроки, дрались пьяные. У меня так щемило сердце, что я зарыдал тогда. Но это были мои последние слезы. Кожа моя начала грубеть»¹.

Юношеские впечатления врезаются в память на всю жизнь. Не стояли ли перед глазами Родса картины, ви-

денные им на корабле и в портах, когда он, уже зрелый политик, стремился путем захвата колоний пригнать социальные противоречия в метрополию?

Страна зулусов

Первого сентября 1870 года, миновав мыс Доброй Надежды и самые южные берега Африки, Сесиль Родс высадился в порту Дурбан в английской колонии Наталь. Эта населенная зулусами страна была не столь давним приобретением англичан — ее захватили в сороковых годах.

Старший брат не встретил Родса. Не дождавшись, Герберт уехал в район только что найденных алмазных месторождений. Они еще не стали крупнейшими в мире алмазными копями — никто, вероятно, и не предвидел тогда такого оборота событий, — но алмазная лихорадка уже началась.

Сесиль Родс заразился ею не сразу. Свою южноафриканскую жизнь он начал в Питермарицбурге, административном центре Наталья; там он остановился у друзей брата. Потом Герберт вернулся, и братья попытались выращивать хлопок на ферме Герберта в долине Умкомаас. Правда, старший брат больше бывал на алмазных копях, чем на ферме, и Сесиль в сущности вел хозяйство один, то есть управлял работой тридцати зулусов.

Сам Родс вспоминал потом о жизни на ферме как о времени почти идиллическом. Цветущая долина, лазурное свежее вымытое небо, сверкающее солнце... «Чувствуешь, что каждый глоток этого воздуха есть прибавка запасу здоровья, он освежает грудь и нервы, как купанье в свежей воде». Так писал из Южной Африки, «этого тихого и счастливого уголка», писатель И. А. Гончаров, побывав там на фрегате «Паллада». А не больно крепкому здоровьем Родсу здешняя природа казалась, наверно, особенно приветливой после хмурого неба туманной Англии.

Идиллия идиллией, но в воспоминаниях о том времени сохранился и такой рассказ (якобы со слов самого Родса²).

Однажды, узнав, что у Секукуни, вождя местного народа бапеди, есть алмазы, братья Родсы — Сесиль и Герберт — решили выменять их на оружие. Секукуни нуждался в оружии для борьбы против трансваальских буров, наступавших на его земли. Братья разделились:

на долю Сесилия досталось раздобывать ружья в Натале, а Герберт стал скупать их в соседнем португальском Мозамбике. Герберт весьма преуспел — сумел приобрести даже две старинные медные пушки. Объединив добычу, Герберт и Сесиль уже приступили к переговорам об обмене ее на алмазы, но тут их выследили буры, и братьям пришлось спасаться бегством. Пушки они сбросили с высокого обрыва в труднодоступном месте. Кто-то нашел эти пушки через двадцать лет, в 1890-м. Их приняли тогда за остатки старого португальского форта.

Было ли все это на самом деле? Скорее всего, нет. Герберт действительно продавал оружие африканцам, но занимался этим, кажется, позднее и без прямого участия Сесилия. Не исключено, впрочем, что братья вместе планировали эту авантюру, и Сесиль Родс, рассказывая о ней, просто «примазался» к славе Герберта, известного искателя приключений.

Но как бы то ни было, и без этой истории ясно, что практическая жилка проявилась еще тогда — в отношении семнадцатилетнего Родса к африканцам. «Я дал денег кафрам, поскольку наступило время уплаты налога на хижины, и они нуждаются в деньгах. Если вы ссужаете им деньги, они придут и будут работать, как только это вам понадобится. К тому же вы получите у них добрую славу. И, в сущности, кафры надежнее Английского банка»³, — писал он матери.

Была у Родса и цель: он хотел накопить денег для учебы в Оксфорде. Зачем? Ответ на этот вопрос он дал сам: «Вы задумывались когда-нибудь, почему это во всех сферах общественной жизни так много выпускников Оксфорда? Оксфордская система в своей завершенной форме выглядит, казалось бы, весьма непрактичной, но ведь вот, куда ни глянь, — кроме области научной — выпускник Оксфорда всегда оказывается на самом верху»⁴.

Дела между тем шли не так уж важно. Два урожая хлопка большого барыша не принесли. А тут алмазная дихорадка... Все больше белых колонистов Наталя покидали насиженные места и отправлялись в погоню за легким обогащением, на алмазные месторождения.

Сесиль Родс прожил в Натале немногим больше года. В октябре 1871-го он, оставив ферму, пустился в путь к алмазным копям.

Вот, пожалуй, и все, что известно о начале его жизни в Африке.

Любимым автором Сесилия Родса всю жизнь был Марк Аврелий, а он писал: «Не все же разглагольствовать о том, каким должен быть человек, пора им стать».

Каким же человеком становился Родс? Его возмужание — это превращение в колониста. А колонист — это уже не просто европеец, не просто англичанин или француз. Это человек, чья психика, мораль, взгляды на жизнь формировались колониализмом. На европейца, приехавшего в колонию, сразу распространялись привилегии, созданные колониализмом белому цвету кожи. По отношению к коренным жителям он сразу же становился существом высшего порядка, которому позволено все или почти все. Такое положение охранялось законом, властями, полицией, армией.

В результате зачастую получалось, что зеленый, совсем еще не оперившийся, полный сомнений и колебаний юноша, приплыв из Европы, довольно быстро обретал вполне определенные и зачастую весьма жесткие взгляды. Сомнения слабели, им на смену приходила уверенная хватка. И если он через несколько лет приезжал на родину, в Европу, отличие его от оставшихся дома сверстников уже явно бросалось в глаза.

У многих эта перемена в сознании приводила к двойной морали: одна — для жизни в колонии, другая — для жизни в Европе.

Персонаж тогдашнего французского колониального романа «Мёслер был прямодушен и добр на редкость. Но в Африке... он никогда не колебался выстрелить... В Трансваале это называлось быть энергичным. Во Франции это считалось бы преступлением. Вопрос географической широты, среды и обстоятельств». Его жене умоляют: «Не показывайте мне ваш африканский облик... Покажите мне ваше парижское лицо. Ведь это же не мадам Мёслер, грозная и решительная королева, что царствует над дикарями среди тигров. Не ее я пришел повидать. Нет, это же мадам Мёслер, милостивая, благосклонная, та, что живет на Елисейских полях»⁵.

С возрастом нравственная раздвоенность нередко исчезала. На смену ей снова приходила цельность. Но побеждали чаще всего благоприобретенные моральные категории — те, что накопились за время жизни в колониях. И получалось: в колониях, среди «дикарей» создавался тип людей с нравами неизмеримо худшими, чем дома, в метрополии. А потом эти люди приезжали

и Европу. Тут их поражал непривычный «либерализм», и они стремились внедрить на родине свой колониальный опыт...

Это хорошо подметил корреспондент русских либеральных журналов И. В. Шкловский, дядя Виктора Шкловского. Он писал из Англии (под псевдонимом Дионео): «Представителем нашего округа в парламенте с незапамятных времен был старый отставной генерал. Выслужился он где-то на западном берегу Африки; там с небольшим отрядом и пятью пушками он насадил европейскую культуру, т. е. выжег столько деревень, вырубил столько плодовых деревьев и истребил столько негров и коров, что край этот пустынен до сих пор, хотя прошло уже много, много лет... В парламенте старик был раза два, но свое присутствие ознаменовал. Послушав речи оппозиции, старик заявил, что, собственно говоря, с ней нужно было бы расправиться «по-африкански», т. е. впустить несколько солдат, вкатить пушечку и затем: «Раз, два! Направо коли, налево руби!»»⁶

Так европейский колониализм наказывал самих европейцев. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы!

Как происходило это становление колониального лица европейской демократии, мы в общем-то знаем, но именно в общем, обобщенно, социологически. А конкретно, зримо?

Пожалуй, мы куда лучше знакомы с выдуманными великим Дефо переживаниями Робинзона Крузо, который шаг за шагом в одиночку колонизовал необитаемый остров и подчинял себе единственного аборигена, Пятницу, чем с духовным формированием реально существовавших колонистов.

Вот и о Родсе, о том, как шло становление его личности в новой, колониальной жизни, известно немного. По биографиям, по его опубликованным письмам тех лет трудно понять, как он относился к большим событиям в Европе или Африке. События были чрезвычайные. На африканский берег Родс сошел в день разгрома французской армии при Седане. Для современников само это слово долго потом было нарицательным. Тютчев на смертном одре, в 1873 году, грустно острил: «Это мой Седан». А Парижская коммуна! Сколько говорили и писали о ней! Но волновало ли это Родса, мы не знаем.

Европа отдалялась от него, и, окажись Родс на ка-

ком-нибудь другом конце земли, кто знает, как пошло бы формирование его личности. Но в Южную Африку он попал в особые, переломные годы, когда тугой узел связал ее судьбу с судьбой Европы и всего мира.

Южная оконечность Черного материка и прежде не была уголком мира, забытым Европой. Даже Наполеон в своих глобальных планах поминал этот край земли: «Мы должны взять Египет, если уж не можем выгнать Англию с мыса Доброй Надежды». А после битвы при Трафальгаре, когда адмирал Нельсон сокрушил вместе с французским флотом и наполеоновские планы вторжения в заморские страны, «император французов» заявил: «На Эльбе и на Одере мы получим нашу Индию, наши испанские колонии и наш мыс Доброй Надежды».

Но в конце шестидесятых годов прошлого века, как раз накануне приезда Родса в Южную Африку, современникам казалось, что этой окраине Старого Света предстоит забвение. Уходила в прошлое та роль, которую она играла в мировом хозяйстве, — роль главной заправочной стоянки на полпути между Европой и Востоком, у самого опасного участка этого пути, где сталкиваются течения двух океанов, Атлантического и Индийского, и воды никогда не бывают спокойными. В течение нескольких столетий даже самые отчаянные шкиперы облегченно крестились, когда удавалось благополучно дойти до «морской таверны» — Кейптауна.

В ноябре 1869 года открылся для судоходства Суэцкий канал. Караванам океанских кораблей уже не надо было огибать мыс Доброй Надежды и бросать якоря у южноафриканских причалов. Портam Южной Африки предстояло утратить свой космополитический облик. С улиц Кейптауна исчезали те разноязыкие толпы матросов, которые прежде, растекаясь повсюду пестрыми потоками, приводили в движение всю городскую жизнь.

Надо ли теперь поставлять припасы тысячам кораблей, нужны ли мастерские для бесчисленных ремонтных работ? С открытием Суэцкого канала Юг Африки сразу оказался в стороне от мировых торговых артерий. А сам по себе он не представлял такого уж интереса для внешнего мира капиталистической Европы. Колонисты разводили тут крупный рогатый скот и овец, делали вино, отправляли в Европу и Америку шерсть и страусовые перья. Городов и поселков с населением больше тысячи человек в здешних коло-

ниях едва набиралось два десятка. Железных дорог — меньше шестидесяти миль.

Южная Африка, казалось, была обречена на то, чтобы о ней вскоре совершенно забыли как о захолустье где-то на краю ойкумены. И. А. Гончаров в год рождения Сесила Родса вынес приговор: «Здесь нет золота, и толпа не хлынет сюда, как в Калифорнию и Австралию». Но тут он не стал провидцем.

Произошло непредвиденное. Именно на Юге Африки были обнаружены крупнейшие в мире месторождения алмазов и золота, и притом очень близко друг от друга, на расстоянии каких-то двухсот пятидесяти миль. Этот феномен природы произвел на тогдашний Запад ошеломляющее впечатление, его даже назвали «вторым открытием» Южной Африки.

И ринулись туда сотни тысяч людей. Южная Африка стала для них, по словам Киплинга, «чудо-женщиной», женщиной «прекрасней всех, всех боготворимей». Хоть была она «не добра и не мила», но «краса ее влеисла джентльменов без числа дьявольской стихией».

Куда там Калифорнии и Австралии! Разве находили в их недрах столько богатств? То, что произошло на Юге Африки, превзошло даже самые фантастические мечтания горнорудного предпринимательства прежних времен.

Вот этот бурлящий поток и стал формировать личность Сесила Родса.

В чаду алмазной лихорадки

Древние греки называли его «адамас» — несокрушимый, непобедимый, арабы — «ал-Мас» (наитвердый). В Индии перед ним когда-то преклонялись как перед святыней. «Алмаз... Это свет солнца, сгустившийся в земле и охлажденный временем, он играет всеми цветами радуги, но сам остается прозрачным, словно капля» — так писал Куприн.

Почти две тысячи лет мир знал только индийские алмазы. «Кохинор», сверкающий в британской короне, знаменитый бриллиант Орлова, украшение скипетра русских царей, «Шах», полученный Николаем I от персов как примирительный подарок после убийства Грибоедова, — все они родом из Индии.

Но вот уже сто с лишним лет слова «алмазы» и «бриллианты» больше ассоциируются с Югом Африки. Там найден самый крупный в мире алмаз — «Кул-

линан». Там добывают теперь больше всего ювелирных алмазов.

Даже бразильские алмазы ученые связывают сейчас с южноафриканскими. Согласно гипотезе о суперматерике Гондвана, Южная Америка примыкала когда-то к Африке, а месторождения бразильских алмазов — к южноафриканским. Во всяком случае бразильские алмазы по форме, окраске и другим признакам сходны с южноафриканскими.

Сколько преданий и выдумок рассказывали об индийских алмазах! Как не вспомнить «Лунный камень» Уилки Коллинза или «Алмаз раджи» Стивенсона.

А теперь наступила очередь южноафриканских алмазов обрастать легендами. Так снова и снова возникает молва о полумифических голубых бриллиантах, которые лежат на глубине 3700 метров в сейфах «Титаника», затонувшего в 1912 году из-за столкновения с айсбергом. Алмазы Южной Африки теперь и в приключенческих романах, начиная с Луи Буссенара, и в детективах, и в голливудских боевиках, и в популярных шлягерах.

Южноафриканские алмазы были открыты возле слияния рек Оранжевой и Вааля. Бурский фермер Ван-Никерк увидел однажды, как мальчик-готтентот на ферме его друга Якоба играет блестящим камушком. «Если хочешь, забирай его, пожалуйста», — сказал ему Якоб. После нескольких перепродаж этот алмаз приобрел за пятьсот фунтов стерлингов тогдашний губернатор Капской колонии. Было это в 1867-м.

Через два года Ван-Никерку снова повезло. Такой же «камушек», только намного большего размера, углядел он у местного знахаря-африканца. Ван-Никерк и тут не растерялся. В алмазе оказалось восемьдесят три карата. Ван-Никерк продал его перекупщику за одиннадцать тысяч фунтов, а тот — лорду Дадли за двадцать пять. Алмаз получил название «Звезда Южной Африки».

Слух об алмазах распространился по всему свету. Уже со второй половины 1869-го, но особенно с 1870-го Юг Африканского материка стал новым Эльдорадо для искателей наживы и приключений, для авантюристов всех мастей и калибров. В европейских и американских газетах замелькали названия трех бурских ферм: Де Беерс, Дютойтспан, Булфонтейн. И еще чаще — холма Колсберг. На равнине вокруг холма вырос поселок старателей.

В памяти людей тогда еще жива была калифорнийская золотая лихорадка — с тех времен прошло только двадцать лет. Кажется, о ней-то и говорили: «Самая опасная болезнь, которая только может поразить человека, — это золотая лихорадка». Как начинается эта эпидемия? В одной из книг по истории Америки рассказывалось: «Ремесленники побросали свои орудия труда, фермеры оставили урожай гнить на полях, а скот — околевать от голода, учителя забыли свои учебники, адвокаты покинули клиентов, служители церкви сбросили облачения, матросы дезертировали с кораблей — и все устремились в едином порыве к району золотых приисков. Деловая жизнь в городах замерла. Покинутые дома и магазины ветшали и приходили в упадок. Золотоискатели шли как саранча...»⁷ Оказалось, что алмазная лихорадка не менее опасна...

Южноафриканской алмазной горячкой заразились раньше всего не те, кто жил поблизости от обнаруженных россыпей. Африканцы, обитавшие в тех местах, даже представить себе не могли, сколько платили в Европе за прозрачные камушки. Да и бурские фермеры не собирались утруждать себя изнурительной старательской работой. Поселившись далеко в глубине Африканского материка, они давно уже оторвались от Европы, от всего европейского. Ван-Никерк со своим интересом к алмазам был среди буров исключением.

В район алмазных месторождений ринулись англичане, американцы, немцы, французы. Из Кейптауна и других обжитых европейцами мест Южной Африки. Издалека — из Европы, Америки, Австралии. Очень это пестрая оказалась публика. Среди них, говоря словами Киплинга, «старики и молодые, дезертир, убийца, вор». Были и люди, считавшиеся у себя на родине джентльменами. И они не видели для себя ничего зазорного в том, чтобы, окончив Оксфорд, взяться за кирку и бутарку, как лорд Солсбери, примкнувший к золотоискателям в Австралии. Это не помешало ему стать потом британским премьер-министром.

Были и романтики.

Мы, мечтатели, мечтали, задыхаясь в городах,
О заморских светлых даях, о чужих краях...

О том, что ждало мечтателей на алмазных копях, Киплинг не написал.

Первым испытанием оказалась дорога. И даже не плавание через океан, а путь по самой Южной Африке.

Месторождения алмазов лежали далеко в глубине континента, за пределами Капской колонии и республик Оранжевое Свободное Государство и Трансвааль, основанных переселенцами-бурами. Пробираться надо было сотни миль по пустынным землям, да еще с тяжелым багажом — на месте ведь ничего не купишь. Приходилось нанимать или покупать большие фургоны, в которые запрягали иногда по несколько десятков вотов — дорога была трудная, со скалистыми подъемами и спусками. По пути и, главное, в самом районе алмазных копей почти не было леса, негде было укрыться от палящего солнца. Как выдержать все это? И многие не выдерживали. Сколько? Никто не считал.

Поначалу большинство старателей составляли не наемные рабочие, а владельцы участков. В старательских поселках — никаких законов, никакой власти, кроме власти кулака или оружия, оказавшегося под рукой. Район алмазных месторождений считался ничьей землей — ни одно из европейских государств еще не успело захватить эти земли к началу семидесятых годов прошлого века, а с правами африканских народов тогдашняя Европа не склонна была считаться.

Старатели создали свою республику — «Республику алмазных полей» и свою власть — Комитет старателей. Его президентом избрали бывшего английского моряка Стаффорда Паркера, известного крепкими бицепсами. Недовольные избрали другой комитет с другим президентом. На вмешательство английских властей группа антибритански настроенных старателей ответила «восстанием черного флага» и подняла флибустьерский «Веселый Роджер».

Оранжевая республика объявила, что месторождение находится в пределах ее территории и является ее собственностью. Заявил свои претензии и Трансвааль. Но за дело взялась Великобритания, и развитие событий пошло по той самой схеме, по которой обычно складывались взаимоотношения крупных государств с малыми. Как это у Марка Твена в «Похищении белого слона»?.. «Между Великобританией и Сиамом возникли недоразумения по поводу пограничной линии, и, как сразу же выяснилось, Сиама был не прав». Вот и на Юге Африки сразу же выяснилось, что бурские республики, конечно, не правы.

В октябре 1871-го район алмазных копей оказался британским (а еще через пять лет был официально включен в Капскую колонию). Операцию эту провел

английский министр колоний лорд Кимберли. По его имени назвали поселок старателей, а потом и возникший на том месте город. И тот алмазный бум зачастую называют кимберлийским, а породу, в которой оказались алмазы, — кимберлитом.

Один из десятков тысяч

Как раз в октябрьские дни 1871-го в те места и отправился Сесиль Родс, навсегда расставшись со своей плантацией у побережья Индийского океана.

Путь пролегал через Оранжевую республику. Родс впервые видел столько бурских ферм — в Натале он жил среди поселенцев-англичан.

Начиналась весна, природа расцветала. Животный мир тех мест был еще очень богат. Стада антилоп, зебры, жирафы, страусы, дикие кошки, гиены, шакалы. Встречались еще и львы, и слоны, и носороги.

Путь был долг, даже по прямой километров шестьсот, и пришлось ведь перебираться через Драконовы горы, самые высокие в Южной Африке, преодолевать глубокие ущелья, русла рек, и полноводных, и высохших. Дорог зачастую не было, а о мостах не могло быть и речи. На всем пути постоянный двор оказался только в Блумфонтейне, который был тогда маленьким неприметным поселком, столицей столь же неприметной бурской республики Оранжевое Свободное Государство.

В большом запряженном волами фургоне Родс вез продукты и вещи. Среди них — заступ и ведро для добычи алмазов. Сам ехал впереди фургона верхом на пони. Пони не выдержал трудного пути, окошел. Человек оказался выносливее. Больше месяца добирался он до места, но достиг цели. Родс попал на алмазные копи в ноябре, когда вместо флагов независимой республики старателей там уже развевался «Юнион Джек».

Родс добрался до холма Колсберг, крупнейшего лагеря старателей. Там среди сотен участков (каждый — по 31 квадратному футу) три принадлежали его брату Герберту.

В письме к матери Родс описал это место — именно оно-то и стало потом городом Кимберли. «Представьте себе небольшой холм. Самая высокая его точка поднимается всего лишь на тридцать футов над окружающей местностью; в ширину этот холм — сто восемьдесят ярдов, в длину — двести двадцать; все пространство во-

круг холма занято белыми палатками, а за ними на мили и мили — плоская равнина с пологими возвышенностями здесь и там. А теперь взгляните на холм от входа в мою палатку. Перед Вами — словно бесчисленные муравейники, покрытые черными муравьями так густо, как только можно; эти муравьи — человеческие существа. Вспомните, что на этом холме — шестьсот старательских заявок и каждая из них в свою очередь разделена обычно еще на четыре участка, и на каждом из них работает, как правило, шестеро черных и белых. Значит, десять тысяч человек возятся ежедневно на кусочке земли площадью в сто восемьдесят на двести двадцать ярдов.

...По всему холму — дорожки, по ним на тележках вывозится порода... Но перил у этих дорожек нигде нет, и мулы, тележки и все остальное то и дело летит вверх тормашками вниз, в уже глубоко вырытые ямы».

Видно, щадя мать, Родс не написал, что с висячих настилов летели вниз не только повозки и тачки, но и люди. Их изуродованные тела поднимали потом в тех же больших кожаных мешках, в которых из каждой ямы доставляли наверх породу. Чаще это была участь черных рабочих, выполнявших самую тяжелую работу, — старатели нередко нанимали их, оставляя за собой только роль надсмотрщиков. Но гибли и белые.

Алмазную лихорадку в Южной Африке мы представляем далеко не так отчетливо, как золотую в Клондайке или Калифорнии. Из среды южноафриканских старателей не вышло Джека Лондона и Брет Гарта. Но бретгартовский «Ревущий стан» и джеклондонская «Страна Белого Безмолвия» в какой-то мере дают представление о том, как оно было в Кимберли.

Жара. Сушь. Нет свежих продуктов, не хватает самого необходимого. Страшная дороговизна — из-за дальности и трудности пути. Цены в Кимберли во много раз выше, чем в Кейптауне. Недостаток питьевой воды. Эпидемии.

Как найти хороший участок? И как защитить его? Постоянное нервное напряжение, мгновенная смена взрывов радости и отчаяния. Убийства. Самоубийства. Смерть — не событие, а будни. Болезни, даже самые страшные, — ничто. Мысли людей занимает одно — алмазы.

Ямы становятся все глубже и глубже, переборки между ними истончаются, обвалы происходят все ча-

ше. Сам холм с каждым днем уменьшается, стесывается тысячами лопат.

Усилиями старателей на месте холма Колсберг со временем возникло самое большое искусственное углубление в земной коре. Его назвали Большой ямой. Место это до сих пор привлекает множество туристов.

Кажется, Родс предвидел такой оборот событий. «Когда-нибудь на месте этого холма я увижу большой водоем», — писал он. Один из его биографов, цитируя эти слова, добавил: «Вряд ли он понимал, что, когда такое время наступит, именно ему, Сесилию Родсу, и будет принадлежать все это»⁸.

Но как же это случилось? Включиться в число старателей — стать одним из десятков тысяч человеческих существ, копошившихся в этом муравейнике, — разве это уже все? Десятилетний молодой человек без опыта старательского дела, да в сущности и вообще без серьезного жизненного опыта...

В самое ответственное время — на первых порах — Сесиль Родс оказался предоставлен самому себе. Уже через две недели после приезда на прински он остался один: Герберт надолго уехал — сперва в Наталь, а оттуда в Англию. А ведь среди конкурентов Сесилия были люди с опытом принского дела.

Так как же все-таки он разбогател? В чем состоял, как сказали бы сейчас, феномен Сесилия Родса?

Карьера кипплинговского героя

Тайну таких быстрых обогащений, механизм их возникновения не всегда легко понять. Не потому ли так широко бытовали в Америке легенды о мальчишках — чистильщиках сапог или разносчиках газет, вот так вот, вдруг становившихся миллионерами. Конечно, прозе всего объяснить дело слепой удачей — a little bit of luck, как говорят англичане.

Веселый бог Удачи
Умножил мой доход.

Вскоре же по приезде на копи Родс писал своей матери: «В субботу я нашел 17 ⁵/₈ каратов... я надеюсь получить за них сто фунтов... Вчера я нашел отличный камень в три с половиной карата... продал за тридцать фунтов... В среднем я нахожу тридцать каратов в неделю». Очень скоро он стал приобретать участки для самого себя, не удовлетворяясь теми, что уже имелись

у старшего брата. Когда Родсу было восемнадцать с половиной лет, его участки оценивались в пять тысяч фунтов.

Так что удачи и правда были. Неудачником, во всяком случае в денежных делах, Родса не назовешь. Но разве этим все исчерпывается?

Прежде всего надо сказать, что Родс с самого появления своего на алмазных копях не входил в число беднейших старателей. Нужды он не знал. Ему не приходилось думать, что он будет есть завтра и будет ли у него крыша над головой. Потерпев неудачу на Юге Африки, он всегда мог вернуться в Англию и жить там если и не особенно богато, то все же обеспеченно. Так что на прииски Родс отправился не от нужды, как многие другие, а в погоне за богатством.

Мы не знаем, с какой суммы он начинал: сколько дал ему отец, отправляя в дорогу, сколько он заработал в Натале продажей хлопка. Знаем только, что он получил две тысячи фунтов от тети Софи, сестры своей матери. Но даже эта сумма — только часть его достояния, — разве она так уж мала? По тогдашнему пересчету это двадцать тысяч рублей. Многие из тех, кто разбогател в пору алмазной горячки, начинали с неизмеримо меньшего.

Братья Родсы были среди тех весьма немногочисленных старателей, которые владели целыми, неподделанными участками. Большинству это было не по средствам.

Старший брат при всей своей непоседливости, а может быть, именно благодаря ей оказал-таки Родсу услугу. Он поспел на копи одним из первых. А потом надолго и часто уезжал с копей. То его манили слухи о золоте, найденном где-то в глубине континента, то он продавал оружие африканским вождям, вплоть до португальской пушки. За это португальцы посадили его в тюрьму в Лоренсу-Маркише... И как когда-то доверил младшему брату ферму, так доверял ему и работу на своих участках, а это была хорошая школа. В 1873-м Герберт уехал совсем и продал Сесилию участки. Еще через несколько лет, забравшись далеко в глубь Африки, он погиб где-то у озера Ньяса. Как принято считать, сгорел в своей хижине во время пожара из-за взрыва бочонка рома. Смерть искателя приключений.

Итак, Сесиль уже в 1873-м стал полновластным хозяином нескольких неподделанных участков. И у него были деньги. Но и это еще не разгадка тайны его обо-

гащения. Чтобы приумножить этот капитал, нужно было обладать определенными свойствами характера. И Родс ими обладал. Прежде всего его отличала целеустремленность, поражавшая всех, кто его знал и в юности, и в зрелые годы. И еще способность быстро ориентироваться в сложной обстановке (потом она, бывало, изменяла ему, но в молодости, в решающие годы жизни, кажется, действовала безотказно).

Довольно рано появилось у Родса и умение точно оценивать конъюнктуру рынка. Было у него и стремление все время искать новые пути для решения своих задач. Даже чисто технические средства. К изумлению других старателей, он то привозил издалека паровую машину, то покупал насос для выкачивания воды из копей, то вдруг загорался новой идеей. Производством льда, например. Родс даже организовал его продажу на приисках. Неудавшиеся начинания он забрасывал, а те, что помогали увеличивать прибыль, развивал дальше.

У Родса рано проявился талант, который считают залогом успеха предпринимателей и менеджеров. Это — умение находить нужных людей, привлекать их к себе и использовать. Родс говорил, что каждый человек имеет свою цену. Разбогатев, он начал покупать нужных ему людей. Поначалу таких возможностей у него не было, приходилось уговаривать, объяснять, сколь радужны перспективы сотрудничества, пускать в ход лесть...

Так он сумел найти незаменимого компаньона. Чарлз Радд был опытнее Родса, на девять лет старше, имел отличное образование — окончил Харроу и Кембридж, умело вел дела и обладал средствами. Одним словом, он стал для Родса тем же, чем Мак-Кулло — для киплингского Энтони Глостера. И Родс так же сумел выжать все из своего компаньона, подмял его под себя, заставил служить своим целям.

На алмазных копях Родс столкнулся с самыми разными людьми. Сколько оттенков кожи, сколько социальных типов, характеров! Он постигал там сложную науку — управлять. В первую очередь африканцами, теми, кто составлял основную человеческую массу на громадном материке, где ему предстояло прожить свою жизнь. Конечно, Родсу чем-то помог опыт, приобретенный в Натале, на той хлопковой плантации. Но этот опыт был невелик.

В сущности только тут Родс увидел, сколь многолико население Южной Африки. Там, в Натале, он стал-

кивался только со своими соотечественниками — англичанами, а из коренного населения — только с зулусами, это был их край. Представителей других африканских народов там почти не было. А тут, в Кимберли, кого только не увидишь. «...Бушмены, готтентоты, гриква, ботлапир, дамара, баролонг, барутсе, бакетле, баквена, бамангвута, бапеди, магалака, батсвела, баганана, басуту, магвата, мазулу, масвази, матсветства, матонга, матебеле, мабаса, мампопо, мампенгу, батембу, макоса и многие другие», — писал тогда из Кимберли священник-африканец Гвайи Чамзаше. Европейцы обычно всех их именovali «кафрами» — «неверными», как их прозвали когда-то арабы. На самом деле это была разноязыкая, пестрая масса.

На алмазных копях, может быть, впервые в истории Африки со времени строительства египетских пирамид встретились в общем труде представители такого множества народов. К этим событиям восходят истоки промышленной революции на Юге Африки. Это был и первый шаг к созданию африканского пролетариата. Там, в Кимберли, в 1882 году произошла и забастовка рабочих-африканцев, может быть, первая на всем континенте.

Вавилонское столпотворение алмазных копей жило по законам джунглей. Межплеменная вражда, драки «ветеранов» с вновь прибывающими... К тому же африканцы видели жизнь белых старателей — с пьянством, поножовщиной, воровством.

Принудительный труд в Кимберли еще не был введен. Как его введешь, когда многие народы по соседству еще независимы, не «покорены». Зачем же тогда шли африканцы на копи? Из уже завоеванных европейцами областей — за деньгами для уплаты налога. Из племен, еще сохранявших независимость, — чтобы купить оружие для борьбы. Гвайи Чамзаше в другой своей статье — «Туземец на алмазных копиях» — писал: «У тех, кто приходил из далеких глубинных районов, была одна-единственная цель — добыть ружья. Они оставались здесь не дольше, чем это нужно было, чтобы заработать шесть или семь фунтов стерлингов для покупки ружья. Поэтому вы каждый день видите, как сотни людей покидают район алмазных россыпей и столько же других приходят сюда с севера».

Как тут управлять рабочими-африканцами? Не понравится им что-то — они просто уйдут! Но Родс справлялся — на зависть другим старателям.

В такой жизненной школе начинал он свой путь. Путь, образно показанный Киплингом в поэме «Мэри Глостер». Но прошло еще немало времени, прежде чем о Родсе можно было сказать, как о герое этой поэмы, — «один из властителей рынка».

Парадокс?

Может быть, это парадоксально, но Родса подгоняли, делали целеустремленнее его болезни. И то, что сегодня называют комплексами.

В 1872 году у него был первый острый сердечный приступ. На следующий год, впервые вернувшись из Южной Африки в Англию, он выслушал приговор: врач решил, что ему осталось жить не больше шести месяцев. Родсу было тогда двадцать лет.

Он попытался убедить себя, что у его болезни есть и хорошая сторона.

— Во всяком случае, — говорил он, — от сердца умираешь опрятно и быстро. Тут нет ничего омерзительного. Это ведь опрятная смерть, не правда ли?

Наверно, и в наши дни, когда болезни сердца уносят человеческих жизней больше, чем все другие, кто-то из обреченных пытается утешить себя так же.

Родс дожил до сорока восьми. Но «миг расставания, час платежа» оказался для него мучительным и совсем не мгновенным. Смерти предшествовали недели удушья.

А сердечные приступы, которые преследовали его всю жизнь?

И главное, ведь предсказание ранней смерти никак не забудешь. Вряд ли хоть ненадолго сможешь отделаться от чувства обреченности, от сознания, что времени отмерено мало. Разве может это не сказаться на всем поведении, на характере? Одних оно доводит до состояния оцепенения, и они с остекленевшими от ужаса глазами ждут приближения смерти. Других, как и Родса, наоборот, толкает вперед, заставляет лихорадочно выполнять свои замыслы любимыми средствами.

Льюис Мичел, биограф Родса, вскользь упомянул, что его мучили кошмары. Однажды друзья обнаружили, что дверь его дома изнутри забаррикадирована тяжелой мебелью. Потом Родс, «помертвев от ужаса», уверял их, что ему явилось привидение. Мичел объяснил страхи своего героя тем, что первые его были расшатаны сердечными приступами.

Конечно, с годами у Родса накопилось много причин для кошмарных видений и помимо болезни сердца. Но, видимо, прав и Мичел — сказались и приступы, и вечное ожидание скорой смерти.

Были в поведении Родса и другие странности. Все, кто его знал, говорили, что даже в юности он «не проявлял интереса к девушкам». Он никогда не был женат. Никто из современников не помнит и его связей. Были женщины, которые, подобно польской княгине Екатерине Радзивилл, стремились расположить его к себе, но всех их постигла неудача. Даже в чопорной викторианской Англии никто не бросил Родсу упрека в «безнравственности». Из девяти его братьев и сестер только двое, сводная сестра и один из братьев, создали свои семьи. «Не странно ли, что в этой семье столь многие не вступили в брак, и не заслуживает ли это внимания исследователей?» — так осторожно коснулся этой темы другой биограф Родса почти полвека назад⁹.

Когда-то, кажется, совсем еще недавно, историки избегали писать об интимных сторонах жизни своих героев. Должно быть, это считалось чем-то недостойным. Не отголоски ли это викторианской чопорности? Даже у нас академик Тарле в своем «Наполеоне» в сущности отказался уделить сколько-либо значительное внимание этой теме. Он ограничился несколькими фразами в начале книги, в первой главе, прямо так и сказав: «...чтобы уже покончить с этим вопросом и больше к нему не возвращаться». Почему? Е. В. Тарле объяснил так: «Никто вообще из женщин, с которыми на своем веку интимно сближался Наполеон, никогда сколько-нибудь заметного влияния на него не только не имели, но и не домогались...»¹⁰.

Никто... Никогда... Даже сколько-нибудь... Такая категоричность редко бывает верной. И как поверить, что эта сфера жизни, столь важная почти для каждого, была наглухо отрезана от всех остальных! Бывает такое? И разве влияют на нас только те, чье влияние мы сознаем сами?

Но даже если поверить, что так оно и было и что действительно никто из женщин влияния на Наполеона не оказал. Разве не характеризует его личность уже то, каких женщин он выбирал? Так что «покончить с этим вопросом и больше к нему не возвращаться» — вряд ли лучший метод исследования.

Зато теперь в зарубежной литературе физиологическими особенностями, их влиянием на сознание и под-

сознание, на развитие и становление личности часто объясняют не только характер, но и самые различные перипетии жизни человека. Этот подход стал настолько модным, что псевдофрейдистскими домыслами нередко подменяют многогранные оценки тех, чьи имена сохранила для нас история. Вероятно, наступит время, когда серьезная, продуманная оценка скрытой стороны жизни станет неотъемлемой частью анализа каждой исторической личности. Но сейчас нередко еще оперируют лишь догадками.

Среди биографов Сесилия Родса лишь один без обиняков утверждает, что его герой был гомосексуалистом¹¹. Большинство же сошлось на мнении, что Родс во всяком случае не проявлял никакого интереса к другому полу и вообще к той стороне жизни, которая занимала такое большое место в помыслах молодых старателей.

Изучая тогдашнюю жизнь в Кимберли, французский историк¹² нарисовал такую красочную сценку.

...Поначалу в лагерях старателей вообще не было ни одной белой женщины. Но зато когда они появились!.. Первую встречали как королеву, как божество. Огромная толпа аплодировала ей, люди влезали на повозки, на кучи мусора, чтобы получше разглядеть ее. Потом женщин стало больше, и все же они еще долго оставались для старателей малодоступными, но бесконечно желанными. Когда в Кимберли начали открываться бары и гостиницы, их посетители и обитатели высыпали на улицу поглазеть на каждую опрятно одетую женщину, проходившую мимо.

Как-то в Кимберли появилась белокурая красотка. Каждому, кто изъявил желание с ней познакомиться, она говорила: «Вы можете повидать меня вечером в баре Грейбиттеля». Новость быстро распространилась среди старателей, и вечером бар был набит битком. Увидев такое, даже сама красотка растерялась. Кто-то находчивый предложил решить дело аукционом. Героиню водрузили на ящики с шампанским. И начался торг.

- Пять фунтов и ящик шампанского!
- Шесть фунтов и бочонок бренди!
- Десять фунтов!
- Двенадцать фунтов!
- Двадцать фунтов и два ящика шампанского!

Последнее слово осталось за старателем, который, потрясая над головой пачкой банкнот, закричал:

— Двадцать пять фунтов и три ящика шампанского!

По тем временам это было немало. Остальные отступились. Но победителя не оставили в покое. Его проводили всей толпой до палатки и устроили вокруг нее невозможный гам...

Молодые, здоровые парни, ринувшись сюда со всех концов света, они, конечно, давали себе тысячу зарков ни на что не отвлекаться от цели, ради которой бросили родной край и своих близких, проделали такой долгий и мучительный путь и теперь с утра до ночи, не видя света божьего, копошатся в ямах этого ада. Клялись, стиснув зубы, до изнеможения рыть в этой земле, чтобы поскорее разбогатеть и выбраться из проклятого места.

И все-таки, как бы тяжело им не приходилось, молодая плоть брала свое.

...А Сесиль Родс, что бы ни было тому причиной, не тратил так ни сил, ни денег, ни времени.

«Даже если бы толпы самых восхитительных женщин шли по улице, я сомневаюсь, чтобы он потрудился выйти поглядеть на них», — писал современник, хорошо знавший его в те годы.

Трудно сказать, что он чувствовал. Но внешне всегда или почти всегда оставался холоден, расчетлив, трезв. Казалось, ничто не отвлекало его от главной цели. Казалось, деньги, давая власть над людьми, заменяли ему успех у женщин, тепло семейного очага. Казалось... Так ли это было на самом деле?

На больших трагедиях мелких старателей

1873 год. Для скольких людей на земле он стал трагедией всей жизни!

Началась «великая депрессия», мировой экономический кризис. В середине 1873-го произошел крах австрийской биржи, затем банкротства самых, казалось бы, уважаемых фирм и банков в Лондоне, Глазго, Эдинбурге, Нью-Йорке, Чикаго...

Кому было до бриллиантов в том рушившемся мире? Старатели сразу ощутили это на своей судьбе. Большинство кризис принес разорение, крах. Отсутствие контроля над добычей и сбытом неизбежно вело к падению цен. К тому же верхние слои грунта в копиях были уже выработаны, приходилось идти вглубь, а это требовало больших затрат.

Вольное старательство с бесчисленными крошечными участками было обречено, хотя большинство старателей и не подозревали об этом. Неумолимо надвигались другие времена, приходили другие люди, другие нравы. Кризис, начавшийся в 1873-м, резко ускорил процесс концентрации производства, приблизил и усугубил трагедии мелких старателей.

...Совсем еще недавно, в конце 1869-го или в 1870-м, отправлялись эти люди на юг Африки из Англии, Америки или Австралии. Они были полны радужных надежд, они верили в свою звезду и в свои силы. И мир столько обещал...

Когда мир молод, Джеки,
Шумит зеленый лес,
И все девчонки, Джеки,
Похожи на принцесс,

Коня потребуй, Джеки,
И сапоги надень,
Крону наша бродит, Джеки,
И ждет тебя твой день.

И вот прошло три года. Всего только три! Но словно вся жизнь позади. Кто-то разбогател, конечно, но большинство, пройдя чересполосицу успехов и неудач, потеряли и то немногое, что привезли с собой. Надежды сменились безнадежностью, уверенность и воля — усталостью и опустошенностью.

За эти три года люди растратили свой запас жизненных сил. Их звездный час так и не наступил. Уезжали больными и разбитыми.

Когда мир старый, Джеки,
Молчаньем лес обьят,
Стоят колеса, Джеки,
И солщца ты не рад,

Плетись домой, найди того,
Кто стар, как ты, и хил,
Бог даст, найдешь и ту, кого
Ты смолоду любил.

Тогдашнее стихотворение — оно было как будто о них.

Те, кто возвращался домой, были еще не самыми обездоленными. Ведь для того чтобы выбраться отсюда, тоже нужны были деньги, и — увы! — немалые. И многие оставались — побежденными, униженными, никому не нужными, нищими.

Кому-то повезло, посчастливилось сменить профессию, как канадцу Малькольму Тилу, незадачливому старателю. Оставшись в Южной Африке, он стал потом ее первым крупным историком. Но если такое не удалось, а денег для возвращения на родину взять неоткуда — нанимайся к тем, кто еще вчера был тебе ровней. Хотя бы к этому двадцатилетнему юнцу — Сесилию Родсу.

Люди продавали свои участки за бесценок, Родс вместе со своим компаньоном Раддом скупал.

За эти три года он изменился. Плечи его опустились, он немного ссутулился, длинные руки висели как-то неуклюже, лицо похудело, походка стала тяжелой, негибкой. Во взгляде чувствовались — пока еще слегка — властность и жестокость. В годину, роковую для старателей, он обрел себя, оказался на гребне волны.

В конце 1872 года его капитал составлял пять тысяч фунтов, к августу — сентябрю 1873-го удвоился, а затем удваивался снова и снова. Если сначала Родс зарабатывал на конях, как он писал матери, сто фунтов стерлингов в неделю, то теперь игра пошла крупнее и ставки стали много выше. Погоня за максимальной добычей на каждом участке сменилась спекулятивным бумом. Скупка участков превратилась в борьбу за выживание.

В новых условиях надо было понимать, каким-то особым чувством улавливать законы капиталистического производства и мирового рынка, те законы, о существовании которых простые старатели даже не подозревали. Родс тоже поначалу не был особенно в них искушен.

Не сразу ощутил себя как рыба в воде во все усложняющихся спекуляциях, среди комбинаторов, каждый из которых стремился перехитрить, обойти других. Но он быстро учился. Изю всех сил старался понять механику биржевой игры, привлечь к себе сведущих людей, использовать их знания. Многие дали ему, во многом помогли разобраться и неоднократные поездки на родину, в Англию, знакомство с лондонским Сити.

В нем все резче обнажался предприниматель крупного масштаба — с умением проводить большие спекуляции, идти на рискованные сделки, с обостренной интуицией во всем, что может дать прибыль. Беспощадный к слабым соперникам и готовый к компромиссу с теми, кого не удалось одолеть.

Главным делом Родса и Радда с 1873-го стала «амальгамация» — скупка и объединение в своих руках множества мелких участков. Поначалу они занимались «амальгамацией» не в масштабах всей алмазоносной территории, а сконцентрировали свои интересы в районе бурской фермы Де Беерс. Да и там далеко не сразу стали полновластными хозяевами. Что им действитель-

но удалось, так это объединение всех здешних старателей в единой акционерной компании.

Первого апреля 1880 года было провозглашено создание компании алмазных копей Де Бесрс дайамонд майнинг компани, в просторечии — Де Беерс, с объявленным капиталом в двадцать тысяч фунтов. Доля Родса в этом капитале была не настолько велика, чтобы только ею объяснить то положение, которое он с самого начала занял в компании. Видно, снова помогли предпринимательские таланты. Благодаря им Родс получил важный пост — стал секретарем компании, а это означало, что он сосредоточил в своих руках немалую власть.

1882 год — во многом повторение 1873-го. Новый мировой экономический кризис. На алмазных коях — удар по тем немногим мелким владельцам, которым повезло пережить прежние трудности. Теперь им было еще труднее. На месте холма Колсберг образовалась огромная яма, впадина глубиной в триста футов. Да и в других районах работать надо было на такой глубине, что без дорогостоящей механизации и без откачки воды обойтись стало невозможно. Эффективность работ снижалась. Когда почти через сто лет, в 1970-м, промыли старые отвалы, то нашли 215 тысяч каратов алмазов.

У мелких старателей не было ни денег, ни техники. Вот и не выдерживали они натиска компаний. Опять крах за крахом. Компании получили возможность новых «амальгамаций». К концу 1885-го на том месте, где первоначально было 3600 участков, осталось уже только 98 владельцев. Но и эта цифра не дает верного представления о том, как далеко зашел процесс концентрации. Дело в том, что из 98 владельцев во всех четырех районах добычи алмазов — Колсберг-Кимберли, Де Беерс, Булфонтейн и Дютойтспан — 67 имели участки в двух последних районах, менее значительных. В Кимберли осталось всего девятнадцать владельцев, в районе Де Беерс — десять.

Деньги к деньгам. Капитал Де Беерс к 1885 году достиг 842 тысяч фунтов. Рос капитал, росло и влияние Родса. С 1883 года он был уже не секретарем Де Бесрс, а ее президентом. В свои тридцать лет он стал богатым и влиятельным в одной из самых многообещающих сфер мирового бизнеса тех лет. В 1885-м он говорил, что его ежегодный доход — пятьдесят тысяч фунтов.

Но это было только началом. Его амбиции шли намного дальше.

ПУТЬ В ПОЛИТИКУ

конец семидесятых Родс в «Символе веры» и в завещании формулирует свои политические взгляды. Но, может быть, эти писания, пусть не наивные и не «ребяческие», были все же идеями чудака-одиночки, эдакого доморожденного философа с далеких алмазных копей, оторвавшегося от активной политической жизни столицы и одержимого манией величия?

В том-то и дело, что из англичан на юге Африки в те годы редко кто так часто дышал воздухом своей родины, как Сесиль Родс. Редко кто имел возможность так внимательно присматриваться и прислушиваться к тому, что там происходило.

Несмотря на дальность и трудности пути, Родс бывал в Англии чуть ли не каждый год. Он не просто приезжал, а жил там, и подолгу. И не где-нибудь, а в Оксфорде и в Лондоне — там, где новейшие веяния времени ощущались раньше и острее всего.

Оксфорд — не сам по себе, конечно, а вместе с теми перспективами, которые он открывал, — был у Родса одной из самых навязчивых идей. И стоило ему накопить денег, как он бросился осуществлять заветную мечту.

Оксфорд — не сам по себе, конечно, а вместе с теми перспективами, которые он открывал, — был у Родса одной из самых навязчивых идей. И стоило ему накопить денег, как он бросился осуществлять заветную мечту.

Он отправился в Англию в середине 1873-го, а в октябре был зачислен студентом Оксфорда. Правда, не в колледж, который назывался «университетским», — там его знания греческого и латыни оказались недостаточными. Родса приняли в другой, но тоже весьма известный колледж — Ориел, где ректором был родственник одного из его друзей по Наталю и алмазным копиям. После рождества Родс бросил учебу и вернулся в Южную Африку. Открывшиеся там с началом мирового кризиса богатые возможности для «амальгамации» заставили Родса временно пожертвовать дипломом.

Зато 1876-й и 1877-й провел в основном в Оксфорде, приезжая на алмазные копи только в большие каникулы. Своему компаньону Радду он помогал советами

в письмах и информацией о положении на бирже. Почти так же прошел и 1878-й. Степень бакалавра искусств Родс получил в декабре 1881-го, пробыв студентом больше восьми лет.

В Оксфорде ему было не очень легко. Трудно снова привыкать к учебе после совсем иной жизни. К тому же, попав туда, он скорее всего чувствовал себя чужеродным телом. Англичанин Феликс Гросс, автор книги «Родс Африканский», пишет, что Сесиль, стоя на более низкой ступени социальной лестницы и стараясь проинкнуть в «когорту джентльменов», похвалялся своими африканскими приключениями и картинным жестом швырял на стол алмазы. А если это не производило впечатления, щеголял цинизмом, пренебрежительными высказываниями о людях, человечестве, религии.

Чтобы быть ближе к «золотой молодежи», Родс и вступил в Оксфорде в масонский орден, стал «братом Родсом». Документ оксфордской университетской ложи этого ордена сохранился в его архиве. Там сказано, что Родс прошел обряд посвящения, установленный Великим верховным советом, и что казначеем ложи «получено от брата С. Дж. Родса 5 фунтов 10 шиллингов» в качестве «пожизненного взноса».

Другой биограф считает, правда, что Родс в официальной иерархии занимал то же место, что и его соученики, ведь его отец окончил Кембридж, а братья были офицерами.

Но, должно быть, разница в социальном положении все-таки существовала. Она давала о себе знать, и весьма чувствительно. У Родса, во всяком случае поначалу, не было ни связей, ни положения, да и капитал пришел не сразу. Разве могла считать его ровней «золотая молодежь» самого привилегированного университета — околосветская, светская, а нередко и титулованная.

И все же, сколько бы неприятных минут ни доставила Родсу собственная приниженность в университетские годы, от Оксфорда он получил очень много.

Не научных знаний, нет. Даже на страницах «Таймса» один из его современников вспоминал, что в Оксфорде Родс не слишком увлекался чтением. А когда ему делали внушения за отсутствие на лекциях, он повторял:

— «Удовлетворительно» мне поставят, а больше и не надо!

Что же тогда получил он от Оксфорда? Кроме, разумеется, степени бакалавра? Как раз то, что поначалу

было самым трудным и неприятным, — общение со светской молодежью, такой высокомерной и пренебрежительной.

Притягательная сила Оксфорда была настолько велика, что туда тянулась знать из самых разных стран. Оксфордскую выучку прошло немало и российских аристократов. В начале нашего столетия там учился, например, один из самых богатых русских дворян — князь Феликс Юсупов, женатый потом на племяннице Николая II и получивший известность участием в убийстве Распутина.

Родс, верно, встретил в Оксфорде интереснейших иностранцев. Но гораздо важнее были для него, конечно, его соотечественники, английская знать. Те, кто готовился управлять Британской империей, те, кого готовили к этому по праву рождения. Им были знакомы все коридоры власти, они были вхожи во все ведомства и, что еще важнее, в частные дома, где творилась «большая политика». Они, как губка, впитывали настроение верхов и приносили его в Оксфорд.

В Оксфорде читали лекции самые известные люди тогдашней Англии, с университетских кафедр впервые звучали новейшие теории и идеи. Здесь читали и спорили о самых шумевших книгах (собственно, здесь-то они зачастую и становились шумевшими). Сюда доходили мнения из самых разных сфер. Здесь можно было явственнее ощутить подземные толчки, предвестники новых общественных разломов и сдвигов.

Знамение времени

Да, именно здесь, среди других избранных, Родс одним из первых улавливал гул приближающейся борьбы за колониальный раздел мира. Гул этот был еще не столь громогласен, как в конце восьмидесятих годов и тем более в девяностых, но звучал все явственнее — и в политике, и в общественной жизни.

Правительство и не догадывалось о планах и завещаниях безвестного человека по имени Сесиль Родс, но тем не менее исправно их выполняло. В 1876 году премьер-министр Дизраэли провозгласил королеву Викторию «императрицей Индии». Через год после того, как Родс начертал «Символ веры» и завещание, Англия захватила Кипр, а вскоре затем — многие «лакомые» области Африки и Азии.

В 1878-м, во время русско-турецкой войны, с под-

мостков лондонского мюзик-холла гремела песня, от которой публика приходила в неистовство. Не столько даже от слов «русские не получают Константинополя!», сколько от припева: Мы не хотим войны, но если уж придется воевать, то именем Джинго.

Нам хватит людей,
и кораблей,
И денег,
— чтоб воевать!

Словечко «Джинго» было придумано когда-то, чтобы не помянуть ни бога, ни дьявола, не божиться и не чертыхаться. А песня настолько стала символом английского шовинизма, что с тех-то пор его и называют джингоизмом.

В 1870-м перед студентами Оксфорда выступил Джон Рёскин. Он говорил не о своих известных всей Европе трудах по искусству и эстетике, а в духе времени — о величии английской нации. Он напоминал слушателям об их «нордической крови», об умении британцев «непоколебимо повелевать и великодушно подчиняться», о том, что им уготована судьба, которой не удостоился еще ни один народ.

Каков же путь к такому величию? Силами своих «самых энергичных и самых достойных людей» Англия «должна как можно скорее приобретать колонии, захватывать каждый клочок полезной незанятой территории и там внушать своим поселенцам, что главное для них — это верность родине и что их первейшая цель — распространение могущества Англии на земле и на море; и что они, хотя и живут на далёком краю земли, должны помнить, что они принадлежат ей, как моряки, посланные на ее кораблях в далекие моря. Если уж мы в состоянии набрать солдат... которые из любви к Англии не страшатся пушек, мы найдем и тех, кто станет для нее пахать и сеять, кто ради нее будет добрым и справедливым и воспитает своих детей в духе любви к ней»¹.

Под этими влияниями Родс писал в свои оксфордские годы и «Символ веры» и первое политическое завещание.

Мы люди практичные

— Мы, люди практичные, должны завершить то, что пытались сделать Александр, Камбиз и Наполеон, — говорил Родс. Иными словами, «мы, практичные люди»,

должны объединить весь мир под одним господством. Не удалось это македонцам, персам, французам. Сделаем мы — британцы.

Значит, сам-то Родс считал себя реалистом в политике. И был тут, конечно, прав. Видно, знал себя лучше, чем некоторые его биографы, считавшие своего героя прежде всего мечтателем.

В начале восьмидесятых он еще только вступает на политическую арену. Но и тогда уже в его действиях виден трезвый расчет.

В начале 1880-го он стал членом парламента Капской колонии. Колония имела статут самоуправляющейся, и этот ее парламент обладал довольно широкими правами в решении местных дел. В парламент Родс попал благодаря тому, что район алмазных копей получил там шесть мест. Выборы были открытыми, подкуп избирателей тоже велся вполне открыто. Двадцатисемилетний Родс был к тому времени человеком достаточно богатым и на косях достаточно влиятельным. В ноябре 1880-го он баллотировался в избирательном округе Беркли Уэст и был избран. Депутатом от этого округа он оставался до самой смерти, больше двадцати лет.

Свое место в капском парламенте он занял в апреле 1881-го. Коллегам-депутатам он показался личностью весьма экстравагантной. Категорически отказавшись надеть черный костюм и цилиндр, он заявил:

— Я одет еще по-оксфордски, но думаю, что могу в этом одеянии заниматься законодательством ничуть не хуже, чем в черном.

Потом Родс появлялся в парламенте, как и всюду, в своих неизменных хлопчатобумажных довольно мятых брюках. Привычную парламентскую процедуру он нарушал и тем, что в речах поминал депутатов прямо по имени, а не по названию избирательного округа, как это принято в самой Англии и во всех ее владениях.

Красноречием Родс в парламенте не прославился. Зато выделился другим: видно было, что он знал, чего хочет. И всегда подчеркивал это, бросая вызов своим оппонентам.

Родс увлекался яхтой — на просторах Столового залива, у подножия Кейптауна, было где погоняться. Так вот, в одной из речей о своих противниках, «почтенных депутатах», он сказал:

— Хотя они и имеют хорошо оснащенные яхты, но

я осмелюсь бросить им вызов и заявить, что они не знают, к какой пристани плывут.

Себя же он сравнил с маленькой яхтой, которая имеет четкую цель.

Участие в работе капского парламента открыло перед Родсом широкие возможности. Как парламентарий, он приобрел большой вес в решении дел колонии. Его связи уже не ограничивались алмазными копиями. Постепенно, в течение нескольких лет, он сумел обзавестись влиятельными союзниками. Сблизился с людьми, занимавшими ключевые посты, такими, как имперский секретарь и личный секретарь британского наместника на Юге Африки сэра Геркулеса Робинсона. И сам Робинсон (официально его пост именовался — губернатор Капской колонии и верховный комиссар Южной Африки) тоже заинтересовался молодым человеком с такими широкими замыслами. Позже он стал поддерживать Родса буквально во всем.

Кроме губернатора в Кейптауне было и свое правительство во главе с премьер-министром. Родс близко познакомился с капскими политиками. Чтобы оказывать влияние на здешнюю политическую жизнь, он купил акции «Кейп аргус», одной из ведущих кейптаунских газет.

Одним словом, Родс с самого начала показал себя прагматиком в политике и, пусть не без промахов и провалов (у кого их не бывало), сумел быстро стать своим человеком в политических сферах Кейптауна.

Одно время — в 1882—1884 годах — он подумывал, не стоит ли стать членом британского парламента от консервативной партии. Импералистические планы консерваторов были ему очень близки. Еще раньше, в оксфордские годы, он вместе с четырьмя своими единомышленниками написал Дизраэли письмо с предложениями о расширении Британской империи.

В 1885-м, когда и в политике либералов отчетливо проявились имперские тенденции, Родс всерьез задумался, не стоит ли ему баллотироваться в английский парламента от либеральной партии. Но потом решил, что делить свое время между Южной Африкой и Англией, как это было в оксфордские времена, ему может оказаться пока не по силам. И занялся южноафриканскими делами.

Главным из этих дел многие английские политики считали тогда «бурскую проблему». Буры составляли большинство белого населения Капской колонии и всей

Южной Африки. А их независимые республики преграждали путь английской экспансии. Буквально накануне появления Родса в парламенте всю «белую» Южную Африку всколыхнула первая англо-бурская война.

Английские власти, не сумев добиться от бурских республик согласия на «объединение», «федерацию» со своими колониями, в апреле 1877 года ввели войска в столицу Трансвааля Преторию, которая в те времена была маленьким поселком. Войск было не слишком много — двадцать пять солдат, но и их оказалось достаточно, чтобы поднять «Юнион Джек» и объявить Трансвааль аннексированным.

Трансваальские буры, жившие на фермах, разбросанных по обширной стране, не сразу узнали и тем более не сразу осознали свершившееся. Регулярной армии у республики не было. Фермеры должны были сами решать, как действовать.

Они собирались группами на просторах вельда — южноафриканской степи — и, мрачно посасывая свои длинные трубки, неторопливо обсуждали положение. Весьма неторопливо. Больше трех с половиной лет. Вспоминали свое первородство в «белой» Южной Африке, появление англичан и их непрестанные козни. Искали ответов в Библии, единственной книге, которую они привыкли читать.

В декабре 1880-го они наконец поднялись, выгнали англичан из страны и даже вторглись в британский Наталь. Завершило войну сражение на холме Маджуба 27 февраля 1881 года. Собственно, это трудно даже назвать сражением. Большой английский отряд во главе с генералом, ничего не подозревая, шел по дороге. Буры залегли по обочинам, и каждый взял на прицел офицера или солдата. Все было кончено в несколько минут. С тех пор и пошла по всему миру молва о бурах как о прекрасных стрелках.

Легко представить себе, какой накал страстей это вызвало в соседней Капской колонии, какой взрыв национализма среди тамошнего бурского населения.

Конечно, интересы буров, оставшихся в Капской колонии, не могли во всем совпадать с интересами их собратьев, тех, кто еще в тридцатые годы не захотел мириться с английским господством, ушел далеко на север и потом основал Трансвааль и Оранжевую. Но все же общность исторических судеб и неприязнь к англичанам объединяли их. Поэтому битва при Маджубе и последовавшее за ней восстановление независимости

Трансвааля вдохновили и их и сделали несговорчивыми.

В среде капских буров выдвинулись свои вожди. Наиболее популярным из них стал Ян Хофмейер. Буры называли его «пап Ян». Он был членом капского парламента, издавал самую крупную бурскую газету «Зюйд-Африкаан» и основал в 1878 году Союз защиты фермеров. А с созданием в 1879 году первой крупной бурской политической партии — Африканер Бонд — Хофмейер уже через три года стал ее лидером. Одним словом, он был символом пробуждавшегося национализма капских буров, целиком связывавших себя не со своей прародиной — Голландией, а с Африкой. Подчеркивая эту связь, они все чаще называли себя африканерами, то есть африканцами, белыми африканцами, хотя в ходу были еще и старые названия — «голландцы» и «буры» (по-голландски — крестьяне, фермеры).

Родсу все это было в новинку. В первое десятилетие своей южноафриканской жизни он не так уж часто сталкивался с бурами. В Натале их было мало, а на алмазных копях — и того меньше. Жили они лишь на окрестных фермах. Так что на выборах и в начале своей парламентской деятельности Родсу пришлось в новых и непривычных условиях определить линию поведения по отношению к бурам. Ему впервые пришлось решать сложный политический вопрос, да и вообще впервые выступить на поприще реальной политики.

Как же он повел себя?

Он не стал навязывать Хофмейеру и его единомышленникам идеи «Символа веры». Не в пример тупоголовым джингоистам в Англии и в Южной Африке, тем, кто кричал «Помни Маджубу!» и призывал «накачать» буров, Родс понимал, что битва за «Южноафриканскую федерацию» на этом витке событий проиграна и нужна кропотливая, долгая, осторожная работа, чтобы исподволь подготовить возможности для объединения «белой» Южной Африки в будущем.

И он принялся всячески подчеркивать уважение к национальным чувствам буров. Избирателей-буров в своем округе он подкупал такими признаниями: «Голландцы — это в Южной Африке народ будущего». А в беседе с Хофмейером утверждал, что победа трансваальцев при Маджубе «должна заставить англичан уважать голландцев и оба этих народа — уважать друг друга».

Родс использовал давнее испытанное средство — подбирать ключи к каждому, кто тебе нужен. Всюду сойти за «своего». Выдавал себя за «своего», обещал, что его политика будет служить прежде всего интересам Южной Африки, а не Англии. Разумеется, «белой» Южной Африки.

Буры вообще-то не склонны были особенно доверять словам. Английских политиков они перевидали на своем веку немало. Сколько побывало тут, даже Ч. П. — членов парламента! Приезжали, несли несусветную чушь, все путали. Судили о чем угодно, обещали что угодно. Или говорили так, чтобы ничего не сказать...

Пэджет, Ч. П., был лгунишка, и к тому же красноречив, Индийский энот называл он «Азиатский Солнечный Миф»... Я подумал о дурнях, как Пэджет, пишущих про Восток, Об изъездивших свет идиотах, что стране не дают ничего...

Буры считали их бесполезными краснобаями, пустышками, у которых, как у кипплинговского Томлинсона, даже черти в аду не смогли бы найти ничего своего, собственного.

Мы просеяли много газет и книг, и ураган речей. И много душ, у которых он крал, но нет в нем души своей. Мы качали его, мы терзали его, мы прожгли его насквозь, И если зубы и когти не врут, души у него не нашлось.

Родс — другое дело. Он всегда умел произвести впечатление человека, имеющего твердые убеждения, практичного, сильного, со своим и очень трезвым взглядом на мир. Одним словом, такого, с которым стоит иметь дело.

И он достиг своего. Его отношения с Африканер Бондом и с вождями капских буров оставались близкими почти полтора десятилетия. Близкими настолько, что буры поддержали его, когда он решил войти в капское правительство. И Родс вошел — правда, по первому разу ненадолго. С марта по май 1884 года он — казначей Капской колонии.

Суэцкий канал в глубь Африки

Еще в первой половине восьмидесятых Родс завоевал в «белой» Южной Африке славу человека, способного осуществлять свои идеи на практике. Речь идет о первом завоевании, связанном с именем Родса, — о захвате обширных земель народа батсвана. Англичане называ-

ли тогда этот народ бечуана, а его страну — Бечуаналендом. В наши дни это территория государства Ботсвана и прилегающей к нему с юга части Южно-Африканской Республики.

Сами по себе эти земли — каменистое плоскогорье и пустыня Калахари — большой ценности не представляли. Торговые связи европейцев с племенами батсванов ограничивались покупкой страусовых перьев и слоновой кости. Но страна батсванов привлекала Родса тем, что по ней проходил самый удобный для англичан путь в глубь Африки, и прежде всего к бассейну Замбези. На землях к востоку от страны батсванов уже обосновался Трансвааль, к западу — немцы. Родс называл эту страну и «путем на Север», и «Суэцким каналом, ведущим в глубь материка», и «ключом от дороги во внутренние области», и даже «горлом бутылки».

В начале восьмидесятых, вскоре после того, как Трансвааль вернул себе независимость, трансваальские буры вторглись в страну батсванов. В 1882-м и 1883-м они основали там еще две свои республики: Стеллаланд и Госен. Раздражению Родса не было пределов. Но он не был еще столь всемогущим, чтобы начать захваты самому, он мог только убеждать лондонское правительство, и то через посредство кейптаунского. А Лондон, по мнению Родса, проявлял преступную нерешительность.

В Лондоне действительно колебались. Поражения в войнах с зулусами и бурами сделали южноафриканские авантюры не очень популярными в английском общественном мнении. Положение в стране батсванов было крайне запутанным. Межплеменные распри осложнялись англо-трансваальскими противоречиями: англичане пытались использовать эти раздоры в своих интересах, буры — в своих. Одни вожди считались пробританскими, другие — пробурскими.

К тому же у Лондона было много и других хлопот во всех уголках земли. Кое-кто из лондонских политиков считал, что тут еще можно подождать — так ли уж срочно нужно решать «вопрос» о батсванах?

Но у Родса было немало союзников. Одни говорили о важности «имперских интересов», другие выступали как филантропы и призывали спасти батсванов от «грабителей» — буров. Миссионер Джон Маккензи только в сентябре — октябре 1882 года объездил двадцать девять городов и поселков Англии и ежедневно

по два-три раза выступал с речами, призывая к аннексии страны батсванов. Его поддержало известное Общество защиты аборигенов.

В марте 1883-го английский парламент начал обсуждать вопрос о бурских «флибустьерах», нарушивших права батсванов. В палате общин сразу же была внесена резолюция, что бурских «флибустьеров» надо изгнать, а батсванов «спасти от грозящего им уничтожения». Джозеф Чемберлен говорил, что надо послать военную экспедицию для изгнания буров:

— Горький плач бечуанов должен быть услышан.

Если и были в английском истеблишменте сомнения, надо ли присоединять к Британской империи еще одну, сотую или двухсотую страну, то в 1884-м они кончились. В этом году в Африку ворвалась Германия. И сразу захватила большие куски этого материка — на западе, на востоке, на юге.

Заигрывать с бурами Германия начала еще раньше. Их стали называть «нижненемецкими братьями», вспоминали, что предки буров жили когда-то поблизости от Германии, в Нидерландах. Еще в конце семидесятых в Германии пошли разговоры об установлении немецкого патроната над Трансваалем, о германской южно-африканской империи, о создании там «второй Индии — под германским контролем».

В 1884-м, когда на картах прямо к западу от страны батсванов появилась громадная Германская Юго-Западная Африка, эти мечтания обрели вполне реальный характер.

Интересное свидетельство оставили моряки русского военного корвета «Скобелев». В конце 1884-го он возвращался из Тихого океана домой, в Кронштадт, и по дороге получил секретное распоряжение от Главного морского штаба — осмотреть новую колонию Германии. Корвет прошел вдоль всей береговой линии этой колонии, офицеры осмотрели ее и составили доклад «Некоторые сведения о новой Немецкой колонии на юго-западном берегу Африки, собранные при посещении корветом «Скобелев» этого берега в январе 1885 г.».

Главное соображение доклада сформулировано так: «Теперь является вопрос, какие выгоды может ожидать Германия от колонии такой пустынной, лишенной путей сообщения, воды и всего необходимого, и в чем состоит ее значение? Дело в том, что Германия, по всей вероятности, не думает ограничиться только землею

Людерица и надеется, при помощи покупки земель или каким-либо другим путем, проникнуть в Среднюю Африку, которая давно уже служит предметом внимания и стремлений других европейских народов, и там основать колонии»².

В том же 1884-м Германия заключила торговый договор с Трансваалем. Мало того, немцы стали теснить англичан не только на Атлантическом побережье Южной Африки, но, в союзе с бурами, и со стороны Индийского океана. В стране зулусов буры создали в августе 1884-го свою «Новую республику», а в следующем месяце два немецких агента добились у зулусского правителя Дингузулу «концессии» в шестьдесят тысяч акров и разрешения строить железную дорогу от Трансвааля к Индийскому океану.

Зачем бурам было создавать эти марионеточные республики? Разве не проще было прямо расширять границы Трансвааля? Дело в том, что, признав независимость Трансвааля после битвы у Маджубы, Англия запретила ему расширять свои границы как на запад, то есть в страну батсванов, так и на восток, на зулусские земли. Поэтому-то Трансвааль, не осмеливаясь прямо нарушить запрет, и создавал марионеточные республики.

Запрет этот был не единственным. Трансваалю возбранялось восстанавливать то официальное название, которое было у него до английской оккупации. Назывался он тогда Южно-Африканской Республикой. Англичане сочли это слишком претенциозным.

В 1884-м родсовская идея захвата страны батсванов победила и в Капской колонии, и в Англии. При этом Родс, не желая портить отношения с бурами, старался не оскорблять их, не злоупотреблять прямой бранью. Зато верховный комиссар Южной Африки Геркулес Робинсон в своих донесениях в Лондон прямо называл буров, вторгшихся на земли батсванов, «мародерами», «грабителями» и «спиратами».

Что уж говорить о газетах, о массовой пропаганде. Простой англичанин и у себя на родине, и в Южной Африке изо дня в день читал, что худших разбойников, чем эти буры, еще свет не видывал. Отнимают у африканцев и скот, и земли. Бандиты они. Очень худые люди.

Одно утешение — живут там же, рядом с этими разбойниками, и по-настоящему достойные люди. Вот, например, шотландец Смит по прозвищу Скотти (умень-

шительно-ласкательное от Scot — шотландец). Им восхищались тогда многие англичане. Да и в наши дни он — герой кинобоевиков. Чем заслужил он свою славу? Так как же не заслужить — ведь он же известнейший разбойник. Как говорится теперь в Южноафриканском словаре национальных биографий, его имя «стало нарицательным для краж скота и других грабежей». Что же он — такой же, как бурские грабители?

Ну, конечно же, нет! Он, сказано в словаре, «по темпераментности напоминал легендарного Робин Гуда». Его грабежи всегда были «сдобрены отменным юмором»³. Англичанам и в голову не пришло бы сравнивать Скотти Смита с разбойниками-бурами. Он, правда, позволял себе грабить и их, соотечественников-англичан, но что буры не посягали. И все же, разумеется, он — веселый Робин Гуд, а они — мрачные и коварные бандиты. Это может показаться странным только на первый взгляд: ведь история и литература полны примеров возвеличивания «своих» разбойников. В стивенсоновском «Острове сокровищ» — он вышел как раз тогда, в 1883-м, — сквайр Трелони говорит о пирате Флинте: «Я горжусь, что принадлежу к одной нации с этим человеком!»

Может, и не стоило бы тут уделять этому Скотти столько внимания, но дело в том, что в 1884-м его назначили инспектором на землях батсванов — защищать закон и порядок. И стал он одним из помощников Родса, потому что Родса в августе того года сделали заместителем верховного комиссара Южной Африки в Бечуаналенде. Функции Родса и его помощников не были четко определены. Да и как их определишь: европейское правительство создало должности администраторов для территории, которая еще не была захвачена. Даже тогда, в разбойничью эпоху «раздела мира», это выглядело как-то странно. Но в своем новом качестве Родс мог теперь вести переговоры с вождями Стеллаланда и Госена. Он говорил, что совсем не собирается изгонять их с земель батсванов. Пусть себе и дальше делают тут, что хотят, но — под английским флагом. Буры — страну! — не соглашались.

Тогда в декабре 1884-го в Южной Африке высадились четыре тысячи английских солдат во главе с генералом Уорреном. Задача этих войск была сформулирована так: «Изгнать флибустьеров из Бечуаналенда, установить мир в этой области, возвратив туземцам их земли, принять меры для предупреждения дальнейших

грабежей и, наконец, удерживать страну до тех пор, пока ее дальнейшая судьба не будет определена».

Ликвидировав эти бурские республики, Англия предложила племенам батсванов покровительство королевы Виктории, то есть протекторат. Те не выразили посторга. Вожди племени баквена ответили: «Мы хотим посмотреть, что дает королевский протекторат тем вождям, на которых он уже распространен... Если мы увидим, что королева им хорошо покровительствует, мы тогда согласимся без возражений». Это был вежливый отказ, но Уоррен доложил в Лондоне, что «баквена искренне приняли протекторат».

Кама I, вождь племени бамангватов, предложил распространить британский протекторат на обширные земли — 80 тысяч кв. миль. Уоррен назвал это «беспрецедентным дружеским предложением». Но вскоре выяснилось, что Кама «дружески» уступил англичанам земли народа ндебеле, с которым он тогда враждовал.

Все это нисколько не помешало Англии гордиться результатами своих действий. Один военный корреспондент написал тогда, что Британия, «соединяя выгоду с филантропией», еще раз «защитила туземцев и от плодотворных их собственного невежества, и от вторжения грабителей извне»⁴.

В сентябре 1885-го Лондон вынес решение: южную часть земель батсванов объявить королевской колонией — Территорией Бечуаналенд, а северную — Протекторатом Бечуаналенд.

«Путь на Север» был открыт. Но чтобы сразу идти дальше, Родсу еще не хватало сил.

БИТВА ФИНАНСОВЫХ МАГНАТОВ

Р аздвигать границы империи — для этого нужны деньги, много денег. И то могущество, которое они дают. К середине восьмидесятых Родс уже был очень богат, но

все же еще недостаточно для осуществления своих планов.

И вот теперь он стремится объединить в своих руках всю добычу алмазов. К 1887-му его компания стала в районе Де Беерс уже единственной. Остальные девять она сумела поглотить. Родсу удалось снизить себестоимость добычи с 1882 года до 1888-го в два с лишним раза, повысить дивиденды в восемь раз, а капитал компании — почти в двенадцать: с 200 тысяч фунтов до 2 332 тысяч. Это достигалось механизацией и жесточайшим мер борьбы против кражи алмазов. Одновременно вводилась система компаундов — лагерей, обнесенных железной оградой или колючей проволокой, где стали держать рабочих-африканцев. За пределы компаундов африканцы не могли выходить, их жизнь строго контролировалась, а в последнюю неделю им давали слабительное, чтобы они не утаили алмаз, проглотив его.

«Амальгамацией» занимались не только Родс и его компаньоны. Появились и другие крупные компании. Добыча росла, цена алмазов на мировом рынке падала. Только за пять лет она упала на тридцать процентов, и Родс видел, что это только начало.

Рынок был, по мнению Родса, довольно ограничен. Рассуждал он так: крупные покупки совершаются не часто, а массовый потребитель — это женихи, которые перед свадьбой по традиции дарят невестам кольцо с маленьким бриллиантом. Таких свадеб в Европе и Америке бывает ежегодно около четырех миллионов. Значит, четыре миллиона бриллиантов. Далее Родс исходил из того, что зачастую бриллиант покупался недорогой, в один карат. Стоил он один фунт стерлингов. Значит, делал вывод Родс, четыре миллиона фунтов — это и есть ежегодная емкость мирового бриллиантового рынка. Повысь цены — будут покупать меньше, по-

низь — больше, все равно предел — четыре миллиона фунтов.

У человека, который за всю жизнь, кажется, так и не подарил ни одной женщине кольца с бриллиантом, рассуждения о психологии жениха выглядели, может быть, не слишком убедительно, но все-таки рациональное зерно в них было. Алмазный рынок оказался далеко не беспределен. А это означало, что только монополизация добычи даст гарантию от падения цен.

Создание алмазной империи

В 1887 году Родс начал последнюю, решающую схватку за алмазы — схватку за объединение под своей властью уже всех алмазных полей. К этому времени у него остался только один серьезный соперник — Барней Барнато, глава Компании кимберлийских копей. В распоряжении Барнато были самые богатые копи, да и капитал его превышал все, что имелось у Де Беерс.

Яркое, хотя и не во всем точное описание карьеры Барнато появилось через десять лет в петербургском журнале «Русское богатство» — в корреспонденции из Лондона уже упомянутого выше Шкловского-Дионео.

«Барней Барнато мог бы составить центральную фигуру в романе «Золото». Двадцать лет тому назад по улицам Уайтчепеля бродил клоун и акробат, который тут же на тротуаре, на дырявой попоне, показывал оборванной публике свое искусство. Но уайтчепельские нищие плохо оплачивали «искусство», а клоун был молод и честолюбив. Тогда он решил переехать в Южную Африку, попытаться там счастья. В то время только что еще пронесся слух о... бриллиантовых полях. Когда клоун высадился в Кейптауне, в кармане у него было пять шиллингов; но Барней Барнато, так звали акробата, не унывал. Он тотчас пристал к партии приискателей. Ей повезло, и через десять лет Барней Барнато ценители уже в миллион».

На самом деле, конечно, все было не так просто и легко, как это получилось у Шкловского-Дионео. Разве просто «повезло»? Ведь кроме Родса только один такой Барнато и появился среди тысяч старателей. Сколько, должно быть, заложила в него природа такого, чему его соперники люто завидовали как величайшим талантам. Дионео и сам признавал это:

«Как ни успешны были тогда пашни алмазов, но молодой человек жаждал еще более быстрой наживы.

И вот он становится во главе акционерной компании. Тут он очутился в своей сфере. Как полководец посылает на бой батальоны солдат, так Барней посылал на рынок тучи акций. В его руках они делали чудеса.

...На лондонской бирже до сих пор помнят появление Барнея Барнато в первый раз после того, как он оставил столицу. Это было появление князя; нет, слово «князь» слишком слабо: то явилось своему народу индийское божество. И экзальтированные поклонники готовы были броситься под колесницу бурхана. Да на одной ли бирже произвел такое впечатление Барней Барнато! В роскошный дворец его близ Грин-парка считали за честь попасть на бал герцогини, насчитывавшие еще больше дюжин предков, чем тетушка мамзель Кунигунды («Кандид»)»¹.

Конечно, десятью годами раньше, во время схватки с Родсом, Барнато не добился еще всего этого, но все же и тогда, в 1887-м, он считался на южноафриканском горизонте одним из самых богатых людей.

Ожесточенная борьба с ним заняла у Родса почти целый год. Как писал Шкловский-Дионео в другом своем очерке², лондонские биржевики долго потом вспоминали о ней «с таким восторгом, с каким, вероятно, солдаты наполеоновской гвардии рассказывали внукам о битвах при Йене, Аустерлице и Ваграме».

В этой схватке у Родса особенно явно проявились те черты, которые признает даже преклонявшийся перед ним биограф Бэзил Уильямс: «он умел быть безжалостным», «не церемонился с теми, кто становился ему поперек пути».

Родс атаковал, играл на повышение и понижение курса акций, запугивал соперников и подчинял одну за другой еще сохранявшие самостоятельность компании, даже в Кимберли, цитадели могущества Барнато. Путем сложной биржевой игры Родс ставил эти компании перед дилеммой: разориться или подчиниться Де Беерс.

Родс выбирал направления ударов, а методы ему подсказывал Альфред Бейт, выходец из Германии, которого в Южной Африке считали непревзойденным финансистом, финансовым гением. Сказалось и тут умение Родса находить и использовать нужных людей. Бейт был для Родса неоценим. Как только возникала очередная трудная проблема, Родс говорил:

— Надо обратиться к маленькому Альфреду.

Считается, что от Бейта Сесиль Родс получил самый ценный совет в жизни, совет, который помог ему зару-

читься поддержкой одной из самых влиятельных сил тогдашней Европы, и поддержкой не разовой, не однократной, а такой, которая стала ему постоянной опорой. Бейт посоветовал Родсу обратиться к английским Ротшильдам, крупнейшему банкирскому дому.

Дело было так. Родс хотел скупить акции компании, которая в Кимберли была второй по значению — она уступала только компании Барни Барнато. Если бы Родсу это удалось, он стал бы победителем в борьбе с Барнато. Но владельцы этой компании — она называлась Французской компанией капских алмазных копей — потребовали за акции почти полтора миллиона фунтов.

Тогда-то Родс и обратился к лорду Натаниэлю Ротшильду. О встрече, сыгравшей громадную роль в жизни Родса, сказано во многих книгах. Подчеркивают, что Родс был приятно удивлен радушным приемом и что собеседники произвели друг на друга хорошее впечатление. А Ротшильд увидел не того неотесанного старателя с дурными манерами и необузданным нравом, какие обычно приезжали с алмазных копей. Пригодилась Родсу оксфордская выучка.

Но дело, конечно, не в маперах. Английский историк писал позднее: «Теперь уже мы знаем, что в те времена дом Ротшильдов зорко следил за добычей алмазов». Ротшильд, «безусловно, не раз испытывал искушение вмешаться в дело амальгамации» и, чтобы не упустить удобного момента, послал своего наблюдателя на алмазные россыпи³. Так что он был хорошо осведомлен о ситуации на коях и знал, с кем имеет дело.

Кроме того, Родс поделился со своим собеседником идеями о расширении влияния Англии по всему миру. Это должно было импонировать Ротшильду. Недаром его называли банкиром Британской империи. Отец Натаниэля, Лайонел Ротшильд, в 1875 году, даже отказавшись от процентов, дал четыре миллиона фунтов премьер-министру Дизраэли на покупку акций компании Суэцкого канала. Если бы Ротшильд этого не сделал, Дизраэли пришлось бы просить денег у парламента. Процедура оказалась бы такой долгой, что весь план Дизраэли мог рухнуть.

Еще через несколько лет Ротшильд, уже Натаниэль, дал очень нужный тогда для английской колониальной политики крупный заем Египту — восемь миллионов. Так что с политикой в Африке Ротшильды были связаны тесно.

Родс попросил у Ротшильда миллион фунтов. Во время беседы тот не дал ответа, и Родс ушел, не зная, как будет решена его судьба. Но, вернувшись в гостиницу, почти сразу же получил от Ротшильда записку — согласно удовлетворить просьбу.

С этой встречи Родс получил могущественного покровителя — не только финансиста, но и политика. Именно он познакомил Родса с Джозефом Чемберленом, который уже тогда был влиятелен в колониальных делах, а с 1895 года занимал пост министра колоний в правительстве лорда Солсбери. Да и когда Родс впервые явился к Солсбери просить его поддержки в осуществлении своих планов, он сослался на покровительство Ротшильда.

Очевидно, Родс был уверен, что Ротшильд одобряет не только его финансовые планы, но, хотя бы отчасти, и политические. Об этом можно судить по тому, что в третьем, четвертом и пятом политических завещаниях Родса первым душеприказчиком, которому все состояние поступило «в полное распоряжение», фигурировал Ротшильд. А в последнем, шестом завещании место Ротшильда занял его зять, лорд Розбери, лидер либеральной партии и одно время английский премьер-министр. Эта степень близости Ротшильда с Родсом так тщательно скрывалась от широкой публики, что даже после смерти Родса журналист Стед, один из его друзей и душеприказчиков, в своей книге о родсовских завещаниях назвал Ротшильда «мистером Икс».

После первой встречи Родса с Ротшильдом Барнато еще пытался сопротивляться. В чисто денежном отношении он все равно мог потягаться с Родсом. Но поддержка Ротшильда означала нечто большее, чем одни только деньги. Его заем показал, что он принял сторону Родса. После этого Родсу было уже куда легче получать поддержку других финансистов. Да и помощь политических и деловых кругов «белой» южной Африки, которой Родс сумел заручиться за годы работы в парламенте, — ведь у Барнато ее не было.

Родс обложил Барнато буквально со всех сторон, и тому пришлось уступить. Можно представить глубину изумления, охватившего Барнато, когда его стиснул, словно клещами, человек, казался бы во всех отношениях слабее его. Даже здоровьем, выносливостью. Барнато — спортсмен, борец и боксер, а тут — сердечник, чахоточный. И главное — денег-то у этого человека меньше.

Но поражение не грозило Барнато гибелью. Предложения Родса не подразумевали его разорения. Родс предлагал объединиться, ограничить добычу — поначалу четырьмя миллионами фунтов стерлингов в год — и установить высокий уровень рыночных цен. Так что сделка была выгодна для обоих.

13 марта 1888 года место соперничающих компаний заняла объединенная компания Де Беерс — Де Беерс консолидейтед майнз компани. Большое влияние в ее руководстве приобрел представитель Ротшильдов. Во главе компании встал совет директоров, фактически же руководили компанией трое из них: Родс, Барнато и Бейт. Они получали учредительскую прибыль. Дивиденды по обычным акциям заранее ограничивались фиксированным доходом, и превышение над ними, которое было очень велико, потому что прибыль далеко превзошла ожидания, делилось между этими людьми.

На первом же собрании акционеров Де Беерс, в мае 1888 года, Родс заявил: «Мы возглавляем дело, которое едва ли не является государством в государстве». Не удержался Родс и от рассчитанной на эффект сцены. На обеде в Кимберлийском клубе, где собиралась избранная публика, он попросил своего нового компаньона наполнить алмазами внушительную корзину. На глазах у всех Родс пригоршнями брал эти блестящие камни, и они струились у него между пальцами, подобно потокам волшебной сверкающей воды.

Объединенная Де Беерс сразу же уволила двести белых горняков и снизила себестоимость добычи. Добыча одного карата стоила теперь не больше десяти шиллингов. А на мировом рынке он стоил тридцать. В следующем, 1889 году Де Беерс поглотила копи Булфонтейна и Дютойтспана, а затем еще несколько более молодых копей, открытых в других районах. Родс стал контролировать всю добычу алмазов в Южной Африке и девяносто процентов всей мировой добычи. Капитал Де Беерс уже в 1890-м оценивался громадной по тем временам суммой — 14,5 миллиона фунтов. А в ее копиях работало двадцать тысяч африканцев.

Так возникла алмазная империя. Она монополизировала добычу алмазов не только в основном алмазном районе, на Юге Африки, но распространила потом свою власть и на другие страны и континенты. Став одним из первых в мире монополистических объединений, Де Беерс оказалась очень жизнеспособной. Она и в наши дни контролирует мировой алмазный рынок.

Полмили ада

Тем временем на Юге Африки было найдено золото. Правда, его уже несколько раз открывали в разных районах, начиная с шестидесятых годов. Но после первых же сенсационных известий сколько-нибудь значительных золотоносных жил не оказывалось. В середине 1886-го нашли действительно крупное месторождение — в Трансваале, на возвышенности, где проходит водораздел между бассейнами рек Оранжевая и Лимпопо. Возвышенность получила название Витватерсранд (Хребет живой воды), сокращенно — Ранд. Самое же место, куда ринулись золотоискатели, трансваальское правительство окрестило Йоханнесбургом, «городом Йоханнеса». Историки по сей день спорят, кто же именно из многочисленных в Трансваале Йоханнесов дал имя этому новому Вавилону.

Именно это месторождение оказалось крупнейшим в мире. До сих пор, из года в год, оно дает значительно больше половины всей мировой добычи.

История знает немало всплеск золотой горячки. Ф. Энгельс писал, что поиски золота издавна были причиной дальних путешествий, географических открытий: «Золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»⁴.

Но открытие в Трансваале вызвало такой приступ золотой горячки, какого мир еще не видывал. Он был яростнее всего, что происходило и до, и после в Калифорнии, на Аляске, в Австралии и в Сибири.

Бурлившее в Трансваале человеческое месиво было не только многолюднее, но и пестрее, многообразнее. Ставки были куда выше. Исторические последствия — значительнее. И если мы в наше время все-таки представляем себе трансваальскую золотую лихорадку не так зримо, как Страну Белого Безмолвия или золото-промышленный Урал, то, пожалуй, лишь потому, что она не породила Джека Лондона, Брет Гарта и Маминна-Сибиряка. Тем ценнее для нас немногочисленные воспоминания ее участников.

«Этот йоханнесбургский золотой бум летом 1886 года был, вероятно, самым диким и разбойничьим человеческим помешательством, какое мир когда-либо

видывал... Это были бешеные гонки. Богач, бедняк, индей, мошенник, особенно мошенник, — все ринулись к Витватерсранду... Верхом, пешком, в повозках, запряженных волами, в почтовых каретах... Непцадно стегали медлительных волов, да и сами люди доводили себя до изнеможения...

...Каждую лошадь, какая только попадалась на глаза, покупали или уводили; люди ехали даже в багажных отделениях дилижансов; нанимали громоздкие фургоны с волами. Но они оказывались слишком медлительными, и я видел многих, кто соскакивал с фургонов и старался обогнать их пешком. Видел даже людей в упряжке. Один старейший паралитик в Претории нанял двух местных черных и запряг их в повозку. Он буквально загнал их, и они ушли, бросив его посреди степи...

Многие так и не достигли желанной цели — страна была суровой и требовала своих жертв. До Ранда добрались, наверно, самые выносливые и отчаянные, потому что Йоханнесбург в следующем году стал самым бандитским местом во всем мире.

Это писал человек по имени Сэм Кемп. До открытия золота он был надсмотрщиком над рабочими-африканцами на алмазных коях и привык пускать в ход револьвер, дубинку и плетку из кожи бегемота. Потом, в девяностых годах, он служил в конной полиции в Северной Америке, на беспокойных границах Соединенных Штатов с Мексикой и Канадой.

«Но и эти две такие трудные американские границы казались лужайкой для пикников воскресной школы, детским садом по сравнению с тем, как выглядел Ранд в течение года, следующего за 1886-м. Мой опыт, вся моя жизнь не развили у меня особенно узких взглядов на мораль, но Йоханнесбург оказался труден даже для моего ко всему привыкшего желудка», — признался он.

Добравшись до Ранда, каждый первым делом захватывал участок. Это было поначалу делом легким. Но участок приходилось отстаивать, защищать от тех, кто прибывал следом. Тогда-то и заговорили револьверы.

Поселок на том месте, где теперь стоит Йоханнесбург, называли «Полмили ада». Этот пустынный край считался тогда бесплодным. Лесов не было. Шесть месяцев в году дул сухой, пронизывающий ветер, день и ночь. Облака желтого песка били в лицо, в глаза, песок скрипел на зубах.

А палящий африканский зной? Для золотоискателей, приехавших из Европы и Северной Америки, он был нестерпимее трескучих морозов на приисках Аляски и Сибири.

Как получить крышу над головой? Деревя не было, приходилось использовать жесть — от больших коробок и бидонов из-под керосина. Жилища получались мало-подходящими для жизни, но даже худшее из них нельзя было снять меньше чем за сто долларов в месяц. Да и то спрос в два раза превышал предложение. Те, кому не удалось поселиться в жестяном доме, разбивали палатки, делали землянки или ночевали просто под открытым небом.

Продукты и товары привозили в запряженных волами фургонах из областей, отстоящих от Йоханнесбурга на сотни миль, и цены были сказочно высоки. Засуха делала положение почти трагическим.

...Падеж скота. Стервятники так отяжелели от обилия пищи, что их можно сбивать палкой. Люди остались без мяса. А подвоз продуктов, и без того очень трудный, оказался еще сложнее из-за того, что фургоны не могли пройти через земли, где вся зелень, ница для волов, была сожжена.

Как достать шерстяное одеяло? А как обойтись без него, если живешь в жестяной хижине или просто спишь на голой земле? «Одеяло ведь нужно каждому — где же иначе держать свою долю песчаных мух, тараканов, змей, блох и вшей. Но попробуй купи хоть одно! Куда легче украсть — даже если его хозяин уже успел завернуться в него...

Закон и порядок? Разумеется, нет. Или, наоборот, да: закон револьвера и кулака, порядок насилия и надувательства. Несчастные случаи — так назывались первые убийства. Да и в конце концов одеяло и жилище — разве они не стоят того, чтобы их отнять?»

Редко кто расставался с револьвером. Марки оружия были разные, но калибр все предпочитали 45-й — излюбленный у бандитов того времени. Автоматических револьверов тогда еще не выдумали, но иные умельцы, постоянно тренируясь, достигали почти такой же скорострельности. Делалось это так: курок после каждого выстрела моментально взводили ладонью левой руки, чтобы не терять времени на изменение положения правой. Это новшество было вкладом, который внесли в быт старательского поселка явившиеся из-за океана изобретательные американцы.

С утра до вечера корпеть на прииске? Ну, уж нет, можно найти куда более легкий путь к богатству. «Ни одна золотоносная жила не сравнится с большим питейным заведением, ни от одной старательской заявки не получишь столько, сколько в игорном притоне. И самый легкий способ найти золотой песок — отнять его у другого. Подпои его сперва или затей с ним ссору. Никто не поинтересуется, что с ним случилось. Тот, кто весь день держит руку на револьвере, вечером становится сентиментально плаксивым и сам превращается в легкую добычу».

Больше всего драк, грабежей и убийств происходит в игорных домах.

И пляска теней па стене,
И нож исподтишка...

«В полночь тридцать или сорок из нас играли в Королевском баре — в покер, фаро, пинто и английскую игру нап (Наполеон. — А. Д.). Ставки были высокими. Перед нами лежали наши фишки и золото.

Загремсли шаги, вошли восемь головорезов. Без масок, пренебрегая всеми предосторожностями, они объявили о себе стрельбой над нашими головами... Трое бандитов остались у дверей и держали под прицелом столы. Остальные пятеро прошли вперед. Они очистили столы от золота, один за другим, отпуская при этом издевательские и саркастические насмешки. Но когда они уходили, тут-то и началась потеха. Игроки, как по сигналу, схватились за револьверы и начали бешеную пальбу. Бандиты скрылись в уличной темноте, но стрельба продолжалась...»

И до заката тот умрет,
Кто щелкал пробной днем.

К концу 1886-го многие старатели решили, что настало время избрать шерифа, судью и общественного исполнителя, «иными словами, сформировать клуб самоубийц». Нашлись и охотники, хотя они прекрасно понимали, что, заняв эти посты, они уже вряд ли смогут соперничать с Мафусаилом в долголетию.

Единственным триумфом первого шерифа была поимка тех восьмерых, что ограбили Королевский бар. Когда шериф с отрядом добровольцев настиг их, он, чтобы избежать общего кровопролития, предложил дуэль с их главарем. В этой дуэли на лошадях шериф победил, бандиты сдались, их судили и расстреляли.

Правда, шериф, как все и ждали, лишь ненадолго пережил их.

Но все это мало кого отпугивало. Число обитателей Йоханнесбурга росло с каждым днем. «Маленькое кладбище на холме за поселком пополнялось свежими могилами, но на каждые похороны приходилась сотня новоприбывших сюда, в эти места».

Быстро росло и число притонов, кабаков и баров, где постоянно ругались, вопили, дрались.

Один ловчил, бросая кости,
Другой за картами грешил,
А третий изводил на шлюху
Дары золотоносных жил...

Большинство женщин, приехавших на прииски, чтобы получить свою долю, «больше отличались шелковыми чулками и короткими юбками, чем особенной красотой». Во многом они были подстать мужчинам. Первая в Йоханнесбурге бандерша «умела одинаково хорошо стрелять обеими руками, чем приводила в восторг весь город; она не боялась ни мужика, ни дьявола, и я видел, как она собственноручно выбрасывала на улицу перепивших, чтобы они не нарушали порядка в ее заведении»⁵.

Правда, и тут, как всегда и всюду, люди умели находить романтику. Из частного письма того времени: «Единственному биллиарду не дают передохнуть ни минуты. В зале, где он стоит, есть своя Венера-Афродита, барменша из Кимберли, одно слово — колдунья. За биллиардом она не знает равных, прекрасно играет и на пианино. Говорят, она приехала с побережья, переодевшись в мужской костюм и при этом отлично играя роль мужчины».

С таких вот мужчин и женщин, с палаточного лагеря и времянок из жести начинался Йоханнесбург, «Золотой город», «африканский Нью-Йорк» или «маленькая Америка» — так во многих странах тогда называли быстро развивавшиеся города. В России в те годы «русским Чикаго», городом, «выросшим на американский образец», называли Кустанай. «Тургайская газета» писала о нем: «Пятнадцать тысяч жителей в пятнадцать лет — это слишком по-американски».

Что же тогда говорить о Йоханнесбурге? С момента его рождения в 1886 году за первые же девять лет население достигло ста тысяч. В 1889-м, на третий год существования Йоханнесбурга, там появилась конка,

в следующем году — электричество. А ведь многие крупные города Европы еще не знали электрического освещения.

Йоханнесбург возник почти так же, как и Кимберли, но судьба их сложилась по-разному. Добыча алмазов никогда не требовала такого множества людей. Кимберли и в наши дни остается сравнительно небольшим городом. А Йоханнесбург уже вскоре после своего появления превратился в крупнейший промышленный центр на всем Африканском материке и сохраняет эту роль в наши дни. Именно там, на месте хижины, сделанных из жести от керосиновых бидонов, появились первые в Африке небоскребы.

Йоханнесбург сыграл в истории неизмеримо большую роль, чем Кимберли, как и удельный вес золото-промышленности во всем хозяйстве страны оказался куда значительнее добычи алмазов.

И еще одно отличие. Алмазы были найдены, когда на Юге Африки еще не возник крупный капитал. Не было там миллионеров и крупных компаний, которые могли бы быстро прибрать к рукам такое доходное дело. Поэтому там, в районе Кимберли, сравнительно долго шла игра свободных сил, конкуренция простых старателей. И поначалу у них была даже какая-то возможность выбиться в богачи.

Добыча золота началась в других условиях. Крупные компании уже появились. Они напряженно следили за событиями в Йоханнесбурге и вмешались очень быстро. Простых старателей в сущности лишили возможности применить свои силы. Может быть, это и привело к такому росту преступности.

Сесиль Родс, начинавший в Кимберли одним из таких мелких старателей, здесь, в Йоханнесбурге, выступил уже в совсем иной роли.

В схватке за золотую корону

В Йоханнесбурге Родс ходил без револьвера. У него было другое оружие — деньги. И власть, которую они давали.

Он появился на золотых приисках не среди самых первых, но все же довольно скоро. А его ирредставители там следили за ходом событий с момента получения чуть ли не первых сведений. Сохранился рассказ одного из них, врача Ганса Зауэра. Он сам взял на себя инициативу оповестить Сесилия Родса и, вероятно, был

первым, кто принес Родсу пробу золотоносной породы.

Это было в июне 1886-го. Приняв и выслушав Зауэра утром, Родс попросил его прийти снова в час дня. Придя, тот увидел, что его ждут уже четверо: Родс, Радд и два австралийца — они приобрели золотопромышленный опыт у себя на родине. Исследовав породу с помощью принесенных инструментов, австралийцы подтвердили, что она богата золотом. После этого Родс пригласил Зауэра еще раз, уже в четыре часа, в контору Де Беерс, и предложил приобретать для него, Родса, участки на Ранде. Тут же, на месте, был заключен договор, по которому Зауэр входил в долю и получал пятнадцать процентов доходов. Родс сразу выписал Зауэру чек на двести фунтов, и тот должен был отправиться на Ранд срочно, следующим же утром.

В десять вечера Родс сам зашел к Зауэру и предупредил, чтобы тот ни в коем случае не садился в экипаж прямо здесь, в Кимберли, поскольку это может вызвать подозрение. Мало того, когда Зауэр на следующее утро, из предосторожности дождавшись экипажа в двенадцати милях от Кимберли, поднялся на подножку и заглянул внутрь, он с изумлением увидел, что там, стараясь не быть узанными, сидят Родс и Радд. Затем они вместе проделали немалый путь. До бурского города Почефстрома — тридцать шесть часов езды, а оттуда карета проехала вдоль всего Ранда. «Так делалась история», — торжественно констатировал Зауэр.

И все же, проявив, казалось бы, такую заинтересованность и активность, Родс и Радд использовали предоставившиеся им возможности менее удачливо, чем, например, кимберлийский делец Джозеф Робинсон. Скупив довольно много, Родс и Радд несколько раз отвергали предложения о покупке участков, которые потом приносили миллионные состояния. В чем причина их колебаний? Принимать решения надо было быстро, сразу, а компаньоны в то время еще ничего не понимали в золотопромышленности. Радд был настроен скептически, считал, что образцы породы, которые показывали ему и Родсу, были сомнительными. Не проявил энтузиазма и горный инженер, американец, с которым Родс советовался.

Дело было совсем новое. Надо было рисковать. Конечно, и Родс, и Радд это умели, но ведь их стремление к риску поглощалось тогда в самом Кимберли — как раз в это время Родс, «амальгамируя» десятки участков,

готовился к решающей схватке с Барнато. Да и вообще дела в Кимберли отнимали львиную долю внимания Родса.

Были и причины сугубо личного характера. В самый разгар золотой лихорадки, когда Родс находился в ее гуще, на Ранде, ему сообщили из Кимберли, что тяжело заболел Невиль Пикеринг. Он был первым в том ряду молодых людей, что перебивали у Родса в секретарях. Родс несмеленно вернулся в Кимберли и день за днем проводил у постели больного. На похоронах Пикеринга он появился в таком истерическом состоянии, что заставил прослезиться даже Барнато, отнюдь не склонного к сентиментальности. После этой смерти Родс долго не решался один войти в коттедж, где они с Пикерингом прежде жили вдвоем. На все это время Родс, может быть впервые, потерял интерес к делам и, несмотря на обещания, которые дал Зауэру, даже не отвечал на его телеграммы с золотых приисков. Биографы Родса склонны в большой мере этим объяснять недостаточную эффективность действий Родса на Ранде, где как раз в эти дни решалась судьба богатейших участков.

Вообще большинство биографов подчеркивает, как много «недополучил» Родс на золотых полях. Но утверждать так можно, разве что сравнивая результаты его деятельности там со сказочными успехами в алмазном деле.

Единовластия, самодержавного могущества в мире золота Родс действительно не достиг. Но добился все-таки очень многого. Чуть запоздав, он сумел догнать самых резвых. За участки ему пришлось заплатить побольше, но он мог себе это позволить. Вместе с Раддом он скупил права на восемь или девять отличных участков, по преимуществу на западе золотоносного района, и создал акционерные компании для их эксплуатации.

В 1877-м все эти компании были сведены в одну — Золотые поля Южной Африки (Голд филдз оф Саут Африка) с капиталом в 125 тысяч фунтов. При ее создании Родс оговорил за собой и Раддом право на треть всей чистой прибыли. В 1892-м компания была переименована в Объединенные золотые поля Южной Африки с капиталом уже в десять раз больше. Под этим названием она существует и сейчас как одна из крупнейших золотодобывающих компаний в мире. В 1894/95 году она платила дивиденды в размере пятидесяти процентов. В 1896-м Родс официально сообщил,

что от добычи золота он сам получает от трехсот до четырехсот тысяч фунтов чистой прибыли в год. Так что золото давало ему в два раза больше, чем алмазы.

Став неоспоримым властелином в алмазном деле и одним из королей золота, Родс превратился к концу восьмидесятых в самого влиятельного человека на Юге Африки.

А это в тогдашнем мире означало многое. Ведь значение Южной Африки в мировом хозяйстве росло необычайно. Открытие золота в Трансваале произошло в тот момент, когда мировая добыча находилась на низшей точке за вторую половину прошлого века. В 1887 году Трансвааль дал сорок тысяч унций, в 1892-м добыча перевалила за миллион, а в 1898-м приблизилась к четырем миллионам унций и составила уже почти треть мировой добычи. А алмазы, вывезенные из Капской колонии в одном лишь 1882 году, превысили по стоимости весь экспорт остальных стран Черной Африки.

Добыча золота и алмазов, приток людей потребовали подвоза горнорудной техники, товаров, строительства железных дорог... Понадобились капиталы, и в предвкушении прибылей они потекли сюда широким потоком. На Лондонской бирже с конца восьмидесятых годов южноафриканские акции (их называли «кафрскими») стали предметом бешеных спекуляций. «Никогда прежде не было биржевых спекуляций, подобных тем, какие происходили в связи с Рандом»⁶, — писал историк.

На Юге Африки начиналась промышленная революция с бурным развитием хозяйства, переломом во всей привычной жизни и страшными тяготами для коренных жителей.

К тому, кто выступал от имени этого нового Эльдорадо, — к такому человеку готов был прислушаться весь капиталистический мир. Таким человеком и становился Сесиль Родс. Наступал его час.

От мечтаний о захватах чужих стран он мог теперь перейти к действиям. За его спиной была могущественная монополия, империя алмазов и золота. Право использовать деньги Де Беерс для завоеваний он выторговал еще при объединении с Барнато. Того эти дела не очень интересовали, но, что делать, согласился. По словам Шкловского-Дионсо, «бойцы составили союз: один

стал заправлять всеми финансовыми делами соединенных компаний, другой «смирять» негров, подкупал их царьков, устанавливал формальное рабство и подготавливал почву для будущей «Африканской Империи» под протекторатом Англии. Сесиль Родс был честолюбив: ему мало было миллионов»⁷.

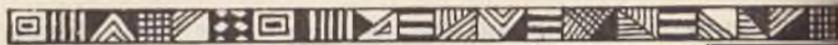
Родсу не терпелось начать «амальгамацию» африканских стран — проделать с ними то, чему он уже научился, собирая в своих руках участки на золотых рудниках и алмазных коях. Началась подготовка к продвижению с юга по линии Кейптаун — Каир. Любимое выражение Родса «Север — моя мечта» становилось девизом реальной, конкретной политики.

В середине 1888-го Родсу исполнилось тридцать пять. Вершина жизни, ее пик, с него она видна и вперед, и назад. И ее начало, рассвет, а если пристальнее взглядеться, то и закат. Задумывался ли над этим Сесиль Родс? Или к нему, как и ко многим, приложимы слова, немного грустные, как и все мудрое:

— Только совсем молодые видят жизнь впереди, и только совсем старые видят жизнь позади; остальные, те, что между ними, так заняты жизнью, что не видят ничего.

Скорее всего, Родс задумывался. Он был не совсем чужд сентиментальности. Может быть, хотя и подсознательно, но ощущал, что подошел к главному делу своей жизни. Уже вот-вот, за поворотом, ждут и литавры, готовые грянуть в его честь, и искаженные мучкой лица с готовыми извергнуться проклятиями.

На пути Родса лежали страны, которым по его воле предстояло стать Родезиями.

ГЕРОЙ ДНЯ

СТРАНА ОФИР МЕЖДУ ЗАМБЕЗИ И ЛИМПОПО

Страна между реками Замбези и Лимпопо в те годы европейцам была уже известна. Там и путешественники, и ученые бывают. Промышляют охотники. Миссионеры пы-

таются обратить язычников в христианство. Там сохранились развалины удивительных древних сооружений и рудников, неизвестно, когда и кем построенных. Да и африканцы приходят из тех мест на заработки, рассказывают, какие там народы живут, каковы обычаи, какими путями пробираются в глубь страны. Кто с кем враждует, по какой причине. Как зовут правителей, какого они нрава, у какого сколько жен и наложниц, какая любимая...

И Родс, конечно, знал это. И думал, наверно, что уже все знает о жителях междуречья.

Препятствием на пути осуществления своих замыслов Родс считал инкоси (правителя) Лобенгулу и его обитавший на юго-западе междуречья воинственный народ ндебеле, или, как называли его соседи, а с их слов и европейцы, матебеле, матабеле, матебили.

Во многих книгах можно было в те времена прочесть о ндебелах и родственных им народах. Хотя бы у Ливингстона. Как раз там, на границе земель ндебелов, в поселке Куруман, Ливингстон женился на дочери известного миссионера, своего соотечественника, шотландца Моффета.

И о Лобенгуле знали европейские путешественники,

миссионеры, охотники и торговцы. Рассказов о нем ходило множество.

Кто же противостоял Сесилю Родсу?

Вряд ли стоит, конечно, идеализировать режимы патриархальной Африки и ее правителей. Но даже в рассказах тогдашних европейцев Лобенгула предстает рассудительным, вдумчивым, да, пожалуй, и просто мудрым человеком. Он был на семнадцать лет старше Родса, в 1888 году ему шел шестой десяток, и он уже около двадцати лет правил своим народом. Соплеменники обращались к нему «баба» — отец. Охотник Фредерик Барбер, побывав у Лобенгулы в 1875 году, писал, правда не без высокомерия, свойственного многим европейским путешественникам: «Во время разговора его лицо было приятным, с искорками юмора в глазах. Он остроумен и любит шутку, этот великий дикарь, король до кончиков пальцев».

Как-то один англичанин попытался произвести впечатление на Лобенгулу и его народ, предсказав затмение солнца.

У Марка Твена в романе «Янки при дворе короля Артура» красочно показано, какое ошеломляющее впечатление подобный прием произвел на «язычников» — короля Артура и его рыцарей «круглого стола».

На Лобенгулу такого впечатления произвести не удалось. Он был, разумеется, поражен исполнением страшного предсказания. Но когда затмение кончилось, англичанина, ожидавшего, вероятно, что ему начнут поклоняться как божеству, постигло горькое разочарование. Лобенгула, по мнению свидетелей-европейцев, не допускал и мысли, что англичанину было заранее известно о затмении. Он считал, что тут могло быть только «чисто случайное осуществление слов белого колдуна»¹.

Поведение Лобенгулы помогает объяснить другой сходный случай. Известно, как воспринял затмение солнца зулусский правитель Чака. Этот создатель «зулусской империи» был так знаменит, что еще во времена Пушкина и декабристов о нем писали в московском журнале «Вестник Европы». Отец Лобенгулы был одним из его военачальников.

Дело происходило в 1824 году. Зулусы тогда еще почти не знали белых людей, и предсказывать им зат-

мение было некому. И вот в разгар праздника первых плодов, по европейскому календарю 20 декабря, когда народ ликовав и пел песни, свет солнца внезапно померк и тень скрыла семь восьмых его диска.

В книге, написанной на основе зулусских преданий, рассказывается: «Чака стоял на глиняном бугре, откуда обычно обращался к народу. Толпа глазела на него со страхом и надеждой. В странном неверном свете внушительная фигура его казалась исполинской. В правой руке он держал копьё с красным древком и королевский жезл. Чака плюнул в солнце и приказал ему вернуться, затем нанес своим копьём удар в том же направлении и застыл, как статуя, не опуская оружие. Огромная толпа следила за ним затаив дыхание. Солнце почти исчезло.

Вдруг из толпы послышались возгласы удивления. Диск почти исчезнувшего было солнца стал быстро расти. А черная тень луны — отступать все дальше и дальше.

— Правда, правда, — загремела толпа. — Черное чудовище уползает обратно, а солнце преследует его. Наш король заколол чудовище, и оно теряет силы»².

Чака поступил не просто как мужественный и хладнокровный человек, но и как мудрый политик — предотвратил панику и укрепил свой авторитет. И как он рисковал, ведь кто знает, вдруг бы чудовище не уползло?

Таким же, кстати, небывалым и жутким, подобно этому затмению, было для многих африканских народов и само появление белых людей. Как для нас было бы пришествие инопланетян? Да нет, пожалуй, куда неожиданнее. Ведь зулусы и ндебелы не изучали тогда ни других миров, ни других частей нашей планеты, не проходили этого в школах и университетах, не слушали научно-популярных лекций и не читали научно-фантастических романов.

Лобенгула в сложных и не вполне понятных ему ситуациях говаривал:

— Конечно, вы, белые люди, очень искусны, но вот лихорадку лечить все-таки не умеете.

Такое подчеркнутое, пусть и не всегда оправданное недоверие к силам белых людей, будь то в случае с затмением или с лихорадкой, до какого-то времени помогало этому вождю сохранять духовную независимость своего народа.

Лобенгула, как и Чака, был, конечно, не наивным

дикарем, киплиговским «полуробенком», а опытным, искусственным правителем, умевшим проявить самообладание, рассудительность и находчивость даже в самых сложных обстоятельствах.

...В молодости Лобенгула относился к европейцам доброжелательно, несмотря на то что в тридцатые годы буры вели войну против его народа. О бурах он знал много, да и англичане, немцы, португальцы — все ему были ведомы. Настороженности какой-то, конечно, не могло не быть. Но все-таки поначалу здесь, в междуречье, в глубине Африки, далеко от основных европейских владений, его народ, может быть, не ощущал прямой угрозы европейского завоевания.

Одной из первых книг, откуда европейцы узнали о Лобенгуле и его народе, был двухтомник немецкого путешественника Эдуарда Мора. Там говорилось, что «иностранец, путешествующий по землям племен зулов и матебелов в мирное время, когда цари спокойно управляют страной... и уважающий обычаи народа, находится в совершенной безопасности, как в отношении своей жизни, так и имущества. Я уверен даже, — писал путешественник, — что здесь гораздо больше шансов на безопасность, чем в цивилизованных государствах Европы, потому что разврат и грубость нравов, господствующие в грязных плебейских улицах наших больших городов, здешним варварам еще неизвестны».

И действительно, известный охотник Силус многие годы путешествовал по междуречью, и ни один из местных жителей не тронул волоса на его голове. То же самое можно сказать о многих других охотниках, торговцах, миссионерах.

Так было, пишет Мор, «в мирное время». Ну а в беспокойное? Эдуард Мор как раз и побывал у ндебелов в такую пору — в 1869 году, когда Мзиликази, отец Лобенгулы, уже умер, но еще не определилось, кто же будет его преемником. Обстановка в стране накалилась, ожидали крупных сражений между дружинами, выступавшими за двух соперничавших претендентов.

Высший совет народа ндебеле вызвал тогда находившихся в стране европейцев и повелел им собраться вместе в поселке Мангве. «Сначала я принял эти распоряжения как величайшую несправедливость и крайний деспотизм, — пишет Мор, — но впоследствии я убедился, что они клонились к безопасности белых. Дело в том, что туземцы действительно... хотели предохра-

Лобенгула

нить иностранцев от какого-либо несчастья. Смерть хотя бы одного из них могла вызвать неприятные столкновения с английским колониальным правительством, и этого старались всеми силами избежать».

Мору не пришло в голову вспомнить, что, оберегая европейцев от той братоубийственной войны, которая вот-вот должна была разразиться в стране ндебелов, этот народ вполне имел право именно европейцев-то и считать виновниками кровопролития.

Ведь реальным претендентом был только Лобенгула. Но из уже захваченных европейцами областей Южной Африки пошел слух, что там скрывается его старший брат Нкулумане, которого ндебелы считали покойным. В Трансваале нашелся даже самозванец, выдававший себя за Нкулумане. Естественно, что все, кто по каким-либо причинам не хотел воцарения Лобенгулы, стали выступать за его мифического соперника.

Мзиликази умер в 1868-м, а Лобенгула смог окончательно утвердиться лишь в 1870-м, в тот самый год, когда Родс явился в Южную Африку. Полтора года

в стране царили раздоры, вплоть до кровавых схваток между дружинами. И у ндебелов были все основания полагать, что слухи о Нкулумане подогреваются европейцами. Но никаких прямых выступлений против европейцев не было. И даже сам Лобенгула держался вполне дружелюбно.

Эдуард Мора повидался с ним 6 октября 1869 года и рассказал, какое впечатление произвел на него «будущий царь матебелов». Лобенгула «хотел показать себя в высшей степени любезным. Он выразил мне соболезнование, что в настоящее время ничего не может сделать для исполнения моих желаний, но просил меня не беспокоиться... во всяком случае, мне не придется ждать долго». По словам Мора, если Лобенгула и не был знаком с выражением «noblesse oblige» (положение обязывает), то действовал именно так.

Во время обеда Лобенгула обратил внимание на медальон, висевший на шее у Мора, — это был портрет его матери. Лобенгула попросил показать ему портрет. Заметив фамильное сходство и узнав, что мать Мора умерла, сказал:

— Да, да, белые счастливы; ваше искусство так велико, что вы видите даже тех, которые давно уже не существуют; сердца ваши не имеют надобности страдать.

Приводя эти слова, Мора замечает от себя: «Дитя нашей цивилизации, конечно, не могло бы выразиться с большим тактом».

Многое изумляло Мора. И то, например, что «матебеле никогда не дает застигнуть себя врасплох», и то, «как хорошо туземцы знают все, что происходит у них в стране».

С впечатлениями Мора познакомились больше ста лет назад и российские читатели. Издатель русского перевода И. В. Алферьев был уверен, что книга вызовет интерес. В предисловии он написал: «На издание русского перевода с тем же изяществом и роскошью, как это сделано за границей, я не жалел никаких расходов. Могу даже засвидетельствовать, что рисунки, находящиеся в сочинении Мора, напечатаны у нас лучше, чем за границей»³. И перевели эту книгу на русский язык молниеносно: предисловие к немецкому изданию подписано автором в Бремене в марте 1875 года, а на русском переводе отметка «дозволено цензурою» датирована 3 ноября того же года. Всего шесть-семь месяцев!

...В 1870-м Лобенгула утвердился в качестве инк-си — верховного правителя. Ндебельские посланцы разыскивали Нкулумане повсюду, даже далеко за пределами междуречья, но так и не нашли его. Должно быть, он, как и предполагалось раньше, был убит еще в детстве из-за каких-то раздоров в верхах ндебельского общества.

Придя к власти, Лобенгула, можно это снова подчеркнуть, не сразу стал подозрительным к европейцам. Сначала даже разрешил нескольким людям искать золото в недрах его страны — как они говорили, дал им «концессии».

Он стремился лишь упорядочить отношения с европейцами, поставить их под свой контроль. Известно «Объявление Лобенгулы охотникам и торговцам». В нем говорилось: «Все путешественники, охотники или торговцы, желающие попасть в страну матебеле, должны идти по главной дороге, идущей из Ба Мангвато к сторожевому охранению Маньями, где они обязаны сообщить о себе обычным порядком и получить позволение идти к месту пребывания короля и просить об отдельном разрешении для каждого. За право охоты в районах к югу и западу от реки Шапани будет взиматься одно ружье стоимостью в пятнадцать британских фунтов стерлингов, мешок пороха и ящик капсюлей. Занятие какой-либо местности или постройки домов допускается лишь по специальному королевскому разрешению...»⁴

Подобные документы распространялись от имени Лобенгулы. На них была его печать с изображением слона. Сам он грамоте обучен не был. С его слов или под его диктовку документы эти составлялись европейцами, жившими в его главном поселке; другие европейцы называли их даже «секретарями» Лобенгулы.

Переводя его слова и пытаясь выразить их в европейских понятиях, они могли невольно исказить их смысл. Были, конечно, и попытки сознательных искажений. Правда, Лобенгула против этого боролся. Поручив одному европейцу перевести и записать свои слова, он потом мог вызвать другого и, показав ему бумагу, спросить, что же там написано. С помощью такой проверки он пытался контролировать белых людей.

Но потом отношение Лобенгулы к европейцам изменилось.

Английский капитан Паттерсон, побывав у Лобен-

гулы в 1878 году, писал о нем: «Будучи молодым человеком, да и какое-то время потом, даже уже став королем, он был тесно связан с белыми людьми и даже привык носить их одежду. Он построил себе каменный дом, приглашал их в свою страну, обеспечивал им безопасность. Но затем с ним произошла перемена. Вернувшись к гардеробу из нескольких лоскутов обезьяньей шкуры, он, по-видимому, возвращается и к аналогичной манере мышления, отвергает все новшества, ограничивает торговлю, отказывает миссионерам в поддержке и не защищает белых людей от нападков и оскорблений»⁵.

— Что вы думаете о миссионерах и их вере? — спросил как-то Лобенгулу англичанин Уолтер Керр.

— Я полагаю, что она истинна, — ответил тот. Однако тут же добавил: — Но ведь им и платят, чтобы они так говорили.

Керр отмечает: «Я понял, что Лобенгула мало симпатизировал усилиям миссионеров». И констатирует, что за четверть века миссионерской деятельности ни одного обращенного в христианство в стране Лобенгулы не оказалось.

В первые годы правления Лобенгулы большим влиянием пользовалась его любимая сестра Нинги. У нее был собственный «двор». К ней являлись белые охотники и торговцы, если Лобенгула бывал в отъезде. И она привечала их. Образы таких женщин, как Нинги, вероятно, и натолкнули Райдера Хаггарда на идею одного из самых известных его романов — «Она» — о могущественной правительнице страны в глубине Африки. По этому роману до сих пор снимаются фильмы.

А Нинги была в 1880 году казнена. По мнению одного из английских историков, Лобенгула боялся усиления ее влияния. Но может быть, она впала в немилость именно из-за близости с европейцами?

Почему же так изменился Лобенгула? Капитан Паттерсон писал: «Искрення ли такая перемена, или она объясняется политикой, сказать трудно. Окруженный людьми, которые еще больше него ненавидят цивилизацию, он теперь является человеком, с которым мы вряд ли можем связывать большие надежды».

Этот англичанин был сыном своего времени и бытовавших в его стране представлений об африканцах. Он просто приклеил Лобенгуле ярлык «ненавистника цивилизации», даже не задавшись вопросом, почему же

этот вождь, сначала так по-доброму относившийся к европейцам, взял да и переменялся.

Ответа не найдешь и в других свидетельствах. Правда, многие европейские очевидцы не прочь были поругать друг друга. Миссионеры отмечали неприглядность поведения торговцев, охотники — миссионеров... Но создается впечатление, что буквально никто из них не попытался всерьез задуматься об обратной связи: какое же впечатление все они производили на африканцев и какие чувства могли вызвать. И как это все влияло на таких правителей, как Лобенгула.

Как могли относиться африканцы к приезжавшим и приходившим в их края европейцам, особенно когда этих пришельцев становилось все больше? Ведь большинство из них были людьми того же типа, что и золотоискатели Трансвааля. Те, кто и в Йоханнесбурге-то не ходили без кольта и пускали его в ход без долгих размышлений.

Ну вот хотя бы какой стереотип охотника создает Райдер Хаггард. Алан Куотермен, герой многих его африканских романов, считался у европейской читающей публики человеком очень достойным — не только мужественным и решительным, но и благородным, добрым, человеком широкой души. Одним словом, джентльменом. Этот образ был создан, чтобы восхищать и вдохновлять европейскую, особенно английскую, молодежь. И он действительно имел успех. Не случайно романы Хаггарда с этим героем переиздаются на многих языках и по сей день.

Но как же Алан Куотермен относился к африканцам?

Вот роман «Месть Майвы». Алан рассказывает, как он, охотясь, вступил на земли народа, по его описанию весьма похожего на ндебелов, вернее, на тогдашний европейский стереотип этого народа. Как же Алан ведет себя там?

Когда старшина африканских проводников и носильщиков говорит, что он и его люди не хотят идти дальше на земли чужого им народа, Алан наводит на него ружье.

— Пойдешь, или я буду стрелять.

Затем Алан начал, ни у кого не спросив, охотиться на землях этого народа. А когда к нему пришел вождь одного из селений и вежливо попросил о встрече, Алан принялся кричать, чтобы слышали все кругом:

— Что это такое — так нагло тревожить меня? Да

как он смеет беспокоить человека столь значительного, занимающего такое положение?.. Потом Алан объясняет своим друзьям, что он затем и кричал, «чтобы произвести впечатление».

А когда за ним, без спросу вторгшимся на земли чужого народа, вождь послал отряд воинов, Алан думает отравить их стрихнином, только вот стрихнина у него оказывается маловато...

И ведь так поступает и думает не человек из отбросов общества, а воспеваемый, опозитизированный герой романов для юношества. Обмануть, надуть «дикаря», «варвара» — многие ли считали это зазорным?

Встречались, конечно, и такие, кто особенно бережно относился к доброй славе своего имени и старался ничем его не запятнать. Среди миссионеров были и просто подвижники — легкое ли дело уехать из Европы в глубь тогдашней Африки, и не на месяц, не на год, а на всю жизнь!

Но ведь и они считали, что у африканцев, собственно, нет никаких духовных ценностей. Исходили из того, что можно и нужно сломать весь строй духовной жизни африканцев.

Каковы бы ни были помыслы европейцев, которые первыми проникали на африканские земли, объективно они прокладывали путь для тех, кто шел вслед за ними. Киплинг опозитизировал этих людей, видя в них именно авангард колониализма.

Легион, не внесенный в списки,
Ни знамен, ни значков никаких,
Разбитый на сотни отрядов,
Пролгающий путь для других.
Отцы нас благословляли,
Нянчили, пичкали властью,
Нам хотелось не клубных обедов,
А пойти и открыть и пропасть...

Но если это понимали Киплинг и Родс, то ведь начинал понимать и Лобенгула. До него все время докатывались вести о том, какая судьба постигла другие африканские народы, на чьи земли белые люди приходили сперва тоже только в обличье миссионеров, охотников, торговцев, натуралистов, путешественников..

Первые годы правления Лобенгулы совпали с началом «раздела» Африки. В междуречье все громче слышался рокот приближавшихся колониальных войн. И норой не такой уж глухой. И Лобенгула его слышал. Мог ли он не изменить отношения к англичанам?

С конца семидесятых годов появились уже явные признаки приближения угрозы. В 1877-м Англия аннексировала Трансвааль, и уже на следующий год британский администратор Трансвааля послал к ндебелам экспедицию во главе с тем самым капитаном Паттерсоном, который столь пренебрежительно отзывался о Лобенгуле. Паттерсону поручалось уговорить Лобенгулу снять все запреты на передвижение англичан по стране. Сам Паттерсон и его спутники должны были добиться от Лобенгулы разрешения пересечь всю территорию ндебелов и добраться до водопада Виктория на Замбези. Тем самым Паттерсон должен был провести рекогносцировку обширных земель для будущих захватов.

В состав экспедиции Паттерсона был включен никому тогда еще не известный двадцатидвухлетний молодой человек по имени Райдер Хаггард, мелкий английский колониальный чиновник в Трансваале. Но перед самой отправкой выяснилось, что дела службы задерживают его.

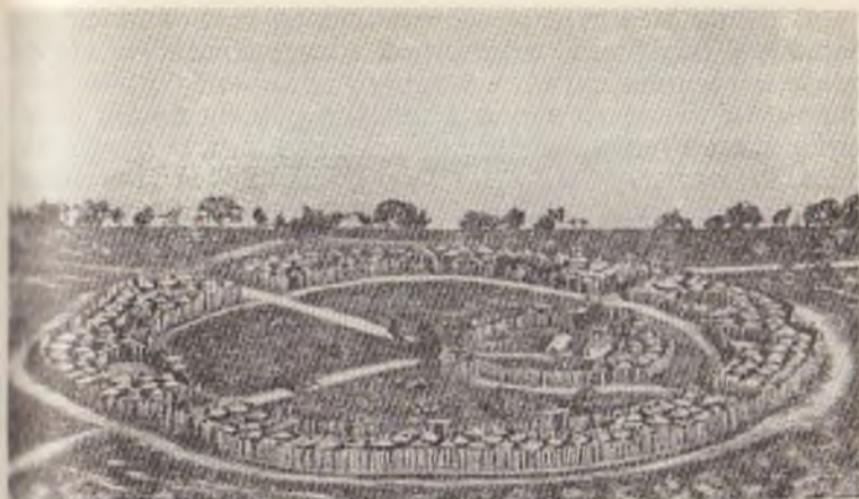
По пути к Лобенгуле Паттерсон тщательно осматривал те места, через которые проезжал. Оценивал их богатства, возможности. «Страна богата природными ресурсами, — писал он, — имеет отличные, хорошо орошаемые почвы, прекрасный климат, ее растительный мир очень разнообразен... Пышно цветут хлебное дерево, пальмы, оливковые деревья и все виды плодовых деревьев... В районах Машона и Тати много золота. Кроме того, страна богата железом».

Лобенгула понял смысл появления этой экспедиции. Паттерсону не удалось добиться разрешения свободно передвигаться по стране. Но он все же требовал, чтобы ему и его спутникам позволили отправиться к водопаду Виктория. Лобенгула ограничился настойчивым советом не делать этого и предупредил, что дорога опасна, по пути немало отравленных колодцев.

Паттерсон не внял увещаниям и отправился к Замбези. На восемнадцатый день пути экспедиция погибла. По слухам из тех мест, люди напились воды из отравленного колодца.

В Англии решили, конечно, что экспедиция была истреблена по приказу Лобенгулы и его военачальников. Но доказательств не было. Британские власти послали Лобенгуле несколько запросов, но он категорически отрицал свою причастность к гибели экспедиции.

Легко представить себе чувства Райдера Хаггарда,

Булавайо. Зарисовка тех времен

Когда он понял, что лишь чудом избежал гибели. Может быть, поэтому в романе «Коли царя Соломона», написанном им через несколько лет, да и в других его произведениях междуречье Замбези — Лимпопо представляло страной столь таинственной и столь недоброй к белым людям.

Каковы бы ни были причины ее гибели, злосчастная экспедиция Паттерсона ухудшила отношение Лобенгулы и его народа к англичанам. По сохранившимся документам Паттерсона о его переговорах с Лобенгулой современники сделали вывод, что «чрезвычайная миссия от британцев вызвала страшные подозрения» и «не закончилась ничем, если не считать появления недобрых чувств».

Эпизод с миссией Паттерсона показал, что условия для вторжения Англии в междуречье Замбези — Лимпопо тогда еще не были достаточно благоприятными. Требования британских эмиссаров не подкреплялись реальной силой. Солдаты королевы Виктории были поблизости, в Трансваале, но только с 1877-го по 1880 год, до победы буров при Маджубе, да и то их было немного, и у них были другие заботы.

А вот к 1888 году обстановка резко переменилась. И дело не только в том, что Родс и его единомышленники, распространив британскую сферу влияния на соседние с междуречьем земли батсванов, проложили путь для вторжения.

В самом междуречье белых людей становилось все больше и больше. С открытием трансваальского золота сразу же пошли слухи, что междуречье еще богаче. Недаром же какие-то народы, кем бы они ни были, оставили здесь столько рудников... Из уст в уста передавались, казалось бы, давно уже забытые рассказы средневековых португальских путешественников. Перепечатывались их старинные карты с манящими надписями: «Здесь есть золото».

Старатели бросились к Лобенгуле за «концессиями» на поиски золота. Его столица Булавайо стала местом паломничества и центром английских, немецких, португальских и бурских интриг.

«Белые люди приходят как волки, без разрешения, и прокладывают новые пути в мою страну», — писал Лобенгула в начале 1887 года британским чиновникам. Он пытался принять меры, ограничить въезд в страну, но приток европейцев все возрастал. «Сегодня еще сохраняется мир, но я не знаю, что принесет завтрашний день»⁶.

Лобенгула оказался в сложном положении. В его народе росло недовольство европейцами, молодые воины требовали войны. Лобенгула отвечал им:

— Вы хотите толкнуть меня в пасть льва!

Он, умудренный годами и опытом вождь, понимал, что с европейцами ему не справиться. От него требовалось искусство настоящего дипломата, чтобы противостоять европейцам, не доводя дело до войны, и сдерживать своих воинов, но так, чтобы они в конечном счете не поднялись против него самого.

Может быть, он уже тогда сознавал, что война неизбежна? Только хотел оттянуть ее как можно дольше, если уж на победу все равно не приходилось рассчитывать...

Ну а Родс наверняка понимал, что для полного захвата междуречья военного столкновения ему не избежать. Изучал силы противника. И смотрел в будущее с опаской. Основания для этого у него были.

Что за восхитительный народ!

Зулус «в сутки проходит больше, чем лошадь, и быстрее ее. У него мельчайший мускул, крепкий, как сталь, выделяется словно плетеный ремень». Сто лет назад Ф. Энгельс приводил эти слова одного английского художника.

Кечвайо

Пересказывая восторженные отзывы очевидцев, Ф. Энгельс и сам восхищался храбростью зулусов. Зулусы, писал он, «сделали то, что не способно ни одно европейское войско. Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль заряжающихся с казенной части ружей английской пехоты — по общему признанию первой в мире по боевым действиям в сомкнутом строю — продвигались вперед на дистанцию штыкового боя, не раз расстраивали ряды этой пехоты и даже опрокидывали ее, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении...»⁷

Речь идет о событиях 1879 года, когда британские войска вторглись на земли зулусов. Эта война была тогда одним из крупнейших событий в мире. В Европе восхищались действиями зулусского правителя Кечвайо и с изумлением говорили о битве у холма Изандллана — зулусы атаковали и уничтожили вторгшийся в их страну крупный английский отряд. И хотя зулус-

ским копьям противостояла европейская военная техника, все же погибло больше восьмисот английских солдат и офицеров и почти пятьсот бойцов «туземных войск» — африканцев, завербованных английскими властями.

Такое поражение африканцы нанесли европейским вооруженным силам впервые в истории. В «Санкт-Петербургских ведомостях» 4 (16) февраля 1879 года говорилось: «Победа кафров-зулусов над отрядом англичан оказывается полной. Не только из отряда никто не спасся, но вследствие означенного поражения главнокомандующий английскими войсками лорд Чельмсфорд принужден был отступить». Слово «зулус» вошло тогда в обиход русского языка. Чехов в письмах к своему старшему брату Александру обращался: «Мой брат зулус». Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» отправил своего бродячего полководца Редедю в страну Зулусию.

Англо-зулусская война повлияла и на события в Европе. В Англии она стала одной из причин широкого недовольства премьер-министром Дизраэли, приведшего вскоре к его падению. А ведь накануне этой войны он был в зените славы. Даже епископ англиканской церкви Наталя осудил агрессию своих соотечественников.

В одной из мелких стычек зулусы убили молодого человека по прозвищу Принц Лулу, а по имени — Наполеон Евгений-Людовик-Жан-Жозеф. Он действительно носил титул «имперского принца». Это был единственный сын последнего французского императора Наполеона III. Хотя во Франции уже несколько лет, со времен франко-прусской войны и Парижской коммуны, существовала республика, партия бонапартистов быстро усиливалась и, уверенная в скором приходе к власти, еще в 1874 году, в год совершеннолетия принца, провозгласила его своим главою под именем Наполеона IV. Бонапартисты считали, что ему не хватало лишь воинской славы, чтобы французы увидели в нем подлинного Бонапарта. Вдова Наполеона III — императрица Евгения и приютившая ее в изгнании королева Виктория послали своего любимца за этой славой на Юг Африки. Им казалось, что там ее добыть не трудно. Французский географ Элизе Реклю сострил: принц «надеялся, что военные подвиги против зулусов доставят ему впоследствии господство над французами». Европейские газеты готовились описывать грядущую

щие военные подвиги принца. «По слухам, принц Луи-Наполеон изложит все пережитое им в Южной Африке в дневнике, который будет печататься...» — сообщала в апреле 1879-го петербургская газета «Голос». Но зулусский асегай сорвал планы бонапартистов и заметно изменил политику европейских кабинетов, до того считавшихся с возможностью восстановления империи во Франции.

Дизраэли, один из главных виновников войны с зулусами, и тот не мог скрыть своего изумления. «Что за восхитительный народ — он убивает наших генералов, обращает наших епископов в свою веру и пишет слово «конец» на истории французской династии»⁸.

Прекрасные боевые качества зулусов настолько запомнились всему миру, что через много лет, в январе 1942 года, в самую критическую пору второй мировой войны, на страницах американской «Нью-Йорк геральд трибюн» появилась статья «Громадный африканский резерв воинства для союзников». В ней говорилось: «Величайший боевой народ Африки, прославленные южноафриканские зулусы, не воевали ни в первой мировой войне, ни пока еще — в этой»⁹.

Но зачем вспоминать обо всем этом здесь, где идет речь о родовских планах захвата междуречья?

Конечно, англо-зулусская война произвела на Родса громадное впечатление. Ведь события происходили в том самом Натале, где он прожил первый год своей южноафриканской жизни. Паникой был объят тот самый Питермаритцбург, куда он приехал семнадцатилетним юнцом.

Но были и другие аналогии. События англо-зулусской войны наглядно показали Родсу, какими могут быть африканцы — те, кто ежедневно гнет спину в его алмазных копиях. Родс знал, конечно, что в зулусском войске были воины, вооруженные ружьями, и что деньги для покупки этих ружей они когда-то заработали тут, в Кимберли. А может быть, именно те, кто работал на него, на Родса, и убили потом французского принца?

Родс был впечатлителен, когда дело касалось его жизни, и на него не могла не подействовать гибель принца, его сверстника. Очень уж наглядно она показала, что и «маленькая» колониальная война — это война, где убивают без различия чинов и званий.

Через несколько лет Родс сам чуть не последовал в мир иной тем же путем, что и неудачливый Напо-

леон. Во время колониальной «экспедиции» против небольшого народа коранна человек, ехавший рядом с Родсом, получил рану в живот и мгновенно умер. Родс с ужасом повторял потом: «Представьте себе, ведь это мог бы быть мой живот, а не его». По словам одного из друзей Родса, он «получил шок на всю жизнь» и с тех пор старался избегать риска многие годы.

И все же так ли уж важен был для Родса опыт англо-зулусской войны? Ведь после нее прошло уже несколько лет. Да и целью его были другие районы, далеко от злополучной Изандлваны. Жить там должны, казалось бы, другие народы, с другими нравами и обычаями...

В том-то и дело, что Родсу приходилось тут готовиться к встрече с теми же самыми порядками и обычаями, а главное — с таким же зулусским войском.

Отец Лобенгулы — я уже упоминал об этом — был когда-то, во времена Чаки, одним из зулусских военачальников. А сам Лобенгула на вопрос английского путешественника, как же следует правильно называть его народ, ответил:

— Подлинное имя моего народа — зулусы.

Как это могло получиться? От земель Лобенгулы до Наталя, страны зулусов, больше тысячи километров. Ну что ж, недаром Ф. Энгельс приводил свидетельства, что зулус может пройти в сутки больше, чем лошадь. Путь этот, от Наталя до междуречья, и был когда-то проделан идебелами. Не сразу, а в два приема. За долгий срок. В суицидистских, разными поколениями.

Отец Лобенгулы Мзиликази — Большой След — был любимцем Чаки, одним из самых одаренных его сподвижников и военачальников. Об отношениях Чаки и Мзиликази подробно и живо рассказывается в книге «Чака Зулу», написанной Э. А. Риттером, в той самой, где говорилось и о реакции Чаки на затмение. Согласно преданиям, после одного очень успешного похода Мзиликази утаил от Чаки несколько стад захваченного скота. Чака поступил с Мзиликази милостиво: направил к нему гонцов с требованием отдать недостающий скот. Мзиликази ответил неслыханной дерзостью. Он срезал перья, которыми были украшены головы гонцов, и отослал этих людей обратно к Чаке, не передав на словах ничего.

— Увы! — горестно сказал Чака, увидев срезанные плюмажи. — Дитя мое опорожнилось на меня!

В начале 1823-го терпение Чаки все же истощилось, Мзиликази вместе со своим кланом ндебелов вынужден был бежать на север. Они переселились сперва за реку Вааль, но в 1836—1837 годах туда пришли буры, чтобы потом основать там свой Трансвааль. В результате двухлетних схваток Мзиликази пришлось уйти далеко на север и окончательно обосноваться уже за рекой Лимпопо.

Так в далекое от земли зулусов междуречье были перенесены зулусские обычаи и традиции, не говоря уже о языке. И путешественники удивлялись, когда видели здесь такую же военную организацию, ставшую, как у зулусов, основой всего общественного организма.

Страна, как и у зулусов, делилась на военные округа. Суровое воспитание делало юношей дисциплинированными воинами, не боящимися смерти. И постоянные тренировки выработали у здешних воинов, как и у зулусских, способность проходить в сутки больше, чем лошадь. И на их телах так же отчетливо выделялся каждый мускул.

Верховного правителя здесь звали «инкоси», военачальника и главу административного района — «индунан», отряд воинов — «импи», и так далее. Как у зулусов...

В западной литературе ндебелам, как и зулусам, нередко приписывалась «кровожадность», крайняя жестокость по отношению к другим народам, да и в своей собственной среде. Нравы ндебелов, как и зулусов, что и говорить, не отличались мягкостью. Вся жизнь их была суровой. Молодые воины не носили обуви, как когда-то их прадеды, — Чака считал, что обувь изнеживает. Кожа ступни ноги у воина должна быть тверже подошвы обуви. Нельзя было иметь метательного копья — разить врага воин должен был только лицом к лицу в рукопашной схватке. Воин, потерявший оружие на поле брани, карался смертью. Во времена Чаки и Мзиликази такая судьба могла постичь и целый отряд, потерпевший поражение в бою с неприятелем, но при Лобенгуле такого, кажется, уже не случалось.

Лобенгула горючил, что у него нет тюрем, да и держать людей в тюрьме, как это делают европейцы, он считал бесчеловечным. Так что проступки или прощались, или карались смертью...

Самое время, кажется, воскликнуть: о времена, о нравы! Но так ли уж они поражают своей жесто-

костью? Разве не было подобного в прошлом европейских народов? История и тут писалась кровью, и, как это ни грустно признать, запоминались больше именно те правители, которые не жалели крови подданных.

Обратимся снова к Риттеру: «Чака, несомненно, был временами жесток. Но это присуще всем великим полководцам. Тит, самый «гуманный» из римских императоров, во время осады Иерусалима распинал по тысяче иудеев в день... Чака велел заживо сжечь шестнадцать женщин. Красс же, разбив Спартака, распял шесть тысяч восставших рабов. Когда в 1631 году Тилли взял штурмом Магдебург, жительницы этого города подверглись насилию. Воины Чаки за такое преступление заплатились бы жизнью...»

Так что какими бы жестокими ни казались нам нравы ндебелов и зулусов, с морально-этической точки зрения они куда естественнее для того общества, чем страшные изуверства и кровавые боины, учиненные в те же времена, да даже и позднее, европейскими «цивилизованными государствами».

Самое трудолюбивое и искусное племя

Ндебелы-мателы были не так уж многочисленны. Расположившись на юго-западе, они не заняли всего междуречья. На остальных землях по-прежнему жили племена машона, или шона, — многочисленные, но раздробленные и не имевшие такой военной организации, как зулусы и ндебелы. Некоторые из племен шонов стали данниками ндебелов, другие сохранили независимость.

Когда Сесиль Родс готовился к захвату междуречья, шоны, конечно, занимали его куда меньше, чем ндебелы. От них он не ждал серьезного вооруженного сопротивления. Более того, Родс даже надеялся, что шоны увидят в белых людях освободителей от власти «кровавожадных» ндебелов. Идея о том, что шоны подвергаются постоянному угнетению со стороны ндебелов, широко распространялась сторонниками Родса.

Шоны действительно не славились такой воинственностью, как ндебелы, а были известны трудолюбием в земледелии и скотоводстве, искусностью в ремеслах. Хорошо знавший их миссионер Джон Маккензи писал: «Машона — самое трудолюбивое и искусное племя по

исей Южной Африке... Оно — первое среди всех племен по своим познаниям в области сельского хозяйства; по своему искусству плавки металлов и особенно по своей превосходной обработке железных орудий, таких, как наконечники копий, мотыги, топоры, тесаки и т. п.»¹⁰.

Шоны жили в междуречье неизмеримо дольше, чем ндебелы. Жили по старинке. Исходили из тех условий мирного земного счастья, о которых так ясно сказано в песне одного из африканских народов:

Первое — это, конечно, не умереть молодым,
Второе — не впасть в нищету,
Третье — не знать огорчений и тягот,
Четвертое — чтобы жизнь была приятна для нас,
Пятое — быть счастливыми в детях,
А в-шестых — не пропустить подходящего случая,
Чтобы здесь, в нашем мире земном,
Без мучений заснуть последним сном.

В наши дни с народом шона связывают исторические события, которые долго считались одной из таинственных загадок Африки. Да и сейчас она еще не разгадана до конца.

В междуречье европейские путешественники часто находили остатки цивилизации, показавшейся им необычной для Африки. Сотни глубоких рудников. Множество массивных каменных строений с высокими башнями и толстыми стенами. Крупнейшую из этих построек местные жители называли «Зимбабве».

Эти находки поставили ученых в тупик. Большинству европейцев во времена Родса и в голову не приходило, что африканцы могут самостоятельно создать сравнительно высокую культуру. Правда, еще первые путешественники писали, что основное население междуречья — машоны добывают золото, хотя и в незначительных количествах, и что они, как писал Эдуард Мор, «устроили здесь рудники». Но на эти свидетельства никто не обращал внимания. Крупный английский археолог Теодор Бент авторитетно утверждал в 1892 году, что постройки Зимбабве «никак не связаны ни с одним из известных нам африканских народов» и что они вообще «несовместимы с африканским характером»¹¹.

Вот и появился облеченный в наукообразную форму домысел, будто именно здесь, в междуречье Замбези и Лимпопо, обнаружена наконец упомянутая в Библии страна Офир, откуда царь Соломон привозил золото

для украшения своего храма в Иерусалиме. Изданный в 1885 году роман Райдера Хаггарда «Копи царя Соломона» — один из отголосков этого домысла.

Догадок было множество. Ученые спорили, кем создана культура Зимбабве — финикийцами, арабами или индийцами.

Теперь-то историкам проще. С помощью радиокарбонного анализа они установили, что строения Зимбабве относятся не к седой древности, а к середине нашего, второго тысячелетия, то есть возникли четыре-пять веков назад. Значит, к царю Соломону и финикийцам они во всяком случае не имеют отношения. В наши дни бесспорно доказано, что культура Зимбабве местного, африканского происхождения.

На территории междуречья было много переселений и кровавых междоусобиц. Племена перемешивались. Так что было бы большой смелостью прямо назвать создателями Зимбабве предков какого-либо из народов, живущих сейчас в междуречье. И все-таки можно сказать, что и в машонах тоже наверняка течет кровь средневековых создателей Зимбабве.

Правда, и теперь еще не все загадки решены. Археологами найдено тут множество бус, похожих на занзибарские, индийские, индонезийские... Большинство ученых считают эти находки следами не изученных до сих пор связей и контактов между континентами. Но для некоторых это и сейчас свидетельства того, что культурные элементы были якобы привнесены в цивилизацию Зимбабве извне.

Так что споры продолжаются, хотя и не такие бурные, как во времена Родса, когда происхождение руин Зимбабве было не только предметом академических дискуссий, но и модной темой в аристократических салонах. Родс также отдал ей дань. В годы завоевания междуречья он собрал у себя в Кейптауне множество реликвий из Зимбабве.

В середине девяностых годов он часто показывал их знатым гостям и горячо спорил о том, кому же принадлежали эти развалины — финикийцам или арабам до начала магометанства.

Эти рассуждения Родса пересказал французский ученый и путешественник Пьер Леруа-Болье. Описание их встречи тогда же появилось и на русском языке. Родс «велел принести «Книгу Царств», читал отрывки, относящиеся к Соломону и путешествию Гирама за золотом в страну Офир; взяв потом перевод Диодора Си-

цилийского, он читал нам те места, где автор описывает золотые залежи, находящиеся к югу от Египта, и способы их разработки». Родс считал, что остатки золотых рудников в междуречье совершенно соответствуют описаниям Диодора Сицилийского.

— Я не утверждаю, — говорил он, — что эти залежи разрабатывались именно египтянами; но они разрабатывались народом, обладавшим той же цивилизацией.

«Он достал потом, — продолжал Леруа-Больс, — золотую медаль, найденную близ этих же развалин, но гораздо позднейшего происхождения... по этому поводу он стал говорить о многочисленных иезуитских миссиях, отправлявшихся в эти страны в XVI столетии».

— И все это пропало, — заключил Родс с некоторым оттенком меланхолии.

Подлинный смысл рассуждений Родса француз отлично понял. Родс «думал, конечно, что это служит как бы оправданием тому, что высшая раса захватила эти страны; его миссия — снова внести в них ту цивилизацию, которую варвары уничтожили и которую португальцы не сумели водворить снова после первых больших усилий»¹².

Вот так через призму своих политических интересов Сесиль Родс воспринимал давнюю африканскую культуру.

Какими же видел их Родс?

Ну а какими же видел он своих современников — идебелов и машонов? Как представлял себе народы, которые ему предстояло покорить? Понять это важно не для того лишь, чтобы лучше понять самого Сесилия Родса. Нет, ведь в его взглядах отразились представления об африканских народах, типичные для многих его соотечественников и современников.

Родс впитывал в себя представления, бытовавшие в его среде, а потом и сам внес немалую лепту в формирование образа народов Африки в Англии, да и во всей Европе. Этот образ, эти представления, несколько изменяясь в деталях, просуществовали десятилетия и часто служили оправданием, объяснением колониальной политики.

В наши дни достижения научно-технической революции сделали мир таким обзримым, таким, уж как-то тесным, что даже далеким народам надо знать

друг друга как можно лучше. А для этого надо воссоздать картину становления их представлений друг о друге, доискаться до истоков каждого предрассудка. Недаром отрасль науки, которая этим занимается, — имагология — находит все новых приверженцев.

Представления Родса и его единомышленников — одна из ступенек в истории расовых предрассудков и колониальной психологии. Но легко ли понять, каким виделось Родсу междуречье и его народы? Дневниковых записей он не вел, сочинительством не занимался. Эпистолярное же его наследие состоит больше из лаконичных деловых посланий и телеграмм.

В своем Кимберли и в Кейптауне он имел возможность узнать буквально все, что было написано о ндебелах и мапонах или что о них рассказывали. Но в какой мере эта информация была верной, адекватной?

Казалось бы, он получал там сведения из первых рук, но ведь искажались они по меньшей мере трижды.

Во-первых, из-за отношения самих африканцев. Один тогдашний английский автор считал, и не без основания, что африканец в ответ на расспросы белого рассуждал примерно так:

— А кто ты такой, что я должен отвечать на все твои вопросы? Почему я обязан рассказывать тебе все о себе, о моей стране, о наших владениях, нашем правительстве и наших домах? Ведь я не знаю, кто ты такой, каковы твои цели. А может быть, ты шпион и завтра обернешься нашим врагом!¹³

Так что сведения, полученные от африканцев, отнюдь не всегда были точными.

Вторым источником искажений была предвзятость очевидцев-европейцев.

Флобер составил когда-то «Лексикон прописных истин», словарь ходячих мнений тогдашнего парижского буржуа на все случаи жизни. Попробуй-ка выскочи из круга привычных представлений своего времени! Для этого надо быть очень неординарным человеком. И об африканцах были такие же ходячие мнения.

Большинство европейцев, приезжавших в Африку, считали, что, чем бы они ни занимались, что бы ни делали, они несут добро. Свет цивилизации и культуры. Единственно верные идеи и образ жизни. «Величие» собственной миссии ослепляло, затмевало реальность. И им казалось, что враждебность, недоверие к ним могут испытывать только безнадежно отсталые люди, «дикари», «ненавистники цивилизации». Ах, как удоб-

но отождествить себя с прогрессом, считать себя его знаменосцем. Где уж тут пытаться понять, разобраться.

И вот эти-то европейцы, с чьих слов потом судила Европа об Африке, видели своими глазами лишь тот стереотип этого материка и его обитателей, к которому они привыкли на родине. Еще в начале столетия было сказано: «Сведения, выносимые средним путешественником из чужой страны в качестве его личных впечатлений, почти всегда в точности подтверждают те его мнения, с какими он отправился в путь. Он имел глаза и уши только для того, что он ожидал увидеть и услышать»¹⁴.

Как тяжело давалось немцам и другим иностранцам понимание жизни Московского государства. Да и давалось ли вообще? А ведь это были люди не такой уж далекой культуры, жители, можно сказать, соседних стран. Необычайно трудно понять обитателей другого края земли! Чем больше расстояние между культурами, тем труднее дается взаимопонимание, писал Н. А. Ерофеев, пионер имагологии в нашей стране¹⁵.

Облик жителя иных земель, «инородца», возникает не только под влиянием социальных и экономических условий. Он впитывает в себя тончайшие, подчас трудно распознаваемые психологические особенности своего времени. И именно они могут послужить, как это бывало в истории, питательной средой для предрассудков и предубеждений.

Еще один источник искажения сведений — это само сознание того человека, который эти сведения получает: выслушивает от очевидца или узнает из книг. В данном случае — сознание самого Сесилия Родса. Получив информацию уже искаженную, можно сказать, дважды, оно искажало ее еще раз, подчиняя своей собственной установке.

Родс не отличался абстрактной любознательностью. Для этого он был слишком занятым человеком. На идебелов и шонов, как и в случае с цивилизацией Зимбабве, он смотрел лишь через призму своих политических интересов. В наши дни суть таких интересов именуют геополитикой. Вот потому отношение Родса к африканским народам можно свести к одной немудреной формуле. Он делил их на «кровожадные» и «мирные». Если перевести это на современный язык, то определения звучали бы так: сильные противники, которые скорее всего окажут серьезное сопротивление при завоевании, и противники послабее, менее опасные.

ОТ «БЕЛОЙ КОРОЛЕВЬ» К ИНКОСИ ЛОБЕНГУЛЕ

се же главным препятствием на пути в глубь Африканского континента Родс считал не африканцев. Какими бы грозными противниками они ни были, соперники-евро-

пейцы казались куда более опасными.

Схватка за Черный материк была в самом разгаре. Четырнадцать государств Европы и Северной Америки на Берлинской конференции 1884—1885 годов пытались выработать хоть какие-то правила игры: определить, на каких же условиях очередной кусок африканской земли можно объявить чьей-то территорией, «сферой влияния».

Ничего из этого, как известно, не получилось. После конференции борьба пошла еще ожесточеннее. Финансовый капитал, писал В. И. Ленин, стремился «захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья»¹. Признавали это и сами участники схватки. Лорд Розбери, британский премьер-министр, говорил: «Англичане сейчас вколачивают колышки, основываясь на которых их потомки будут предъявлять свои претензии»².

Сесиль Родс начал добиваться захвата междуречья в 1887 году. В Англии и ее южноафриканских владениях не один он стремился к этому, но его роль оказалась особенно важной.

Поначалу он действовал через британского верховного комиссара Южной Африки Геркулеса Робинсона и Сиднея Шиппарда, который со времени захвата Бечуаналенда, земель батсванов, возглавлял там английскую колониальную службу. Сотрудничать с Шиппардом Родсу было особенно легко. Они знали друг друга давно. Еще в первом политическом завещании в 1877 году Родс объявил Шиппарда своим душеприказчиком.

Родс и его единомышленники понимали, что в условиях все ужесточавшейся схватки за Африку завоевание междуречья следует проводить осторожно, по эта-

нам. И первой ступенькой могло быть только включение земель ндебелов и машонов в британскую «сферу влияния».

Как возникла «сфера влияния» сто лет назад

Такая задача не казалась Родсу легкой. Междуречье — это были не просто земли «впрок». Все считали, что там золото, много золота.

К тому же во влиятельных колониальных кругах Германии родился план создания немецкой «Срединной Африки». Они хотели соединить Германскую Восточную Африку с Германской Юго-Западной Африкой. Обе колонии были «приобретены» только-только — в 1884-м, но уже не терпелось объединить их — опоясать весь континент кольцом своих владений.

А между этими колониями лежало междуречье. Нехватишь его — не бывать и «Срединной Африке». И потянулись к междуречью германские агенты...

Португалия вспомнила о своих «исторических правах»: ведь она первой среди европейских стран начала захваты в Африке, еще в средневековье. И теперь тоже возмечтала оковать обручем Африканский континент, объединив свои владения на западе и на востоке — Анголу и Мозамбик. Для этого ей тоже надо было овладеть междуречьем.

Да и Трансвааль. Его правительство считало экспансию в междуречье вопросом жизни или смерти для бурских республик. Стиснутые англичанами с юга и с востока, а после захвата земель батсванов в 1885-м — и с запада, буры боялись полного окружения. И потому изо всех сил старались упрочить свое влияние в междуречье, помешать там усилению Англии.

Само по себе это, может быть, и не так уж страшило бы Родса, но его настораживали признаки сближения Германии с Трансваалем. Поэтому за действиями буров Родс следил зорко.

А следить было за чем.

Еще в 1882 году Лобенгуле направил послание Пит Жубер, главнокомандующий вооруженными силами Трансвааля. Жубер пытался настроить Лобенгулу против англичан. Он жаловался, как трудно было Трансваалю избавиться от британского господства, и писал: «Если англичанину удалось у вас что-нибудь стащить,

он будет изо всех сил держаться за это — как обезьяна, когда она зажимает между ладонями горсть тыквенных семечек, — и надо бить его смертным боем, иначе ни за что не отдаст»³.

Такие письма, несмотря на их образность, может быть, и не производили бы желаемого впечатления, если бы англичане не подтверждали их справедливость своими действиями. Ведь как для буров, так и для идебелов угроза английского вторжения действительно резко усилилась с 1884 — 1885 годов, после того, как Англия захватила земли батсванов, превратив их южную часть в свое владение Британский Бечуаналенд, а северную, доходившую до земель идебелов, — в свой протекторат.

Особенно встревожился Лобенгула, когда англичане предложили провести границу между землями идебелов и ближайшего к ним батсванского племени — бамангватов. Сидней Шиппард выдвинул себя в качестве третейского судьи.

Лобенгула, конечно, понял, что любая попытка установить какую-то границу обязательно вызовет споры между соседями, а англичанам только это и нужно. И он, забыв давние распри с бамангватами — а у каких соседей не бывает распрей, — отправил их вождю Каме тревожное и вместе с тем дружелюбное послание. Он убеждал соседа решать все междоусобные споры самим, не допускать вмешательства европейцев.

«В прошлом году я слышал от белых людей, что Вы ставите вопрос о проведении пограничной черты. Теперь я это слышу опять, но со мной Вы это не обсуждали. Почему же Вы не известили меня? Ваш сосед — я, а не белые люди. А Вы решаете, не советуясь со мной. Вы отдаете свою страну, и даже часть моих земель. Как мне понимать все это? Я хотел бы слышать Ваш ответ как можно скорее. Мы ведь никогда не говорили ни о какой границе. Лишь теперь они (англичане. — *А. Д.*) ставят вопрос о границах».

После долгих уговоров Лобенгула добился своего. Кама тоже отказался от английского посредничества.

Недовольство англичанами давало козыри бурам. Трансваальский эмиссар Пит Гроблер отправился к батсванам и идебелам. Батсванам он завез много ружей и раздавал вождям, недовольным английским вторжением и проанглийской, с их точки зрения, позицией Камы.

Буры, конечно, не надеялись так просто изгнать

британцев с земель батсванов, они только пытались затруднить английское продвижение в междуречье. Пит Гроблер явился в Булавайо. В июле 1887 года, всячески запугивая ндебелов английской угрозой, он сумел заключить с Лобенгулой «договор о мире и дружбе» и добился ряда привилегий для буров в стране ндебелов. Он надолго остался в Булавайо как бы полномочным послом, чтобы тут, на месте, противодействовать английским влияниям.

Англичане в долгу не остались. Сидней Шиппард принялся запугивать ндебелов угрозой вторжения буров. Он писал Лобенгуле: «До меня дошло известие о большом числе людей из Трансвааля, собирающихся вторгнуться в Мапоналенд». И добавлял: «Хотя об этом я не знаю ничего определенного, все-таки на всякий случай сообщаю»⁴.

Когда Гроблер возвращался из Булавайо обратно в Трансвааль, на землях бамангватов его «случайно» убили.

Англичанина Паттерсона случайно отравили, бура Гроблера невзначай убили... На простых европейских охотников, торговцев никто не покушался. Но прикосновение к «большой» политике оказывалось роковым даже тут, в глубине Африки.

...Родс все сильнее давил на капские колониальные власти. Не исключено, что именно его агенты первыми узнали о договоре Гроблера.

На рождество 1887 года Родс встретился с Геркулесом Робинсоном. Было решено, что настало время действовать быстрее и энергичнее. Наметили немедленно отправить официальное посольство к Лобенгуле – не только заключить договор «о мире и дружбе», подобный бурскому, но, главное, добиться, чтобы вождь ндебелов не заключал больше никаких договоров ни с кем, кроме Англии.

Полное ли единство помыслов заставило верховного комиссара Южной Африки действовать в унисон с Родсом, да еще с такой быстротой, как известно, далеко не всегда свойственной чиновникам? Или Родс так умел убеждать? У нас нет записей их бесед, сказанных там слов, сделанных намеков. Но зато доподлинно известно, что чуть позже Робинсону подарили 250 акций одной из компаний, созданных Родсом для эксплуатации междуречья. А потом он стал одним из директоров Де Беерс.

...В Булавайо не верили уже никому из европейцев,

но англичанам особенно. Поэтому главой своего посольства английские власти выбрали человека, который должен был вызвать у ндебелов если и не максимум доверия, то хотя бы минимум недоверия. Это был Джон Моффет.

Джон Моффет — сын Роберта Моффета, хорошо знавшего отца Лобенгулы. Шурин Ливингстона. Он родился тут, в поселке бамаангватов, совсем неподалеку от земель ндебелов. Потом, став миссионером, жил в тех же местах и многократно встречался с Лобенгулой. С конца семидесятых годов Моффет стал колониальным чиновником — с миссионерами такое случалось нередко. В 1888 году он — уже пожилой человек, и ему легче вести переговоры со старейшинами ндебелов, чем какому-нибудь юнцу. Одним словом, лучшего парламентаря не сыщешь.

Переговоры Моффета в Булавайо в январе — феврале 1888-го шли напряженно и долго. Не раз пришлось ему говорить и с Лобенгулой, и с видными индунами. Убеждать, что трансваальцы обманывают ндебелов, что буры вкладывают в свой договор с ними совсем не тот смысл, о котором говорил Гроблер. Это звучало убедительно, потому что было правдой. И, естественно, возмутило ндебелов.

Гораздо труднее было заставить Лобенгулу и индун поверить, что договор, привезенный Моффетом, лучше договора Гроблера. Правда, в нем говорилось, что «мир и дружба будут вечны между Ее Британским Величеством, Ее подданными и народом амандебелов». Но на ндебелов налагались жесткие ограничения: «не вступать в какие-либо переговоры, а также не заключать договоры ни с каким иностранным государством...»

По международно-правовым понятиям тогдашней Европы Англия могла считать, что такой договор включит земли ндебелов в ее «сферу влияния».

Понимал ли это Лобенгула и его советники? Как узнаешь теперь?

Европейских представлений о четких границах, территориальной целостности, продаже или уступке территорий у них не было, да и быть не могло. Сколько этот народ кочевал, сколько мест обитания поменял... Наталь, Трансвааль, междуречье. Да и в каждой из этих областей ндебелы не жили постоянно на одном месте. Не хватало корма для скота — и даже главному поселку, столице, приходилось переезжать. Свое богатство

идебелы видели в скоте. А на земле вообще начали оседать не так уж давно.

Да разве и у вполне земледельческих народов, стоявших на той же стадии развития, что и идебелы, — разве у них представления о границах и отчуждаемости земель могли быть такими же, как в Европе конца XIX века?

Как Моффет объяснял идебелам смысл этого договора? И почему Лобенгула и его советники в конечном счете все же уступили давлению?

Во всяком случае они сделали это очень неохотно. Переговоры из-за этого маленького текста, всего несколько фраз, Моффету пришлось вести не одну неделю. Должно быть, идебелы все думали и прикидывали, кто же для них опаснее: буры или британцы.

Подействовало ли, что Моффет запугивал идебелов угрозой бурского вторжения? Буры ведь один раз уже воевали с идебелами и заставили их покинуть обжитые места. Сумел ли Моффет как-то усыпить бдительность идебелов по отношению к англичанам? Или, наоборот, он угрожал им гневом «Великой белой королевы»? О ее могуществе Лобенгула и его советники были достаточно наслышаны.

Удастся ли когда-нибудь узнать это? Может быть, помогут устные предания идебелов, когда историки смогут заняться ими всерьез...

Ну а сам Моффет? Он-то, миссионер и сын миссионера, вполне ли он понимал, что делает? На что он обрекает народ, знакомый ему с детских лет и ничего дурного ему не сделавший?

Или Моффет и вправду так свято верил в благие намерения своего государства? И сознательно шел на обман — во благо обманутых. Такое ведь бывало нередко. Писал же Ф. Энгельс, что даже многие ученые прошлого столетия рассматривали нравы других народов «через очки дома терпимости»⁵. А когда одного английского миссионера спросили о нравах и обычаях «туземцев», он ответил: «Обычаев никаких, нравы дикие»⁶.

Или Моффет думал только о доставшемся ему хлебном месте в колониальном аппарате? А может быть, и вообще не особенно задумывался? Просто был сыном своего времени — из тех, кому общепринятое кажется черным.

Так или иначе, Моффет свое задание выполнил: 11 февраля 1888 года Лобенгула приложил свою руку

к «договору» с Англией и поставил на месте подлинси крестик. Моффет скрепил бумагу словами: «Я удостоверяю истинность настоящего документа». Нашлись два «свидетеля». Они тоже поставили свои подлинси...

«К берегу пристает лодка, бусами и побрякушками приманивают вождя, который за эти подарки ставит знак на «договоре», смысла которого он не понимает. Договор подписывает переводчик и авантюрист, приехавший в страну, и страна считается отныне союзницей (колонией) той страны, откуда приехавший родом, Франции или Англии». В. И. Ленин в своих «Тетрадах по империализму» выписал это место из книги «Империализм» английского экономиста Джона Гобсона⁷. Тут картина, довольно типичная для эпохи «раздела мира».

Правда, в переговорах с ндебелами речь шла не о бусах и побрякушках. Да и Лобенгула был, вероятно, более мудрым и опытным правителем, чем многие другие. И все же сущность события та же.

«Сфера влияния» была создана.

А так добивались «концессий»

По международному праву, принятому в тогдашней Европе, договоры Моффета и Гроблера имели, наверно, более или менее одинаковую силу. Но на деле было, конечно, не так. За договором Моффета стояла вся мощь Британской империи. Отныне конкурентам из Германии, Португалии и Трансвааля доступ к богатствам междуречья резко сократился.

Но это еще не значило, что на пути Родса не осталось соперников. А соотечественники-англичане? Как раз их-то включение междуречья в британскую сферу влияния очень ободрило. Некоторые из них засматривались на богатства междуречья, особенно на золото, задолго до Родса, еще с шестидесятых годов. С того времени, когда историки впервые поместили туда библейскую золотоносную страну Офир. Кое-кому удалось даже получить «права» на добычу золота в районах у стыка земель ндебелов и бамангватов.

Главной соперницей Родса была здесь компания Гиффорда-Коустона. Лорд Гиффорд принадлежал к числу тех аристократов, для которых кипение колониальных страстей было не только источником существования, но и самой жизнью. Он служил в Западной Африке, в Австралии, на Гибралтаре. Участвовал в ан-

гло-зулусской войне 1879 года и еще тогда заинтересовался богатствами междуречья. Сохранился даже текст договора, который он предложил Лобенгуле. Инкоси ответил отказом. Но интерес к тем местам у лорда не угас, и во второй половине восьмидесятых он взялся за организацию золотодобывающей компании. Гиффорд уговорил Джорджа Коустона, известного лондонского биржевика, объединить с ним усилия. Они купили «концессию» на добычу минералов, полученную у Камы, вождя бамангватов, а узнав о заключении договора Моффета, решили добиваться «концессий» и у Лобенгулы.

Гиффорд и Коустон жили в Лондоне, но помощников на театре действий подобрали энергичных и деятельных. Чего стоил хотя бы Эдуард Моунд. Прекрасно знал обстановку в междуречье и на путях к нему, знаком с Лобенгулой. В 1885 году он, тогда офицер английского отряда, посланного на земли батсванов, побывал у Лобенгулы в качестве официального английского посланца. С тех пор его не покидала мысль о том, что страна ндебелов может сделать его богатым... Его отчет о минеральных богатствах этого края был опубликован в 1886 году и привлек внимание дельцов, связанных с колониями.

Коустон, свой человек в лондонском Сити, и Гиффорд — ведь он был как-никак аристократ — смогли заручиться основательной поддержкой в самой Англии. Их компанию поддерживали видные лондонские финансисты, в том числе и Ротшильды. Эти банкиры, помогая Родсу, держались правила: не складывай все яйца в одну корзину.

В Лондоне у Коустона и Гиффорда позиции были даже сильнее, чем у Родса. К началу схватки за междуречье Родса еще плохо знали там, в сердце империи. Когда премьер-министру, лорду Солсбери, упомянули имя Родса, он сказал:

— Если я не ошибаюсь, пробурский парламентарий в Южной Африке?

Правда, у Родса были свои преимущества. Капитал — не маленький. Обстановку видел вблизи, а не узнавал по чужим, пусть даже компетентным, донесениям. Был близок с колониальными чиновниками на месте действия.

Гиффорд и Коустон решили направить Моунда своим эмиссаром к Лобенгуле для переговоров о концессии. В начале мая 1888 года Коустон обратился

к министру колоний с просьбой одобрить это действие. Тот ответил, что ему надо посоветоваться с чиновниками на месте. Знал ли он, какую услугу оказывает Родсу? Тому надо было опередить соперников, и вот он получил и предупреждение, и время.

Родс решил немедленно добиться от Лобенгулы того, что не удалось еще никому, — получить обширную «концессию». Для проведения всей операции требовались не только стремительность, но и тщательность подготовки, осмотрительность, внезапность, а следовательно, полная секретность.

...Алмазная империя готовит свое посольство в Булавайо. Родс выбирает трех послов. Один — бизнесмен, другой — человек, знакомый с языками и обычаями местных африканских народов, третий — юрист, его помощь нужна при составлении договора.

В качестве бизнесмена едет Чарлз Радд, первый компаньон Родса, депутат капского парламента. Другой посол — тридцатилетний Фрэнсис Томпсон. Родс выбрал его как знатока «туземных» обычаев и психологии, вероятно, потому, что Томпсон был организатором системы компаундов в Кимберли. И еще потому, что Томпсон провел детство на севере Капской колонии, по соседству с независимыми африканскими племенами. Он знал сетсвана — язык бамангватов. Лобенгула тоже знал язык своих соседей, и Томпсон мог с ним объясниться. Третьим послом Родс избрал Джеймса Маджира, своего товарища по учебе в Оксфорде.

И вот началась гонка. В июне Моунд прибыл из Лондона в Кейптаун с инструкцией Гиффорда и Коутона добраться до Булавайо и добиться «концессии». Родс тем временем побывал в Лондоне. Выяснил обстановку и вернулся с готовым проектом создания собственной компании по образцу привилегированных компаний, получавших почти неограниченные права на завоевание новых стран в схватке за «раздел мира».

В июле Моунд прибыл в Кимберли и уже начал путь на север. Посольство Родса еще не было готово. Вот тут-то и сыграли свою роль связи Родса с колониальными чиновниками. Собственно, даже не просто связи. Недаром же верховный комиссар Южной Африки сэр Геркулес Робинсон стал директором Де Беерс и пайщиком двух компаний Родса, а Сидней Шиппард, представитель английской власти в землях батсванов, выйдя через несколько лет в отставку, превратился в советника родсовской Голд филдс оф Саут Африка,

а затем и в одного из директоров созданной Родсом Привилегированной компании.

Стоит ли удивляться, что родсовы посланцы получили от Робинсона письмо, в котором этот представитель «Белой королевы» в Южной Африке рекомендовал их Лобенгуле как «в высшей степени уважаемых джентльменов». Письмо было скреплено печатью Робинсона и заключено в огромный конверт, 18 на 12 дюймов, должно быть, чтобы усилить впечатление в Булавайо.

Родс снабдил Радда еще и письмом к Ньютону, помощнику Шиппарда. В письме выражалась надежда, что Ньютон выполнит все просьбы Радда. К тому же Родс очень надеялся и на Моффета.

— Самым ценным для вас чиновником будет Моффет, — заверял он Радда. — Ньютон говорит, что он целиком с нами⁸.

Моффет и в самом деле сделал все, что мог. Посольству Родса очень помогли и другие миссионеры — и по пути, и в самом Булавайо. Один из них, У. Эллиот, потом, в 1893 году, получил от Родса сто акций Привилегированной компании. Возможно, и не он один.

Где уж тут Моунду опередить послы Родса, хотя они и отправились в путь, когда он уже почти что достиг границ междуречья!

Было это в августе 1888-го.

Как раз в том месяце на другом конце света, в Уэльсе, родился человек, чье имя теперь нередко упоминают вместе с именем Сесилия Родса.

Родс этого, конечно, знать не мог, хотя, как и каждый, надеялся, наверно, что дело его продолжат энергичные люди. Но могло ли ему прийти в голову, что в те самые дни, когда он, казалось, закладывал основы вечного могущества Британской империи, — в те самые дни уже родился человек, которому суждено было стать одним из последних кумиров ее истории... А он уже был, просил молока, требовал, чтобы ему меняли пеленки. Томас Эдвард Лоуренс. Лоуренс Аравийский. «Некоронованный король арабов». Какими короткими бывают исторические эпохи...

Во многом стал он похож на Родса, когда вырос. Как и Родс, не особенно любил школу. Как и Родс, учился в Оксфорде. Как и Родс, увлекался историей, даже получил первую премию за дипломную работу

«Влияние крестовых походов на средневековую военную архитектуру». Родс зачитывался Марком Аврелием и, уже в гуще алмазной лихорадки, учил древнегреческий. Лоуренс даже перевел на английский «Одиссею» Гомера. Как и Родс, он всю жизнь не любил женщин, избегал их общества, хотя и использовал их в интересах дела, которому служил.

Оба позволяли себе поступки и высказывания, казавшиеся их современникам экстравагантными. Лоуренс, уже будучи человеком средних лет и пройдя пик своей карьеры, вдруг заявил: «Каждый должен или сам поступить в авиацию, или помогать ее развитию». И пошел в британский военно-воздушный флот. Пошел под чужой фамилией, рядовым, отказался быть офицером, якобы сказав при этом: «Я согласен повиноваться глупым приказам, но не желаю отдавать их сам, а если ты офицер, то без этого не обойтись». Потом он, тоже под чужим именем, обучился вождению танка.

Зачем тут, в этой книге, вспоминать о Лоуренсе и сравнивать его с Родсом? Отчасти чтобы нагляднее показать типы людей, опоэтизированных Кипплингом и другими бардами английского колониализма. Но не только для этого.

Родс, хотя, как известно, и любил переписывать свое завещание, все остальные распоряжения предпочитал давать устно, а если и письменно, то довольно лаконично. Лоуренс же оставил довольно большое письменное наследие, в том числе и документы, излагающие его принципы обращения с населением колоний. Вот, например, отрывки из «Инструкции по обращению с арабами» — пособия для английских офицеров:

«Добейтесь доверия вождя и удерживайте это доверие. Укрепляйте, если можете, престиж вождя перед другими. Никогда не отвергайте и не разбивайте тех планов, которые он может предложить. Всегда одобряйте их, а похвалив, изменяйте мало-помалу, заставляя самого вождя вносить предложения до тех пор, пока они не будут совпадать с вашим собственным мнением...

Если можете, то, не впадая в расточительность, делайте подарки. Хорошо сделанный подарок весьма часто является наиболее верным средством для того, чтобы привлечь на свою сторону самого подозрительного шейха...»

Конечно, прямую параллель между методами Родса и Лоуренса проводить не стоит. Условия, в которых

они жили, были во многом разными. Поле деятельности одного — Южная Африка, другого — Ближний Восток. «Человеческий материал», с которым они имели дело, был во многом различен. И времена не одни и те же, все-таки двадцать пять — тридцать лет разницы — Родс мог действовать более открыто, он куда меньше нуждался в камуфляже. Да и сам Родс, да и Лоуренс — разве они одинаковы?

Но общего было много. Главное, была у них общая цель — укрепление Британской империи. Оба считали себя патриотами, да и множество соотечественников видело в них олицетворение патриотизма. Оба действовали на окраинах Британской империи, среди народов, именовавшихся тогда отсталыми. И методы одного, при всех отличиях, помогают понять методы другого.

Посланцы Родса пустились в путь 15 августа. Томпсон, которому Родс поручил подготовку экспедиции, еще в начале мая купил две упряжки мулов, два фургона и провизии на три месяца. В Кимберли, где все это готовилось, он говорил, что собирается на большую охоту.

На пути к междуречью пришлось пересечь пустыню Калахари. Нестерпимая жара. Жажда. Мулы дохнут. Повозки ломаются. У границы земель бамангватов выяснилось, что их вождь Кама в отъезде и оставил строгий наказ ничем не снабжать белых, едущих на север. Посланцы Родса, однако, быстро столкнувались с миссионерами, а те сумели уговорить бамангватов.

Добравшись до междуречья, узнали, что Лобенгула приказал без своего особого разрешения не пускать в страну никого из белых. Один из воинов-ндебелов отправился к Лобенгуле с письмом Радда. Но сам Радд и его спутники не стали дожидаться ответа, а сразу двинулись к Булавайю. Как никто другой из приезжающих сюда белых, они чувствовали за своей спиной поддержку колониальных властей и английских военных отрядов, расквартированных по-соседству, на землях батсванов. Об этой поддержке догадывались и ндебелы и не решились применить силу.

По дороге посланцы Родса встретили воина, возвращавшегося от Лобенгулы с отказом в разрешении на проезд. Но и это их не остановило. Они прибыли в Булавайю 21 сентября, опередив Моунда почти на три недели.

Нежеланных гостей приняли вежливо. Лобенгулу им удалось повидать сразу по приезде, в тот же вечер. Он не заставил ждать, встретил вполне корректно, но о делах говорить не стал. Пожелал доброй ночи.

Подробности эти известны нам потому, что двое из членов посольства, Томпсон и Радд, оставили записки о переговорах и о своей жизни в Булавайо — столице самой сильной из сохранивших еще независимость стран Южной Африки. Запискам далеко не во всем можно верить — ни тот, ни другой ведь даже не знали местного языка. Но некоторые наблюдения их интересны, а трактовка событий, да и сам отбор тем — свидетельство их видения мира, их попыток объяснить происходившее.

Конечно, они писали о Лобенгуле. По впечатлению Томпсона, он «выглядел с ног до головы истинным королем». Был он высок и хорошо сложен, хотя в то время уже довольно тучен — весил 120—130 килограммов.

И конечно, их привлекла «экзотика». Вокруг «дворца» Лобенгулы — каменного дома располагались хижины двадцати жен. Всего же — Томпсон, как и другие его соотечественники в те времена, не удержался от подсчетов — у короля было якобы двести избранниц.

За время пребывания в Булавайо — а оно было долгим — посланцы Родса, казалось, могли бы понять и хоть в какой-то мере принять людей и общество, в которое занесла их судьба. Но нет. Увидели, например, несколько казней. Почему, кого и зачем казнили, они не знали, но сочли возможным возмутиться жестокостью нравов идебелов. Словно в Англии никого никогда не казнили или казнили всегда только виновных. Томпсону пришло, правда, в голову, что ведь вот и в Древнем Риме слишком могущественным или слишком богатым патрициям предлагали вскрыть себе вены в теплой ванне...

Посланцам Родса их миссия казалась куда опаснее, чем она была на самом деле. Особенно Томпсону. Сказалось, может быть, что его отец когда-то погиб в одной из схваток с африканцами.

Страхи оказались напрасными. Томпсон благополучно вернулся и после поездки в Булавайо прожил еще четыре десятка лет, долгое время был членом капского парламента. Но посольство к Лобенгуле так и осталось его звездным часом — он навсегда получил прозвище Мателебе Томпсон.

Всерьез опасаться Радду и его спутникам надо было не африканцев, а белых, живших в Булавайо. Их среди десятитысячного, по оценке Томпсона, населения Булавайо было немало. Не только торговцы и охотники, приезжавшие и уезжавшие, но и те, кто обосновался здесь уже много лет назад и вовсе не стремился вернуться в «цивилизованный мир».

И далеко не все они мечтали стать британскими подданными или вспомнить, что уже были ими с рождения, — не для того удалились они сюда из-под власти необъятной империи. Что это за люди? Некоторые, пишет Томпсон, были беглыми преступниками и боялись, что им придется держать ответ перед законом. Добирались они сюда и из Европы, и из Южной Африки. Некоторых Томпсон называл «белыми негодьями». Они покупали у воинов-ндебелов пленных девушек, которых те после очередного похода на земли соседей приводили в Булавайо. «Потом они доставляли этих девушек к границе и продавали их другим белым подлецам».

Увидели посланцы Родса и человека, который так ненавидел других белых, что готов было убить любого, заведя его в ближайшее пустынное место.

Один из тех, кто жил в Булавайо долгие годы, построил себе два дома, обставил по-европейски. Он был, по словам Томпсона, «необычайно богат», имел большие стада скота. У него было две жены, обе — белые женщины, занимавшие когда-то хорошее положение в обществе. Умер он задолго до приезда Томпсона, но его вдовы никуда не уехали и жили вместе в окружении множества детей. Соседские черные ребятишки возились и играли тут вместе с белыми.

Рассказывает Томпсон и о Томасе О'Конноре, американце из Калифорнии, который заблудился в стране ндебелов, долго скитался один, оказался на грани помешательства. Ндебелы нашли этого ставшего похожим на большую обезьяну человека и привели его к Лобенгуле. Тот попросил местных белых взять на себя заботу об одичавшем американце.

Интересно отметить, что во всяком случае у нескольких белых отношения с африканским населением Булавайо сложились неплохо. Да и вообще история Южной Африки знает такие примеры. Спутники Радда сами были свидетелями некоторых из них.

Еще в 1870-м во время одной из схваток на северной границе Капской колонии европеец по имени Мак-

карти стал на сторону африканцев против капских колониальных войск. «Он был специалистом по ремонту ружей и производству пороха, давно жил среди туземцев и был женат на туземной женщине», — рассказывает Томпсон. Когда его вместе с африканцами взяли в плен, жена и ее подруги старались загородить его. Но его все-таки обнаружили, судили военным судом и расстреляли как предателя.

Самого Томпсона тоже однажды чуть не заподозрили в подобной «измене». Напрасно! Рассказывая о Томасе О'Конноре, Томпсон удивляется: «Совершенно поразительно, что туземцы не убили его»⁹. Каждый раз удивляется, пересказывая нечто подобное, и каждый раз искренне. Сама мысль о возможности доброжелательства, тем более дружбы между черными и белыми кажется нелепой, невероятной ему, воспитанному в духе идеи «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда».

...Переговоры о «концессии» начались не сразу. Лобенгула избегал их, оттягивая под разными предлогами. Но время работало не на него. Посланцы Родса пытались запугать его, рассказывали, как англичане разгромили армию зулусов, народа, самого близкого ндебелам. А Томпсон, чтобы продемонстрировать силу огнестрельного оружия, показывал Лобенгуле следы пулевых ран на своем теле.

Пытаясь как-то избежать переговоров или хотя бы не участвовать в них самому, Лобенгула направил Радда и его спутников к Лотье и Сескомбо, индунам, занимавшим тогда самое высокое положение в иерархии ндебельского общества. Местные европейцы считали, что Лотье играет роль премьер-министра.

Какие условия навязывали ндебелам? Им предлагали тысячу карабинов устаревшей системы «Мартини-Генри», сто тысяч патронов к ним и лодку с пушкой на реке Замбези. Самому Лобенгуле и его наследникам — платить по сто фунтов стерлингов ежемесячно.

А получить от ндебелов хотели право добывать полезные ископаемые, прежде всего в районах, где жили народы шона. Англичане называли эту территорию Машоналендом, как земли ндебелов — Мателелелендом, и считали, что все шона — данники ндебелов, а значит, Лобенгула может распорядиться их землей. На самом деле далеко не все шона были данниками ндебелов.

Переговоры шли трудно. Стороны плохо понимали

друг друга. Европейцы называли африканцев детьми, те платили тем же.

Младенец — это европеец:
Он с нами говорить не может,
За это сердится на нас.

Но в главном Лобенгула хорошо понял посланцев Родса. Наверное, именно потому-то у Родса и оказалось мало шансов на успех, хотя колониальный аппарат Южной Африки делал все, чтобы заставить ндебелов уступить. Не помогла даже поддержка Джона Моффета. А ведь он пытался оказать давление на Лобенгулу прямо тут, на месте, — к приезду Радда он уже был в Булавайо.

Пришлось приехать самому Шиппарду, имперскому комиссару в Бечуаналенде. К началу переговоров он был уже наготове на юго-западной окраине земель ндебелов и ожидал там сигнала (вместе с военным отрядом). От него к Радду и обратно непрерывно сновали гонцы с письмами. И когда Радд увидел, что сломить сопротивление ндебелов не удастся, решено было просить Лобенгулу, чтобы он разрешил Шиппарду явиться в Булавайо. «Я считаю, что не удастся ничего, пока не придет Шиппард», — записал в своем дневнике Радд.

Посылать имперскому комиссару приглашение Лобенгула отказался, ответил лишь, что, если Шиппард хочет, пусть приезжает. И поставил условие: чтобы комиссар взял с собой не двадцать пять солдат, как он намеревался, а не больше пяти. Шиппард прибыл в Булавайо 15 октября и сразу же отправился к Радду.

Лондонское правительство скрывало участие государственных чиновников в этих переговорах и даже шло на прямой обман. На запрос в палате общин помощник министра колоний ответил, что в период переговоров Шиппард находился в ста милях от Булавайо и что Моффета там тоже не было. Это разъяснение было дано через несколько месяцев после завершения переговоров, 25 февраля 1889 года, когда министерство колоний, конечно, уже располагало всей информацией.

Переводчиком на самых ответственных переговорах о «концессии» был лондонский миссионер Чарлз Хелм. Он давно жил среди ндебелов и знал их язык. От него во многом зависело, какое представление создастся у ндебелов о предложениях Радда.

Хелм оказался поистине находкой для Родса. Не доводя ролью переводчика, он стал союзником,

сторонником, фактически добровольным представителем Родса в Булавайо. Даже своему Лондонскому миссионерскому обществу он высказывал мнение, что добыча золота в междуречье должна быть поручена очень сильной фирме и что Родс и Радд с их компанией Де Беерс — самые подходящие люди. А в Булавайо Хелм делал все возможное, чтобы поднять в глазах ндебелов авторитет как Радда, так и Шиппарда с Моффетом.

Сохранилось письмо Томпсона Хелму. В нем миссионеру предлагалось ежегодное пособие в двести фунтов, если он станет для группы Родса «советником и посредником при переговорах с Лобенгулой» и будет «находиться до некоторой степени в нашем распоряжении». Кажется, не сохранилось документальных подтверждений, что Хелм принял эти деньги, — такие документы обычно не берегут для потомков. Но сохранилось его признание: «Насколько я понимаю, они хотят лишь, чтобы я продолжал делать для них то, что я уже делаю и готов в любое время делать без всякого вознаграждения».

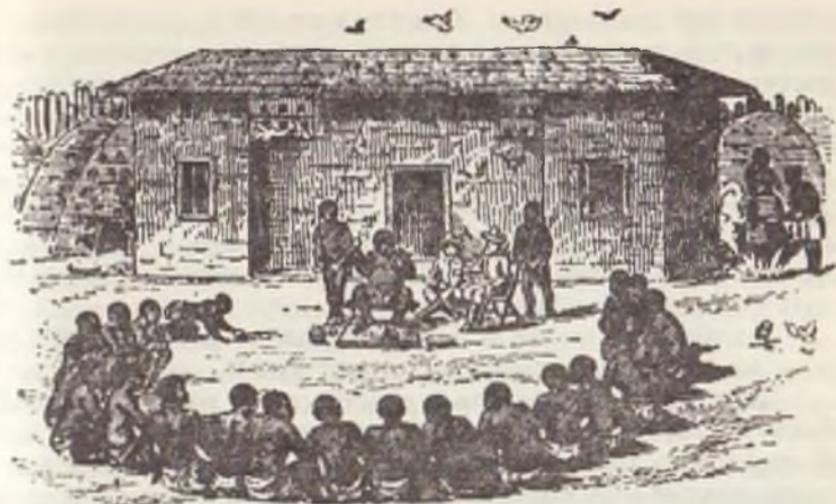
Ндебелы, может быть, и не вполне понимали, в чем именно заключается обман, но догадывались или даже были уверены, что их обманывают. Шиппарда они окрестили «отцом лжи».

Недоверие ндебелов со всей силой выявилось в конце октября, когда для обсуждения предложений Родса состоялась индаба — собрание наиболее влиятельных людей страны ндебелов. Томпсон называл его ндебельским парламентом.

Индуны превратили обсуждение «концессии» в поток обвинений против европейцев. Они открыто возмущались тем, что британские военные отряды пододвинуты к землям ндебелов. Досталось даже белым охотникам за то, что истребляют животный мир междуречья.

К каким только доводам не пришлось тут обратиться посланцам Родса. Они грозили ндебелам нашествием буров и португальцев, говорили, что только тысяча родсовских ружей может спасти их от разгрома. Клялись в своих добрых намерениях. Обращались к метафорам, дабы ндебелам было понятнее.

Мы, — говорил Томпсон о себе и своих спутниках, — четыре брата; старший, Родс, «смотрит за домом, а мы втроем вышли на охоту». Желание Родса получить «исключительные права» на добычу минералов Томпсон объяснял так:

LOBENGULA "AT HOME" - AN INDAVA.

*Индаба — собрание индун перед домом Лобенгулы.
Тогдашняя зарисовка*

— Не может быть двух быков в одном стаде коров. Все было бесполезно. Как только заходила речь о «концессиях», по рядам индун, как в английском парламенте, прокатывались возмущенные возгласы:

— Слушайте, слушайте!

После индабы Радд записал в своем дневнике: «Это был один из самых несчастных дней в моей жизни. Все разговоры, конечно, не привели ни к чему хорошему».

...А потом Лобенгула вдруг уступил. Тридцатого октября 1888 года он поставил свою подпись — крестик — на договоре о концессии, по которому ндебелы должны были получить обещанные ружья, патроны, лодку и деньги, а Родс — исключительное право на разработку недр всего междуречья.

Почему? Как это случилось? Томпсон не прочь объяснить неожиданную акцию Лобенгулы своим красноречием. Он якобы привел Лобенгуле неотразимый аргумент:

— Кто же дает человеку ассегай, если опасается схватки с ним?

Но дело, конечно, не в красноречии. Лобенгула, очевидно, увидел, что сопротивляться бесполезно.

К тому же посланцы Родса пошли на прямой обман. Помогал им миссионер Хелм, должно быть даже не

считая это постыдным. Без твоего стыда и раскаяния он признался в письме Лондонскому миссионерскому обществу, что во время переговоров переводил ндебелам заведомую ложь Радда и его спутников. Те, писал Хелм, «обещали, что не приведут больше десяти человек для работы в его стране (в стране Лобенгулы. — А. Д.), что не будут копать где-либо поблизости от населенных пунктов, а также что они и их люди будут подчиняться законам его страны и пользоваться фактически теми же правами, что и его народ».

И добавил как ни в чем не бывало: «Но эти обещания не были записаны в концессии»¹⁰.

Да, в тексте договора о «концессии» ничего этого не было. Там говорилось только, что Лобенгула отдает Родсу и его компаньонам «в полное и исключительное пользование все полезные ископаемые» и даст им право «делать все, что им может показаться необходимым для добычи таковых». А вот о том, что придут всего десять человек и что они будут подчиняться законам страны ндебелов, — об этом не было и в помине.

И тем не менее в конце текста договора стоит официальное заявление Хелма: «Я удостоверяю, что прилагаемый документ был мною предварительно полностью переведен и объяснен вождю Лобенгуле и его совету индун и что все установленные обычаи народа матебеле были при этом соблюдены».

Так закончились эти шестинедельные переговоры. Современник и соотечественник Родса, экономист Джон Гобсон назвал их «историей комбинированного плутовства и преступления».

«Концессия» нужна была Родсу не просто так, сама по себе. Как и его соперники, он хотел получить от лондонского правительства королевскую хартию на управление областями Африки, лежащими к северу от Трансваала. Для получения хартии нужно было представить обоснование, которое могло бы придать ей хоть видимость законности — документ от известного африканского правителя. Таким документом и должна была стать «концессия».

Правда, даже из ее текста явствовало, что если она и даст какие-то права, то не на страну, а на недра. Но для Родса главным было не содержание документа, а сам факт его существования, а уж истолковать-то можно как угодно. И сразу же была пущена версия, что в сущности Лобенгула по этому договору уступил подвластные ему земли, если и не все, то во всяком

случае часть их. Газетные статьи с подобной трактовкой быстро дошли из Европы и «белой» Южной Африки до Булавайо. Местные европейцы ринулись с этими газетами к Лобенгуле. Обман раскрылся.

Можно себе представить возмущение ндебелов. Атмосфера в стране накалилась чрезвычайно. Почти открыто роптали против инкоси, а ведь прежде это считалось неслыханной дерзостью. Тысячи людей стекались в Булавайо — они хотели знать, правда ли, что белые отнимают у них страну. Индуны собираются снова. Приглашают Томпсона и устраивают ему «перекрестный допрос». Допрос длится десять с половиной часов. «Индуны готовы подозревать даже самого короля», — писал Томпсон.

Чтобы как-то отвести от себя этот гнев, Лобенгуле пришлось пожертвовать своим «премьер-министром» — Лотье, как когда-то Карлу I Стюарту — Стаффордом. Его обвинили в том, что он дал королю плохой совет. И казнили.

Лобенгула и совет индун вызвали всех европейцев, живших в Булавайо и поблизости, и попросили их объяснить, в чем же действительно смысл договора и как он может быть истолкован. Совет индун потребовал, чтобы ему представили оригинал договора о «концессии», который Радд сразу же повез Родсу — увез, опрометью бросившись из Булавайо, как только получил «подпись» Лобенгулы. Был отдан строжайший приказ задержать Радда, если он появится в пределах страны.

Ндебелы старались предать широкой огласке историю обмана, надеясь этим затруднить действия своих врагов. В этом им помог кто-то из европейцев в Булавайо, очевидно опасавшихся Родса. Под диктовку Лобенгулы они написали от его имени такой документ:

«Как я слышал, в газетах опубликовано, что я даровал концессию на минералы по всей моей стране Чарлзу Даннеллу Радду, Рочфору Маджиру и Фрэнсису Роберту Томпсону.

Поскольку это явно неверное толкование, все действия на основе концессии приостановлены, пока в моей стране не будет проведено расследование. Лобенгула. Королевский крааль. Мателеленд. 18 января 1889 г.»

Такое письмо-предупреждение послали в газеты «белой» Южной Африки. Это была сенсация, и маленькая газета «Бечуаналед ньюс» опубликовала его.

NOTICE.

I hear it is published in the newspapers that I have granted a Concession of the Minerals in all my Country to CHARLES DUNELL RIDD, RICHMOND MAGUIRE, AND FRANCIS ROBERT THOMPSON.

As there is a great misunderstanding about this, all action in respect of said Concession is hereby suspended pending an investigation to be made by me in my country.

(Signed) LOBENGULA.

Royal Kraal,
Matabeleland,
18th January, 1890.

Notice

I hear it is published in the newspapers that I have granted a concession of the minerals in all my country to Charles Dunell Ridd, Richmond Maguire, & Francis Robert Thompson. As there is a great misunderstanding about this, all action in respect of said concession is hereby suspended pending an investigation to be made by me in my country.

as Witness
J. C. Phillips
James Reilly
W. J. Weber

J. Hunter
Witness

Письмо Лобенгулы с разоблачением действий Родса.
Внизу — оригинал с печатью Лобенгулы, наверху — текст,
напечатанный в газете «Бечуаналенд ньюс»

И даже поместила фотографию подлинника с печатью Лобенгулы.

Родсу это было крайне неприятно. Его соперники решили извлечь из событий максимальную выгоду и доказать лондонскому правительству, что «концессия Радда» не имеет никакой силы. Если бы им это удалось, не видать Родсу желанной хартии.

И вот, получив договор, Родс сразу же отплыл в Англию. А Томпсона и Маджира посулами, мольбами и приказами держал в Булавайо, чтобы следили за обстановкой и нейтрализовали соперников на месте. Обычно такой лаконичный в письмах, Родс давал Томпсону подробнейшие и весьма категоричные инструкции.

По этим посланиям можно судить о приемах и тактике Родса-политика. Он считал, что главная угроза шла тогда не от ндебелов, а от белых. Они-то и могут нанести наибольший вред, и надо каждого из них задобрить, а может быть, и склонить на свою сторону. Добыча так велика, что не надо бояться уступить какие-то мелкие доли. «Помните, — писал он, — что перед вами страна величиной с Анстралийские колонии и что мы можем потерять все, если окажемся чересчур жадными».

Родс любил ссылаться на Наполеона и писал Томпсону: «Наполеон ведь готов был отдать часть мира, если только получит Европу. Действуйте в этом духе».

Легко было Родсу давать указания из Лондона или Кимберли... А вот выполнять их в Булавайо — куда труднее. Ндебелы следили за Томпсоном и Маджиром с нескрываемой подозрительностью, и не только потому, что не верили в их добрые намерения. Посланцы Родса непрестанно давали для этой подозрительности новую пищу, порой совершенно неожиданно для самих себя. Не зная обычаев страны, они то и дело совершали поступки, с точки зрения ндебелов предосудительные или даже опасные. Маджир решил как-то умыться и выкупаться в источнике неподалеку от Булавайо. Но оказалось, что ндебелы считают источник священным и вода из него идет в столицу. Маджир почистил в святыне зубы — вода стала белой... А тут как раз умерла мать Лобенгулы. Конечно, Маджира тут же обвинили в колдовстве. Натерпевшись страха, он вслед за Раддом тайком удрал на юг.

Последнему из своих посланцев, Томпсону, Родс слал отчаянные письма: «Вы не можете теперь оставить там вакуум... Все частности я отдаю на Вашу волю,

только не уезжайте от короля... Дело слишком важное, и вы не можете уехать, не успокоив сперва всех белых...» «Если Вы уедете, произойдет катастрофа». Родс сулил Томпсону золотые горы: дом, пост главного представителя в междуречье. Они условились о пароле, слове, которое будет означать: «Хартия подписана и утверждена; дело доведено до конца». Только услышав это слово, Томпсон мог покинуть Булавайю.

А ждать становилось все труднее.

Однажды, прожив в Булавайю уже больше года, в припадке безотчетного ужаса Томпсон вскочил на лошадь и ускакал, потеряв шляпу, без седла, без пицци и воды. Он загнал лошадь, прошел пешком тридцать или сорок миль, язык у него распух, глаза покраснели так, что он уже ничего не видел. Но все-таки нашел воду, спасся, добрался до поселка, где был телеграф. Дал телеграммы жене и Родсу. А от того приказ — немедленно вернуться. И такой же — от верховного комиссара Южной Африки.

Родс писал Томпсону, что вот-вот сам приедет в Булавайю. На самом деле он так и не приехал туда до завоевания страны и никогда не встретился с Лобенгулой. Да, вероятно, и не собирался этого делать. Просто ему нужно было выиграть время, как-то успокоить ндебелов и европейцев. Ради этого он готов был и Томпсоном пожертвовать и обещать что угодно. И Томпсону пришлось вернуться в Булавайю.

Когда совет индун потребовал у Томпсона подлинник договора о «концессии», Родс послал его, сопроводив письмом: «Я шлю договор о концессии, но не отдавайте его, пока не приставят нож к горлу».

Судьба этого клочка бумаги оказалась на редкость необычной. Радд, увезя его с собой, вскоре сбился с дороги и оказался в безводной пустыне. Решив, что пришла гибель, он зарыл договор в песок под кустом, написал об этом записку и прикрепил ее к веткам. Но возница Радда, африканец, все-таки нашел путь к бушменам, те дали воды. Радд вернулся, откопал договор и, добравшись до Кимберли, вручил его Родсу.

Но когда Томпсон получил его от Родса с инструкцией не отдавать ндебелам, бумага снова оказалась в земле. На этот раз зарыл ее уже Томпсон, положив в сосуд из тыквы. Там он и оставил договор во время своего бегства. А когда вернулся, откопал и показал Лобенгуле.

Только в конце 1889 года, когда Родс закончил свое

«дело», Томпсону разрешили уехать. Подлинник договора — тот самый злополучный клочок бумаги — Томпсон привез с собой в Кимберли и отдал Родсу».

Идебелы открывают Европу

Идебелы между тем вовсе не сидели сложа руки и пассивно наблюдая за развитием событий.

Узнав от европейцев о трактовке «концессии» в английских газетах, Лобенгула и совет индун решили ни мало ни много... отправить посольство в Англию. К самой «Белой королеве». Посмотреть, существует ли она, эта королева, чьим именем клянутся колониальные чиновники. Узнать, так ли велико ее могущество, как они говорят. И действительно ли Родс ее представитель. Лобенгула, наверно, надеялся, что удастся договориться с королевой, убедить ее остановить наплыв своих подданных в страну идебелов.

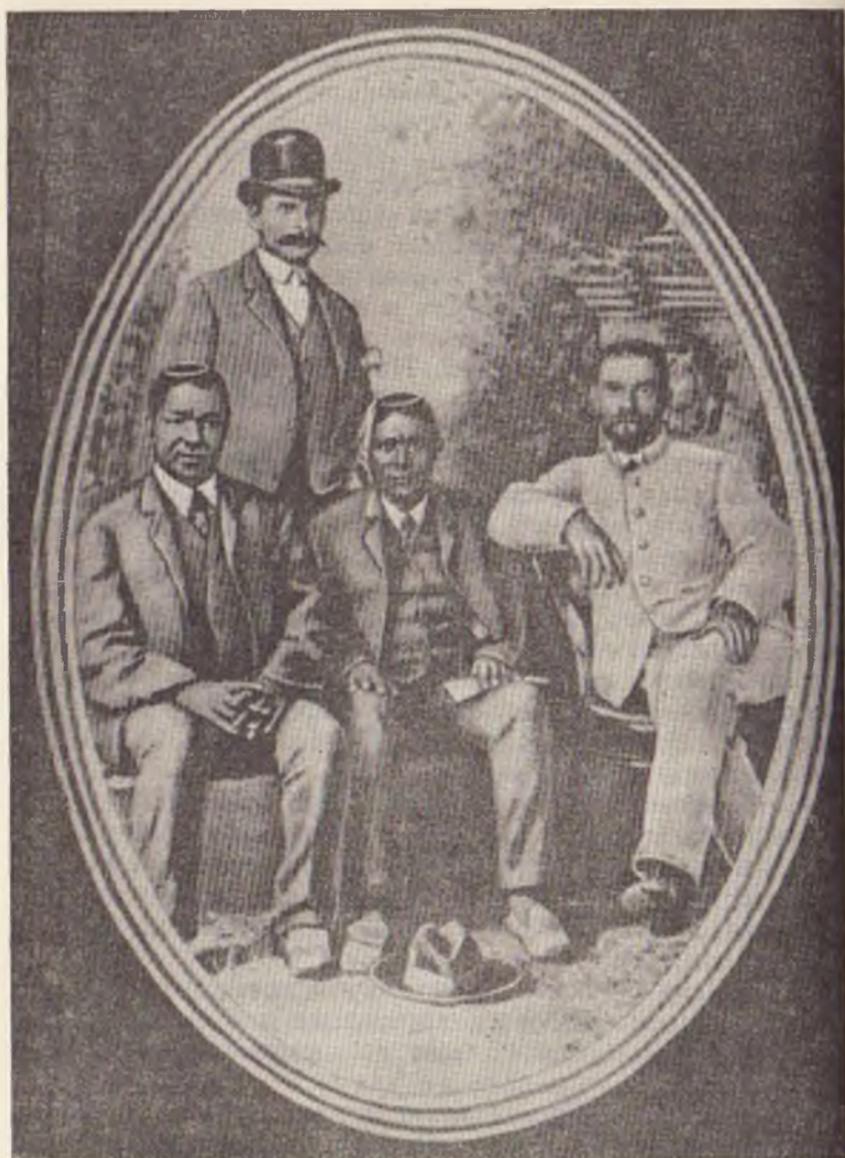
Сами ли идебелы надумали послать делегацию в Лондон, или Лобенгулу надоумил кто-то из европейцев — неизвестно. Но конечно, соперничество между европейцами очень помогло организации поездки. Эдуард Моунд, представитель Гиффорда и Коустона, все еще добивался концессии. По его словам, Лобенгула однажды сказал ему:

— Помоги моим доверенным добраться до Англии, а когда вы вернетесь, тогда и поговорим.

А может, вся идея отправки посольства родилась раньше в голове Моунда? И он просто незаметно подтолкнул к ней Лобенгулу? Так или иначе, Моунд согласился.

И сам он, и те, кто стояли за ним, вероятно, понимали, что миссия идебелов ничего не добьется. Но они хотели использовать ее как козырную карту в игре против Родса.

Можно только догадываться, каково было идебелам организовать эту поездку. Лобенгула понимал, что посольство стоит больших денег, и не просил никого из европейцев взять на себя расходы. Когда ему сказали, что потребуется не менее шестисот фунтов, он достал платок, полный золотых монет. Монеты он получил от многочисленных охотников за концессиями, в том числе и от Радда. Кроме денег Лобенгула дал послам в дорогу несколько голов скота — для пропитания. Послами отправились двое опытных и уважаемых индун — Мчете и Бабиян. Лобенгула сказал о них Моунду:

Посольство ндебелов

— Эти люди должны быть моими глазами, ушами и ртом¹².

Бабиян, по словам инкоси, обладал прекрасной памятью. К тому же он был родственником Лобенгулы и в одной из схваток когда-то спас ему жизнь. А Мчете слыл среди ндебелов лучшим оратором. Переводчиком

Моунд взял Йоханнеса Колепбрендера, торговца из Наталя.

Послы должны были доставить «Белой королеве» письмо от Лобенгулы. В нем говорилось:

«Лобенгула хочет знать, действительно ли существует королева. Некоторые из людей, приходящих в его страну, говорят, что она существует, а другие отрицают это.

Узнать правду Лобенгула может, только послав свои глаза посмотреть, существует ли королева.

Его глаза — это его индуны.

Если королева существует, Лобенгула хочет просить ее совета и помощи, так как его очень тревожат белые люди, которые приходят в его страну и просят разрешения добывать золото».

Кончалось письмо просьбой, от которой Лобенгула потом отказывался. Она звучала так: «При нем нет никого (из белых людей. — *А. Д.*), кому можно было бы доверять, и он просит, чтобы королева послала какого-нибудь своего представителя». Может быть, эту просьбу кто-то из местных белых вставил в письмо, не разъяснив ее Лобенгуле? А может, это Моунд посоветовал ему просить королеву, чтобы та послала своего резидента в Булавайо? Наверняка ведь именно под его влиянием Лобенгула поручил своим послам пожаловаться королеве на происки португальцев в восточной части междуречья — в тех районах, которые очень интересовали хозяев Моунда.

...Оба посла немолоды. Старшему — Бабияну, как считали европейцы, семьдесят пять лет, младшему — Мчете — шестьдесят пять. У Мчете к тому же плохое сердце и слоновая болезнь. Но оба безропотно облачились в европейские костюмы и отправились в путь.

В карете ехали по Трансваалу. Претория, Йоханнесбург. Президент Крюгер оповещен о необычном посольстве. Но с билетами в дилижанс все равно заминка: как это — «ниггеры» и вдруг поедут на внутренних местах... Самим послам плохо: от непривычно долгого сидения у них страшно распухли ноги.

Моунд не может нахвалиться на Бабияна.

«Славный, обаятельный старый человек, всегда готовый сделать все, о чем его просят, всегда в добром настроении, один из самых бескорыстных людей, каких я когда-нибудь встречал. Он всегда отказывался от подарков».

О способностях Мчете, второго посла, Моунд тоже

был высокого миссия, вот только характер у него якобы оказался труднее. Но легко ли быть всегда в хорошем расположении духа, если у тебя слоновая болезнь и больное сердце, а ты блуждаешь по совершенно чуждым странам, где тебя никто не понимает и где смотрят на тебя как на диковинного зверя. Ты целиком зависишь от провожатого, белого человека, которому вообще-то не до тебя. И как скованно чувствуешь себя в чужеземном облачении, в костюме из синей саржи...

Кимберли. Железная дорога, поезд, локомотив. Какое громадное напряжение они, должно быть, испытывали. Ливингстон вспоминал, как несколько человек из народа, соседнего с ндебелами, решили отправиться в Англию вместе с ним. Он взял только одного, по имени Секвебу. Ливингстон не мог нахвалиться на него. «Секвебу учился английским словам и стал любимцем как матросов, так и офицеров». И все же «постоянное напряжение», в котором теперь находился ум Секвебу, пишет Ливингстон, привело к тому, что «он сошел с ума», прыгнул за борт и погиб...

Но послы Лобенгулы справились. Иногда в их глазах мелькает ужас, но они быстро его подавляют. Чтобы не выдать себя, не показать свою слабость, Бабиян первые полчаса в поезде стоит, высунувшись из окна.

В Кейптауне — заминка. Ждут неделю, другую... Потом выяснилось, что задержка — дело рук Родса. Известие о посольстве было для него большим ударом, раздосадовало и взбесило его.

Он уже и без того встретился с кучей новых трудностей. Миссионеры во главе с одним из южноафриканских епископов, узнав о продаже огнестрельного оружия Лобенгуле, резко осудили Родса. Не помогли заверения его сторонников, что ндебелы все равно не умеют стрелять и в их руках эта тысяча ружей не представляет реальной опасности.

Но, главное, группа Гиффорда-Коустона вела в Лондоне яростную кампанию против Родса, и не без успеха. Так что ндебельское посольство было ему совсем некстати. И он сразу же принялся чинить посылкам помехи. Был пущен слух, что эти два ндебела — не индуну и даже не старейшины и что поэтому на них никак нельзя смотреть как на полномочное посольство. А сопровождавшего их Моунда Джон Моффет назвал «феноменальным лжецом». Вероятно, так оно и было, только вот позволил бы себе Моффет столь сурово осу-

ждать Моунда, если бы тот был человеком Родса?

Во всяком случае известно, что, когда Моунд прибыл в Кимберли, Родс попытался его купить, несколько не интересуясь его моральными качествами. У Родса было правило: «Лучше иметь дело с подлецом, чем с честным дураком». Встречу с Моундом Родс провел в своей привычной манере: предложение, а если оно не принято — угроза. Предложение: если Моунд бросит своих лондонских хозяев и переметнется к Родсу, тот даст ему деньги и положение. Когда же Моунд отказался, Родс разъярился и заявил, что верховный комиссар задержит посольство, да и лондонское правительство не примет индун без рекомендации кейптаунских властей.

И действительно, в Кейптауне послов задержали надолго.

Но потом все вдруг изменилось. Робинсон перестал чинить препятствия.

За спиной индун состоялся стовор. Министр колоний лорд Натсфорд посоветовал группе Гиффорда — Коустона объединиться с Родсом. Обе стороны согласились. У них, собственно, не было другого выхода. В борьбе возникло положение, которое в шахматах называют «пат». За Гиффордом — Коустоном стояли влиятельные лондонские круги, за Родсом — немалые силы в Южной Африке да и в Англии. Подумав, обе стороны решили, что лучше действовать сообща.

К моменту, когда послы ндебелов отплывали из Кейптауна на старом корабле «Мавр», торг уже начался. Родсу они были больше не страшны, а Моунду — не нужны.

Но индуны этого не знали. Думали, что ничто не изменилось. И надеялись.

Океан они видели впервые, как и почти все в своем необыкновенном путешествии. Но у них не появилось подавленного состояния. Они даже не поддались морской болезни.

Посольство привлекло к себе такое внимание пассажиров, что даже великосветская дама, леди Кэвендиш, удостоила их своей беседы. Она заверила их, что они и их король могут не сомневаться в существовании «Великой белой королевы», поскольку сама леди Кэвендиш ее хорошо знает и неоднократно целовала ее руку. Один из послов спокойно ответил ей:

— Мы верим, раз вы так говорите. Но мы хотим взглянуть и своими собственными глазами.

Лондон встретил жителей жаркого юга суровым холодом: был самый разгар зимы. «Но они, — свидетельствует Моунд, — вели себя со спокойным достоинством, насколько позволяли холода».

Африканцы в Лондоне уже не были редкостью. Их часто можно было встретить в порту. Но эти — из самых глубин дикой Африки, да к тому же послы правителя загадочной страны, золотоносного Офира... Они, конечно, не могли не привлечь к себе внимание английской публики.

Они высадились в Саутгемптоне, сели там на поезд. Когда прибыли на станцию Ватерлоо, на них набросились журналисты. Да и потом, когда послы жили в лондонской гостинице «Бернерс отел», им не раз приходилось сталкиваться с назойливым любопытством журналистской братии.

Наверно, сенсационный характер посольства и заставил королеву Викторию принять их буквально сразу, на третий день их пребывания в Лондоне. Или сыграло роль простое женское любопытство?

В королевскую резиденцию в Виндзор их сопровождали высшие чиновники. В самом дворце вдоль пути послов были выстроены отборные, самые рослые лейб-гвардейцы в красочной форме. Это должно было произвести впечатление на ндебелов.

Сам прием носил, конечно, церемониальный, а не деловой характер. Королева милостиво произнесла:

— Вы проделали такой большой путь, чтобы встретиться со мной. Я надеюсь, что путешествие было приятным для вас и что вы не страдаете от холода.

Послы оказались вполне в состоянии поддержать светскую беседу. Один из них, учтиво поклонившись, сказал:

— Как может нам быть холодно в присутствии Великой белой королевы?

И добавил:

— Разве холод и тепло не подвластны великим королям и королевам?

Журналисты расспрашивали потом послов, какое впечатление произвел на них этот прием. Но описали эти впечатления крайне поверхностно, передав лишь те высказывания Мчете и Бабияна, которые могли чем-то позабавить публику. Например, что красивейшая женщина во дворце — леди Рендолф Черчилль, мать тогда еще совсем юного Уинстона Черчилля.

В Лондоне послы провели весь март. Они повидали

довольно много — от балета в театре «Альгамбра» до зоопарка. Побывали в Английском банке — в его недрах им показали слитки золота, предложили попытаться поднять мешки с золотыми монетами. В честь посольства было устроено несколько обедов. На обеде в Обществе защиты аборигенов с ними встретился и Райдер Хаггард.

Измумил идебелов сам Лондон — бескрайние ряды домов, бесчисленные толпы людей. Говоря друг с другом по телефону, они никак не могли понять, как такая маленькая машина сумела выучить их язык, да еще так скоро.

Стремление удивить послов было весьма направленным и порой напоминало стремление запугать... Министерство колоний решило, что если уж индуны все-таки приехали и их приезд пришлось предать гласности, то надо извлечь из этого пользу: внушить им священный трепет перед англичанами.

Во дворце Виктории им показали висящее на стене копье зулусского никоси Кечвайю, побежденного англичанами десятью годами раньше. А в Музее восковых фигур мадам Тюссо их убеждали, что стоящая там фигура — это сам Кечвайю, наказанный так за свою непокорность.

Послов повезли в Портсмут, на крупнейшую военно-морскую базу Англии. А в Олдершоте им показали маневры сухопутных войск — десять тысяч солдат. Атаки конницы, пальбу артиллерийских батарей. Новейшие типы оружия. Они видели, как стреляло 111-тонное орудие.

Командовал маневрами генерал Вудс. Послов познакомили с ним и не преминули сообщить, что это он разгромил зулусское войско в 1879 году и послал Виктории копье зулусского короля. И одновременно послов заверяли в гуманности Англии — в том, что она никому не даст в обиду их народ.

В общем считалось, что на послов произвели достаточное впечатление и мощь Англии, и ее великодушие.

Состоялись две встречи с министром колоний лордом Натсфордом. Во время заключительной беседы он передал им ответ королевы Виктории на письмо Лобенгулы, состоявший из нескольких неопределенных и ни к чему не обязывающих фраз. Против охотников за «концессиями» британское правительство, конечно, не приняло никаких мер. Выполнено было только одно пожелание Лобенгулы — послать к нему представителя

королевы. Министерство колоний воспользовалось этой наивной просьбой, и через несколько месяцев был назначен английский резидент в Булавайо — не кто иной, как Джон Моффет.

Правда, недоразумение скоро обнаружилось. На письмо английских колониальных властей Лобенгула ответил в августе 1889 года: «Что касается предложения Ее Величества направить ко мне посланника или резидента, то я благодарю Ее Величество, но он мне не нужен. Я обращаюсь с этой просьбой, когда в том появится нужда». Но с этим письмом Лобенгулы не считались, оно даже не было тогда оглашено.

Да, еще королева послала Лобенгуле с его индунами свой портрет, золотую цепь с монетой в пять соверенов, а самим индунам подарила браслеты.

Спутники послов самонадеянно думали, что тем нравилось все «цивилизованное», европейское. Моунду казалось, что им «так нравились европейские костюмы», в которые он их облачал. Каково же было его изумление, когда после возвращения послов в Южную Африку и с приближением к родным местам на них становилось все меньше европейских одежд: они украдкой избавлялись то от одной части туалета, то от другой.

И вот наконец они дома. Вернувшись на родину, они два месяца не покидали Лобенгулу — день за днем рассказывали о своих впечатлениях. Иногда их слушали до семидесяти индун. Что говорили Мчете и Бабиян? Конечно, они рассказывали о белых людях.

Как мог отзываться «туземец» о белом человеке? Может быть, так?

О самом белом человеке. Он «непрестанно озабочен тем, чтобы хорошо прикрыть свою плоть. Тело и его члены — это плоть. Только то, что выше шеи, есть настоящий человек. Так сказал мне один белый, который пользовался большим уважением и считался очень умным....

Когда юноша берет в жены девушку, он никогда не знает, не обманули ли его, ибо перед тем никогда не видел ее тела. Девушка... покрывает свое тело, чтобы никто не мог на него глядеть, ни радоваться при виде его.

Плоть есть грех... И даже члены, соприкасающиеся, чтобы творить людей на радость великой земли, суть грех».

Поэтому-то тело белого человека «с головы до ног закутано в набедренники, циновки и кожи, так прочно и густо, что ни один человеческий взгляд, ни один луч солнца их не пронизывает; так прочно, что его тело становится бледным и вялым».

О европейских городах и домах. Белый человек живет, как морской слизняк, в прочном жилище. Он живет между камнями, как сколопендра в трещинах лавы. Камни вокруг него, подле него и над ним...

О деньгах. Поговори с европейцем о божестве Любви — он скривит лицо и улыбнется. Улыбнется наивности твоего разума. Но подай ему блестящий кусок металла или большую тяжелую бумажку, и тотчас же его глаза засверкают и много слюны выступит у него на губах. Деньги — его любовь, деньги — его божество. Он и нам предлагает круглый металл и тяжелую бумагу, чтобы мы стали падкими на них. Они будто бы должны сделать нас богаче и счастливее.

О вещах. Множество вещей делает белого человека бедным. У кого мало вещей, тот зовет себя бедным и горюет. Нет ни одного европейца, который пел бы и веселился, если у него есть только циновка и миска, как у каждого из нас. Мужчины и женщины из белых стран не смогли бы жить в наших хижинах; они поспешили бы натаскать дерева из лесу, щитов черепахи, стекла, цветных камней и еще много другого; они бы с утра до ночи суетились, пока их хижина не наполнилась бы вещами, большими и малыми, вещами легко рассыпающимися, которые может уничтожить всякий огонь, всякий тропический дождь, и тогда пришлось бы добывать их снова и снова. Руки европейца никогда не устают делать вещи. Поэтому лица белых часто так утомлены и печальны. Они воюют друг с другом не ради мужской славы или чтобы померяться силами, а ради вещей.

О времени. Европейцу всегда не хватает времени. Он поднимает из-за этого нескончаемую возню и ведет много глупых разговоров. Хотя времени ведь все равно не может быть больше, чем влезает между восходом и закатом. Я видел человека, который краснел и зеленел и дрыгал руками и ногами, потому что его слуга пришел на одно дыхание позже, чем обещал прийти.

О счете годам жизни. Это подсчитывание и распытывание полно опасности, ибо таким образом узнали, сколько месяцев продолжается жизнь большинства людей. Всякий теперь помнит об этом и, когда пройдет

определенное число месяцев, говорит: «Теперь я скоро умру». Он больше не знает радости и действительно скоро умирает.

Да простит автора великодушный читатель! Мчете и Бабиян были, конечно, одаренными, неординарными людьми — не случайно ведь именно их выбрали для столь ответственной миссии. И рассказы их о Европе и о жизни белого человека наверняка были примечательнее, чем отрывки, здесь приведенные. Но — увы! — мы не знаем этих рассказов. О посольстве ндебелов в Лондон сохранились лишь заметки Моунда и еще нескольких европейцев. И то слава богу! Хоть как-то можно представить себе эту удивительную миссию. Хотя, конечно, европейцы многого не понимали, не видели или неправильно толковали.

Кажется, одна только фраза и дошла до нас из рассказов послов Лобенгуле. Когда они рассказывали, сколько золота они видели в Английском банке, Лобенгула спросил недоверчиво:

— Раз у королевы столько золота, зачем же ее люди стараются найти его еще больше?

Послы ответили:

— Они обязаны платить ей дань золотом и поэтому ищут его по всему свету, не только в нашей стране.

А наблюдения и размышления о жизни белого человека, которые приведены выше, взяты из книги «Папалаги. Речи тихоокеанского вождя Туйавии из Тиавеи. Издал Эрих Шеурман»¹³. Во введении говорилось, что это заметки вождя с островов Самоа, который побывал во многих европейских странах и решил рассказать своим соплеменникам о том, как белый человек (на самоанском языке — «папалаги») живет у себя дома, в Европе. Какими же нелепыми предстаем в этих рассказах мы, европейцы... Одни названия глав чего стоят: «Тяжкая болезнь думания», «О месте поддельной жизни и о многих бумагах». И заключение — «Папалаги хочет вовлечь нас в свои потемки».

Книга «Папалаги» была выпущена на русском языке в переводе с немецкого в 1923 году издательством «Всемирная литература». Оно не выказало и тени сомнения в подлинности «речей». Да и редакция журнала «Зори», поместив рецензию под заголовком «Наивность или мудрость»¹⁴, тоже считала эти речи подлинными.

Пожалуй, даже странно, как это впали в такое легковерие и редакторы и рецензенты. Автором книги был, конечно, тот, кто назвался издателем, — Эрих Шеурман. И хотя этот немецкий писатель одно время жил на Самоа и, вероятно, действительно беседовал с местными вождями, и по стилю, и по смыслу «речей» видно, что они вышли из-под пера европейца.

Прием этот — выдать плоды своих размышлений за наблюдения и рассуждения простодушного туземца, мудрого своей наивностью, — использовался европейскими поэтами, писателями, философами очень широко. Достаточно вспомнить вольтеровского «Простодушного» или «Гражданина мира» Оливера Голдсмита. Не Монтескье ли положил начало этой традиции своими «Персидскими письмами»?

Во времена Родса и Лобенгулы, как раз на рубеже восьмидесятых и девяностых годов, Анатолий Франс придумал своего араба Джебер-бен-Хамса и заставил его подшучивать над французами:

«У западных народов, главным образом у французов, существует обычай устраивать «балы». Обычай этот заключается в следующем. Одев своих жен и дочерей как можно соблазнительней, обнажив им руки и плечи, надушив их волосы и одежду, посыпав мелкой пудрой кожу, украсив цветами и драгоценностями и научив их улыбаться, даже тогда, когда им улыбаться совсем не хочется, европейцы приезжают с ними в просторные, жарко натопленные залы, освещенные таким количеством свечей, сколько звезд на небе, устланные пушистыми коврами, уютно уставленные глубокими креслами с мягкими подушками. Гости пьют хмельные напитки, шутят, пляшут с женщинами, быстро кружатся с ними в танцах, на которых я сам не раз присутствовал. Затем наступает минута, когда все с неистовой яростью удовлетворяют свои вожделения, потушив на время свечи или удобно развесив для этого ковры. Таким образом, каждый наслаждается с той, которая ему нравится, или же с той, которая ему предназначена. Я утверждаю, что все происходит именно так, — не потому, что я бывал свидетелем этого, мой спутник всегда уводил меня прочь до начала оргии, но было бы нелепо и противно вероятности думать, что вечер, подготовленный таким образом, заканчивался бы иначе»¹⁵.

Но разве тем только привлекателен был подобный литературный прием, что позволял писателю-европей-

цу покритиковать свое общество, своих соотечественников и современников?

Ведь взглянуть на свой мир новым, свежим взглядом, как бы впервые, скажем, так, как видели его послы Лобенгулы, — это значит оценить его по-иному, не изнутри, а извне. Увидеть все ценности иными глазами, по-иному определить место своего общества в большой общечеловеческой истории. И хоть немного разобраться, из каких же других обществ эта история состояла и состоит, попытаться понять, каковы же эти «туземцы» — те, от чьего лица ведется рассказ, реконструировать модель их мышления, их видения мира.

Разве не интересна в этом смысле попытка московского писателя Якова Михайловича Света? В повести «Одиссея поневоле» он воссоздал картину путешествия в Европу переводчика Колумба, индейца, которому испанцы дали имя Диего.

Но почему же только писатели? Почему не возмутся за эту тему ученые, если она столь плодотворна?

Ученую Европу еще совсем недавно весьма мало заботило, что думают о ней какие-то там африканцы. Теперь это уже не так. В наши дни ученые — историки, психологи, этнографы начинают всерьез изучать историю становления представлений народов друг о друге.

«Какими они видят нас. Изображение белых в искусстве цветных народов» — под таким заголовком была выпущена книга в Лейпциге в 1972 году. А в Париже в 1976-м вышла книга «Черные и белые. Их образ в устной африканской народной литературе». Таких исследований становится все больше.

Писатели, видимо, просто раньше ученых интуитивно нащупали лакуну в человеческом знании и попытались использовать ее или заполнить. Они ведь вообще нередко опережают ученых. Ф. Энгельс считал, что из романов Бальзака о жизни французского общества, даже об экономических деталях, он узнал больше, «чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых»¹⁶.

Академик М. Н. Тихомиров в 1962 году упрекал своих коллег-историков: «...никто до сих пор даже не попытался рассказать о жизни народа, о его воззрениях, о его праздниках, о его бедствиях и чаяниях, обо всем, чем жил человек прежнего времени. Об этом пишут только писатели, как это сделал Ромен Роллан в своей повести о Кола Брюньоне. А историки только брюзжат на писателей, укоряя их в неточностях»¹⁷.

Писатели, ученые... Речь до сих пор шла о европейцах. Но неужели никто из жителей далеких южных стран не оставил воспоминаний, заметок, записок о том, какое же впечатление производила на них Европа, когда они попадали туда впервые?

Какой казалась она тем десяти индейцам, которых Колумб привез в Испанию в 1493 году? Хотя бы тому из них, кто стал у великого мореплавателя проводником, вернулся с ним в Вест-Индию и помог «открыть» Ямайку...

А какой Европа предстала перед африканцами? В песне одного из восточноафриканских народов европеец выглядел так:

Во дворце голубом в океане живет
Диковинное существо.
Кожа его белее, чем соль,
Волосы водорослей длинней,
Платье из сказочных сделано рыб,
Похожих на пестрых птиц.
Из медных прутьев выстроил дом,
Из листьев табачных выращен сад,
Усыпана жемчугом его страна,
Как берег морским песком.

Первые из африканцев увидели Европу за несколько столетий до ндебельских индун. Не только рабы — их-то впечатления, пожалуй, однозначнее и поэтому их легче понять, — а и те, кто, подобно индунам, прибывал в качестве послов. Ведь еще почти за четыре века до гоццов Лобенгулы в Европе бывали посольства правителя Конго, принявшего тогда христианство, а его сын, получив при крещении имя Энрике и окончив семинарию в Португалии, был в 1518 году возведен в Риме в сан епископа.

Или вот западноафриканец Антон Амо. Почти четверть тысячелетия назад он был доктором философии и магистром права, преподавал в университетах в Галле, Виттенберге и Йене. От него остались труды по философии и теологии, они даже были переизданы несколько лет назад в ГДР. Ну а какой виделась Европа человеку такой необычной судьбы — этого мы не знаем.

Примерно тогда же в Голландии, в Лейдене, изучал теологию африканец, получивший там имя Якубус Элиза Йоханнес Капитан. Его впечатления тоже не дошли до нас.

А их современник — Арап Петра Великого, Ганнибал. Мы знаем, что он достиг в России таких высот государственной власти и влияния, каких, кажется, не

достигал никто другой из африканцев в Европе. Был даже генерал-аншефом. А какой виделась ему Россия или Франция, где он учился много лет? Что мы знаем об этом? Из написанного Ганнибалом остались труды по инженерному делу да совсем коротенькие «Автобиографические показания». А ведь были у него воспоминания! Но он сам, своей рукой уничтожил их.

И в годы схватки за «раздел мира» к королеве Виктории и другим европейским монархам и правителям прибывали гонцы из самых дальних стран — с жалобами своих народов на бесчинства европейцев. Узнать бы об их впечатлениях, и многое осветилось бы на сложном пути становления представлений народов друг о друге. А это как-то помогло бы взаимопониманию, которого в истории отношений между народами всегда так недоставало. Да только как узнаешь?

Правда, сказать, что совсем ничего не сохранилось из мемуаров, написанных африканцами, нельзя. Мемуары были, и даже в весьма давние времена. Одна из таких книг вызвала когда-то такой интерес, что почти одновременно была издана в нескольких странах. В России — в 1794-м.

Называлась она так: «Жизнь Олаудаха Экиано, или Густава Вазы африканского, родившегося в 1745 году, им самим написанная; содержащая историю его воспитания между африканскими народами; похищение; невольничество; мучения, претерпенные им на вест-индских плантациях; приключения, случившиеся с ним в разных частях света; описания как разных народов африканских, их веры, нравов и обыкновений, так и многих стран, виденных им во время своей жизни, со многими трогательными и любопытными анекдотами и с присовокуплением гравированного его портрета».

Как, должно быть, занимало когда-то российских читателей изумление Олаудаха Экиано (правильнее — Экуано), когда он, еще мальчиком, впервые увидел снег:

«Прибытие мое в Англию случилось в начале весны 1757 года, когда я имел от рождения двенадцать лет. С удивлением осматривал я строения и вымощенные улицы в Фалмуте: все, представляющееся моему взору, возбуждало меня к новому удивлению. Некогда поутру вышел я на верх корабля, и видел оный покрыт снегом, выпавшим ночью. Как я одного никогда не видывал, то я почитал его солью. Я побежал поспешно к штурману, просил его идти со мной и посмотреть, что

ночью весь корабль усыпали солью. Он тотчас догадался, что сие собственно значило, и сказал мне, чтоб я оный принес к нему. Я взял тогда полные пригоршни оного и чувствовал великий холод... Велел мне отведать, что я исполнил изумляясь чрезвычайно... Вскоре увидел я весь воздух, наполненный падающим снегом»).

Может, это и не самое важное из наблюдений африканца в Европе. И все-таки разве не примечательно, что в воспоминаниях, написанных через тридцать лет, после тяжких испытаний, невольничьего труда и унижений, он все-таки не забыл первого снега.

Когда семнадцатилетний Родс плыл из Лондона в Наталь, он, конечно, не подозревал, что почти на полвека раньше зулусский инкosi Чака хотел послать оттуда несколько зулусов на учебу в Лондон, к своему «брату» Георгу. Тогда из этого ничего не вышло. Посланцы Чаки добрались только до Капской колонии: английские власти не пустили их дальше.

Ко времени, когда ндебельские индуну отправились в Лондон, в Южной Африке уже были африканцы, попидавшие Британские острова. Правда, побывали они там не так, как мечтал Чака, — не представителями независимых народов.

Первым из африканцев с юга континента получил образование в Великобритании человек из соседнего с зулусами народа коса. Звали его Тийо Сога. Ко времени дипломатической миссии ндебельских индун его уже не было в живых, он умер в 1871 году. Тийо Сога напечатал немало статей в южноафриканских газетах.

Он обращался к своим соплеменникам со словами: «Белые люди принесли нам мудрость и со многим нас познакомили. Если мы хотим, чтобы наша молодежь пользовалась этой мудростью и знаниями, мы должны выйти из состояния невежества. Ведь и для белых людей эта мудрость и знания не являются природными качествами. Для овладения ими потребовалось время. Когда-то их прародители были посмешищем для более цивилизованных завоевателей. А сегодня белые люди смеются над нами...

Но хотя они принесли много такого, что стало для нас благом в этой жизни и даже в жизни грядущей, есть и некоторые губительные вещи, и нам бы хотелось, чтобы белые люди отказались от них. Ведь даже благо теряет свою ценность и не может уже восхваляться как благо, если мы взглянем, что делают с черными людьми...

ми спиртные напитки. Спиртное — причина мерзостей, которые не были прежде известны нам, народу коса... Спиртное — как пылающая головешка, брошенная в сухую степную траву».

Так он писал в статье, конечно как-то приспособиваясь к цензорскому оку английских властей. Откровеннее же выразил свои взгляды в заповедях детям. Там он пылко отстаивал достоинство своего народа.

«Некоторые белые люди предубеждены против черных; предубеждение имеет одну-единственную причину — цвет кожи. Ради вашего же собственного блага — никогда не стыдитесь, что ваш отец был кафром и что вы унаследовали африканскую кровь».

Дети Тийо Соги были мулатами — их мать была шотландкой. В тогдашней Южной Африке они стали, очевидно, первыми детьми от законного брака между африканцем и белой женщиной. Их положение в обществе оказалось, конечно, необычным и странным. Отец напомнил им, что в Америке мулаты нередко выдают себя за белых и свысока относятся к неграм, и пояснил, что это «достойно сожаления».

«Я хочу, — писал Сога, — чтобы вы, ради вашего же будущего, были в этом вопросе очень принципиальными. Вы должны всегда помнить о своей матери как о честной, душевной, бережливой шотландской женщине, подлинной христианке. Вы всегда должны быть благодарны этим узам, которые связывают вас с белой расой. Но если вы хотите заслужить к себе уважение, если вы не хотите слышать насмешек от людей, займите свое место в мире как цветные, а не как белые; как кафры, а не как англичане»¹⁸.

Даже в наши дни о подобных проблемах далеко не всегда судят с таким достоинством, тактом, мудростью. А как трудно ему было, наверно, прийти к этому единственно верному решению! Как трудно было избежать тех крайностей, которых и сейчас не в состоянии миновать множество людей во многих странах: возненавидеть ту кровь, которая делает тебя изгоем, или ту, которая дает привилегии другим.

Как по-иному видишь африканцев тех лет, и европейцев, и их отношение друг к другу, читая такие записки...

Не так давно большим тиражом были изданы путевые заметки восточноафриканца Селима бин Абакари о его путешествиях в начале и в середине девяностых годов, вскоре после плаванья вдебелов в Лондон. Его

заметки называются «Мое путешествие в Европу — из Дар-эс-Салама в Берлин» и «Мое путешествие в Россию и Сибирь».

Чего только нет в этих заметках. Петербург, Москва, Нижний Новгород, плавание по Волге, Самара, Омск, Бийск, Барнаул, Томск, Семипалатинск, Ташкент, Самарканд, Бухара, Баку. От петербургской гостиницы «Европейская» до русско-китайской границы. Русские, татары, киргизы, калмыки... Порядки в театрах, в поездах, на пароходах. Привычки, казавшиеся африканцу экзотическими, вроде обычая пить чай с утра до вечера, особенно в пути...

Но к сожалению, этот африканец в своих заметках никогда не сравнивает Россию со своей родиной. Всегда только с Европой, которую он уже неплохо знал. Любимый камердинер немецкого купца, Абакари много путешествовал по Европе и смотрел на многое уже глазами европейца, утратил свежесть видения, которую естественно было бы ждать от африканца, впервые приехавшего в далекую северную страну.

У ндебельских индун такой постепенной адаптации не было. Они приехали в Лондон прямо из Африки, и их впечатления поэтому были, наверно, ярче, богаче, разнообразнее. Потому-то они и были бы нам особенно интересны.

Но мы ничего о них не знаем. Осмеливались ли они говорить обо всем или о чем-то даже не решались — все равно не поверят? Может быть, что-нибудь и выплывет, когда соберут устные предания. Кто знает.

Англия — хамелеон, а я муха

Еще не дождавшись возвращения послов, Лобенгула 23 апреля 1889 года написал королеве Виктории новое послание. И если в первом письме он жаловался на поведение белых людей вообще, то на этот раз разоблачал обман, приведший к заключению договора с Раддом.

«Недавно, — писал он, — несколько человек явились в мою страну; главным среди них, по-видимому, был человек по имени Радд. Они попросили у меня разрешения искать золото и пообещали, что дадут за это некоторые вещи. Я сказал им, чтобы они принесли показать то, что хотят мне дать, а тогда я покажу им то, что могу дать. Был написан документ и представлен мне на подпись. Я спросил, что он содержит, и мне сказали,

что в нем записаны мои слова и слова этих людей. Я приложил к нему свою руку. Три месяца спустя я узнал из других источников, что, согласно этому документу, я дал им право на все ископаемые моей страны. Я собрал своих индус и также белых людей и потребовал копию документа. Мне доказывали, что я уже передал Радду и его товарищам праца на минералы всей своей страны. После этого я собрал своих индус, и они не захотели признать документ, так как он не содержит ни моих слов, ни слов тех людей, кто его получил. После собрания я потребовал, чтобы оригинал документа был мне возвращен. Однако его нет, хотя с тех пор прошло два месяца и они обещали вернуть его быстро. Людям из этой группы, что прибыли тогда в мою страну, было сказано, чтобы они оставались здесь, пока не вернут документ. Однако один из них, Маджир, уехал, не оповестив меня и нарушив мой приказ. Я пишу вам, чтобы вы знали правду об этом деле и не были обмануты»¹⁹.

Возвращение послов из Англии принесло ндебелам разочарование. Правда, Лобенгула послал еще несколько жалоб королеве Виктории, но интонация этих посланий становится все более безнадежной. 10 августа 1889 года он писал: «Белые люди очень надоедают мне из-за золота. Если королева услышит, что я отдал всю свою страну, так это неправда. Я не понимаю, о чем идет речь, потому что я неграмотен».

Подлинное отношение к «Великой белой королеве» видно из обращения ндебелов с ее подарками. Лобенгула отдал золотую цепь одной из своих жен, «не желая, — как признали тогда же в газете «Таймс», — хранить подарки от белых людей». А Мчете и Бабиян подарили свои браслеты европейцам, жившим в Булавайо²⁰.

Лобенгула все яснее понимал, что за спиной «людей Родса» стоит и сама «Белая королева», и вся мощь британской колониальной машины. Это он сумел выразить очень образно в одной из бесед с миссионером Хелмом.

«Видели вы когда-нибудь, как хамелеон охотится за мухой? Хамелеон становится позади мухи и некоторое время остается неподвижным, затем начинает осторожно и медленно продвигаться вперед, бесшумно переставляя одну ногу за другой. Наконец, приблизившись достаточно, он выбрасывает язык — и муха исчезает. Англия — хамелеон, а я — муха»²¹.

СОЗДАЕТ СОБСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

зыка, который выбросил хамелеон, чтобы слизнуть между-речье, стала Привилегированная компания.

Привилегированные компании... Премьер-министр Солсбери на-

звал их «своеобразным методом» участия Англии в распространении цивилизации и христианства на африканские народы. А журналист А. С. Уайт писал: «Публике необходимо понять, что привилегированные компании, по крайней мере в Африке, абсолютно необходимы для укрепления того, что, выражаясь сдержанно, называют британскими интересами. Если уничтожить эти компании, то, как очевидно со всех точек зрения, соперничающие европейские державы займут их место, так как уж они-то, во всяком случае, не поколеблются водрузить свой национальный флаг на любой территории, которую можно выключить, захватить или украсть»¹.

Английские политики любили подчеркивать самостоятельность, независимость этих компаний, их преимущество перед Британской Ост-Индской компанией, завоевавшей Индию. Солсбери говорил, что они «развивают отданные на их попечение страны своими собственными методами и своими собственными средствами, по своим собственным предначертаниям и в значительной мере на свой собственный риск»².

А уж какой ореол романтики создавался вокруг этих компаний!.. «Сколь многим обязана Британская империя — я предпочитаю этот старый термин — инициативе и усилиям отважных купцов, включая привилегированные компании лондонского Сити!.. Дух романтики, приключений... дополнялся бесценным стимулом частной инициативы и стремлением к прибыли — побуждениями, принадлежащими к числу самых уважаемых в мире»³. Так уже в середине XX века, в 1949 году, по случаю шестидесятой годовщины Британской южноафриканской привилегированной компании заявил ее тогдашний президент Дугал Малькольм.

Почему же именно привилегированные? Что это за привилегии? Зачем они были нужны?

Африка сдана в аренду компаниям

Схватка европейских держав за Африку, начавшись в семидесятых годах, с каждым годом становилась все жарче. К концу восьмидесятых она достигла исключительного накала. Соперники зорко следили друг за другом, подстерегали каждый недостаточно осторожный шаг.

Захват новых земель грозил осложнениями в европейской политике. Как же сделать так, чтобы и империю расширить и рисковать уж не очень сильно? Вот и нашли новый способ осуществления захватов — привилегированные компании.

Эти компании, заручившись «договорами» с «туземными» вождями, получали от правительства своей страны особую хартию, или привилегию. В хартии говорилось, что правительство одобряет эти «договоры», а с ними — и действия соответствующей компании.

Практически это значило, что правительство разрешало компании захватить ту или иную пока еще «неподеленную» территорию и управлять ею. «Договоры» нужны были потому, что существовало все-таки международное право. А с точки зрения этого права ни одно правительство не могло распоряжаться землями, которые не находились под его юрисдикцией. Требовалась какая-то зацепка.

Подлинному содержанию «договора» никакого значения не придавалось. Правительство просто присоединялось к той его трактовке, которую давала компания, и тут же объявляло «договор» основой для любых ее действий. Знали только, что правительство отдало такой-то компании такую-то страну.

Вот так привилегированные компании получали мандаты на захват громадных областей Африканского материка. Это означало психологическую, политическую, да и материальную поддержку со стороны правительства.

А само правительство, стоя за спиной компании, прямой ответственности за ее действия не несло. Компания на худой конец могла и отступить в случае столкновения с державами-соперницами. Это не было бы прямым ударом по престижу государства.

Ну а если компания люто расправлялась с африканцами, так люто, что это даже доходило до Европы, общественность начинала возмущаться и дело принимало

скандальный оборот, — что ж, тут правительство могло занять позицию стороннего наблюдателя или даже выступить третейским судьей. Компания ведь — сама себе голова...

К тому же захваты обычно не сулили немедленных прибылей. Наоборот, само завоевание, разведка недр, подготовка к эксплуатации захваченной страны, не говоря уже о подавлении восстаний и сложном деле «умиротворения» покоренных народов, — все это требовало денег и денег.

Официально просить денег у парламента из казны — будет недоволен налогоплательщик. К тому же обсуждение в парламенте планов аннексии вызовет лишние раздоры между партиями да еще и даст державам-соперникам возможность и время принять контрмеры.

Ну а тут — компания, у нее — свои средства, и к карману налогоплательщика они вроде бы никакого отношения не имеют, и правительство — ни при чем.

На деле правительству приходилось, конечно, отдавать компаниям и деньги, да и жизни английских «томми». Но с течением времени это оказывалось уже проще. Публика постепенно привыкала к мысли, что африканские страны — те, где утвердились компании, — чем-то нужны и важны для Англии. С ними уже были связаны «героические» эпизоды, далекая земля «освящена» британской кровью... Одним словом, почва была подготовлена. После этого правительство могло спокойно взять бразды правления в свои руки.

Такой тактикой колониальных захватов — в два приема — пользовалось чаще всего английское правительство. Русский посол в Англии Е. Е. Стааль доносил в Петербург: «Там, где оно не могло или не желало действовать собственными средствами, оно давало особые грамоты и привилегии частным торговым компаниям, которые вели на свой счет войны в уверенности, что правительство метрополии, в случае опасности и нужды, не откажет им в помощи»⁴.

Но эти компании, созданные финансистами Сити и королями горной промышленности, умели подчас и сами диктовать правительству свою волю. В совет директоров входили обычно и представители аристократии вплоть до членов королевской семьи.

Идея создания этих компаний в Африке овладела правительствами Альбиона в разгар схватки за раздел мира. В 1886-м хартия была дарована Нигерской компании, в 1888-м — Британской восточноафриканской.

В те годы многие газеты и журналы наперебой восторгались компаниями, восхваляли их активность, противопоставляли ее «нерешительности» правительства⁵. В начале 1886 года и Бисмарк провозгласил идею «германской коммерческой империи» в Африке путем создания компаний, поддерживаемых правительством, и через два года германское правительство дало хартию Германской восточноафриканской компании.

Главным полем деятельности этих компаний была тогда Африка. В конце прошлого века они да еще несколько сходных с ними ассоциаций Великобритании, Германии, Франции и Бельгии управляли двумя миллионами квадратных миль территории и по крайней мере пятьдесятю миллионами жителей Африканского континента⁶. «Африка прямо сдана в аренду компаниям... Машоналенд и Наталь захвачены для биржи Родсом»⁷, — писал тогда Ф. Энгельс.

Никакая другая из этих компаний

Говоря о привилегированных компаниях, Ф. Энгельс назвал только одно имя: Родс. Действительно, Британская южноафриканская компания, созданная Родсом, была самой крупной. «Ни одна из привилегированных компаний не вызывала таких чувств алчности у биржевиков. Ни одна не вызывала такого восхищения и таких проклятий. И никакая другая из этих компаний не имела своего Родса»⁸.

Родс сумел связать эту компанию со своим именем, хотя и не он один и даже не он первым добивался ее создания. О мандате на завоевание мечтали Гиффорд, Коустон и многие другие — те, кто думал о захвате стран, лежавших в глубине Африки.

С Гиффордом и Коустоном Родс сговорился быстро. Но нашлись и противники, не желавшие, чтобы громадные территории были даны на откуп узкой группе магнатов. Возражала часть торгово-промышленной буржуазии, и от ее лица — Лондонская торговая палата и уже влиятельный тогда Джозеф Чэмберлен, будущий министр колоний. Они не желали, чтобы доступ к африканским богатствам был монополизирован одной компанией. Рупор этой буржуазии журнал «Экономист» осуждал Родса и его компаньонов и требовал, чтобы правительство само занялось захватами, не передавая столь важное дело новоиспеченной компании.

«Если Машоналенд стоит серьезных раздоров с иностранным государством, то он стоит и тех небольших расходов, в которые министерство колоний может быть ввергнуто прямым управлением...»⁹

Против выдачи хартии выступили миссионерские организации и Общество защиты аборигенов. Мишенью для публичной критики Родса оказались злополучные ружья — те, что Родс обещал дать Лобенгуле. Газеты рисовали картины страшных бедствий, которые принесут англичанам вооруженные ружьями воины ндебеле. К голосам критиков присоединился даже министр колоний Натсфорд. Он назвал обещание о ружьях ошибочным и опасным.

И ведь всерьез говорили и писали об опасности, как будто речь шла не о тысяче устаревших ружей, а о полном перевооружении настоящей армии. И как будто не знали, что воины-ндебелы не умели пользоваться огнестрельным оружием, что научиться им негде, не у кого, что патроны достать трудно...

На деле ружья были, конечно, лишь поводом. Родс понимал главную причину затруднений — среди его союзников не было тогда никого из высокопоставленных лиц тогдашней Англии. Сам он в то время был еще не настолько влиятелен, чтобы его имя могло придать компании оттенок респектабельности и деловой солидности в глазах имущих классов. Да и политические его взгляды были далеко не всем ясны.

Тридцатого апреля 1889 года лорд Гиффорд обратился к правительству от имени компании, которая «должна быть создана», с предварительной просьбой «санкции и моральной поддержки правительства Ее Величества и признания на этой территории полученных законно прав и интересов». Гиффорд сослался на поддержку родсовской Голд филдс, своей Бечуаналенд эксплоринг компани и поименно — лорда Н. Ротшильда, крупного банкира барона Эрлангера, Сесилия Родса, Марлза Радда.

Компания брала на себя обязательства: 1) построить железнодорожную и телеграфную линии до Замбези; 2) поощрять иммиграцию и колонизацию; 3) развивать торговлю; 4) эксплуатировать минеральные и другие концессии в системе единой могущественной организации, исключаяющей конфликты и осложнения между соперничающими интересами.

Министр колоний поддержал просьбу, поскольку, по-первых, учредители компании на основании акта об

акционерных компаниях могут действовать и без хартии; а во-вторых, «такая компания сможет освободить правительство Ее Величества от дипломатических затруднений и тяжелых расходов».

Но это отнюдь не было концом борьбы за хартию. Весь 1889 год Родсу пришлось работать не покладая рук. Прежде всего нужно было срочно задобрить соперников. Многим из тех, кто заявлял о своих «правах» в междуречье или к северу от Замбези, затыкали рты акциями будущей привилегированной компании. При этом даже не очень проверяли, действительно ли были у этих людей хоть какие-нибудь «договоры» или «концессии». Не до того было. Родс торопился. А ставка была так высока, что он с готовностью поступался малым ради главного, чтобы только не было нежелательных толков, пересудов, писем в редакции газет, чтобы только дело шло быстро.

Свое главное оружие — деньги Родс пускал в ход часто. Он давал деньги целым партиям. Десять тысяч Парнеллу, лидеру ирландской партии в палате общин. Еще пять тысяч — либералам, как говорил сам Родс, чтобы они «не удрали из Египта».

А подкупы политиков, журналистов?

Родс предложил лорду Сесилу, сыну премьера-министра Солсбери, стать постоянным советником компании. Солсбери встревожился, но сын с его миссией не посчитался и принял предложение.

Действовал Родс не только в Лондоне. Влиятельные люди были и в Капской колонии. И они к апрелю 1890 года получили 34 тысячи акций. Не обошел Родс даже бельгийского короля Леопольда II. Тот ведь тоже мог пригодиться.

Важную роль в борьбе за хартию сыграл лорд Ротшильд. Если в 1888 году он решил исход схватки в алмазной промышленности, то теперь, став одним из учредителей создававшейся компании, Ротшильд помог Родсу не только как финансист, но и как политик.

Нужно было срочно провести и еще одну операцию — пополнить совет директоров будущей компании высшей знатью.

О преклонении перед титулами и о роли аристократов в тогдашней Англии Бернард Шоу со своим обычным сарказмом говорил устами одного из своих персонажей, лорда Августа Хайкасла:

— Я не останусь глух к зову родины. Пусть это будет роль посланника в одной из важнейших европей-

ских столиц или пост генерал-губернатора в тропиках... я всегда готов жертвовать собой. Пока Англия остается Англией, вы всюду на видных государственных постах найдете представителей моего древнего рода.

На свои посты аристократы часто смотрели просто как на sinecуры и о государственных делах рассуждали в духе того же лорда Хайкасла: видите ли, всегда находятся дела поважнее. Всякие семейные обстоятельства, например, и тому подобное...

Аристократов стремились завлечь многие компании — громкие имена во главе списка директоров назывались «манишкой», придавали респектабельность и обеспечивали благожелательность высоких сфер.

Родс и его новые компаньоны вели переговоры с несколькими представителями лондонского высшего света. Наконец, договорились, что президентом компании будет лорд Эберкорн, а вице-президентом — лорд Файф.

Пятидесятилетний лорд Эберкорн, сын вице-короля Ирландии, предпочитал жить в своих ирландских или шотландских поместьях и не забивал себе голову делами привилегированной компании. Но он был другом премьер-министра Солсбери, влиятельным консерватором, и его имя в списке директоров сразу же придавало компании должный вес.

А сорокалетний Файф, влиятельный либерал, был особенно близок к престолу. Как раз летом 1889 года состоялась его помолвка со старшей дочерью наследника, принца Уэльского. И Файф сразу же стал герцогом и маркизом. Как и Эберкорн, он потом не вмешивался в дела компании и не утруждал себя чтением ее обширных отчетов, но получал тысячи ее акций по ценам намного ниже рыночных.

Чуть больше хлопот доставил Родсу третий лорд (во время создания компании он еще не был лордом) — Альберт Грей. Тот все-таки пытался вникать в дела компании, но был так нерешителен, что доктор Джемсон, ближайший помощник Родса, как-то сказал о нем: «Своенравная старая леди, разумеется, отнюдь не гений и не любит связывать себя определенным мнением».

Как же неглубоки оказались разногласия в лондонской верхушке: ведь и Файф, и Грей вплоть до конца весны 1889 года выступали против Родса и дарования хартии его компании.

По настоянию Файфа в совет директоров был позд-

нее введен и Гораций Феркуер, друг принца Уэльского, аристократ, известный в лондонском свете своей деловой жилкой (он редко отказывался от участия в финансовых предприятиях и торговых операциях).

От группы Родса в совет директоров вошли только он сам и Альфред Бейт, от ее главной соперничающей группы — Гиффорд и Коустон. Аристократы, к которым принадлежал и лорд Гиффорд, оказались в совете в большинстве.

Наверно, не так уж уютно было Родсу среди этих лордов. Он, сделавший себя сам — а *self-made man*, — не мог не считать их в душе ничтожествами, к тому же чванливыми, кичливыми. Но не мог и не завидовать им. Ведь все им досталось само собой, они не дрались за богатство и титулы, им не пришлось убивать лучшие годы на преодоление бесконечных препятствий. Что ни сделают, они все равно останутся элитой, цветом Британии. А он, хоть вывернись наизнанку, никогда не будет для них ровней.

А может, Родс просто считал себя польщенным, оказавшись в столь избранном обществе? Ведь то была иная эпоха, и ценности были другие.

Как бы то ни было, он понимал правила игры. И сумел заполучить для своей «манишки» самые высокие имена. Но сам стал директором-управляющим, то есть практически полноправным хозяином.

Все это — вербовку влиятельных союзников и задобривание соперников — Родс вел одновременно с переговорами в правительстве. С премьер-министром Солсбери столковались быстро: ведь Родс буквально обложил его со всех сторон. К тому же и расхождений во взглядах у них не было. Оба полагали, что нужно и важно не только захватить бассейн Замбези, но и идти дальше на север, вплоть до Великих африканских озер. Солсбери считал необходимым занять район озера Ньяса, но просить у парламента средств не решался. Родс от имени новой компании взял на себя финансовую сторону: обязался давать британской администрации в Ньясаленде с момента ее установления по десять тысяч фунтов в год. Это обязательство не нанесло материального ущерба компании — английское правительство с лихвой возместило потом затраты.

Кроме того, компания дала субсидию в двадцать тысяч фунтов и обязалась платить по девять тысяч фунтов в год английской Компании Африканских Озер, находившейся на пороге банкротства. Помощь тоже не

была актом благотворительности. Группа Родса практически подчинила себе эту компанию.

Что ж, кажется, все готово. После таких услуг правительство возражать против хартии не станет. А общественность?

Утренними газетами Англия уже тогда начинала свой день, вечерними — кончала. Во многих странах газеты еще не стали частью повседневной жизни, а о своей родине Киплинг уже мог сказать:

Солдат забудет меч и бой,
Моряк — океанский шквал,
Масон пароль забудет свой,
А священник забудет хорал.
Девушка — перстни, что мы ей дарим,
Невеста — «да» прошептать,

...
Скорей, чем мы Печать!

Бернард Шоу не без яду обронил потом в одной из своих пьес: «Даже господь бог — и он не был бы всеведущим, если бы он читал газеты».

Эти истины Родс понимал отлично. Чтобы получить поддержку печати, а с ней и общественного мнения, он не раз давал крупные суммы корреспонденту «Таймс» Скотту Келти и редактору влиятельного журнала «Фортнайтли ревью» Джону Вершойлу, перетянул на свою сторону видного журналиста Сиднея Лоу.

Уильям Стед, издатель «Пелл-мелл газетт» и журнала «Ревью оф ревьюс», до весны 1889-го выступал против Родса. Встретившись со Стедом в апреле 1889-го, Родс изложил ему свои идеи, а затем предложил участвовать в издательском предприятии Стедда, внес для этого двадцать тысяч фунтов и обещал в дальнейшем еще большую финансовую поддержку. Стед провозгласил Родса «новым спасителем Британской империи». Кто знает, что повлияло сильнее: убеждение или деньги, но, несомненно, возникла и идейная близость, настолько тесная, что в нескольких завещаниях девяностых годов Родс даже назначил Стедда своим вторым душеприказчиком (первый — Ротшильд), обязанностью которого, как писал Родс, было «реализовать мои идеи». Ф. Энгельс считал Стедда «великолепным дельцом»¹⁰. Именно эти качества и сослужили неоценимую службу Родсу.

С весны — лета 1889 года панегирики Родсу заpestрели на страницах таких влиятельных изданий, как «Таймс» и «Сент Джеймс гезетт», хотя прежде первая

была настроена скептически, а вторая — открыто враждебно. «Фортнайтли ревью», «Найттинз сенчюри» и ряд других журналов не отставали от них.

Бывшие противники превращались в сторонников, критики — в апологетов. Что теперь могло помешать Родсу? Даже Британское географическое общество встало на его сторону. В мае 1889-го оно рекомендовало коммерческие ассоциации в качестве лучших агентов для распространения цивилизации на Центральную Африку.

...Двадцать пятого февраля 1889 года в палате общин был сделан запрос, знает ли правительство о концессии Радда и помощи английских чиновников Родсу в давлении на Лобенгулу. Помощник министра колоний барон де Вормс участие чиновников отрицал, вообще же по данному вопросу «правительство не считает необходимым выражать какое-либо мнение».

Двадцать шестого марта Вормс заявил, что, хотя земли Лобенгулы и являются «английской сферой влияния», правительство не вправе вмешиваться во внутренние дела «действительных правителей» и «не имеет никакого права одобрить или не одобрить концессию».

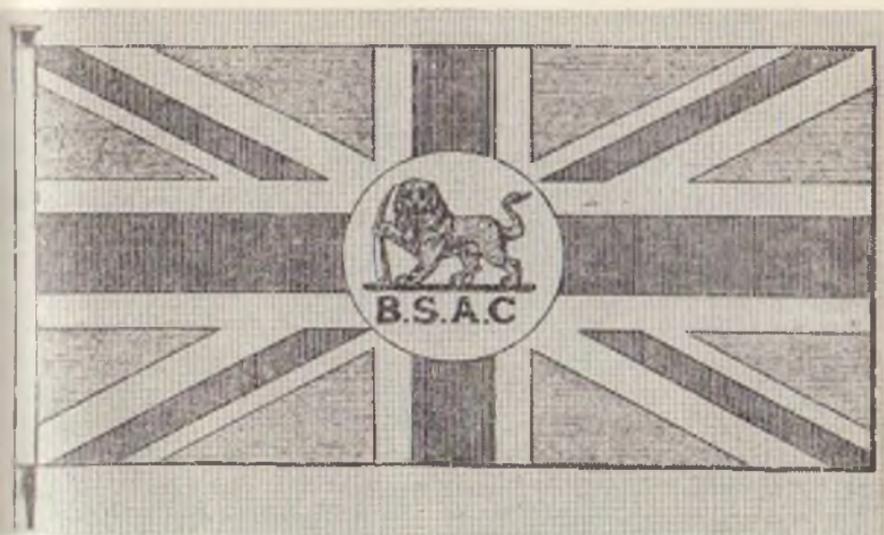
Второго апреля радикал Лебучир спросил, известно ли кабинету министров утверждение Лобенгулы, что он обманут переводчиком-миссионером. Лебучир привел заявление Лобенгулы. Вормс ответил, что ничего об этом не знает и правительство в эти вопросы «не вмешивается»¹¹.

Ответы — почти по Киплингу:

Кто не любит спрашивать, тому и не солгут.

Пятого апреля Вормс вообще отказался отвечать на подобные вопросы. С конца мая пресса уже писала о даровании хартии как о решенном деле. А представители правительства все еще отказывались отвечать на вопросы, связанные с хартией. Даже 24 августа.

Хартия была подписана королевой Викторией 29 октября 1889 года. Сфера деятельности компании определялась как «район Южной Африки, лежащий непосредственно к северу от Британского Бечуаналенда, к северу и западу от Южно-Африканской Республики (т. е. Трансвааля. — *А. Д.*) и к западу от Португальской Восточной Африки». В этом районе подтверждалось право компании использовать «все выгоды от упомянутых концессий и договоров при условии, что они являются законными». Компании вменялось в обязан-

*Флаг Британской южноафриканской
привилегированной компании*

ность «поддерживать мир и порядок», «постепенно ликвидировать все формы рабовладения и работорговли», «следить за торговлей спиртными и возбуждающими напитками на упомянутой территории, а также, насколько это практически осуществимо, препятствовать продаже туземцам каких-либо спиртных или иных возбуждающих напитков», «никоим образом не вмешиваться в религиозные дела племен», «уважать обычаи и законы групп, племен и народов» и даже «охранять слонов и других животных».

Компании давалось право организовать административный аппарат, иметь свою полицию, создавать банки и акционерные общества, «дарить земли на определенные сроки или навечно», «давать концессии на горные, лесные и другие разработки» и «заселять все вышеуказанные территории и земли».

Компания сразу же завела свой флаг, свой герб, свой девиз, свои гербовые и почтовые марки. На гербе чего только не было. Щит с волами, кораблями и слоном. Его держат с обеих сторон антилопы. Пониже — девиз: «Справедливость, коммерция, свобода». И над всем этим, разумеется, британский лев. Флаг — «Юнион Джек», в центре — лев и под ним первые буквы слов, составляющих название компании БЮАК.

Печать с гербом компании

Так возникла Британская южноафриканская привилегированная компания — со своей армией, полицией, даже со своим флагом. В будущем — полновластный хозяин земель, во много раз больше Великобритании.

Чем же это не *imperium in imperio* — империя в империи?

А если так, то как же величать человека, который управляет всем этим? Не было должности, звания или титула, которые точно отразили бы полноту его власти. Называли его просто — Сесиль Родс.

Родс полновластно господствовал во всех делах компании. «Он был единственным директором, который знал, чего хотел и как этого добиться», — писал один из его биографов. Всевластие Родса было даже официально затверждено. В мае 1890-го Эберкорн

и Файф подписали документ — «полномочия» Родса как директора-управителя компании¹². Пробравшись сквозь сложный юридический язык документа, понимаешь, что суть его можно было бы выразить простенькой фразой: «Все, что сделано подателем сего, совершено с моего согласия и для блага государства». Так, кажется, сформулировал кардинал Ришелье полномочия миледи в «Трех мушкетерах».

«Мы здесь в полном неведении, но я полностью доверяю мудрости каждого действия, которое Вы с Джемсоном сочтете верным... делайте все, что считаете правильным. Мы в любом случае поддержим Вас» — так в один из трудных для компании моментов писал Родсу Альберт Грей, единственный из лордов-директоров, все-таки пытавшийся вникать в дела компании. В сущности Родса не контролировало и английское правительство. Лорд Эберкорн признавался потом: «М-р Родс получил полномочия делать все, что ему заблагорассудится, не испрашивая разрешения у министерства, а только сообщая о сделанном»¹³.

Противоречивость хартии, дарованной Родсу, сразу же бросается в глаза. С одной стороны, даже в самой петиции содержалась просьба лишь о помощи в «реализации концессий и соглашений», заключенных с африканцами, и в хартии многократно подчеркивалось, что ее цель состояла именно в этом. Следовательно, призналось, что основа всех прав, которые компания приобрела или надеялась получить в будущем, — это договоры с африканскими народами, а смысл хартии лишь в том, что правительство Великобритании берет под свою защиту полученные таким образом права.

С другой стороны, речь шла об установлении административной власти компании на громадной территории.

Единственный договор, заключенный компанией к моменту получения хартии, — это был договор с Лобенгулой. Но даже если признать его удовлетворяющим требованию хартии о «законности», он давал право только на добычу минералов. Он никак не мог оправдать предоставления компании административной власти.

Объяснялись эти противоречия и неясности просто. Правительство желало наделить компанию самыми широкими и вполне реальными полномочиями и в то же

время боялось международных осложнений из-за слишком уж бесцеремонного обращения с громадным, еще не поделенным куском Африки. Поэтому, давая Родсу и его компаньонам мандат на господство над миллионами африканцев, правительство ссылалось лишь на необходимость охраны «договорных и концессионных прав», полученных от самих африканских вождей.

Маскировка истинного смысла хартии отняла, видно, много времени и сил у искушенных английских законопников. Слишком уж нарочита запутанность ее многочисленных статей, слишком часто подчеркивается забота об африканцах. Можно подумать, что речь идет о создании благотворительного общества.

Еще долго после оглашения хартии на страницах то одного, то другого издания поднимался вопрос, в чем же юридический смысл этого документа. Даже через восемь лет миссионер Маккензи писал: «Самое главное — надо уяснить, что же все-таки было дано компании имперским правительством».

Хартия дала компании возможность стать государством в государстве, но для осуществления этой возможности предстояло разгромить военную силу местных народов, организовать систему подавления, создать и наладить механизм эксплуатации населения и природных богатств.

Но ведь все это требовало громадных расходов. К тому же лорды вправе были ожидать прибылей от предприятия, которое согласились украсить блеском своих имен.

Труд африканцев? Да, конечно. Но ведь это и в будущем. А на первые годы? Официально говорилось о нескольких источниках доходов. Компании полагалась половина прибыли с каждого старателя на означенных в хартии землях. В случае продажи горнорудной фирмой или отдельным старателем своего участка компания получала половину его стоимости. Она могла продавать земельные участки под фермерские хозяйства и городское строительство, извлекать доходы из эксплуатации железных дорог и телеграфа.

Но пока суд да дело, главным источником средств стали биржевые спекулянты.

Сразу после получения хартии компания выпустила акций на сумму в миллион фунтов, по одному фунту каждая, так называемые акции «на любой карман». Такие акции создали видимость демократического характера компании, участия широких масс в ее делах.

Но акции были предложены публике далеко не сразу. Сперва между директорами и «нужными» людьми распределили почти полмиллиона акций — почти даром, по три шиллинга за однофунтовую акцию. Еще двести тысяч акций взяла себе Де Беерс.

Мало того, Родс, Гиффорд и их окружение вскоре после получения хартии тайком от акционеров создали еще одну компанию — Юнайтед консешиз. По их заявлению, она якобы «передала привилегированной компании свои права и концессию». Родс, Гиффорд и их компаньоны, теперь уже в качестве руководства Юнайтед консешиз, выговорили себе половину прибылей привилегированной компании и девяносто тысяч ее акций.

Но и это было еще не все. Публике сообщили затем, что в эти «права и концессии» не входит концессия Радда. О каких тогда «правах и концессиях» шла речь, так и осталось неясным: ведь концессия Радда и была главной, она-то и служила юридической основой для получения хартии. Тем не менее под «концессию Радда» был выпущен еще миллион акций. От имени привилегированной компании Родс и его компаньоны передали этот миллион самим себе и уже затем бросили на рынок.

Расходы Родса на прессу окупились сторицей. Газетная шумиха вокруг новой компании привела к тому, что в надежде на будущие сказочные дивиденды за ее однофунтовые акции на бирже платили по три-четыре, а бывало, и по девять фунтов. Это приносило учредителям громадные прибыли, хотя сколько-либо реальных шансов получить дивиденды в течение ближайших лет не предвиделось. Компания объявила, что в ближайшие два года не выплатит «ни фартинга».

«Кафрский круг» (отделение южноафриканских ценных бумаг на Лондонской бирже) в 1889 — 1890 годах вообще «приковал к себе львиную долю внимания спекулянтов». И это продолжалось долго. В. И. Ленин отмечал слова Шульце-Гевверница, сказанные уже в начале XX века, что в биржевом мире ведущее место занимают «прежде всего южноафриканские и западноавстралийские акции золотых приисков, африканские алмазные акции, ценности Родезии и т. д. ...»¹⁴.

Так руководство компании с первых шагов смогло обеспечить громадные прибыли совету директоров и виднейшим представителям правящих кругов Англии, среди которых оказался даже принц Уэльский.

Рядовые акционеры, жившие в Англии, были совершенно бесправны уже хотя бы потому, что собрания пайщиков проходили в Южной Африке. Но главное, что обеспечивало руководителям компании безнаказанность, — это поддержка ее имперским правительством. В ответ на любую критику компании оно заявляло, что не собирается вмешиваться в ее деятельность. Так, на попытку Лебучира 27 января 1891 года разоблачить в палате общин финансовые спекуляции директоров компании Вормс ответил: «Правительству Ее Величества как в момент предоставления хартии, так и теперь ничего не известно об указанных фактах, и оно не несет ответственности за детали взаимоотношений между Британской южноафриканской компанией и любой другой компанией или лицом, владеющим концессией в сфере ее действий»¹⁵. В других случаях представители правительства в ответ на подобные запросы лишь еще раз подчеркивали свою благодарность компании за то, что она освободила правительство от тяжких расходов на создание администрации во внутренних областях Южной Африки, на строительство железных дорог и телеграфа.

Силы, стоящие за спиной компании, были столь велики, их поддержка — столь очевидной и возможности для успешного осуществления захватов — столь широкими, что русский посол в Лондоне Е. Е. Стааль в связи с ее созданием мог с полным правом донести в Петербург: «Не исключено, что две африканские компании, северная и южная, действуя в согласии, смогут в один прекрасный день соединить руки и таким образом дать английской короне протекторат почти непрерывный над громадными территориями, простирающимися от Судана до колоний Южной Африки»¹⁶.

В. И. Ленин назвал создание Британской южноафриканской компании в числе главных вех всемирной истории после 1870 года¹⁷.

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ПОХОД

так, хартия получена, компания создана, оппозиции в Англии почти нет. Руки у Родса развязаны. Теперь Лобенгуле жаловаться на него уж совсем некому. Родс вообще стал хозяином положения в Британской Южной Африке: в мае 1890-го он занял пост премьер-министра Капской колонии и открыто объявил, что сделал это для ускорения захвата бассейна Замбези. К власти он пришел благодаря поддержке Хофмейера и капских буров. Казалось бы, буры должны были противиться расширению английского влияния и захвату Родсом новых земель. Но Родс умело использовал даже те весьма незначительные противоречия, что иногда возникали среди буров, прежде всего у капских буров с трансваальскими.

Как раз тогда Крюгер, президент Трансвааля, решил проложить железную дорогу через Мозамбик, чтобы хоть как-то ослабить зависимость своей страны от окружающих ее английских владений. Но это неизбежно означало ослабление торговых и всех других связей Трансвааля с Капской колонией и в какой-то мере ударяло по доходам нарождавшейся бурской буржуазии Кейптауна и всей Капской колонии.

Родс, конечно, тут же продемонстрировал капским бурам свои симпатии. Ну а они помогли ему утвердиться в кресле премьер-министра.

Теперь он не только богат, но и могуществен. Теперь наконец можно переходить к завоеванию вождь-денных земель, так неопределенно названных в хартии. С чего же начать?

Прежде всего Родс решил направить в Булавайо полномочного представителя Привилегированной компании. Нужен был не просто соглядатай, а человек, который был бы посвящен в замыслы Родса и мог бы на месте принимать решения.

Выбор Родса пал на врача Джемсона. Джемсон — ровесник Родса — в это время был уже одним из самых близких ему людей. Отчасти, может быть, потому, что

больной Родс верил в него как в медика. Но главное, Джемсон всегда готов был участвовать во всем, что бы ни предлагал Родс.

В студенческие годы Джемсон был настолько «чувствителен к страданиям», что ему стало дурно во время первой хирургической операции¹. Но, присхав в Южную Африку, он сумел закрыть глаза даже на вспышку оспы среди горняков-африканцев компании Де Бээрс. Ведь слух об эпидемии мог неблагоприятно сказаться на курсе акций... А потом по приказам Джемсона кровь проливалась в Южной Африке не раз...

Имя Джемсона упоминается во всех книгах по истории международных отношений тех времен из-за вызвавшего международный скандал «набега Джемсона», попытки захватить Трансвааль в 1895 году. В историю Южной Африки он вписал себя, кроме того, как администратор Родесии, а в начале нашего столетия и как премьер-министр Капской колонии.

Посты высоки, но многие современники между тем отказывались признавать Джемсона крупной личностью. Мателе Томпсон считал его «прихвостнем» Родса, человеком мелким, спекулировавшим на здоровье своего патрона. Для Родса, по мнению Томпсона, несчастным днем был тот, когда он встретил этого доктора.

У Томпсона были с доктором свои счеты. В 1889 году Джемсон сменил его в Булавайо и завершил дипломатические переговоры с Лобенгулой. На его долю выпала вся слава, а Томпсон остался в тени.

Но можно привести и другое свидетельство. Русская сестра милосердия Изъединова, лечившая раненых в Трансваале во время англо-бурской войны, писала о Джемсоне как об «абсолютно безнравственном и беспринципном мелком мошеннике, совершенно лишенном искупающих сторон личной мощи и обширности политических замыслов»². Изъединова вряд ли могла близко познакомиться с Джемсоном. Она, конечно, суммировала распространенные тогда мнения.

В те времена, когда Родс отправил Джемсона к идебелам, о нем еще мало кто слышал. Политическая карьера его была впереди, и упомянуть о ней стоило лишь потому, что вся дальнейшая деятельность Родса была уже неразрывно связана с «доктором Джимом».

Тогда, в конце 1889-го, Джемсон выполнял первое важное поручение Родса. Он явился к Лобенгуле 17 октября, еще до официального подписания хартии;

Справа налево:

Джемсон, Джон Моффет и переводчик Дойл

и стал добиваться разрешения инкиси на приход родсовских «золотоискателей» в его страну. Лобенгула уже знал Джемсона — тот побывал в Булавайо первый раз в апреле — и встретил его словами:

— Что хорошего будет, если ты наговоришь мне еще больше лжи? Пусть приезжает сам Родс.

Джемсон через переводчика ответил, что Родс не может явиться сейчас, но позже обязательно приедет. В течение нескольких месяцев Джемсон пытался получить желанное разрешение. Он приезжал, уезжал, угрожал, грозил. Пытался использовать свои медицинские познания, лечил Лобенгулу от подагры.

Пришла, как всегда, поддержка и от английских властей. В начале февраля 1890 года в Булавайо прибыло посольство королевы Виктории — трое рослых офицеров королевской гвардии в яркой красной форме, металлических кирасах и громадных шапках. Они привезли уведомление о хартии, о поддержке компании королевой Викторией и о назначении в Булавайо английского резидента.

Но Лобенгула все противился. Переговоры тянулись до начала мая 1890 года. Джемсон принимал все более угрожающий тон, требуя, чтобы идебелы «дали дорогу»:

— Король, если вы не подтвердите своего обещания и не откроете мне дорогу, я приведу свои белые войска, и, если понадобится, мы будем драться.

Каково было тогда Лобенгуле? Молодые воины требовали войны. Их гнев все время готов был обрушиться на самого инкоси. А что он мог сделать? По рассказам вернувшихся из Лондона Бабиана и Мчете видно было, какая страшная сила противостоит его идебелам. Да и без этих рассказов он, конечно, понимал, что борьба безнадежна. Разгромили же зулусов десятью годами раньше, а их армия была куда многочисленнее идебельской.

Уйти еще дальше, на север, за реку Замбези? Идебелы уже поговаривали об этом. Но сдвинуться с места было трудно. Прожили здесь полвека. Ведь раньше их отцы ушли сюда, на север, только после жестокого разгрома. А теперь? Прикажи Лобенгула уходить с насиженных мест, даже не попытавшись померяться силами с этими зарвавшимися белыми, — разве поймут это его собственные воины? Он же сам воспитывал в них сознание непобедимости. Конечно, они взбунтуются.

Так что не было у Лобенгулы другого выхода, как надеяться на фортуна, на то, что жизнь сама что-нибудь подскажет потом.

А пока он вынужден был уступить Джемсону. Понимал — откажись он «дать дорогу», разве это что-нибудь изменит? Скорее всего только ускорит столкновение.

Его «пионеры»

Джемсон еще не получил от Лобенгулы согласия, а компания уже всюю формировала свои отряды, чтобы проникнуть в глубь междуречья, построить форты и укрепиться.

Считалось, что отряды эти двух типов. Конная полиция Привилегированной компании — она насчитывала пятьсот человек. И сто семьдесят восемь «пионеров», которые должны были идти вместе с полицией уже в качестве золотоискателей и потенциальных поселенцев. На деле полицейские мало чем отличались от «пионеров». И награда им была положена одинаковая.

Каждому обещали во время похода по семь с половиной шиллингов в день, а затем, уже в междуречье, по три тысячи акров земли.

Надежды и мечты, конечно, связывались не с этими акрами, пусть даже их будут тысячи. Многие ли из этих людей собирались остаться тут на всю жизнь? Едва ли. Но Родс сулил «пионерам» то, что так влекло, так манило конкистадоров всех времен.

Но пелась баллада
В пещерных тавернах,
Что ждет Эльдорадо
Отважных и верных.

Под звуки органа
Твердили аббаты,
Что за морем страны
Так дивно богаты.

Родс обещал каждому «пионеру» по пятнадцать участков для поисков золота. А кто знает, может, там, за рекой Лимпопо, ждут и алмазные россыпи, новый Кимберли...

И в сонных глубинах
Мы видели город,
Где алых рубинов
Возносятся горы.

У большинства из этих людей не было ни гроша, а Родс говаривал им: «Держитесь за меня, и я отправлю вас домой миллионерами».

Родс умело вербовал себе армию, как раньше ловко сооружал «манишку». Ее составили аристократы. А кто же пошел в «пионеры»? Чьими руками делились чужие земли? Кто завоевывал Африку, создавал империю? Писали о них восторженно: «Это были люди, каких любил Родс: главным образом британской крови, из всех слоев общества; ремесленники и горняки стояли в одном ряду с отпрысками знатных семей — среди них даже несколько известных игроков в крикет — и с бравыми юными голландцами. Все — в расцвете молодых сил, исполненные жаждой приключений»³. Журналист Ньюмен назвал их поход «одним из самых блестящих во всей новой и древней истории»⁴. Лишь через несколько десятилетий стали появляться кое-что проясняющие мемуары.

Вот воспоминания «Черные границы. Приключения пионера конной полиции Сесилия Родса в Африке». Я уже приводил их, говоря о золотой лихорадке. Они

изданы в 1932 году, через сорок два года после самих событий. Автор, Сэм Кемп⁵, и тогда еще преклонился перед Сесилем Родсом. Но вот «пионеры» и их поход в его книге никак не выглядят идиллическими.

«Никому из кандидатов не задавали вопросов об их прошлом», — писал он. Значит, действовало то же правило, что и при приеме во французский Иностранский легион, в котором мог найти убежище любой преступник. «Требовалось только безупречное здоровье, и одного за другим отсеивали из-за малейших дефектов». Врачи осматривали каждого «от зубов до ногтей». Легко представить, что это были за люди, «каких любил Родс». Не о таких ли писал Киплинг?

Друзья, мы были шайкою отчаянных людей.

Люди с не вполне чистым прошлым, составившие добрую толику этих «пионерских колонн», чувствовали себя там, как рыба в воде, и легко узнавали друг друга.

Они из нашей породы, мы ходим в один кабак.

Что дал такой подбор? Сделал отряды более боеспособными, мужественными, лихими? Вряд ли. Вытуют и по сей день легенды о «братстве» уголовников. Об их мужестве. Они-то, мол, и есть «настоящие мужчины». О том, что даже на фронтах второй мировой войны в штрафных батальонах они выказывали такие чудеса храбрости, какие и не снились людям честным, не замаравшим себя преступлениями. Что-то мало это похоже на правду. Очень уж отдаёт обывательщиной, да и очевидцами не подтверждается.

Сэм Кемп пишет, что в походе родсовских «пионеров» не раз подавалась команда: «Нужны добровольцы. Прошу — шаг вперед!» Но обычно никто не двигался с места.

Среди нас есть лгуны и немало воров, и никто из нас не герой, Но в жизни раз ждет гибель нас (что, надеюсь, не будет со мной).

И еще:

И были щедры на вранье,
Окурки и плевок.

В передовых эшелонах Привилегированной компании — государства, созданного Родсом, весьма худую характеристику заслужили многие: от высокопоставленных чиновников до рядовых «пионеров». Конечно,

*Сэм Кемп — участник похода «пионеров».
Позднейшая фотография*

даже худшие из них не были такими с молодых ногтей. Но и у тех, кто покидал берега Европы в погоне за Музой Дальних Странствий, долго ли могла выжить романтика в горниле южноафриканского Клондайка?

Хотя бы этот Сэм Кемп. Если верить его книге, он был далеко не худшим среди молодцов Сесилия Родса. Но и ему не кажется зазорным вспомнить, что, приехав в Наталь семнадцатилетним неоперившимся птенцом, он уже вскоре был надсмотрщиком на рудниках. Избивать, а то и убивать «взбунтовавшихся» рабочих-африканцев считал делом самым обыденным и писал об

этом открыто. А, наверное, было кое-что и похуже, о чем этот Кемп писать все же не осмелился.

Люди ринулись из Кимберли и Йоханнесбурга на пункт сбора в Мафекинг. Там получили коня, оружие и экипировку — шерстяные шорты и носки, плисовый костюм и плотные суконные обмотки для защиты от змей.

Поход

Согласившись пустить в междуречье «золотоискателей», Лобенгула поставил условие, чтобы они прошли через Булавайо. Он хотел увидеть их собственными глазами.

На это Родс никак не мог согласиться. Ведь это была не горстка золотоискателей, как обещали Лобенгуле, а целое войско. Вооруженная полиция и «пионеры» да еще африканцы-рабочие. А к тому же еще двести воинов-бамангватов. Их вождя Каму удалось уговорить — или заставить — выделить этот отряд в помощь «пионерам». Так что тысячная армия, если не больше. С пушками, пулеметами, не говоря уже о ружьях и револьверах. Двинуть их через Булавайо означало пойти на военное столкновение с ндебелами. Оно стало бы неизбежным: Лобенгула не смог бы удержать своих воинов, даже если бы захотел.

Правда, поначалу Родс как раз этого и добивался. В декабре 1889-го он подписал контракт с англичанином Фрэнком Джонсоном и американцем майором Моррисом Хини. Согласно контракту, им поручалось создать отряд из пятисот человек для захвата Булавайо. При этом они должны были убить Лобенгулу или взять его в плен и вместе с ним как можно больше индун. Родс считал, что, захватив таких заложников, можно будет не опасаться больше ндебельского войска.

Придумали предлог для операции. Родс собирался распустить слух, будто Лобенгула решил напасть на бамангватов, своих соседей, и что для спасения бамангватов необходим превентивный удар.

Продумали, как успокоить общественность — английскую и мировую. В Булавайо войска Родса должны были сразу отпустить на волю всех рабов. Джонсону объяснили, что этой мерой можно сразу же заткнуть рот филантропам, «отделаться от Икзетер-холла» — так называлось в Лондоне здание, где заседало Британское общество борьбы против рабства.

Джонсону и Хинли Родс обещал по полтора ста тысяч фунтов и по сто тысяч акров земли. И они уже начали сколачивать свой отряд.

Казалось, все учтено. Но план Родса неожиданно рухнул. Все сгубило... пьянство. Подвыпив, Хини — ох уж эти американцы! — выболтал все миссионерам, а от них слух дошел до Генри Лоха, нового верховного комиссара Южной Африки, присланного на смену Геркулесу Робинсону. Лох был совсем не против расширения Британской империи, но в отличие от Робинсона не успел еще сблизиться с Родсом и попасть от него в зависимость. Убоявшись слишком уж явной авантюристности этого плана, Лох заставил Родса пойти на попятный, во всяком случае до поры до времени.

Авантюра эта выплыла на свет совсем недавно. Фрэнк Джонсон, которому Родс поручил атаковать Булавайо, оказывается, взял да и написал воспоминания. Назвал их — «Великие дни». Но никто не бросился их немедленно издавать, и они лежали в Центральном африканском архиве Родезии. В 1940 году их опубликовали, но не целиком — изъяли главу «Я заключаю контракт с Родсом о похищении Лобенгулы». Оправдались тем, что шла война: нельзя, мол, давать пищу гитлеровской антибританской пропаганде. Но и после войны эту главу тоже не торопились издать. В 1974 году в книге историка Джона Флинта появилось о ней несколько строк⁶, но полностью она, видимо, так еще и не увидела свет.

Ну а если бы Фрэнк Джонсон, подобно многим другим соучастникам дел Сесилия Родса, так и не собрался написать воспоминания? Эта история была бы безвозвратно погребена, как, наверно, погребено многое из тех времен. Да разве только из тех...

Осторожность Лоха заставила Родса пересмотреть свой замысел. Он обсудил со своими советниками несколько других вариантов и в конце концов остановился на том, что идти лучше по землям племен шона, держась подальше от Булавайо, и вообще как можно меньше показываться на глаза ндебелам. Обойти землю ндебелов с юга, затем с востока, создать в трехстах — четырехстах километрах к востоку и северо-востоку от Булавайо военные форты и потом, укрепив этот плацдарм, решать вопрос о дальнейших действиях.

Во главе колонны «пионеров» Родс и тут поставил Фрэнка Джонсона. Знай он тогда, что этот бесшабашный удалец займется еще и бумагомаранием!

«Африканский Наполеон», как и другие политики, болтливых свидетелей не любил. Он вроде не расправлялся с ними по формуле «только мертвые не возвращаются», но и к себе старался не приближать.

По этому новому плану путь «пионеров» оказался не только длиннее на несколько сот миль, но и куда труднее. Прямая дорога на Булавайо была давно проторена, хотя и там, как мы видели, и Радд и Мателе Томпсон сумели заплутаться и спаслись лишь чудом. А та, что Родс наметил теперь, шла по местам, для белых почти неизвестным. Правда, нашлись проводники: Фредерик Силус и тот же Мателе Томпсон. Но и для них почти все тут было в новинку.

Каков же оказался этот путь для «пионеров»? Неизведанная, пугающая природа. Жара, жажда. Незнакомые болезни. Тропическая лихорадка — не помогали ни хинин, ни ром. Дизентерия. Змеи, смертельные укусы огромной черной мамбы. Ядовитые клещи. Ближе к Замбези — муха цеце.

Мириады летающих насекомых. Для защиты от них «пионеры» не стриглись и не брились, но это давало богатые возможности другим паразитам.

Львы нападали на лошадей. Стадо слонов растоптало лагерь одного из отрядов, и число человеческих жертв сразу резко возросло. Кто-то вопреки строгому запрету купался и не заметил крокодила...

«Пионеры» были и свидетелями нападения саранчи. За три дня все вокруг превратилось в пустыню.

А надо было продираться сквозь скалистые районы, форсировать бурные потоки. И не только самим — приходилось перетаскивать тяжело груженные фургоны. Африканцы, на которых возложили самую тяжелую работу, старались убежать. Лошади гибли от сонной болезни.

Страсть к обогащению стоила многим здоровья, а то и жизни.

И непрерывный страх столкновения с ндебельским войском... Для Родса стычка «пионеров» с ндебелами означала бы лишь короткую задержку в реализации планов. Для каждого «пионера» это был риск потерять жизнь. Страх снедал их ежечасно. В походе каждую ночь разбивали лагерь, окружали его кольцом фургонов, устанавливали прожектора и пулеметы. Офицеры подчас не решались говорить при остальных о появлении где-то поблизости ндебельских воинов, опасаясь паники.

Ох, как не похоже все это на бодрые маршевые ритмы киплингговских строк:

Острова мы окрасили красным,
За жемчугом или на дно,
Ликовали над самородком,
Жили голодно и бедно;
Мы смеялись над миром: мужчины,
Города и женщины — тлен!
От мрачного Санд-Бургаша
До гор, где горюет Лобен,
(Эх, братцы!)
Нас будет помнить Лобен!

Лобен — Лобенгула и вправду долго их помнил. Помнил бы и еще дольше, если бы эти носители бремени белого человека не свели его в могилу так скоро.

Да только и они запомнили страну идебелов и свой поход. Навсегда запомнили. Те, кто выжил, конечно.

Судьбе «пионеров» вряд ли особенно позавидуешь. Сдается, никто из них так и не стал миллионером. Не сдержал Родс своего обещания. Да и простое благополучие пришло не так уж ко многим. А скольких зарыли в чужую землю! Копали могилы чуть ли не каждый день, с самого начала похода, да и потом, когда завершили его, соорудили форты и принялись обосновываться.

«Чтобы пройти сквозь все это, надо было, чтобы леди Удача много раз улыбнулась тебе. Но леди Удача раньше или позже все-таки хмурила брови — и это означало конец. Похороны день за днем — они стали во время этого долгого похода на север такими частыми, что воспринимались как часть повседневной жизни и забывались через пять минут». А африканцев — слуг, носильщиков — зарывали сразу же, на том месте, где их постигала кончина, вообще без всяких церемоний.

Полученная экипировка в тяжелом походе быстро превращалась в лохмотья. Особенно страдали ноги — ботинки быстро выходили из строя.

Умиравший от тропической лихорадки священник просил доктора: «Пусть с меня не стаскивают ботинки, пока я еще жив». Но его скромную просьбу не выполнили. Агония еще не кончилась, а кто-то уже снял и унес драгоценные ботинки... Рассказав об этом, Сэм Кемп меланхолично добавил: «Беднягу не хотели этим унижить или намеренно отказать ему в исполнении последней воли; просто его ботинки были действительно нужны другим».

*Поход «пионеров» — перевозка пулемета «максим».
Зарисовка того времени*

Как-то раз исчез лейтенант — из тех многочисленных офицеров, которых агенты Родса на вербовали в английской армии для руководства своей полицией и «пионерами». Лейтенанта не любили за педантичную жестокость. Старушка Удача отвернулась куда-то,

и его, должно быть, просто пристрелили во время охоты. Виновного не нашли. Родсовские ратники перешептывались:

— Давайте-ка поглядим, на ком теперь его ботинки⁷.

А в тогдашних статьях и книгах писали, что в походе «не погиб ни один человек»⁸.

Может быть, большинство несчастий действительно случилось, когда «пионеры» начали обосновываться в облюбованных для фортов уголках междуречья. Так нередко бывает: трудностей вроде бы меньше, люди расслабляются, а тут-то как раз и сдают нервы, силы, здоровье. Только от того, где умирали люди — в походе или на привале, цена похода не уменьшилась. Цена, измеренная в человеческих жизнях.

А Лобенгула, получив вести о том, какова эта родсова («небольшая группа «золотоискателей»»), был потрясен. Догадывался, конечно, и раньше, что Родс пришлет не десять человек, как обещал, а побольше, но чтобы целое войско, и даже с пушками! Не выполнено и главное условие: вся эта армия идет очень далеко от Булавайо, стараясь не показываться ему, Лобенгуле, на глаза. Инкоси возмутился:

— Если, по вашим словам, я отдал вам всю страну, почему же вы крадетесь, как воры; если она действительно принадлежит вам, зачем же вам ее красть?⁹

Отчаянно пытаясь усовестить англичан, Лобенгула отправил еще одно посольство. Мчете, один из двух индун, побывавших у королевы Виктории, теперь поехал в Кейптаун, к верховному комиссару Лоху.

Мчете снова и снова повторял, что «концессия» Радда получена обманом. Законной силы она не имеет, тем более что идебелы отказывались принять ту тысячу ружей, которая значилась в этом договоре как плата за «концессию». Мчете жаловался, что Родсу теперь оказалось мало искать золото в каком-либо одном отведенном месте, он хочет уже «съесть» весь народ идебеле. Джона Моффета, назначенного британским резидентом в Булавайо, Мчете назвал человеком Родса.

Все это, ясное дело, не возымело на Лоха никакого действия. Он привлек к переговорам с Мчете самого Родса. Когда посольство Мчете было еще в пути, Лох написал Лобенгуле, что он, как английский верховный комиссар в Южной Африке, уже одобрил отправку сил

Привилегированной компании, чтобы «охранять Вашу страну». И что люди Родса идут к ндебелам как друзья — «хотят ндебелам только добра».

Когда «пионеры» появились на реке Маклауцы, у пределов ндебельских земель, ндебелы воочию убедились, как же много у них «друзей». Лобенгула отправил командирам «пионеров» исполненное иронии послание: «Почему на Маклауцы так много воинов? Разве король допустил какую-нибудь оплошность или кого-нибудь из белых людей убили? Или белые люди потеряли что-нибудь и теперь ищут?»

Джемсон, шедший с «пионерами», ответил: «Эти люди — отряд рабочих; они под защитой некоторого числа солдат идут в Машоналенд по пути, который им разрешен королем».

Лобенгула сказал, что никогда не давал такого разрешения. Но все-таки и тут удержал своих воинов от нападения на «пионеров».

К середине сентября 1890 года «пионеры» соорудили на землях народов шона, далеко к востоку от Булавайо, четыре форта. Вступив на эти земли, они построили свой первый опорный пункт, форт Тули, а продвигаясь все дальше к востоку и северо-востоку от Булавайо — еще три. Самый южный назвали фортом Виктория — в честь королевы, второй — Чартер, во славу хартии, то есть Привилегированной компании, и самый северный — Солсбери, по имени английского премьер-министра.

Форт Солсбери и стал конечным пунктом похода. Потом он превратился в главный город, административный центр Родезии (в наши дни, с 1982 года, это Хараре, столица Республики Зимбабве). Флаг компании был поднят там 12 сентября 1890 года. С тех пор этот день отмечали как дату основания Родезии. Когда через сорок с лишним лет ветераны завоевания Родезии собрались в лондонском ресторане вспомнить былое, героем встречи стал Тиндейл Биско, поднявший флаг.

Новое Эльдorado

Походом «пионеров» начался третий виток погони за богатствами Южной Африки. За алмазной лихорадкой Кимберли и золотой горячкой трансваальского Ранда — сказочные золотые месторождения междуречья. Доктор Джемсон, который провел колонну «пионеров» в междуречье, громогласно заявил, что по богатству зо-

потом Машоналенд — это пятьдесят Рандов. Как было не прислушаться к словам Джемсона? Он — высший представитель компании в междуречье, официально его пост именовался — главный администратор.

А британская печать! Сколько нашла она пышных слов! «Новое Эльдorado» — это еще не самое громкое. «Это истинно Обетованная земля», — писал обычно такой спокойно-уравновешенный «Таймс». «Страна Офир», — вторила ей «Пелл-мелл гезетт». В статье «Среди копей царя Соломона» она заверяла своих читателей, что «через несколько лет мы увидим изображение королевы Виктории на том золоте, которым царь Соломон украшал свой трон»¹⁰.

Привилегированная компания в конце 1890-го изда-ла «Меморандум об условиях, на основании которых желающим разрешается изыскивать минералы и металлы в Машоналенде».

«Любой желающий, — гласил первый параграф этого документа, — может получить лицензию, подписав обязательство подчиняться законам компании и помогать в защите закона и порядка, если компания этого потребует». Каждый держатель лицензии, объявлялось в меморандуме, получает право на один аллювиальный участок размером сто пятьдесят на сто пятьдесят футов и десять участков — каждый по сто пятьдесят на четырехста футов — в районах расположения золотоносных жил. Каждый из участков он пользуется на паритетных началах с Привилегированной компанией, то есть должен отдавать ей половину своих прибылей. Плата за лицензию — десять шиллингов в месяц.

Так начинался дележ недр Машоналенда. На земли, где жили ндебелы, Родс пока не рискнул посягнуть — считалось, наверно, что все надо делать поэтапно.

Компания распахнула двери в страну не только золотоискателям, но и поселенцам. Родс объявил, что европейцев ждут участки для десяти тысяч ферм. Представители компании завлекали колонистов «изобилием туземной рабочей силы» и «превосходным приемом со стороны машонов и матебелов».

Призыв обосноваться на постоянное жительство в глубине Африки не возымел быстрого действия. Но такая приманка, как золотоносные участки, сработала моментально. Целая армия старателей выросла как изпод земли и лихорадочно ринулась искать желтый металл.

На дорогах междуречья сразу же появился самый

пестрый люд: от оборванцев-бедняков, никогда не знавших удачи, до тех, кто в совсем недавнем прошлом были завсегдаятами дорогих баров Кимберли и Йоханнесбурга, тех, для кого там рекой лилось шампанское.

Казалось, Южная Африка переболела алмазной и золотой лихорадкой так недавно, но сколько людей уже прошли свой взлет и падение! Богатство покинуло их так же внезапно, как и пришло. «Где они, эти Дики, Томы, Гарри, счастливики и миллионеры тех дней? Никто не мог толком на это ответить. Но я встречал их, одного за другим, пробираясь по Машоналенду... Теперь они носили фланелевые шорты, выполняли любую, самую тяжелую работу, ели самую грубую пищу. Я встречал их в каждом поселке, почти на каждой стоянке. Как они переменялись!» — так писал очевидец в 1892 году¹¹. В бармене придорожного постоянного двора он узнал бывшего директора нескольких компаний, преуспевавшего когда-то маклера. От прежнего блеска сохранились только очки в золотой оправе. Встретил и другого — двумя годами раньше он устроил скандал в лучшем отеле Йоханнесбурга: ему подали шампанское в недостаточно чистом бокале.

— Скоро вы заставите меня лакать грязную воду из жестянки, — орал он тогда перепуганному официанту.

«...Я слушал его тогда и восхищался, потому что разве он не обладатель двухсот тысяч фунтов? Разве он не вправе ожидать, что его бокал окажется кристально чистым, а скатерть своей белизной будет соперничать со свежевыпавшим снегом!»

А в Машоналенде этому нуворищу, уже разорившемуся, действительно пришлось пить из жестянки грязную воду, не лучше оказалась и его еда, а сам он был в лохмотьях и не мылся шесть недель. «Он подхватил лихорадку, и каждое соприкосновение с водой вызывало у него новый приступ. Вот он и перестал мыться. Я никогда не видел такого грязного лица. Поразительно, как это грязь держалась на нем, не отваливаясь кусками».

Не в диковинку были в междуречье и британские лорды. Не только те, кто, как Рендолф Черчилль, отец Уинстона Черчилля, проводил тут, так сказать, общую рекогносцировку с помощью своего горного инженера, но и те, кто сам, засучив рукава, пытался извлечь из недр африканских золото, которым его не обеспечили именитые предки. Трудно представить английского лорда босым, но именно в таком виде видели там лорда

Генри Полета. Да и его спутник, сын баронета Суинберна, выглядел примерно так же.

В войсках компании сержантом служил человек, кончивший аристократический Итон. А под неприемлемыми именами Джонсонов и Смитов нередко скрывались отпрыски самых знаменитых семей Великобритании, те ждавшие своего часа младшие сыновья, кем так восторгался Василий Шульгин.

Как же велик был соблазн, если эти люди обрекали себя на испытания, перед которыми меркло все, что пережили старатели в Трансваале и в Кимберли. Добираться сюда было куда труднее. Обжитые европейцами земли оставались далеко-далеко позади.

«Когда доберешься до форта Виктория, кажется, что ты уже на краю света. Цивилизация — за тысячи миль... Чувствуешь себя Рип Ван Винклем или Робинзоном Крузо». Ничего привычного перед глазами. Все незнакомое, чужое, непонятное — люди, природа, звери. Солнце «сжигает нас, как луч увеличительного стекла». И скрыться негде, разве что залезть под свой фургон. В скалистых ущельях или у горных речек приходится под палящим солнцем без конца разгружать и снова нагружать фургон, иначе не проедешь.

Лучшее, что есть из еды, — консервы. Из кукурузы, сахара и какао сооружали деликатес, который почему-то прозвали «русской шарлоткой». Но большинству не до «деликатесов». Питались чуть ли не отбросами.

До портов Капской колонии было около тысячи семисот миль, а в самом Машоналенде не было ни дорог, ни мостов через многочисленные речки. Подвоз продовольствия и других товаров от побережья до фортов компаний обходился в семьдесят фунтов стерлингов за тонну, а во время сезона дождей — несколько месяцев в году — страна вообще отрезана от мира.

Разорившимся трудно выбраться из этих мест — до побережья далеко, а транспорт безумно дорог. Компания использовала это, чтобы сократить свои расходы. В 1891-м полиция почти целиком была заменена волонтерами из разорившихся старателей. У них не было иного выхода, пришлось наняться на службу компании, чтобы за ничтожную плату охранять ее интересы.

Непривычный климат, бесчисленные тяготы и особенно лихорадка — все это уносило жизни десятков людей. Но приток золотоискателей не ослабевал. К концу 1891 года в стране шонов насчитывалось уже тысяча пятьсот — тысяча семьсот белых. Они ехали

и ехали — со всего света. Американцы называли междуречье «лавкой Сесилия Родса».

Можно было, хоть и не часто, видеть там и самого Родса. В светлых фланелевых брюках, куртке цвета перца с солью и фетровой шляпе с опущенными полями трусил он на пони вслед за повозкой, в которой ехали Джемсон и Силус. Своей любви ездить верхом он не изменял, хотя так и не научился хорошей верховой езде и всегда держался мешковато. От большинства золотоискателей его отличали только свежесвыбритые щечки. В те времена среди европейцев междуречья это было явным признаком достатка и зачастую более высокого социального положения.

Разочарования начинаются

Сам-то Родс, надо думать, хорошо знал подлинное положение дел в своей империи. Других же подстерегало немало разочарований. Привилегированная компания создала своим фортам славу крупных поселков, чуть ли не центров европейской цивилизации. В конце 1892-го очевидец писал: «Я, видевший в английских и южноафриканских журналах красочные описания Солсбери, ожидал многого. Разве я не читал там о церквах — англиканской, Wesleyanской, римско-католической и пресвитерианской? О больших гостиницах, больнице, библиотеке и множестве магазинов? Оказалось же, что в Солсбери было тогда лишь четыреста человек. А в форте Чартер — всего пятеро: лейтенант, сержант, двое рядовых и один штатский».

На цитадели культуры эти форты походили мало. Ратники местных гарнизонов мечтали только о спиртном. Бутылка виски стоила сорок шиллингов. Для сравнения можно сказать, что одеяло, купленное в Кимберли за пять шиллингов, служило здесь платой за месячный труд африканца.

Каждого нового пришельца девять из десяти старожилов Солсбери встречали вместо приветствия вопросом:

— Виски есть?

Царила лихорадка, а с хинином было очень плохо. За одну унцию этого спасительного лекарства давали до ста фунтов стерлингов.

— Мой желудок не принимает хинина, зато виски он впитывает как губка. Дайте мне бутылку виски в день, и плевать мне на лихорадку.

С аборигенами золотоискатели не знали, мнения о них были самого низкого:

— Дайте мужчине из народа машона вдоволь кафрского пива, вдоволь риса, несколько жен и немного домашней птицы, и ему уже больше ничего не надо.

Забавно, что этот предполагаемый идеал золотоискатели, похоже, списывали не с шонов, а с самих себя. Многие ли из них тянулись к высотам культуры, достижениям разума? Вся-то и разница была в том, что вместо пива им хотелось бренди или шампанского, вместо риса — ресторанных обедов, да представления о дамских прелестях как-то отличались, но и то не так уж существенно...

«Пионеры» считали шонов непонятливыми и немелкими. Те, конечно, действительно с трудом представляли себе, чего хотят от них европейцы. Они, может быть, впервые встретившись с белыми людьми, понимали это куда хуже, чем африканцы в Капской колонии или Трансваале. Интересно, если бы европейцам пришлось выполнять какие-нибудь требования шонов, смогли ли бы они быстро понять, чего же от них хотят? Бездумно осудить чужие нравы, порядки, обычаи, поведение — это ведь куда проще, чем хоть чуть-чуть подумать. Самим пришельцам расовое высокомерие казалось естественным спутником «высокого интеллекта» их расы.

На деле «интеллект» подчас проявлялся в том, что в меновой торговле они пытались всучить шонам спички с обломанными головками. Или в том, что на требование заплатить шиллингами насмешливо отвечали:

— Женщина, которая делала шиллинги, уже умерла.

Или в том, что за одно одеяло им удавалось заставить «туземца» работать целый месяц.

Или в том, как уводили они девушек-шоно, считая это чуть ли не самым естественным делом. Дескать, шононы уже приучены к такому обращению своими соседями-ндебелами. «Машононы так давно привыкли, что у них силой отнимают женщин и имущество, что, если европеец и уведет черную женщину, в ее исчезновении будут винить только злую судьбу ее мужа...»

В оплотах компании, ее фортах, шла тягучая гарнизонная жизнь. Пьянство, азартные игры, иногда — охота. Развлекались тем, что англичане называют «практика джоук» — «практическими» шутками друг над другом, грубыми и зачастую весьма жестокими. Так

было не только в Солсбери, Чартере и Виктории, но даже в самом, казалось бы, оживленном месте, в Тули, на входе в междуречье.

«Тули никогда не принадлежало к числу особенно приятных мест, и, когда я там был, мне казалось, что каждый час тянется сто двадцать минут. В Тули всегда ужасно жарко, и нечего удивляться, что люди клянут все подряд. Они проклинают и капский бренди, и пищу, которой их кормят, и свою работу... а больше всего — Привилегированную компанию. В их жилищах нет самой необходимой обстановки, пищу им дают плохую, читать им нечего, их быт очень плохо устроен, и жизнь они ведут ленивую и лишенную смысла».

Даже в сравнительно многолюдном Солсбери на четыреста мужчин не было и пяти женщин. «Приходится признаться, что мужчины сами по себе не могут создать интересного общества. Без женщин мы тусеем, и жизнь в Солсбери была тупой, как заржавевший нож».

Одним словом, казарменные будни, казарменные настроения, казарменное сквернословие. Как обычно,

Шел сказ про гибель и обман,
И стыд и страсть ко злу,
И подкрепляли речь они,
Произнося хулу,
Сквозь гром проклятый кулаки
Гремели по столу.

Только вот тропическая экзотика наложила отпечаток на характер анекдотов и прибауток. Невозможные байки про тех, на чьей земле «пионеры» теперь обосновались. О том, как Лобенгуле выбирают жен — ставят девушек в ряд и отбирают тех, у кого силуэт тела больше выдается вперед и назад. Или о том, что каннибальские племена брезгуют мясом белых людей, считая его слишком соленым¹².

Не скрашивалась эта жизнь и облагораживающим чувством товарищества. Любимая присказка в войсках и администрации компании звучала так:

— Каждый за себя, одно Провидение — за всех.

Что было святого у этих людей? Может быть, их кумир? Казалось бы, да. «...Свой король и тиран. Разумеется, Сесиль Родс. Это для него мы совершили долгий опасный поход, это его имя магически сплачивало бойцов, удерживало их от мятежа и дезертирства. Странное это было у бойцов чувство к Сесилию Родсу.

Многие из них никогда его не видели, знали о нем только понаслышке, но им казалось, что они понимают его как своего героя, человека изумительного предвидения.

Вдохновенное предвидение — так считали все. В предвидении, в мечте Родса о великой империи — покоренной, изученной, просвещенной и накрепко объединенной — мы, бойцы, и видели свою цель. Странно, как-то отвлеченно выглядели наше восхищение этим молчаливым человеком и наша любовь к нему... И, в свою очередь, надо заметить, Сесиль Джон Родс любил своих бойцов»¹³.

Так вспоминал один из них через четыре с лишним десятилетия. Но так и не объяснил толком, отчего же он сам, прослужив полтора года среди «любимцев» Сесилия Родса, покинул их ряды и навсегда уехал из «обетованной земли», отказавшись от положенных трех тысяч акров и от всего, что было обещано. А ведь Родс и ему, лично, давал обещание сделать его миллионером...

Да, многое разочаровывало тех, кто, соблазнившись шумной газетной рекламой, бросал свои дела и являлся сюда, в глубь Черного материка.

Но главное, росло подозрение, что в этом «золотосносном Офире» никто пока по-настоящему так и не обнаружил золота. Даже в районе Солсбери, в центре деятельности компании, где, казалось бы, деловая жизнь должна быть особенно бурной, вообще не было никаких признаков приискового дела.

Что-то оказалось не то, не так. И дело даже не в том, что компания своей рекламой обманула публику. На это Родс шел сознательно. Но все-таки обманулся и он сам. У него были основания думать, что золото в междуречье есть, ведь об этом говорили и старинные рудники, и предания, дошедшие из средневековья, от португальских конкистадоров. Вряд ли Родс действительно предполагал, будто этого золота здесь в пятьдесят раз больше, чем в Трансваале. Пусть Джемсон твердит это легковерным! Но что золото все-таки есть — и немало, — в этом, надо думать, Родс был уверен.

Но золота находили совсем мало — даже если сравнить не с газетной шумихой, а с надеждами Родса и его компаньонов. Дело могло кончиться скандалом — на всю Великобританию, на всю Европу. Если золота не будет, пойдут разговоры о блефе, обмане.

Родсу нужна была какая-то новая сенсация, новый шум вокруг его детища. Потому-то он так обрадовался, узнав, что лорд Рендолф Черчилль решил поехать в его империю и написать оттуда большую серию статей для английской публики.

Как известно, семья Черчиллей тесно связала свою судьбу с Южной Африкой, начиная с Рендолфа (или с его жены, которая якобы произвела впечатление на послов Лобенгулы во время приема у королевы Виктории).

К голосу Рендолфа Черчилля соотечественники прислушивались. Правда, не столько, пожалуй, из-за его политического веса — хотя он и побывал на высоких постах канцлера казначейства (министра финансов) и министра по делам Индии, — сколько из-за его эксцентричности. Говорили, что его мечтой была должность, которая потом, уже в XX столетии, не раз доставалась его сыну Уинстону, — пост премьер-министра Великобритании. Но Рендолф закрыл себе дорогу к этой должности: как-то так получилось, что эксцентричность сына вызывала у английской публики изумление, порой связанное даже с каким-то почтением, а в выходках отца видели прежде всего скандальность. Может быть, сын как раз и учился на отцовских промахах?

Так или иначе, имя Рендолфа Черчилля всегда привлекало внимание. Поэтому лондонская «Дейли график» предложила ему по сто фунтов стерлингов за каждую корреспонденцию из империи Сесилия Родса. Иными словами, по шиллингу и девять пенсов за слово — неслыханно высокий гонорар. Хозяева этой влиятельной газеты надеялись, что Черчилль ошеломит читателей своими экстравагантными впечатлениями и оценками.

Родс, конечно, хотел, чтобы эти корреспонденции послужили ему на пользу. И он, казалось, вполне мог на это рассчитывать — все-таки Черчилль был одним из акционеров его Привилегированной компании.

Он встретился с Черчиллем, и в феврале 1891-го в номере фешенебельного лондонского отеля они, склонившись над картой Африки, вместе намечали маршрут. В «Таймсе» 28 февраля появилось сообщение, что «лорд Рендолф Черчилль окончательно решил весной отправиться в Машоналенд» и что это путешествие, как ожидают, станет одним из самых запоминающихся событий всего года.

А Черчилль надеялся, что это путешествие поможет его карьере. Он дал интервью журналу «Саут Африка», рупору Сесилия Родса и других южноафриканских миллионеров, и многозначительно намекнул, что цели его путешествия отнюдь не сводятся к аристократическому спортивно-охотничьему отдыху. Черчилль лелеял надежду поправить этим путешествием и свои финансовые дела. Они находились в отчаянном положении, хотя Черчилль и был женат на дочери американского миллионера. Поправить их газетными гонорарами, даже баснословно высокими, было уже трудно. И Черчилль, поддавшись общему психозу, повез с собой специальную, только что изобретенную машину для добычи золота. Больше того, он сформировал компанию по изысканию и добыче золота. В нее вошли кроме его близких родственников еще несколько финансистов, издателей газет и военных. Они и субсидировали поездку Черчилля, дали ему шестнадцать тысяч фунтов. Взял с собой Черчилль и эксперта по золотым месторождениям, американского горного инженера Генри Перкинса.

Вместе с Черчиллем из Лондона в Южную Африку отправился Альфред Бейт и другой близкий Родсу человек — инженер Чарлз Меткаф. «Оба стали в какой-то мере неофициальными членами экспедиции Черчилля». И «хотя никто не хотел подчеркивать связь всего этого с Родсом», все же «не может быть никакого сомнения, что Родс возлагал большие надежды на путешествие лорда Рендолфа». Так писал недавно автор книги «Черчилли в Африке»¹⁴.

Действительно, Черчилль славословил Родса, называл его гением. Установив довольно тесные отношения с ним, с Бейтом и некоторыми другими магнатами золотопромышленности Трансвааля, Черчилль сумел найти там выгодное применение капиталам своей семьи и своих друзей. Он с гордостью писал об этом из Йоханнесбурга своему сыну, семнадцатилетнему Уинстону. Поговаривали даже, будто он вел переговоры о хорошем месте для Уинстона в трансваальской золотопромышленности. Почему бы и нет? Если сыну премьер-министра лорда Солсбери можно служить у Сесилия Родса, разве это зазорно для сына лорда Черчилля?

Уинстон Черчилль через несколько лет действительно оказался в тех местах, как и сестра Рендолфа, деди Сара. Правда, Уинстон не работал в компаниях

Сесилия Родса, но все же служил его делу — участвовал в подготовленной Родсом англо-бурской войне. Был военным корреспондентом, попал в плен и совершил дерзкий побег — с этого и началась его широкая известность. Да и тетушка его тоже оказалась тогда в гуще военных событий.

Так что вскоре всему семейству Черчиллей не чуждо стало дело Сесилия Родса. Но первый приверженец — Рендолф — принес Родсу больше вреда, чем пользы. Отчасти это объяснялось неуравновешенным характером Черчилля, его несдержанностью, крайне резкими и не всегда продуманными суждениями. Началось с его высказываний о бурах. Многие на Юге Африки сложились бы иначе, говаривал он, «если бы господь бог дал буру хоть чуточку разума». Как-то он попросил, чтобы ему показали бурскую ферму. Когда его привезли, хозяйка фермы, предупрежденная заранее, вышла встретить «английского лорда». Реакция лорда оказалась неожиданной. Очевидец писал: «Может быть, фигура старой леди не отвечала его идеалу божественных женских форм. Я не знаю. Но одного взгляда оказалось достаточно.

— Уф, поехали, поехали, скорее отсюда! Погоняй! — вскричал его светлость, стуча кулаками по спине возницы. — Ужасный народ! Погоняй! Скорее! Я не выдержу тут ни минуты!»

Могли буры простить Черчиллю такие выходки? Родс много лет терпеливо склонял их к дружбе с Англией, а тут такой афронт. Ему пришлось расхлебывать последствия заявлений и поступков Черчилля.

Да и кое-кого из золотопромышленников Черчилль тоже умудрился обидеть. Каждый из них, как мещанин во дворянстве, жаждал знаков внимания, а лорд путал их имена, лица и, побывав у кого-то из них на обеде, на следующий день спрашивал:

— Не напомните мне, мы с вами уже встречались?

Этими и подобными историями, подлинными и вымышленными, были полны газеты Англии и Южной Африки. Черчилль давал им богатую пищу. После нескольких его промахов уже почти каждое его слово поднималось насмех или вызывало бурю протестов.

Эхом острот и карикатур отзывалось и его путешествие по междуречью. Черчилль взял с собой туда молодого южноафриканского журналиста Перси Фицпатрика, полагая, что тот опишет эту поездку в лучших тонах. И Фицпатрик действительно издал брошюрку

«По Машоналенду — с киркой и пером», но посмешищем сделал самого Черчилля.

Он поведал читателям, как Черчилль послал Лобенгуле специальный стул для купания, чтобы легче войти в воду. «Отличная мысль, — потешался Фицпатрик, — достойный венец представлений лорда Черчилля о Южной Африке». А потом, сообщил он, Черчилль хотел возвращаться из Машоналенда через Булавайо, но передумал, вспомнив, что у Лобенгулы все же есть «королевское право распоряжаться жизнью и смертью пришельцев»¹⁵.

Ужаснувшись трудоемкости добычи алмазов в Кимберли, Черчилль посетовал, что суетное тщеславие женщин, их страсть украшать себя бриллиантами стали причиной этого изнурительного труда. «От кого бы ни произошли мужчины, а женщины-то уж конечно произошли от обезьяны», — заявил он.

Ну, ясное дело, письмам возмущенных женщин не было конца!

На лондонских подмостках распевали насмешливые песенки о вояже бывшего канцлера казначейства. Чтобы заглушить самую дерзкую из них, жене Черчилля пришлось добиваться вмешательства Чемберлена.

Родс, конечно, не ожидал такого поворота. Шло на-смарку все, чем визит Черчилля мог быть ему полезен. Хуже того, он нанес Родсу прямой ущерб.

Побывав в фортах Привилегированной компании и проехав по ее владениям, Черчилль не увидел тех радужных картин, что рисовал в его воображении Сесиль Родс, когда они в Лондоне вместе намечали этот маршрут. Особенно поразила Черчилля дороговизна. В форте Солсбери он решил продать часть своих вещей, чтобы не везти их обратно, и поразился, увидев, что за хлопчатобумажную рубашку ему заплатили здесь в три с половиной раза больше, чем она стоила в Лондоне. Да и остальные цены были в том же роде. «Я с сожалением понял, — отметил он, — что хорошо организованная доставка товаров в эту страну принесет куда больше доходов, чем поиски золота».

Но, самое главное, приехавший с Черчиллем горный инженер тщательно обследовал Машоналенд и пришел к выводу, что сколько-нибудь крупных месторождений золота там нет. Его выводы показались Черчиллю убедительными, и он написал, что Машоналенд — «это не Аркадия и не Эльдорадо».

LOLD RANDOLPH CHURCHILL IN SOUTH AFRICA.

*Президент Крюгер выгоняет Рендолфа Черчилля из Трансвааля.
Тогдашняя трансваальская карикатура*

Каково все это было Родсу? Своего раздражения он не сумел скрыть. Он сопровождал Черчилля в поездке по Машоналенду, но, увидев, что не может обуздать выходки лорда, внезапно уехал, предоставив тому уже

самостоятельно проделать долгий обратный путь. Черчилль был в ярости, но пришлось проглотить.

Правда, потом он все же простил Родса. В Кейптауне даже прожил у него несколько дней. У лорда были основания прийти в доброе расположение духа. Хотя отношения с бурами и президентом Крюгером у него, мягко говоря, и не очень сложились, все же, проезжая через Трансвааль на обратном пути, он купил несколько золотосных участков — настолько богатых, что вскоре они ценились в семьдесят тысяч фунтов¹⁶. С этого и установились прочные интересы семьи Черчиллей в Южной Африке.

Но Родсу та поездка принесла много неприятных минут. Конечно, статьи Черчилля¹⁷ не оказали такого уж серьезного влияния — публика зачастую искала в них не информацию, а развлечение. К тому же политические противники и соперники Черчилля всячески его дискредитировали, используя тут и его промахи, и его болезнь, о которой уже тогда ползли слухи. Вскоре его разбил паралич, следствие сифилиса, а за ним последовала и смерть. Ему не удалось прожить и половины того срока, который судьба отпустила его сыну Уинстону.

Конечно, поездка Черчилля и ее отголоски лишь эпизод ранней истории компании. Но эпизод показательный. И для Родса — тревожный.

История Привилегированной компании только еще начиналась. Детищу Родса предстояло пройти немало валетов и падений. Тогда, в начале девяностых годов, появились явные признаки ее первого кризиса.

На бирже вера в нее несколько заколебалась. Было известно, что поход «пионеров» и полиции стоил Родсу около трехсот тысяч фунтов. А затем — постройка и содержание фортов, администрация, вооруженные силы компании, строительство железной дороги и телеграфа. До июля 1891 года, примерно за год, расходы компании составили семьсот тысяч фунтов. Родсу пришлось просить субсидий у Де Беерс и Голд филдс. Барнато, Бейт и другие компаньоны по алмазно-золотым делам в Кимберли и в Трансваале шли ему навстречу, но эта поддержка не могла быть беспредельной. Да и в руководстве самой Привилегированной компании Родс начал сталкиваться с недоумением и беспокойством других директоров.

Пошли разговоры о некомпетентности Джемсона, который в 1891 году возглавил администрацию компании в междуречье. Правда, Родс поддерживал его всем весом своего авторитета. Он говорил:

— Джемсон никогда не ошибается.

А самому Джемсону Родс телеграфировал: «Ваше дело — управлять страной, а мое дело только ответить «да», если Вы решите поинтересоваться моим мнением».

Сотрудничавшие с Родсом люди нередко ставили ему в заслугу умение заниматься самым главным и отдавать все остальное на усмотрение своих помощников, доверяя им и не дергая мелочной опекой. Именно так он повел себя с Джемсоном. Но ведь тот не имел никакого опыта в сложном деле управления целой страной. Его промахи получали огласку, и Родс не мог полностью защитить его от критики.

Главной слабостью компании была двусмысленность ее положения. Чем компания на самом деле владеет и каковы ее права — никто не мог этого толком понять. «Позиция Южноафриканской привилегированной компании не очень ясна»¹⁸, — признавала газета «Гаймс».

В том же году, когда Черчилль совершал свою инспекционную поездку, произошло еще одно событие, которому до сих пор, кажется, так и не найдено удовлетворительного объяснения.

В ноябре 1891 года Лобенгула заключил с немецким купцом Эдуардом Липпертом договор о правах на землю. Там говорилось, что за тысячу фунтов одновременно и пятьсот фунтов ежегодно Липперт получает право в течение ста лет создавать на землях ндебелов и шонов фермерские хозяйства, использовать пастбища и даже строить города.

Как и «концессия Радда», договор, конечно, был фиктивным юридическим документом. Подписавшие его стороны понимали текст совершенно по-разному. Ндебелы не знали частной собственности на землю и не имели ни малейшего представления о передаче прав на нее. Лобенгула считал, что дает Липперту возможность строить жилища и пасти скот на свободных землях, а отнюдь не владеть ими.

К тому же Лобенгуле тут было уже не до того, чтобы так же проверять и перепроверять возможные трактовки договора, как он это делал с «концессией Радда». Главным для него было, очевидно, чтобы заключавшие договор немцы начали противодействовать

англичанам. Он напряженно искал выхода. Начинать войну он, очевидно, считал делом заранее проигранным. Увести свой народ за Замбези он не мог. Что оставалось? Пытаться снова и снова посеять рознь в рядах своих врагов. Это он и делал. Об англо-германских противоречиях в Африке Лобенгула, конечно, уже был наслышан, и возможность как-то сыграть на них была для него той соломинкой, за которую хватается утопающий.

Но расчет Лобенгулы нанести Родсу удар не оправдался, как и отправка посольства к «Белой королеве» и многие другие его действия. Трудно, просто невозможно было ему представить себе механизм действия европейской колониальной политики. Только случай, только чудо могло помочь ему и его народу. Но Родс и британские официальные власти предусмотрительно предотвращали ненужные им «чудеса».

Правительство Великобритании, узнав о новой угрозе для Привилегированной компании, пришло на помощь не медля. Министр колоний лорд Натсфорд телеграфировал верховному комиссару Южной Африки Лоху, что договор Липперта признавать нельзя, а самого Липперта, если он явится в Машоналенд, надо сразу же арестовать.

Тогда, да и долгое время потом, принято было считать, что Липперт энергично стремился получить поддержку правительства Германии, но не преуспел в этом. Немецкая пресса, прежде всего бисмарковская «Нойесте нахрихтен» и «Гамбургер корреспондент», критиковали за это правительство канцлера Каприви.

И Липперт, понимая, что не сможет использовать договор, пошел на сделку с группой Родса. Он решил перепродать договор лорду Ротшильду, а тот в свою очередь уступил Привилегированной компании право покупки. Все это произошло еще до 17 ноября, до церемонии подписания договора Лобенгулой и Липпертом. Так что, когда инкоси ставил на этой бумаге свой крестик, концессия была уже продана Родсу. Министр колоний Натсфорд и верховный комиссар Лох одобрили перекупку этой новой «концессии». В одной из газет появилась карикатура: склонившись над Родсом и Липпертом, Лох говорит: «Благословляю вас, дети мои».

Скрепляя своим крестиком «концессию», Лобенгула и не подозревал, что собственноручно даст в руки своему злейшему врагу еще одно мощное оружие.

— Все это довольно ясно. Не ясно вот что. Не была ли история с концессией Липперта задумана Родсом заранее? Очень уж она оказалась ему на руку. Его критики сразу лишались важного аргумента — что у Родса есть и есть права, то только на природные богатства, лежащие под землей, а не на саму землю.

У самого Родса не было никаких надежд получить у Лобенгулы эти «права». Инкоси пошел на заключение договора лишь потому, что Липперт выдавал себя за ярого врага Сесилия Родса.

Так не была ли вся история разыграна Родсом как по нотам? Тем более, что Липперт был двоюродным братом Бейта, ближайшего друга, компаньона и главного советника Сесилия Родса? Историки уже ставили этот вопрос, но ответа не нашли. Родс унес этот секрет с собой в могилу, как и некоторые другие, более важные.

Получение «концессии на землю» Родс приравнял к увеличению капитала Привилегированной компании на миллион фунтов, выпустил дополнительных акций на эту громадную сумму и получил возможность новых спекуляций на бирже и нового обмана рядовых акционеров.

Но все эти трюки могли лишь оттянуть назревавший вокруг Привилегированной компании скандал. Надо было искать радикальный выход из положения. Иными словами, со следующим шагом к закреплению в междуречье Родс не мог медлить.

И ПЕРВАЯ ВОЙНА

замыслах Родса война против ндебелов была, надо полагать, предпринята давно. И видя его политику, несложно было это предугадать. Но все-таки многие участники событий

осознали неизбежность этого шага лишь позднее. С современниками такое, как известно, бывает нередко.

Один из «пионеров» писал: «Только потом мы, бойцы конной полиции Сесилия Родса, поняли, что мы просто строили сцену для войны против матебелов. Для постройки этой сцены мы прошли почти тысячу миль и потеряли почти половину своего наличного состава. Задним фоном у нас была африканская степь, заросли и леса. На этом фоне мы и воздвигли хрупкие, какие-то невсамделишные форты Тули, Виктория, Чартер и Солсбери — сцены для различных актов драмы.

И вот уже актеры начинают репетиции...»¹

Да, конечно, драма. Один акт за другим. Хотя вряд ли язык повернется назвать актерами тех ндебелов, шонов, да и англичан, которые в каждом из этих актов умирали совсем не сценически.

Репетиции были кровавыми.

Для «пионеров» такими репетициями стали нападения на поселки шонов. Под каким предлогом? Ну, это было просто. У одного из «пионеров» пропали какие-то вещи. Другой убит неизвестно кем... Карательные отряды убивают десятки африканцев, угоняют скот, жгут селения.

В мае 1892-го, с опозданием на полгода, ндебелы узнали наконец и о перекулке «концессии Липперта». Это привело к крайнему возбуждению, к страстным призывам изгнать пришельцев. Вопрос о дальнейших отношениях с англичанами настолько накалил обстановку в стране, что многие воины, особенно молодежь, да и многие индусы стали почти открыто выражать недовольство поведением инкоси.

К сожалению, большинство сведений о внутреннем положении в стране ндебелов историки до сих пор могли почерпнуть почти исключительно из английских

источников. Теперь, с провозглашением независимости Зимбабве, там начинаются собственные исторические исследования, сбор устной исторической традиции, записи рассказов старых людей, и многое, конечно, предстанет в новом свете.

Но по тем свидетельствам, которые собирались англичанами, создается впечатление, что Лобенгула видел заговор с целью изменения его политики и немедленной войны против англичан. Сам же он по-прежнему считал эту войну губительной для своего народа и всячески старался ее оттянуть.

Читайте евангелие «От Луки»

Канадский историк Флинт, чье имя уже не раз упоминалось на страницах этой книги, писал в 1974 году, что «ни Джемсон, ни Лобенгула не хотели войны».

Это вряд ли. Если Лобенгула и правда не желал ее — она представлялась ему катастрофой, то и Джемсон, и стоявший за ним Родс рассуждали иначе. Для них война могла быть нежелательной только по тактическим соображениям, до какого-то момента — пока они не подготовятся к ней достаточно тщательно.

Среди сторонников Родса были такие, кто хотел войны еще в 1890-м, еще во время похода «пионеров», когда и сам Родс вместе с майором Фрэнком Джонсоном, одним из начальников этого похода, тайно планировал свержение Лобенгулы. Но Родс тогда ответил «горячим головам»:

— Я уверен, что наступит день, когда можно будет сделать то, что вам хочется, но вы должны помнить, что в этой стране я имею право лишь добывать золото; поэтому до тех пор, пока матебеллы не будут беспокоить моих людей, мне не удастся объявить им войну и выгнать их из их страны, но, как только они нарушат наши права, я положу конец этой игре. Из этих слов ясно: предлогом для начала будущей войны могло послужить что угодно. «Права» компании были столь неопределенными, что любое действие идебелов Родс мог толковать как «нарушение» этих прав.

В середине 1893 года сложилась особенно благоприятная обстановка для начала военных действий. Прибыли компании Де Беерс в этом году были рекордными за все время ее существования. Следовательно, группа Родса могла ассигновать на войну значительные средства.

Если исходить из английских свидетельств, то событие, послужившее поводом к войне, выглядело так. В мае 1893-го группа шонов неподалеку от форта Виктория унесла 45 метров медной проволоки, которую служащие Привилегированной компании привезли для телеграфной линии. Зачем шонам понадобилась эта проволока, кажется, так и осталось невыясненным.

Администрация компании пожаловалась Лобенгуле. Поселок шонов — то ли имевших отношение к этой проволоке, то ли не имевших — решил задобрить компанию скотом, но Лобенгула счел, что этот скот принадлежал не шонам, а ндебелам. Он послал в район форта Виктория большой отряд воинов — разобраться на месте и наказать виновных. Джемсону же 29 июня отправил письмо, заверяя, что отряду приказано не трогать белых поселенцев.

Сложность отношений между ндебелами и группой народов шона не была вполне понята европейцами. Долгое время считалось, что «кровожадные» ндебелы истребляли «миролюбивых» шонов, относились к шонам куда хуже, чем в Древней Греции спартиаты к илотам. На историю взаимоотношений этих народов прольют свет труды историков из среды самих ндебелов и шонов. Но во всяком случае очевидно, что воинственные ндебелы видели в сопредельных народах шона своих данников, а вмешательство европейцев в их дела считали нарушением сложившейся стабильности.

Трудно сказать, в какой степени заслуживают доверия английские свидетельства о крайней жестокости, проявленной отрядом ндебелов по отношению к шонам, жившим близ форта Виктория. Лобенгула, вероятно, стремился показать шонам, что его власть по-прежнему распространяется на этот район, несмотря на приход «пионеров» и появление английского форта. Ну а Джемсону приход отряда ндебелов представился долгожданным предлогом для войны. Очень уж соблазнительно было объявить компанию защитницей шонов.

Десятого июля Джемсон послал Лобенгуле письмо с требованием запретить его воинам пересекать «границу». Само это требование уже было провокацией. О какой границе могла идти речь? Ее ведь не существовало. О ней ни слова не сказано ни в одном из документов, на которые могла ссылаться компания: ни в «договоре Радда», ни в «договоре Липперта». Даже если считать их документами, имеющими юридическую силу, все же

Идебельский воин

в первом говорилось о праве добывать полезные ископаемые, а во втором — о праве на строительство жилищ и поселков. Никакого суверенитета над какой-либо территорией эти договоры не давали.

Да идебелы даже бы и не поняли такой постановки вопроса. Ее не допускали их нормы права, она не укладывалась в их правосознание.

Тогда что же назвал границей Джемсон? Вероятно, ту местность, где кончались земли, населенные в основном народами шона, и начиналась область, где обитали преимущественно идебелы. Иными словами, Джемсон сделал вид, что власть Лобенгулы распространяется только на земли идебелов, на землях же шонов — власть компании.

Вслед за отправкой письма Лобенгуле Джемсон потребовал от индун, руководивших отрядом идебелов, чтобы те явились к нему в форт Виктория. Выполняя строгий наказ Лобенгулы не вступать ни в какие кон-

фликти с компанией, индусы пришли к Джемсону. Тогда он заявил, что будет говорить только с одним из них, Магьеву, и ультимативно потребовал, чтобы отряд немедленно отошел за «пограничную черту», иначе он, Джемсон, с ними расправится.

На вопрос, где же находится «граница», Джемсон ответил, что идебелы знают это сами.

Насколько же дисциплинированными были идебелы и насколько беспрекословно выполняли они приказ Лобенгулы, что даже такое вызывающее поведение Джемсона не спровоцировало их на схватку тут же, у форта Виктория.

Но схватка все равно была Джемсоном предрешена. Срок выполнения своего ультиматума он показал по солнцу. Оставалось лишь около часа, а до тех мест, которые он считал «границей», было почти пятьдесят километров².

Идебелов этот ультиматум застал врасплох. Должно быть, Джемсон так и рассчитывал. Все это происходило 18 июля, лишь через несколько дней после отправки письма Лобенгуле, и Джемсон мог быть почти уверен, что четких инструкций на случай такого ультиматума Лобенгула еще не предусмотрел. Или во всяком случае, что индусы их еще не получили.

Идебелы стали отходить в направлении, указанном Джемсоном. Но уже через полтора часа он послал им вслед тридцать восемь всадников во главе с капитаном Ленди. Догнать пеших идебелов не составляло большого труда, особенно арьергардную группу, где был больной, которого несли на руках. По этому арьергарду всадники открыли огонь. Убили от тридцати до пятидесяти воинов. Идебелы и тут, памятуя приказ Лобенгулы, сопротивления не оказали.

Капитана Ленди, по приказу которого был открыт огонь, историк Флинт назвал «жестоким человеком». Но разве дело в жестокости этого капитана? Капитан делал то, чего от него ожидал Джемсон. А Джемсон в донесении верховному комиссару Лоху, в тот же день, сообщил, что идебелы первыми обстреляли отряд Ленди.

В информации же директорам компании Джемсон в сущности прямо предлагал начать войну: «Три года переговоров привели лишь к тому, что матебелы стали чаще вторгаться в наши владения». А о своих действиях он гордо докладывал: «Я приказал им немедленно убраться к себе, дав небольшой промежуток

времени для исполнения, и заявил, что прогоню их, если они не уйдут сами».

В отчете министерству колоний верховный комиссар Лох целиком поддержал компанию и оправдал действия Джемсона.

Решающее слово было за Родсом. И он отдал приказ. Правда, не прямо, а библейскими словами. На запрос от Джемсона о дальнейших инструкциях Родс телеграфировал: «Читайте от Луки XIV, 31». Раскрыв на указанном месте Новый завет, Джемсон прочел: «Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противустать идущему на него с двадцатью тысячами». Иначе говоря, Родс спрашивал: хватит ли сил, чтобы открыть военные действия? Джемсон ответил телеграммой: «Я прочел от Луки. Все в порядке».

Телеграмма Родса означала войну. Но война не началась немедленно. Компании надо было провести последние военные приготовления да и подготовить общественное мнение Англии.

Мир услышал о пулемстах «максим»

Для создания военного ажиотажа Джемсон непрерывно сообщал широкой публике о военных приготовлениях ндебелов и приближении их сил к фортам компании, об их нападениях на шонов и даже на европейцев. Правда, каждое из этих известий оказывалось вымыслом. Разведывательные патрули, посланные в указанные местности, не обнаруживали там воинов-ндебелов. Но число известий все равно росло, и у рядового англичанина должно было создаться впечатление, что ндебелы действительно хотят напасть.

Да и в парламенте эти вымыслы повторялись из заседания в заседание, и от правительства требовали решительных действий. В палате общин Э. Ашмед-Бартлетт, депутат промышленников Шеффилда, восклицал: «Почему, наконец, правительство не даст Привилегированной компании свободы рук, чтобы покончить с атаками матебелов?»

Войны требовали южноафриканские миссионеры. Ндебелов называли каннибалами. Такие настроения дали английскому правительству возможность делать вид, будто оно вынуждено — вопреки своему миролюбию — идти навстречу общественному мнению. А без помощи

правительства трудно было бы успешно провести войну, хотя Родс и заявлял, что его компания «не просит ничего и не хочет ничего».

Помощь правительство дало, и вполне реальную. Английская военная часть, стоявшая в Бечуаналенде, уже в первой половине августа начала готовиться к участию в войне, и ее командир обсуждал с Джемсоном, как лучше объединить усилия «в случае начала военных действий».

Английское правительство разрешило компании резко увеличить ее вооруженные силы, и премьер-министр Гладстон в палате общин при шумном одобрении многих ее депутатов огласил слова Родса, что компания может в короткий срок доставить в район своих фортов еще тысячу вооруженных конников. А партию ружей, уже закупленных Лобенгулой, британские власти задержали в Бечуаналенде.

Самым узким местом в войне должны были оказаться коммуникации. Очень уж трудно было организовать снабжение — через Кейптаун, Капскую колонию, бурские республики, пустыню Калахари. Поэтому Родс всячески форсировал железнодорожное строительство. И железную дорогу с юга, от Кейптауна, и другую, более короткую — на восток, к Индийскому океану, к порту Бейра в португальской колонии Мозамбик. В сентябре первый участок дороги от Бейры протяженностью сто двадцать километров был наконец открыт. К этому времени и военные приготовления компании в основном завершились.

Каждому волонтеру компания обещала после войны по шесть тысяч акров земли под ферму, по пятнадцать — двадцать горнорудных и по пять аллювиальных участков. Были заранее поделены и общественные стада ндебелов: половина — компании, другая половина — волонтерам. При таких посулах трудно разве набрать войско? И почти все мужчины-европейцы, оказавшиеся в пределах «владений» компании, встали под ружье. Это составило тысячу отлично вооруженных всадников. Были у компании и пушки. И боеприпасов хватало. В качестве носильщиков и вообще для вспомогательных работ в ее войско были мобилизованы «туземцы» — из местных шонов.

В соседнем Бечуаналенде английские войска были приведены в боевую готовность, а вождь племени бамангватов Кама обязался выставить против ндебелов две-три тысячи воинов.

Лобенгула и его народ, конечно, знали об этих приготовлениях, если и не все, то во всяком случае достаточно много. Сразу же после расправы Джемсона с ндебелами у форта Виктория часть ндебельского войска, находившаяся на северном берегу Замбези, была возвращена домой. Лобенгула приказал также выставить сторожевые отряды на дорогах, ведущих в его страну с юга. Английские газеты объявили это неоспоримым доказательством его агрессивных намерений.

По сообщениям европейцев, живших в Булавайо, ишкоси был «разъярен, но его позиция не кажется воинственной». Он отказался брать у компании денежные выплаты по концессиям Радда и Липперта, назвав их «кровавыми деньгами». Но войны он старался избежать. Живший в Булавайо англичанин Доусон писал: «Я твердо уверен, что Лобенгула не хочет воевать — его могут лишь вынудить защищаться».

И когда, готовясь к войне, английские власти предложили всем европейцам покинуть Булавайо, Лобенгула давал им провожатых и обеспечивал безопасность в пути. В письмах королеве Виктории и английским колониальным чиновникам Лобенгула обвинял «белых» в вероломстве, отрицал существование «границы», все время подчеркивал свое стремление к миру.

«Я спрашиваю Вас, по какой причине Ваши люди ссорятся с моими? Мои люди были посланы, чтобы вернуть скот, украденный машинами. Что они сделали, чтобы Ваши люди должны были напасть на них? Ведь если бы я послал их, чтобы сражаться, то они бы и сражались».

Ваши белые люди не знают, как сказать правду. Они говорят так, чтобы оправдать убийство матебелов. Сколько белых людей было убито? Я спросил доктора Джемсона об этом, а также о том, что же дурного сделали мои люди, но он не ответил.

Может быть, они объяснили Вам, а Вы сможете объяснить мне? Мой скот, взятый Вашими людьми, не возвращен мне, так же как и скот, украденный машинами, наказать которых я посылал. Может быть, поэтому они и убивают моих людей?»

Так Лобенгула обращался к британскому верховному комиссару Южной Африки. А королеве Виктории он писал 19 августа, ссылаясь на ее предложение сообщать ей в случае его раздоров с компанией.

«При встрече в форте Виктория моим людям сказали, что белые купили эту страну и людей, которые там

живут. Ваше Величество, я хочу узнать у Вас: разве можно купить народ за какую бы то ни было цену? Моим отрядам было сказано, чтобы они оставили оружие, входя в лагерь. Их разоружение было умной уловкой, чтобы атаковать их беззащитными. Далее, они утверждали, что я не допускаю их входить в мой край с оружием. Это так. Но, Ваше Величество, разрешите мне спросить, кого я, разоружив, ввел в заблуждение, а затем убил? Они заявили, будто я провел между нами какую-то линию по рекам Шаши и Мньяти, о которой я ничего не знаю. С кем я договорился о такой линии, которая запретит матебелам входить в Машоналенд? Почему Ваши люди убивают моих людей?»

Письмо королеве Виктории должен был передать верховный комиссар Лох. Он ответил Лобенгуле: «Великая королева не согласна, чтобы машонов убивали, а их детей уводили в рабство». Самое же письмо Лобенгулы Лох отправил в Лондон почтой, так что оно пришло туда только 24 октября, через два с лишним месяца, уже в самый разгар войны, тогда как неизмеримо менее важные документы посылались по телеграфу. Но такая необычная медлительность верховного комиссара отнюдь не вызвала протеста со стороны министра колоний. Тот в свою очередь подождал несколько недель, а затем написал Лоху, что в связи с изменившейся обстановкой вообще сомневается в «целесообразности ответа Лобенгуле от имени королевы»³.

Матебелы решили отправить к «Белой королеве» еще одно посольство, во главе с Мчете, который уже побывал у нее тремя годами раньше. Посольство прибыло в Кейптаун 26 сентября. Один из сотрудников Сесилия Родса предсказал, что верховный комиссар ни за что не пустит послов в Лондон, а дня через три отправит их обратно в Булавайо. Предсказание сбылось, послам пришлось вернуться не солоно хлебавши. Только продержали их в Кейптауне не три дня, а десять.

Но верхом лицемерия верховного комиссара стало такое послание министру колоний: «Я не могу не признать, что мир становится все более шатким. Лобенгула не шлет ответа на мое дружеское послание».

Современники считали, что у Сесилия Родса и Генри Лоха не было особой симпатии друг к другу — не то, что у Родса с предшественником Лоха, сэром Геркулесом Робинсоном. Может быть, так оно и было. Тогда можно только сказать, что Генри Лох все же действовал как положено и службу знал хорошо.

Вот так и делалось все, чтобы не упустить удобного времени для войны. А время Родс и Джемсон выбрали действительно удобное. Ко всему прочему войско ндебелов было крайне ослаблено неудачным военным походом на земли, лежащие к северу от Замбези, — лучшие отряды, шесть — восемь тысяч воинов, почти половина всей армии. К тому же эти войска попали в район эпидемии оспы, и Лобенгула задержал их на севере страны, боясь распространения страшной болезни. Угроза войны заставила Лобенгулу в сентябре досрочно снять карантин, но боеспособность этих дружин была подорвана.

Родс и Джемсон прекрасно знали все это от живших в Булавайо английских миссионеров, торговцев, охотников и золотоискателей. Больше того, с помощью этих людей — во всяком случае некоторых из них — Джемсону удавалось до последней минуты дезориентировать Лобенгулу, создавать у него впечатление, что войны все еще можно избежать. Охотник Коленбрэндер, тот самый, кто в качестве переводчика ездил в Лондон с посольством ндебелов, теперь получал секретные инструкции непосредственно от Родса. Этому охотнику Лобенгула доверял, может быть, больше, чем другим белым. А Коленбрэндер, пообещав Лобенгуле привезти оружие из Трансвааля, вместо этого поехал к Джемсону, дал ему всю информацию о состоянии войска ндебелов и с началом войны, хорошо зная местность, довел одну из английских колонн до Булавайо.

Когда же началась эта война или, вернее, то, что принято было называть войной?

И в Европе-то войны, как известно, далеко не всегда объявлялись. А тут, в глубине Африки, Родсу и в голову не пришло бы объявлять войну каким-то «дикарям».

Двадцать четвертого сентября 1893 года верховный комиссар Лох просил Джемсона сообщить ему по телеграфу, «когда силы Компании, собирающиеся в фортах Чартер, Виктория и в любых других центрах, будут готовы к действиям».

Но чтобы отправить на помощь Родсу английские воинские части из Бечуаналенда, Лоху нужен был убедительный предлог. И давая советы Джемсону, Лох написал ему 2 октября: «Однако, прежде чем я санкционирую наступление на Булавайо, должно стать оче-

видностью, что у матебслов враждебные намерения...»

После всего, что Джемсон уже сделал, ему не трудно было организовать и такую «очевидность». Уже через день, 4 октября, он сообщил Лоху, что, по данным разведки, недалеко от форта Виктория сосредоточились семь-восемь тысяч воинов-ндебелов. А 5 октября обнаружилось даже, что ндебелы обстреляли английский патруль...

Тогда же, 5 октября, отправив посольство Мчете обратно в Булавайю, верховный комиссар разрешил Джемсону «отогнать» ндебелов, а 6 октября попросил у министра колоний санкции на увеличение английских сил, стоявших в Бечуаналенде.

Тут уже использовался телеграф — не как с посланиями Лобенгулы, — и ответ от министра колоний пришел в тот же день. Он гласил: «Поскольку война началась... Вы вправе предпринимать те шаги, какие сочтете целесообразными». Министр разрешил комиссару расходовать любые боеприпасы, имевшиеся в английских колониях Южной Африки. В тот же день, 6 октября, Лох послал телеграмму Джону Моффету для передачи Лобенгуле. Очевидно, именно она должна была играть роль объявления войны. Но в этой нарочито туманной телеграмме не было ни слова о войне. К тому же неизвестно, была ли она вообще доставлена Лобенгуле.

А тем временем по направлению к Булавайю выступили две колонны. Из форта Виктория — более трехсот европейцев и с ними почти столько же африканцев. Из форта Солсбери — почти триста европейцев и триста африканцев. В форте Чартер наготове были еще почти четыреста человек. Из Бечуаналенда двигались две тысячи воинов-бамангватов во главе с Камой, старым врагом Лобенгулы. А в самом Бечуаналенде собралось пятьсот английских солдат и офицеров⁴.

Как чувствовали себя в те дни «пионеры» Родса? Ведь не ему, а им предстояло увидеть направленные в свою грудь копья ндебелов, взглянуть в глаза разъяренным воинам, защищающим свою родину и народ и готовым драться насмерть.

Правда, им не приходилось бояться пуль. Знали, что Лобенгула накопил уже целый склад ружей, но прекрасно представляли, что в руках воинов-ндебелов это не такая уж страшная угроза. Надо ведь овладеть искусством стрельбы, а откуда ему взяться здесь, в глубине Африки? Инструкторов никаких нет. Говорили,

будто у идебелов было поверье — чем выше поднимаешь ствол, тем удачнее будет выстрел. Да и вообще, конечно, своим испытанным копьям они доверяли куда больше.

Так что воинству Родса угрожали в сущности только копья. И вроде бы нелепо бояться копья человеку, стреляющему из ружья или орудия. Вроде бы так. Только вот ведь — копьё может отправить тебя к праотцам точно так же, как пуля или снаряд! Помни-ли, что наследный принц Франции, сын Наполеона, отправившись на войну с зулусами как на прогулку, погиб как раз от копья. Да и те полторы тысячи человек в битве у Изандлваны — тоже.

Вспоминались рассказы немногих оставшихся в живых участников той битвы: «Зулусы надвигались, как прилив, не останавливаясь ни на минуту, молча, пока не окружили наших со всех сторон. Тогда они с громким кличем бросились на лагерь, и через пять минут в живых не осталось ни одного человека»⁵.

Да, а идебелы — это зулусы. Все в их войске зулусское. И оружие. И тактика. И мужество. Сами люди — их многотысячное войско, самое сильное во всей Южной Африке, — те же зулусы.

Разве это не заставляло задуматься даже самых отчаянных, бесшабашных. Даже самые забубенные головы сверлила мысль: «Неужели Изандлвана повторится?»

Но была у них тайная надежда. Как это часто бывало в истории, надежда на новое оружие. Какое? Ружья? Они были и при Изандлване. Пушки? Также были.

Нет, это было что-то совсем новое. Во всей истории человечества — первое автоматическое оружие. О нем тогда и слыхали-то далеко не все, да и мощь его еще не была по-настоящему испытана в боевых условиях.

Пулемет «максим». Вот этот-то пулемет, который потом пережил столько войн, ему-то и суждено было пройти одно из первых боевых испытаний в схватке с воинами-идебелами. Американский инженер Хайрем Максим изобрел его еще в 1883 году, но мало тогда нелось войн, где его можно бы толком испробовать. Разве что стычки в Уганде в 1891-м. Но об этом мало кто слышал...

«Африканская империя» Родса тоже, конечно, не могла дать стопроцентную апробацию для генеральных штабов великих держав. Особые условия, мало похо-

жие на европейские. Но все же вести о родовских делах имели в Европе больший резонанс, чем слухи о событиях, к примеру, в Уганде.

К тому же огонь должны были открыть не один или два, а восемь пулеметов. И противник был тут достаточно многочисленный — тысячи живых мишеней.

Байте!

Неправдоподобность повода к войне стала очевидна сразу. Довольно быстро продвигаясь вперед, колонны несколько дней не видели ни одного воина-идебела. «Отгонять» было некого. Но теперь о предложении к войне уже мало кто и помнил.

А Лобенгула, еще пытаясь избежать войны, послал новое посольство к «Белой королеве» — трех индун, среди них и своего брата. Лобенгула попросил английского торговца Джеймса Даусона сопровождать их в качестве переводчика. Посольство отправилось 16 октября и через день прибыло в ближайший поселок британского протектората Бечуаналенд.

И тут сразу же разыгрывается комедия с трагическим концом. Даусон встречает старых знакомых и уходит с ними выпить, а в это время английский резидент, будто бы не зная, кто такие эти прибывшие идебелы, приказывает их схватить.

Одного индуну убивают «при попытке к сопротивлению», второго — «при попытке к бегству»⁶. Правда, послание Лобенгулы все же передают верховному комиссару. Тот сообщает министру колоний: «Лобенгула прислал письмо, где отрицает, что его полки были пододвинуты к границам; предлагает дать возможность любому, кого я назначу, убедиться в этом; сообщает, что он слышит о наступлении белых людей, видит, что они хотят драться, и спрашивает, почему ему ничего не сказали об этом».

От себя верховный комиссар спокойно добавляет: «Я не думаю, что теперь есть какой-либо смысл посылать ответ; колонны находятся вне досягаемости телеграфа, и, пока события не прояснятся, дальнейшие переговоры были бы бесполезными и даже предсудительными»⁷.

Резидент на севере Бечуаналенда, расправившись с посольством, на следующий же день дал сигнал к наступлению. Колонна английских солдат и волонтеров выступила на помощь Привилегированной компании,

Схватка ндебелов с «пионерами»

захватывая по дороге скот, принадлежащий ндебелам. А колонны из фортов Виктория и Солсбери быстро продвигались к Булавайо, также захватывая скот и сжигая поселки.

Первая крупная битва произошла 24 октября на реке Шангани. Ндебелов было, по английским оценкам, около пяти тысяч. Исход сражения представить легко, даже не зная конкретных фактов. Как писал потом английский поэт:

На любой ваш вопрос — наш ясный ответ:
У нас есть «максим», а у нас его нет.

Полтора десятилетиями раньше зулусские воины хотя и ценой огромных потерь, но смогли все же добежать до английских позиций и навязать рукопашную схватку, где штык и копье оказались почти равноправны.

А ндебелы? В последний раз поприветствовав своего инкosi традиционным зулусским боевым кличем «Байете!»), они, не колеблясь, отправились навстречу врагу, а когда дело дошло до битвы, двинулись таким же грозным приливом, как и зулусы. Но вдруг — пулеметный огонь. Это не ружейные пули, даже не снаряды. Тогда хоть кто-то, хоть каждый второй, третий, четвертый, все-таки мог добежать до противника. А тут огонь косил всех, никому не давал пощады. Сотни воинов погибли сразу же. Остальные даже не могли по-

нять, что происходит. Ни о чем подобном они даже не слышали — откуда?

Один из индун рассказал потом о действии пулеметного огня: «Я вел своих воинов и вдруг увидел, что они падают, как скошенный маис». Несмотря на пулеметный огонь, сражались они храбро. Их первая атака была отбита только через двадцать минут. По подсчетам англичан, было убито и ранено около пятисот воинов.

Сами англичане потеряли лишь несколько человек, но потери «туземного легиона», который они бросали в бой в первую очередь и на самых опасных участках, оказались значительными.

Вторая крупная битва произошла 1 ноября на реке Нембеси, в сорока восьми километрах от Булавайо. Англичан атаковали семь полков: пять — семь тысяч воинов. Бой продолжался два часа. Ндебелы потеряли около тысячи человек. Два полка были перебиты почти поголовно.

Третья битва — 2 ноября, на реке Рамаквабанс. Ндебелы атаковали колонну английских правительственных войск, шедшую из Бечуаналенда, и войско вождя Камы. Битва длилась три с половиной часа. В особенно опасные моменты англичане выводили своих солдат из-под ударов, заменяя их отрядами Камы. Пулеметный огонь и тут сделал свое дело, но воины Камы все же понесли большие потери и, возмущившись ролью, которую им навязали англичане, вернулись обратно в Бечуаналенд.

Четвертого ноября части Привилегированной компании заняли Булавайо. Вернее, то место, где была столица ндебелов, так как, уходя, жители ее сожгли. Победителей встретили только два английских торговца, у которых «кровожадные» ндебелы не тронули и волося на голове.

В английской литературе немало книг и статей под заголовком «Война против матебелов». Но разве это война? Это было истребление людей, в сущности безоружных, — ведь применить в бою свое оружие они не могли.

Сколько раз Родс передавал Лобенгуле о своем желании встретиться с ним! И сколько раз Лобенгула требовал этой встречи, выведенный из себя бесконечными обманами посланцев Родса. Но встреча так и не состоялась.

Теперь Родс въезжал на завоеванные земли самым безопасным путем — с востока, через мозамбикский порт Бейра.

А Лобенгула и остатки его войск, покинув Булавойо, шли на север, в сторону великой реки Замбези. Дорога была тяжелой. Изматывала труднопроходимая безлюдная местность. И еще больше — сознание безысходности. Каково было отчаяние несчастных людей? Они решили, что боги и духи предков отступились от них, что и к ним пришло страшное время, его приходилось переживать почти каждому народу.

Когда зарыдала страна под немилостью божьей.

Джемсон через воинов-ндебелов отправил Лобенгуле письмо с требованием сдаться и с угрозой послать погоню. Лобенгула сразу же передал свой ответ. Он напомнил, что все его многочисленные гонцы к англичанам пропадали бесследно. Если ему покажут этих посланцев живыми, он согласится идти к англичанам сам.

Затем он все же направил к Джемсону своего сына Ньяманду и еще одного гонца. Через них он сообщал — устно, потому что секретарей-европейцев у него уже не было, — что признаёт свое поражение и просит дать его народу возможность уйти на север. Инкоси вручил этим гонцам все золото, которое у него было, и сказал, что это единственное, чем можно откупиться от белых людей. Такую славу белые получили по всей Африке.

Кому поклоняются наши вожди?

Кому поклоняются наши вожди?

Предкам, предкам.

Кому поклоняются европейцы?

Кому поклоняются европейцы?

Деньгам, деньгам.

Но по дороге двое белых, которых послы стали спрашивать, как найти Джемсона, украли у них золото. А потом представители Привилегированной компании отказались вести переговоры под предлогом, что у гонцов не оказалось с собой никакого письма или письменного документа. Так была сорвана последняя попытка Лобенгулы достичь мира.

Джемсон отправил за Лобенгулой погоню — триста человек с четырьмя пулеметами и пушкой. Тридцать пять из них — отряд майора Вильсона — напали на след Лобенгулы. Встречая группы уходящих ндебелов, Вильсон убеждал их, что едет с мирными предложе-

ниями. Но, нагнав повозку инкоси, он потребовал, чтобы все, кто там был, немедленно сдались. Кажется, самого Лобенгулы в повозке в это время не было. А ндебелы, поняв истинные намерения англичан, перебили их всех.

В Англии гибель Вильсона и его людей сразу же обросла легендой, разумеется не без участия Родса. В газетах писали, что в момент гибели они пели «Боже, храни королеву!». Вильсон был произведен в национальные герои. В театрах Англии поставили трагедию «Последний бой Вильсона».

Лобенгулу так и не догнали. Вскоре, в январе 1894-го, он умер. По прошествии нескольких недель руководство Привилегированной компании сообщило, ссылаясь на сопровождавших Лобенгулу индун, что он умер от оспы. Но поговаривали, что он вообще не болел этой болезнью, а покончил с собой вместе с одним из своих ближайших сподвижников⁸.

Обстоятельства последних недель жизни Лобенгулы до сих пор покрыты тайной. Ни причина, ни дата, ни место его гибели точно не известны. А среди ндебелов еще долгие годы не умирала молва, что он жив, вот-вот объявится и поведет свой народ против англичан.

Готтентоты пели когда-то:

День угасает.
Мы во мгле бредем.
А может быть, свет
Мы опять найдем?

Гибель Лобенгулы оказалась очень выгодна Сесилию Родсу. Сразу же было сделано все, чтобы власть инкоси, объединявшая ндебелов, больше не возродилась. Родс увез в Капскую колонию трех сыновей Лобенгулы, в том числе Ньюбе, считавшегося преемником отца.

Для ндебелов смерть Лобенгулы явилась большим ударом. Утратив объединявшую их власть, индуну стали один за другим сдаваться. Последние — в апреле 1894-го.

Рассматривая политику европейских держав, столкнувшихся в 1914 году, В. И. Ленин так характеризовал войны типа той первой войны Сесилия Родса: «...возьмите историю тех маленьких войн, которые они вели перед большой, — «маленьких» потому, что европейцев в них гибло немного, но гибли зато сотни тысяч тех народов, которых душили, которые с их точки зрения даже народами не считаются (какие-то азиаты, афри-

канцы — разве это народы?); с этими народами вели войны такого сорта: они были безоружны, а их расстреливали из пулеметов»⁹.

Резонанс на родине Сесилия Родса

Где, как не в Англии, по тем временам налажена была информация. И все же о той войне британцы получали вряд ли объективные сведения. Печать черпала их у служащих Привилегированной компании или у тех лиц, которые тоже были под контролем Родса. Даже английский журналист Ньюмен признал, что «в течение всей войны до публики доходило крайне мало правдивых сведений». Это сказал человек, который был поклонником Родса, жил в стране ндебелов и шонов, а саму войну считал «блестяще проведенной кампанией».

Никак нельзя сказать, чтобы английская пресса уделяла войне мало внимания. Наоборот. Но почти все в одном тоне, в одной краске, на одной ноте. Статья Райдера Хаггарда в «Пелл-мелл гезетт» — «сломить кровавую, отвратительную тиранию и продвинуть вперед дело цивилизации в Африке». Статья в «Таймсе» — «разгром военной системы матебелов будет для них самих почти столь же благословенным, как и для поработенных ими народов»¹⁰.

Сражения, выигранные пулеметным огнем, печать называла грандиозными. Джемсона объявили полководцем. Газеты и журналы несколько месяцев публиковали портреты и биографии «героев» войны.

Особое внимание привлекали, конечно, заявления самого Родса. Он был, как известно, не так уж многословен, но на торжественном банкете у мэра Кейптауна все же высказался:

— История не знает войны, проведенной со столь малыми затратами денег и человеческих жизней и в то же время столь гуманно¹¹.

Такие заявления прибавляли Родсу популярности. Потери его войск и правда были невелики. В балансе Привилегированной компании расходы на войну составляли 113,5 тысячи фунтов¹². Такая «дешевизна» нравилась английскому обывателю. От него старались скрыть, что на эту войну брали деньги и из его кармана: ведь в войне участвовали не только «пионеры», но и части английской армии. Но и те, до кого доходило, зачастую не принимали это особенно близко к сердцу.

Что ж, расходы действительно не так уж велики.

Эта первая война Сесилия Родса была очень типичной для эпохи «раздела мира». Отличалась, пожалуй, лишь тем, насколько умело была подготовлена и четко проведена. Голоса одобрения Родс услышал даже в стане соперников Англии — французов. В его войне увидели пример для подражания.

Французский публицист Пьер Леруа-Болье сформулировал это особенно ясно: «Сесиль Родс вызвал войну с матебеле исключительно с целью отнять у них землю. Но ведь, в конце концов, он разрабатывает эти страны, из которых их прежние владельцы ничего не извлекали; он сам наживается при этом, но и страна также наживается; все труды и случайности, сопряженные с началом всякой колонизации, падают на долю его Привилегированной компании, в то время как Британская монархия получит эти земли тогда, когда туда уже проникнет цивилизация и водворится спокойствие»¹³.

Тогда, в конце прошлого века, подобные рассуждения о цивилизаторской миссии не были скомпрометированы, как теперь, в наши дни.

Спустя пять лет после войны с идебелами американский президент Мак-Кинли оправдывал завоевание Филиппин: «Я каждый вечер, до самой полуночи, расхаживаю по Белому дому и не стыжусь признаться вам, джентльмены, что я не раз опускался на колени и молил всемогущего бога о просветлении и руководстве. В одну ночь мне пришли в голову следующие мысли — я сам не знаю как: ...для нас не остается ничего иного, как взять Филиппинские острова, воспитать, поднять и цивилизовать филиппинцев и привить им христианские идеалы, ибо они наши собратья по человечеству, за которых также умер Христос»¹⁴.

В Европе и Северной Америке такие рассуждения считались естественными. Об этом не раз писал В. И. Ленин: «...господство европейских народов над сотнями миллионов жителей колоний осуществлялось только постоянными, непрерывными, никогда не прекращавшимися войнами, которых мы, европейцы, не считаем войнами, потому что они слишком часто похожи были не на войны, а на самое зверское избиение, истребление безоружных народов»¹⁵.

К большой чести английского народа надо сказать, что там подобные настроения не были всеобщими.

Англия всегда славилась людьми, опережавшими свое время и умевшими смело говорить и со своим правительством и со своим народом.

В 1894 году в Кембридже появилась брошюра-памфлет под названием «Мателелендский скандал и его последствия»¹⁶. Сколько гневных обвинений бросает автор своему народу и правительству! А Лобенгулу сравнивает с вождями племен Британии и Галлии, героями сопротивления римскому завоеванию.

«Британский лев, привыкший к вкусу крови, возвратился на кровавый пир, как всегда, под маской самой высшей благотворительности... Если любая другая европейская держава рискнет аннексировать какую-либо территорию в Азии, Африке или Океании, британская публика разразится взрывом пламенного негодования: Великобритания одна имеет право на вторжение, конфискации и аннексии... Метод создания привилегированных компаний — искусный метод; их роль — заглушать шум, неизбежный при совершении преступления. Как может компания иметь совесть, когда она не имеет ни души, ни зада, по которому можно было бы поддать ногой?..

Идея истребления так называемых низших рас ради захвата их земли и золота не является новой идеей, плодом творческого гения мистера Родса...

Британская матрона, читая за завтраком свою газету, заметит, что еще две тысячи дикарей убиты. — Горнорудные акции поднялись на десять процентов, — отпаривает Отец Семейства».

Автор прекрасно понимал, что на широкий отклик в общественном мнении он рассчитывать не может, но пытался хотя бы заронить искру в сознание немногих. Тем больше уважения вызывают его слова: «...мой памфлет исчезнет, чего он и заслуживает. Но один или два экземпляра, может быть, сохранятся в библиотеке Британского музея и в двух больших университетах и увековечат тот факт, что в 1894 году было несколько голосов, воиющих в пустыне, чтобы разоблачить преступление, хотя оно было совершено их соотечественниками».

Автор брошюры назвал себя: «Тот, кто, во-первых, помнит о наказании, которое понес Каин за убийство своего брата, и, во-вторых, оберегает честь Великобритании». Своего имени он не назвал. Может быть, это был и не один человек, а двое или целая группа.

Но были и англичане, которые называли свои име-

на. Это, например, социал-демократы, члены Социал-демократической федерации. В своем еженедельнике «Джастис» («Справедливость») они писали: «Британская нация еще раз вынуждена помогать банде грабителей-авантюристов отнимать у туземного населения его земли и свободу». «Если мы не хотим, чтобы слово «англичанин» стало символом современного разбоя, мы должны требовать от правительства немедленного вмешательства»¹⁷.

Группа радикалов во главе с членом палаты общин Генри Лебучиром тоже выступила публично, в печати и в парламенте. Лебучир в журнале «Труф» («Правда») и в газете «Дейли кроникл» называл ту войну «страшным рекордом разнузданного грабежа», Привилегированную компанию — бандой грабителей, а ее войска — бандитами, убийцами, мародерами, подонками.

Лебучир требовал от правительства расследовать преступления этой войны. Другой депутат парламента, радикал Паул, приводил циничные заявления представителей Привилегированной компании и требовал, чтобы правительство высказало свое отношение к ним. Депутат А. Мортон сделал в палате общин запрос:

— Одобряет ли правительство убийство трех тысяч или даже хотя бы пятисот человек с целью грабежа и кражи их земель?

Среди англичан в Южной Африке раздался даже призыв создать отряды добровольцев для борьбы на стороне ндебелов против своих соотечественников. Призыв исходил от участников профсоюзного движения. Конечно, этому не суждено было осуществиться. Британские колониальные власти не позволили бы ни одному человеку отправиться на войну с такой целью. Но разве не поразителен уже сам по себе такой призыв — наперекор не только властям, но и всем обывательским настроениям.

Да и социал-демократы в Англии сумели оценить такое мужество. Их еженедельник «Джастис» немедленно поздравил южноафриканскую лейбористскую организацию (так в поздравлении были названы профсоюзные организации, выступавшие за создание лейбористской партии) с тем, что она «оказалась достаточно смелой, чтобы начать агитацию за набор добровольцев для помощи матебелам в их неравной борьбе за свободу»¹⁸. Социал-демократы понимали, что создать такие добровольческие отряды в то время было практически невозможно, но само «это прекрасное начина-

ние» считали исключительно важным и нужным для дела воспитания английских рабочих. Зато печать, стоявшая за Родса, сообщала об идее помощи ндебелам с неопишуемым негодованием. В «Пелл-мелл гезетт» вице-председатель профсоюза рабочих Йоханнесбурга, выступивший с этим призывом, был назван «свихнувшимся мальым»¹⁹.

Голоса протеста против этой войны оказались настолько настойчивыми, что правительству Великобритании пришлось все-таки провести расследование ее причин. К сожалению, расследованию подвергся в сущности только один факт: кто же стрелял первым в июле 1893-го, когда Джемсон заявил о нарушении «границы» и послал капитана Ленди вдогонку уходящим ндебелам. Да и это расследование проводилось лишь в середине 1894-го, через год после самого события, когда участники уже помнили далеко не все, а многих и не удалось найти.

Правда, привлечены были и сведения, появившиеся в печати раньше. Например, письмо солдата из отряда Ленди: «Это было вроде охоты на оленей. Бедняги бросились бежать, а мы неслись за ними галопом и стреляли почти в упор. Я думаю, что каждый из них получил не меньше четырех-пяти пуль». Или письмо миссионера о том, что Ленди открыл огонь по мирно двигавшемуся арьергарду ндебелов, расстреливал их в упор, с расстояния пять-шесть ярдов, и «не давал пощады». Расследование лишь подтвердило все это. Те, кого удалось разыскать и кто пожелал давать показания, обычно говорили: «Как только мы их увидели, капитан Ленди приказал открыть огонь, матебелы же не стреляли вообще».

Проводивший расследование английский чиновник Ньютон решил опровергнуть утверждение, что Ленди «не давал пощады» ндебелам. Но аргументацию он применил весьма странную: привел кучу свидетельств, что ндебелы вообще никогда и ни у кого не просили пощады. Материалы расследования явно обличали Привилегированную компанию. Но это ничуть не помешало министру колоний сделать вывод: «Мне доставило истинное удовольствие обнаружить, что результаты столь тщательного и беспристрастного расследования целиком сняли с доктора Джемсона и всех чиновников Британской южноафриканской привилегированной компании тяжкие обвинения, которые им предъявлялись в связи с этими событиями»²⁰.

КУМИР ТЕХ ДНЕЙ

дебелы разгромлены, Лобенгулы нет. Открыт путь к осуществлению других замыслов.

Родс разменял свой пятый десяток, ему идет сорок первый

год. Потом, на закате, оглядывая свой путь, он, наверно, видел свой звездный час в 1894-м и 1895-м. Сколько нитей в его руках! Какие там нити — канаты! Глава алмазной Де Беерс и золотопромышленной Голдфилдс, хозяин Привилегированной компании и ее громадных территорий — каких только названий им ни давали, а с 1895-го утвердилось слово «Родезия», конечно не без участия самого Родса. С 1890-го — премьер-министр Капской колонии. А с начала 1895-го он наряду с самыми высшими чиновниками Британской империи вошел и в Тайный королевский совет.

Для завоевания земель ндебелов и шонов Родсу пришлось преодолевать наибольшие трудности, но это далеко не единственная страна, которую он захватил. Он постепенно распространял границы своей империи и на страны к северу от Замбези.

Он сумел навязать договор Леванике, правителю большого народа баротсе. До войны против ндебелов этот договор мог казаться бумагой, не имеющей особенно большого значения. Но теперь, когда войска Родса так твердо обосновались на южном берегу Замбези, приобретали реальность и его претензии на области к северу от этой великой реки. Конечно, там пока еще не могло быть и речи о таком же потоке «пионеров», но ни у кого уже не было сомнений, что и левобережье Замбези — тоже часть империи Родса. Область, населенную народом баротсе, да и сопредельные земли стали именовать Северо-Восточной Родезией.

Продвигаясь дальше к Великим африканским озерам, эмиссары Родса объявили и о создании третьей Родезии — Северо-Западной. Правда, сколько-нибудь реальная власть Привилегированной компании не была там установлена еще несколько лет, да и на заре XX века не произошло ничего подобного «освоению» земель

ндебелов и шонов, но на карте все-таки появились еще две Родезии (в одну — Северную — они были объединены в 1911-м).

Пытался Родс захватить и Катангу, нынешнюю заирскую провинцию Шабу (еще тогда полагали, что она богата полезными ископаемыми). Но бельгийский король Леопольд, используя сложности «большой» европейской политики, сумел не пустить Родса туда. В установлении же границ между владениями Привилегированной компании и португальским Мозамбиком дело доходило до вооруженных столкновений.

Еще дальше к северу обширная область возле озера Ньяса — в наше время это Республика Малави — стала при активнейшем участии Родса британским протекторатом Ньясаленд. Пост администратора Привилегированной компании на обширных территориях Северной Родезии и пост правительственного администратора британского протектората Ньясаленд в первой половине девяностых годов совмещал один и тот же человек — Гарри Джонстон.

А в качестве премьер-министра Капской колонии Родс подготовил и осуществил присоединение к ней земель батсванов на северо-западе и земель народов пондо и тонга на востоке.

Историки подсчитали, что Родс «добавил» к Британской империи двести девяносто одну тысячу квадратных миль — больше, чем территория Франции, Бельгии, Голландии и Швейцарии, вместе взятых¹. Он распоряжался судьбами миллионов людей и устанавливал порядки на землях, во много раз превосходящих его родину, Великобританию.

Казалось, попутный ветер дует ему в спину. В Англии с 1894-го стоял у власти кабинет лорда Розбери, который не только сочувствовал политике Родса, но и к нему лично относился с нескрываемой симпатией. В 1895-м этот кабинет пал, и к власти снова пришел Солсбери.

Для Родса это было переменой от хорошего к лучшему. В правительстве Солсбери самой влиятельной фигурой стал «колониальный Джо» — министр колоний Джозеф Чемберлен. Когда-то он относился к Родсу с недоверием, но те времена прошли. Став министром, он написал Родсу: «Поскольку я понял главную линию Вашей политики, я уверен, что в общем согласен с Вами, и если у нас и остаются разногласия в деталях, то, полагаю, мы пойдем друг друга и придем к единому

мнению». Это было сказано в связи с одним из конкретных вопросов, но вполне может быть отнесено и к взаимоотношениям этих политиков в целом.

Чтобы уж совсем облегчить Родсу жизнь, Солсбери и Чемберлен отозвали из Кейптауна лорда Лоха, и верховным комиссаром Южной Африки снова стал Геркулес Робинсон, а он был готов слушаться любого мановения пальца Сесилия Родса.

На родине

Для промышленников, купцов и финансистов Сесиль Родс — и надежда и путеводная звезда.

С 1880-х товары Великобритании, привыкшей быть «мастерской мира», встречают все большую конкуренцию, особенно со стороны немецкой промышленности. Правительству Англии пришлось создать особую комиссию для выяснения помех на пути заморской торговли. Бирмингемские купцы, представ перед комиссией 28 октября 1885 года, скорбно заявили: «Мы разоряемся. Мы работаем не покладая рук, но почти что в убыток. Нас губит иностранная конкуренция». Подобными жалобами полны пять объемистых «Синих книг»² — результат работы особой комиссии.

Отсюда и такая тяга к колониям. В середине столетия Пальмерстон говорил, что джентльмену не обязательно владеть всеми трактирами по дороге от города до его усадьбы, иными словами, Англии не обязательно владеть кучей стран на пути к ее основному заморскому владению — Индии. Теперь, в конце века, все популярнее прямо противоположная идея. Теперь говорят: «Торговля следует за флагом». Твоя торговля ограждена только в тех странах, над которыми развевается твое знамя.

Поиски рынков в колониях, соединение колониализма с расширением торговли — к этому пришли бирмингемские промышленники во главе со своим лидером Чемберленом. Туда же обратили свои взгляды купцы, фабриканты и банкиры Лондона, Манчестера, Шеффилда. На этих чувствах и играл Стенли, когда заявил в речи перед Манчестерской торговой палатой в 1884 году:

«На Конго живут сорок миллионов человек, и ткачи Манчестера только и ждут, чтобы одеть их. Плавильные печи Бирмингема рдеют раскаленным металлом, из которого можно сделать для них железную

утварь и безделушки для украшения их темных тел, а посланники Христа жаждут обратить их, бедных темных язычников, в христову веру».

Распалить воображение промышленников умели и другие журналисты, не столь известные, как Стенли. В книге «Прогулка в страну черных» Э. Берит писал:

«Арабский шейх ест свой плов ложкой, сделанной в Бирмингеме. Египетский паша пьет свой шербет из кубка бирмингемской чеканки, освещает свой гарем хрустальным бирмингемским канделябром и прибывает на нос лодки бирмингемские украшения... Краснокожий охотится и воюет с бирмингемской винтовкой в руках. Богатый индус украшает свой салон бирмингемским хрусталем. В пампасы Бирмингем посылает для диких наездников шпоры, стремяна, а для украшения бархатных штанов — блестящие пуговицы. Неграм в колониях под тропиками он шлет топоры, сечки и прессы для сахарного тростника... На жестянках, в которых хранится консервированная зелень и пресованное мясо — запасы австралийского старателя, — выбито имя бирмингемского фабриканта».

И тут — планы постройки железной дороги от Кейптауна до Каира! Телеграфная линия через весь континент! Тысячи миль рельсов, проволока, которой можно опоясать весь земной шар, миллионы гвоздей, океаны смолы. Продукты и товары для строителей... Как тут не разгореться глазам? И даже не только у англичан. Американский консул в Кейптауне доносил своему правительству: «Наплыв иммигрантов в результате оккупации районов Замбези скоро откроет обширный рынок нашим машинам для промышленности, сельского хозяйства и горного дела; и туземные народы... чьи потребности скоро возрастут благодаря общению с белой расой, увеличат в громадной степени объем торговли, в которой, я надеюсь, Соединенные Штаты получат большую долю»³.

И все это накрепко связано с одним именем — Сесиль Родс. Родс не раз в своей жизни начинал войны, но все же любил повторять:

— Рельсы стоят дешевле пуль, а достигают дальше.

Захватывала воображение масштабность самого замысла Кейптаун — Каир, обширнейшего из всех когда-либо возникших в Европе планов завоевания Африки.

Кто только не мечтал опоясать Африку кольцом своих владений! И французы, и немцы, и даже португальцы. Франция хотела надеть свой обруч на Африку

*Родс над Африкой.
Карикатура из английского журнала
«Панч» (1892 год)*

от Сенегала на западе до побережья Красного моря на востоке. Германия — пониже, от Германской Восточной Африки до Германской Юго-Западной Африки. Португалия — от Анголы до Мозамбика.

Британский натиск по вертикали Кейптаун — Каир проламывал все эти три горизонтальных обруча, и в конечном счете только этот-то план и осуществился. И хоть ненадолго, но настало все-таки время, когда всю Африку с юга на север прорезала сплошная полоса британских колоний и полуколоний.

Чтобы только имена не появлялись в многолетней

истории этого замысла и его осуществления! И теперь уже забытые, как имя журналиста Эдвина Арнольда или инженера Джеймса Сиврайта. И памятные до сих пор — Уильям Гладстон, глава английских либералов, или Гарри Джонстон, один из «строителей империи».

Арнольд еще в 1876 году выпустил брошюру, где выдвинул идею Кейптаун — Каир. Сиврайт тогда же доказывал необходимость создания телеграфа по всей этой линии.

Гладстон в 1877 году писал: «Наше первое приобретение в Египте — получим ли мы его путем кражи или путем покупки — будет, несомненно, зародышем нашей североафриканской империи. Она будет расти и расти... пока мы не соединим руки через экватор с Наталем и Капской колонией».

А в конце следующего десятилетия Джонстон уже обнадеживал почтенных читателей «Таймса»: если правительство решится более энергично действовать в лежащей на линии Кейптаун — Каир области Великих африканских озер, то «наши владения в Южной Африке в один прекрасный день, вероятно, сомкнутся длинной цепью британских владений с нашей сферой влияния в Восточной Африке и Египетском Судане».

Да и премьер-министру Солсбери эта идея была по душе. Статья Джонстона в «Таймсе» получила его личное одобрение.

Но, как говорил Анатолий Франс, «идея принадлежит не тому, кто ее первый нашел, а тому, кто укрепил ее в человеческом сознании».

Родс не писал ни книг, ни брошюр, ни даже статей в газетах и журналах. Пропагандой его идей в печати занимались другие. Так, весной 1889 года в лондонском журнале «Фортнайтли ревью» появилась статья Чарльза Меткафа. Там говорилось, что железнодорожный путь должен «в конце концов соединить Кап с Каиром и принести цивилизацию в сердце Черного континента». Чарльз Меткаф писал уже не «вообще», а с конкретным знанием дела. Он в это время начал строить железную дорогу от алмазных копей на север, в глубь материка. Строил ее по заданию Родса.

Родс подходил к идее Кейптаун — Каир весьма практически, пользовался каждой возможностью, чтобы продлить полосу английских владений, проложить новые километры рельсов и поставить новые столбы для телеграфного кабеля.

Протянем же кабель (взять!)
От Оркнейя до Горна и звезд,
Вокруг всей планеты (с петлею,
чтоб мир захлестнуть),
Вокруг всей планеты (с узлами,
чтоб мир затянуть)..

Родс накрепко связал идею Кейптаун – Каир со своим именем. При его жизни на всем пути Кейптаун – Каир осталась только одна не захваченная англичанами страна – Германская Восточная Африка (над нею или, вернее, над большей ее частью «Юнион Джек») был поднят лишь в 1918 году).

Родс сделал все что мог для захвата на этом пути стран, которые в Британской империи стали называться Бечуаналендом, Южной Родезией, Северной Родезией, Ньясалендом, Угандой. А в 1893-м побывал в Каире, посмотрел с северной стороны на желанную полосу Кейптаун – Каир. Пообещал, а затем и оказал там всемерную поддержку генералу Китченеру, командовавшему английскими войсками.

В вопросе о железной дороге и телеграфе Родс тоже не ограничился разговорами. Телеграф тянуть было легче, но и рельсы к концу 1894-го уже достигли Мафекинга, дошли почти до самой Родезии.

Так что Родс не только пробуждал надежды английских промышленников, купцов и финансистов. Он и оправдывал эти надежды.

За вечный помол столетий,
За прибыль твою и мою,
За Ссудные банки наши,
За Флот наш торговый – пью!

Вышедшее накануне второй мировой войны объемистое исследование «Мечта Кейптаун – Каир. Анализ британского империализма» открывается портретом Родса и его словами, а завершается выводом, что в этой британской экспансии Родс играл ведущую роль, «хотя и находился за сценой»⁴.

Идея «объединения» всей Южной Африки под британским флагом тоже появилась задолго до Родса, еще во времена, когда буры, уйдя с захваченных англичанами земель, создали за рекой Вааль Южно-Африканскую Республику (в просторечии – Трансвааль) и на реке Оранжевая – Оранжевое Свободное Государство. Стоило появиться этим бурским республикам, как английские власти начали попытки «объединить» их

с Капской колонией и Наталем в Южноафриканскую федерацию, разместится под английским флагом.

Осуществить этот план пытались многие деятели британской колониальной политики. Среди них был и лорд Карнарвон (может быть, потому-то Родс и выбрал его когда-то в свои душеприказчики). Этот план сулил британскому капиталу немало выгод: дальнейшее развитие горного дела, резкий толчок росту городов, портов и всего, что теперь именуется инфраструктурой. И конечно, непрерывный приток дешевой рабочей силы.

Этот план тоже в конечном счете связан не с Карнарвоном и не с кем-либо еще, а с Родсом.

Планы «раздела мира» могли ассоциироваться со многими именами. Но Родс был откровеннее других. «Мир почти весь поделен, а то, что от него осталось, сейчас делится, завоевывается и колонизируется. Как жаль, что мы не можем добраться до звезд, сияющих над нами ночью в небе! Я бы аннексировал планеты, если бы смог; я часто думаю об этом. Мне грустно видеть их такими ясными и вместе с тем такими далекими». Не многие решились бы написать такое, даже из тех, кто думал так же, как он. И если теперь имя Родса больше других ассоциируется с планами колониальных захватов, так это потому, что он — решался.

И, еще важнее, потому, что свои «империалистические мечтания» он сумел воплотить в мировой политике. Они не остались только призывами, брошенными с ораторской трибуны, выкриками в прокуренном воздухе «патриотических сходок» или бесконечными обсуждениями и согласованиями в тиши зашторенных министерских кабинетов.

Ну а сколько людей из самых разных классов Родс приводил в восторг своими социальными идеями.

— Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба! — я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избыт-

ка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами.

Эти слова, сказанные Родсом в 1895 году, В. И. Ленин цитировал как пример того, «что связь чисто, так сказать, экономических и социально-политических корней новейшего империализма была уже тогда ясна для этих руководящих политиков английской буржуазии»⁵.

В социальных вопросах, как и во всех других, Родс высказывал не что-то сугубо оригинальное, а то, что уже носилось в воздухе. То, о чем говорили многие. В. И. Ленин приводил слова одного французского писателя, который, «как бы развивая и дополняя приведенные выше мысли Сесилия Родса, пишет, что к экономическим причинам современной колониальной политики следует прибавить социальные: «вследствие растущей сложности жизни и трудности, давящей не только на рабочие массы, но и на средние классы, во всех странах старой цивилизации скопляется «нетерпение, раздражение, ненависть, угрожающие обществу спокойствию; энергии, выбиваемой из определенной классовой колеи, надо найти применение, дать ей дело вне страны, чтобы не произошло взрыва внутри»»⁶.

Высказывая то, о чем уже думали многие, Родс выражал это резче, ярче, может быть, грубее и понятнее. Он шел в ногу со временем, и некоторым казалось, что он сам определяет время.

Десятки миллионов людей в Англии и во многих других европейских странах всерьез подумывали о том, чтобы покинуть родные края, навсегда проститься с Европой. Многие из них это действительно сделали. Подсчитано, что с 1881 по 1915 год из Европы эмигрировали 31,1 млн. человек⁷ — почти по миллиону в год. Скольким из них, наверно, были по душе призывы Родса о заселении далеких земель!

Да и его идее, что империализм облегчит участь простых людей, в самой Англии тоже верили многие, и прежде всего, может быть, как раз в среде этих простых людей, не искушенных в политике.

Родс и обращался прямо к ним, когда говорил:

— Любой мастерской должен осознать, что, пока он не овладеет мировыми рынками, он будет жить впроголодь... Рабочий должен понять, что, если он хочет

*Таким Родс виделся английским аристократам?
Портрет, нарисованный герцогиней Ротленд*

жить, он должен держать в своих руках мир и мировую торговлю и что он — конченный человек, если даст миру выскользнуть из своих рук.

Так он приучал простого человека к мысли, что идея «расширение — это все» нужна ему, простому человеку. И не без успеха. На патриотизме спекулировало бесчисленное множество политиков во все исторические эпохи, но редко кому удавалось преуспеть в этом так, как Родсу. На собрания пайщиков его Привилегированной компании собирались тысячи людей, и, хотя он не давал дивидендов и даже не обещал их в близком будущем, ему устраивали бешеные овации. И все из-за блестящего умения использовать крайне патриотические чувства, переходящие уже в шовинизм. Этому поддавались и богачи, и рабочие, а больше всего мелкая буржуазия, которая, в условиях тогдашнего общества, писал В. И. Ленин, «по ее экономическому положению, более патриотична и по сравнению с буржуазией и по сравнению с пролетариатом»⁸.

Да и так ли уж трудно было Родсу заставлять англичан верить в цивилизаторскую миссию Британской империи? Ведь даже Ганди, индеец, в начале нашего столетия верил, что эта империя несет благо всему миру.

Родс стал кумиром лондонской улицы. Увидев его мешковатую фигуру, лавочники, кебмены, владельцы omnibusов, да и простые рабочие и солдаты громко его приветствовали. Многие ли из них хоть как-то понимали, что им на самом деле несут его идеи?

Просторно Вдове из Виндзора —
Подмира считают за ней.
И весь мир целиком добывая штыком,
Мы мостим ей ковер из костей
(Сброд мой милый! Из наших костей!)

Изумительнее же всего то, как удалось ему получить такое влияние и в высших кругах Лондона, в среде английской аристократии. К нуворишам в викторианской Англии относились с оттенком брезгливости. Это не Америка. А ведь Родс был именно нуворишем.

И все же ему удалось не только завязать прочные связи в самых аристократических сферах, но и добиться там буквально поклонения. Королевская семья источала ему благоволение, герцогини пытались обратиться на себя его внимание.

Разговоры Родса с королевой Викторией выглядели так:

— Что вы делали, мистер Родс, с тех пор, как мы виделись последний раз?

— Я добавил две провинции к владениям Вашего Величества.

— Как бы я хотела, чтобы так же поступали некоторые из моих министров, а то они, напротив, упряются терять мои провинции.

Когда он приезжал в Лондон — а каждое его появление в Лондоне, по словам Марка Твена, привлекало «такое же внимание, как затмение солнца», — на обеды в его честь собиралась вся английская знать, даже те, кто были врагами и годами избегали встреч друг с другом.

Лорд Солсбери, политик, казалось бы давно разочившийся чему-нибудь удивляться, с изумлением писал королеве Виктории об обеде в семье ее внучки, герцогини Файф. «Странный обед состоялся у Файфа в честь прибытия Родса. Принц Уэльский сидел между Гладстоном и Солсбери, Файф — между лордом Хар-

тингтоном и лордом Гренвиллем». Сам лорд Солсбери, представитель одной из самых аристократических семей, публично восторгался Родсом. «Сесиль Родс — очень значительный человек, человек с бесчисленными замечательными способностями, исключительной решимостью и волей».

Да и королева Виктория давала обед в честь Родса. В газетах с изумлением писали, что «деятели политики и общества, которые годами не встречались, собрались вместе за королевским столом», когда Родс был «гостем вечера»⁹.

А бесчисленные статьи о Родсе в английской печати! Вот одна из типичных. В. И. Ленин отметил ее в «Тетрадах по империализму»¹⁰. В ней говорилось: «Работа, которую выполнили мистер Родс и его помощники... будет выделяться в истории как один из величайших примеров пионерского и колонизаторского гения британской расы»¹¹.

Фанатичная вера самого Родса в «пионерский и колонизаторский гений британской расы» и объясняет в очень большой мере его популярность в различных слоях тогдашнего британского общества — от рядовых обывателей до высшего света.

Тогда, на закате прошлого столетия, европейские державы все шире использовали пропаганду, науку, университеты и школы для воспитания национализма и шовинизма. Идеи национального мессианства широко обсуждались в тогдашней Европе. Историк В. О. Ключевский в 1893 году в связи со съездом историков в Мюнхене писал в своем дневнике: «Теперь начали все чаще заказывать задачи и направления преподаванию истории... Общие цели преподавания заменяются местными, конкретными, самосознание человека — немецким политическим сознанием, нравственное чувство — национальным, человечность — патриотизмом».

А старший современник Родса — Салтыков-Щедрин? Он говорил о своей стране, но его слова верны для всех стран и едва ли не для всех эпох: «Человек и без того уже склонен воспитывать в себе чувство национальности более, нежели всякое другое, следовательно, разжигать в нем это чувство выше той меры, которую он признает добровольно, будучи предоставлен самому себе, значит уже действовать не на патриотизм его, а на темное чувство исключительности и особничества».

Подобные трезвые голоса раздавались, разумеется,

и в Англии. Но тогда, как и во многие другие периоды истории человечества, они не были в большинстве.

И читая тогдашние английские газеты и журналы, невольно вспоминаешь известный рассказ Вольтера. Когда сатрап только еще открывал рот, наперсник восклицал: «Он будет прав». Таким сатрапом и выглядел в те годы Сесиль Родс.

Так было в Англии.

А в Африке?

Легко себе представить, что Родса поддерживали многие или даже большинство выходцев из Англии. Из их числа Родс вербовал своих «пионеров» и волонтеров, административный аппарат своих колоний, среди них распределял свои акции, их призывал участвовать в своих громадных замыслах и получать долю в барышах.

Но как это ни поразительно, премьер-министром Капской колонии в 1890 году его сделали буры, их партия Африканер Бонд.

Он привлек буров прежде всего своими мерами по развитию фермерского хозяйства. Он открывал им перспективы обогащения, показывал, как сделать свое патриархальное хозяйство прибыльным. Для улучшения производства фруктов приглашал экспертов из Калифорнии. Из Америки же выписал птиц, которые спасали урожай цитрусовых от насекомых. После поездки к султану в Стамбул в 1894-м приказал привезти из Османской Порты ангорских коз. Разъяснял, что развитие промышленности и железнодорожное строительство содействуют торговле продуктами сельского хозяйства.

К тому же он предлагал бурам менять систему пошлин к их явной выгоде, при этом, правда, стараясь заручиться и их поддержкой для такой же перемены тарифов на вывоз алмазов.

Убеждал буров и в том, что английская экспансия в глубь материка тоже послужит их выгоде.

Умело используя растущие буржуазные настроения в среде капских буров, Родс вбивал клин между ними и патриархальным Трансваалем. Крюгер старался ослабить английское влияние и потому всячески мешал торговле с Капской колонией. В 1894-м была завершена постройка железной дороги от Трансваала к заливу Делагоа на мозамбикском побережье Индий-

ского океана. Она строилась с помощью немцев вопреки желаниям Родса, и все его попытки купить ее Крюгер отвергал. С открытием этой дороги Трансвааль ослабил свою зависимость от Капской колонии, и Крюгер сразу же поднял тарифы на капско-трансваальской границе. Это вызвало возмущение многих капских буров и снова подтолкнуло их к сближению с Родсом.

Стараясь привязать капских буров к Британской империи, Родс в 1894 году отправил Хофмейера, лидера Африканер Бойда, представлять Капскую колонию на имперскую конференцию в Оттаву.

Применяя все эти меры, но не доверяясь им целиком, Родс подкупал бурскую прессу и раздавал акции своих компаний бурским политикам Капской колонии.

В самом кабинете министров Родсу были ближе буры, чем те несколько англичан, которых принято было считать либералами. Стремясь иметь твердое однопартийное правительство, принимающее без излишних словопрений точку зрения своего премьера, Родс нередко легче находил общий язык с бурскими членами комитета, чем с либералами из среды своих соотечественников.

Камнем преткновения тут была «туземная политика».

В Капской колонии получить право голоса на выборах мог каждый, кто имел недвижимую собственность на сумму в двадцать пять фунтов. В 1892 году Родс резко повысил этот ценз. Теперь требовалось иметь недвижимость на сумму в семьдесят пять фунтов или получать пятьдесят фунтов жалованья в год и к тому же владеть начатками английской грамоты. Эта мера сократила и без того узкий круг избирателей-африканцев.

Но Родс пошел намного дальше. Он разработал законопроект, который назвал «законом для Африки». Поначалу закон должен был действовать лишь в округе Глен-Грей на востоке Капской колонии, откуда и идет название: Глен-Грей акт. По этому закону земля делилась между африканцами по восемь акров на семью. Но семьи были большие, а уровень агротехники чрезвычайно низок, так что участки эти далеко не всех удовлетворяли. К тому же округ считался перенаселенным и участков на всех не хватало. Для мужчин, не владеющих землей, вводился налог — по десять шиллингов в год. Родс назвал его «небольшим стимулом, чтобы заставить этих людей работать».

Расовая сегрегация проводилась в округе в такой

мере, что его жители вообще теряли право выбирать в капский парламент. Как бы взамен у них создавались свои местные выборные органы. Округ объявлялся африканским, и европейцы теряли право селиться там.

В этом законе уже есть черты той политики, которая проводится на Юге Африки в наше время и называется апартеидом (или, точнее, апартхейдом). Округу Глен-Грей Родс придал черты, характерные для нынешних бантустанов.

При обсуждении этого закона в парламенте Родс подчеркивал, что опыт Глен-Грея он хочет распространить на все «туземные» области.

— Я хочу, чтобы у нас в Южной Африке была единая политика в туземном вопросе.

Либералы назвали это введением принудительного рабского труда. Родс же без тени иронии сравнил образ жизни африканцев с поведением самых легкомысленных кругов английской аристократической молодежи. По его словам, те и другие одинаково праздны и бесполезны. Во время дебатов в парламенте он сказал:

— Я был куда больше рабом, чем любой из этих туземцев... в течение девяти лет моей жизни. Это был тоже принудительный труд... шесть лет в школе меня заставляли работать по пять часов в день да еще вечерами по три часа ежедневно готовить уроки на следующий день. А в колледже я оказывался заперт по вечерам, мне не разрешали выходить после девяти вечера.

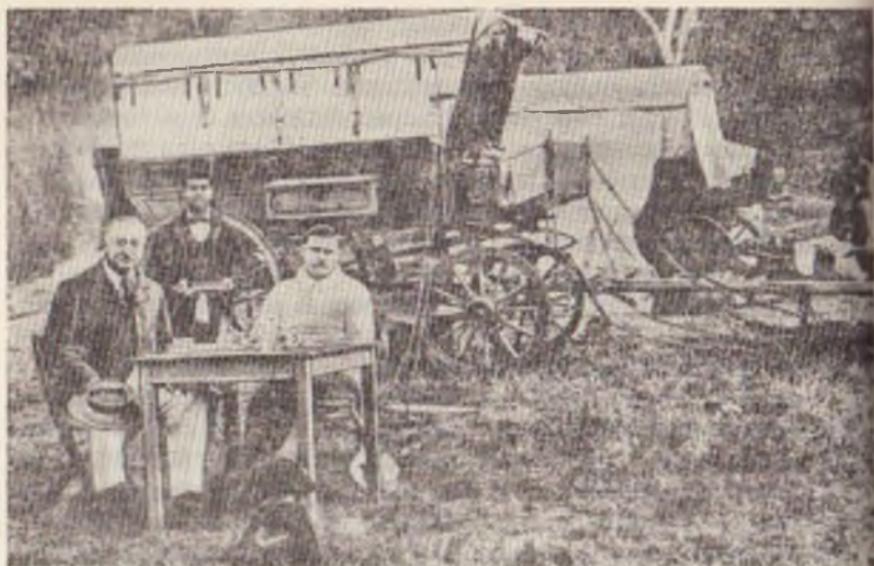
Один из либералов язвительно спросил:

— И вы, я полагаю, действительно никогда не отлучались?

Родсу вторил лорд Грей. Он писал об африканцах: «Идея труда чужда им». А Гарри Джонстон: «...если они не будут работать под надзором европейцев над развитием богатых ресурсов Тропической Африки, где они до сих пор вели бесполезную, непродуктивную жизнь павиана, тогда силою обстоятельств, под давлением нетерпеливого, голодного, недовольного человечества, соединенная энергия Европы и Азии еще раз снова приведет их к рабству, которое в предстоящей борьбе будет альтернативой полного уничтожения».

Родс не скрывал своей особой неприязни к африканцам-интеллигентам. Он заявил в 1894 году:

— Путешествуя по Южной Африке, я видел несколько отличных колледжей для туземцев — там уче-

Родс путешествует по Родезии

ников обучали греческому и латыни, создавая таким образом любопытную разновидность двуногих: кафров-священников. Быть может, кафр-священник и весьма почтенное существо, но он принадлежит к классу, решительно ни к чему не пригодному. Ученых негров пекут дюжинами. Они носят черный сюртук и белый галстук. А в результате получается: поскольку для этих господ нет никакого постоянного дела, они становятся агитаторами, начинают толковать о том, что правительство худо и что народ их поработен. Одним словом, ученый негр — крайне опасное существо.

Родс поддержал и законопроект, внесенный сторонниками партии Африканер Бонд, о введении телесных наказаний для «непослушных» рабочих-африканцев. Этот законопроект стал одним из главных поводов к полному отходу от Родса наиболее передовых людей из среды английского населения Капской колонии. Разрыв этот произошел не сразу.

Было время, когда Родсу удавалось очаровать и этих людей. «Единственный великий человек, единственный гений, которого имеет Южная Африка», — говорила о нем Оливия Шрейнер. А мнение этой женщины значило немало. Ее романом «Африканская ферма» зачитывались в Англии, Америке, Германии,

России, где его перевели в 1893 году. Джером Джером писал о громадной популярности Оливии Шрейнер среди европейской молодежи: «Юноши и девушки жадно протягивали к ней руки и хватались за нее, как за поводыря в дебрях жизни». Оливия Шрейнер была подругой дочерей Маркса, хорошо знала деятелей социалистического движения тогдашней Западной Европы. Ее повести и новеллы переводились на многие языки. В наши дни ее имя фигурирует в программе Южно-Африканской коммунистической партии. Взгляды Оливии Шрейнер там названы социалистическими, убеждения — революционными.

Как же сильно умел Сесиль Родс воздействовать на людей, если даже ее на какое-то время так подчинил своему влиянию! Разглядев подлинное лицо Родса, она сказала, что это было одним из самых тяжелых разочарований в ее жизни. И в следующей повести Шрейнер появилась характеристика Родса:

— Он просто гибель для негров...

Законопроект о телесных наказаниях группа либералов в парламенте все же сумела провалить.

Но в мае 1893-го Родс избавился от членов кабинета, которые возражали против его «туземной политики» и не хотели мириться с явной коррупцией одного из министров. Родс предложил всему правительству уйти в отставку и сразу же сформировал новый кабинет, уже без непокорных. Они принялись создавать новую партию — Прогрессивную. Но пока Родса поддерживал Африканер Бонд, это было ему не страшно.

Так создалось парадоксальное положение — в капском правительстве и парламенте именно бурские политики обеспечивали Родсу прочность его положения. И в 1894 году на парламентских выборах в Капской колонии сторонники Родса получили две трети мест. Всеобщее поклонение, конечно, сказалось и на том, как стал себя держать сам Сесиль Родс, на его манере поведения, образе жизни.

Его речь становилась все выспреннее: «Даю вам эти мысли», «Если бы только я мог посвятить вас в свои мысли», «Вот вам история моей мысли», «Поработайте-ка с этими моими мыслями».

В Кейптауне Родс купил за баснословную по тем временам сумму — шестьдесят тысяч фунтов — территорию в полторы тысячи акров со старинными строениями, которые назывались по-голландски Хрут Скер и остались еще от времен, когда Канская колония

Хрут Скер, дом-дворец Родса в Кейптауне

принадлежала Нидерландской Ост-Индской компании. Родс решил построить там не просто хоромы для себя и своих приближенных, а резиденцию премьер-министра Капской колонии и премьера будущей «объединенной» Южной Африки.

Найдя отличного архитектора, Родс, не в пример большинству нуворишей, воздвиг действительно примечательный дворец, в стиле старой голландской архитектуры. Там он создал и обширную библиотеку книг и карт Африки. Увлекаясь античными авторами, он нанял переводчиков, которые делали для него переводы редких, в том числе и эротических, древнегреческих и латинских произведений.

Почти вся прислуга состояла из африканцев. Среди них были и двое сыновей Лобенгулы. Родс любил показывать их своим гостям. Как-то раз, после вопроса одного из гостей, когда была война против ндебелов, Родс подозвал сына Лобенгулы и спросил его:

— Послушай-ка, в каком это году я прикончил твоего отца?

Может быть, этот эпизод был и не совсем таким — женщина, рассказавшая его¹², ненавидела Родса и стремилась показать его как можно более неприглядным, — но все же важная сторона характера Родса схвачена тут довольно верно.

Во дворце Родса гостили и принц Уэльский — будущий король Эдуард VII, и Киплинг, и молодой Уинстон Черчилль. А на ступеньках дворца и под деревьями разрешалось располагаться на отдых туристам и простым горожанам, разумеется белым. Это в немалой степени способствовало популярности такого гостеприимного хозяина.

Господство Родса во всех сферах южноафриканской жизни Марк Твен и подразумевал, когда написал: «По мнению многих, мистер Родс и есть Южная Африка; другие полагают, что он — только большая ее часть».

А во всей необъятной Британской империи? По словам Марка Твена, «он единственный колонизатор во всех британских доминионах, чье каждое движение служит предметом наблюдения и обсуждения во всем мире и чье каждое слово передается по телеграфу во все стороны земного шара».

Да и за пределами Британской империи — во Франции, в Германии, в Италии, — даже осуждая его действия, правящие круги все же в нем самом видели пример для подражания. В его возвышении усматривали символ эпохи.

«Дело в том, что если сам колониализм опирался на силу, то пассивное, примиренческое отношение к нему покоилось на определенной системе взглядов и представлений. Без анализа этих взглядов мы не поймем и истории колониализма»¹³.

Не последнюю роль в этой системе взглядов и представлений сыграл тот образ легендарной личности, который создавался Родсу с первой половины девяностых годов. Этот образ помогал опозитизировать колониализм, отвлечь внимание от его преступлений.

«Это странный, но поистине великий человек, могущественный вождь с грандиозными мечтами, слишком великий, чтобы быть эгоистичным, но и чересчур решительный, чтобы быть особенно разборчивым в средствах, — человек, которого не измерить нашими привычными человеческими мерками, такими мелкими для него»¹⁴. Такой характеристикой наделил Родса Конан Дойль. Он, создатель Шерлока Холмса, незадолго до своей смерти совершил паломничество на могилу Родса, в Африку, в скалистый район к северу от реки Лимпопо, и даже вызывал дух Родса, якобы беседовал с ним и пересказал читателям эту беседу.

В английских газетах и журналах десятилетиями по-

вторялись слова таких приверженцев Родса, как, например, майор Леонард, участник его завоеваний: «Было что-то магическое в самом имени Сесиль Родс, оно излучало магнетизм, как и он сам».

Колониализму нужны были свои кумиры. Пропаганда метрополий их искала, создавала, возвеличивала. Сколько было потрачено усилий, чтобы окружить ореолом французских генералов Лиотэ и Галлисни, немца Карла Петерса, англичан Гарри Джонстона, лорда Лугарда и генерала Гордона... Но того эффекта, что с Сесилем Родсом, не получилось. Даже в самой Великобритании никого не поставили рядом с ним. Было немало политиков, которых окрестили строителями Британской империи, но только Родса именовали ее отцом. В чем же феномен Сесилья Родса — вопрос, который столько раз задавал Марк Твен.

Отчасти дело, наверно, в том, что Родс объединил в себе множество образов. Промышленник. Финансист. Завоеватель. Идеолог. Политик и государственный деятель — премьер-министр и член королевского Тайного совета. И даже дипломат. Родс выступил на каждом из этих поприщ и на каждом преуспел.

Имя Родса стало символом удачи и успеха. И в его удачах видели не везение карточного игрока, ловко сорвавшего банк, а результат действий человека, увлеченного созиданием. Строительство железных дорог, телеграфных линий, городов — все это противопоставлялось действиям, например, испанских конкистадоров, грабивших Америку и ничего не создававших, хотя такое противопоставление, разумеется, попросту неисторично.

Окружить имя Родса романтическим ореолом оказалось легче и благодаря тому, что он по своему происхождению не принадлежал к аристократам и богачам. Пробился своими силами, своей энергией, целеустремленностью. Сделал карьеру не благодаря тому, что учился в Оксфорде, а наоборот, попал в Оксфорд благодаря сделанной карьере. Так что его можно было выдавать чуть ли не за человека из народа.

Не случайно наиболее шовинистская часть британской печати нарочито изображала Родса идущим как бы наперекор официальным кругам с их бюрократической инертностью и равнодушием к ярким идеям.

Ведь одно дело — захваты, осуществляемые непосредственно правительством, с нескончаемыми дебатами в парламенте и обсуждением бюджетных ассигнований.

Простому налогоплательщику это казалось зачастую лишь казенной рутинной и не вызывало ничего, кроме скуки, а то еще и протеста, особенно в Великобритании, где в отношении обществственности к властям всегда чувствовались скептицизм и недоверие.

Совсем другое, когда призыв исходит от мечтателя, романтика. Он открыл новое Эльдorado и вдохновенно призывает соотечественников во имя величия своей родины, своей нации, на благо отсталых народов и всего дела цивилизации «освоить» новые земли. И кладет к ногам соотечественников несметные богатства этих краев — золото, алмазы...

Он, Родс, предстал как бескорыстный радетель за дело Британии: для возвеличения ее славы работал и сражался в джунглях и пустынях дикой Африки, под палящим солнцем, подстерегаемый бесчисленными опасностями, не жался здоровья и самой жизни. Они же, чиновники, покрываются жирком в своих роскошных и уютных лондонских кабинетах и думают больше о продвижении по службе и других корыстях.

Пожалуй, так уж напрямую все это высказывалось и не столь уж часто, но дух газетных и журнальных статей передко был именно таким. И у правящих кругов Англии он не вызывал протеста. Наоборот, он поощрялся, потому что ореол, созданный вокруг Родса, способствовал в глазах обывателя облагораживанию самой колониальной политики.

Тут можно вспомнить, что когда-то, в конце первой половины прошлого века, французское правительство отправило в Северную Африку Дюма-отца. Своими путевыми заметками Дюма должен был разжечь у французов тягу к приобретению колоний. Так что еще тогда правящие круги европейских стран понимали, какую громадную услугу для утверждений идей колониализма может оказать популярный человек.

Родс, как, может быть, никто другой, воплотил в себе дух колониализма времен раздела мира. Его сознательная жизнь — с приезда в Африку в 1870-м до смерти в начале 1902-го — абсолютно совпадает с периодом этого дележа. И Родс всеми своими помыслами и действиями вписался в тот колониально-империалистический период. Идеи тогдашнего колониализма составляли весь смысл его существования, в них он фанатично верил. И его преступления находили оправдание как совершенным во имя идеи. Во всяком случае эти преступления вряд ли вызывали у тогдашнего

европейского обывателя такое же чувство омерзения и брезгливости, как поступки немца Карла Петерса, настолько запятнавшего себя изнасилованием африканских женщин, что даже германский рейхстаг был вынужден обратиться на это внимание. А ведь Петерс тоже претендовал на славу создателя колониальной империи.

Легенда о Родсе и после его смерти обрастала новыми чертами. Осуждение расизма мировым общественным мнением, постепенно усиливаясь, заставило последователей Родса все настойчивее приписывать ему девиз: «равные права для всех цивилизованных людей». Имя Родса все теснее связывалось и с именами путешественников и исследователей, снискавших себе уважение человечества, прежде всего с именем Ливингстона. В Северной Родезии был даже создан Институт Родса — Ливингстона.

Легенда о Сесиле Родсе распространилась так широко, что под ее гипноз подпал и Андре Моруа, издав в 1953 году восторженную книгу «Сесиль Родс». И автор нашумевшей в 1920-х годах книги «Закат Европы» немецкий философ Освальд Шпенглер — в своих пророчествах он даже увидел в Родсе знамение грядущего, хотя и отнюдь не радостного. В его схеме мировой истории Родс оказался где-то «посредине между Наполеоном и людьми насилия ближайшего столетия».

А Оливия Шрейнер, крупнейшая южноафриканская писательница? Благодаря Оливии Шрейнер в 1897 году мир увидел фотографию виселицы с повешенными африканцами и улыбающимися палачами — родсонскими «пионерами». Вряд ли кто-нибудь так яростно обличал Родса, как эта ничего не боявшаяся женщина.

Но кем он был для нее? Не авантюристом, не нуворришем. Нет, скорее Мефистофелем. Он ей казался великим даже в своих злодеяниях. Она писала: «Я поясню свой взгляд на Сесилия Родса следующей притчей: представьте себе, что он умер, и, конечно, черти явились, чтобы увлечь его в ад, которому он принадлежал по праву. Но оказалось, что он так велик, что не может пролезть ни в двери, ни в окна, и тогда пришлось поневоле взять его на небо».

Вести о Родсе да и отголоски легенды о нем, разумеется, донесли до России. Это тем более интересно, что никак не упомянуто в зарубежных биографиях Родса. В России его имя известно было очень широко, во всяком случае на рубеже прошлого и нынешнего столетий, в годы англо-бурской войны. Тогда не выхо-

дило газеты без сообщений с Юга Африки, и редкое сообщение обходилось без упоминания Родса.

Осуждали его решительно все, хотя и очень по-разному. Социал-демократы — как империалиста. Многие из тех, кто стоял в стороне от политики, — просто за жестокость к слабым. А черносотенцы, враги английского «гнилого либерализма», — как представителя ненавистной Британии.

Но к осуждению примешивалось нередко такое же изумление, как у Марка Твена и Оливии Шрейнер.

«Никогда еще ни один человек не навлекал на себя столько проклятий и не возбуждал к себе такую ненависть у всех народов, как Сесиль Родс, но в то же время, никто, как прежде, так и теперь, после его смерти, не мог упрекнуть его в том, что он преследовал узкие своекорыстные цели... Потерпев неудачу, он не прятался за чужую спину и не прибегал ни к каким уверткам для своего оправдания, не вваливал вину и ответственность на других... Он действительно представлял гигантскую фигуру в прямом смысле этого слова. Из него можно сделать и героя и бандита, смотря по тому, с какой точки зрения взглянуть на него». Так писала известная журналистка и этнограф Э. К. Пименова в очерке «Сесиль Родс. Капский Наполеон», который она в начале нашего столетия публиковала не раз.

И Влас Дорошевич, еще более известный журналист, считал, что «весь патриотизм капитализма» нашел в Родсе «свое олицетворение», и посвятил ему очерк под похожим заголовком: «Наполеон нашего времени».

Вот донесение русского генерального консула в Лондоне о положении в Родезии, посланное в Петербург в 1899 году. Консул отмечал, с одной стороны, «несостоятельность» родсовских методов управления, а с другой — их «несомненно блестящие результаты». И перечислял: сооружение более трехсот миль железнодорожных путей и телеграфных линий, создание семи городов и т. д.¹⁵

Родса не обошли и самые низкопробные издания — литературное чтиво тех лет. Ему был, во всяком случае отчасти, посвящен один из тех российских бульварных романов, что выходили в начале нашего столетия три-четыре раза в неделю тоненькими выпусками в цветастых обложках, по пятаку за штуку. Назывался он «Роза Бургер, бурская героиня, или Золотоискатели в Трансваале». Каков же там Сесиль Родс? Отчим бурской героини, злой гений Южной Африки. Красавец

лорд в центре блестящего общества. Король Кейптауна.

Или брошюра «Новый Наполеон из южноафриканской войны Трансвааля с Англией». Ее автор С. И. Глебов (Гнедич) выпустил множество брошюр, да каких! «Плешивый Петербург и гигиена головных покровов. Книга полезная для всех», «Гигиена жизни, или Как прожить целые сотни»... Как же силен был ажиотаж вокруг имени Родса, если поспекулировать на нем счел выгодным даже автор «Плешивого Петербурга»! Он страшно клеймил Родса, «этого отъявленного ... человека», как и вообще всю Англию. «Англия — страна торговая, совесть у нее — такая же», так что «понятно и чувство омерзения к Англии». А буры — «они все православные и в высшей степени набожный народ». Но даже и в этой грошовой брошюрке Родс — новый Наполеон!

Деяния и личность Родса обсуждались и в наиболее солидных столичных журналах, таких, как «Русское богатство» и «Мир божий». О Родсе писал известный публицист и социолог, либеральный народник С. Н. Южаков, поминал его в одной из своих первых работ молодой Тарле. Шкловский-Дионео писал о Родсе во многих статьях и в лучшей из своих книг — незаслуженно забытых «Очерках современной Англии». Там в разделе «Империализм» он назвал Родса первым в ряду верховных жрецов «Капища Мамоны» — фондовой биржи.

Многие передовые люди тогдашней России в своей оценке действий Родса приближались к характеристике, которую впоследствии дал Родсу В. И. Ленин.

...Преодолена ли на родине Сесилия Родса легенда, сложившаяся вокруг его имени? В наши дни о мнении официальной Англии можно судить по речам лорда Сомса, последнего губернатора Южной Родезии, в связи с церемониями провозглашения ее Республикой Зимбабве в 1980 году. Объявляя о конце Родезии, лорд Сомс провозглашал хвалу Родсу. С этого имени он начинал свои речи и заслугой Родса назвал основы всего, что официальная Великобритания объявила достижениями своей политики в Родезии-Зимбабве: «Девяносто лет экономического прогресса, развития науки и государственного порядка, с одной стороны, просвещения и распространения английского языка — с другой»¹⁶.

После краха родезийского режима, летом 1980-го, массовый журнал «Лондонские иллюстрированные но-

ности» провел дискуссии об исторической роли Родса. В основном, самом большом по объему письме, опубликованном редакцией, Родс выглядит как национальная святая, провидец будущего, человек, никогда не отступавший от «трех принципов: мир, справедливость, свобода». «Родс остается для меня одним из величайших людей в истории человечества, в немалой степени благодаря тому, что он, находясь на вершине богатства и власти, был готов рисковать своей жизнью ради спасения и развития тогда еще неприметного, находившегося еще в эмбриональном состоянии народа Центральной Африки...»

Но в «Лондонских иллюстрированных новостях» высказаны и иные мнения. Автор другого письма, признавая, что Родс был «человеком замечательным», сомневается, можно ли его считать «носителем цивилизации», и задает вопрос: «Разве так уж надо было захватывать Африку от Каира до Кейптауна?..»

Пришло письмо и из южноафриканской Республики Ботсваны (в колониальные времена — Бечуаналенд, первое «приобретение» Родса). У автора «вызывают печаль и гнев» славословия Родсу. Он пишет, что если такие славословия еще и возможны в самой Англии, то в Африке они совершенно неприемлемы. Они оскорбительны для тех, на чьи земли «Сесиль Родс и его приспешники пришли как захватчики».

Так что легенда о Родсе, хотя и крайне поблекшая, дождалась до наших дней. Да и могла ли она бесследно испариться? Ведь сколько усилий было вложено в ее создание и сколько людей заставили в нее поверить. Но все-таки сейчас это уже бледная тень прошлого.

А родилась и распространялась она во времена, когда голоса африканцев — тех, кто мог бросить Родсу больше всего обвинений, — до остального мира доносились очень глухо. Да и в Европе — многое ли могло противостоять возвеличению Родса?

Конечно, в недрах общественного развития уже зрели иные силы. Идейным оружием для них становились не заповеди Родса, а «Капитал» Карла Маркса; как раз тогда, в 1895-м, он был дополнен послесловием Фридриха Энгельса (причем в самой последней фразе сказано о Сесиле Родсе). Тогда же в Петербурге возник «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Но на поверхности мировой политики тогда выступали Родс, Чемберлен и люди, подобные им. Они и были, по словам В. И. Ленина, героями дня.

ВИНОВНИК АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ

ЗАГОВОР ПРОТИВ БУРОВ

самом начале 1896 года, открыв «Таймс», его читатели сразу обращали внимание на письмо редактору. Бросалась в глаза подпись. Леди Уорик. Знаменитая Дэзи. Первая красавица лондонского высшего света. Возлюбленная принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII. Редкий читатель, увидев ее подпись, не пробежал бы глазами это письмо.

*Замок Уорик
4 января 1896*

Сэр, английская печать, очевидно, напрочь забыла свои лучшие традиции, если она способна так хладнокровно обсуждать, каким способом покончат буры с нашими соотечественниками: расстреляют или повесят...

Сэр, неужели хоть один из тех, кто заслуживает права называться англичанином, не поступил бы так же, как д-р Джемсон и его благородные товарищи? Самые влиятельные жители Йоханнесбурга попросили его прийти на помощь их женам и детям в момент, когда революция казалась неминуемой. Отправившись с отрядом конной полиции на помощь своим соотечественникам и отнюдь не желая столкновения с бурами, он был атакован их вооруженными силами...

Какова бы ни была его судьба, нет ни одной англичанки, чье сердце не переполнилось бы благодарностью

и симпатией к этим мужественным людям. Они выполнили свой долг... Если их сделали пленниками лишь для того, чтобы затем хладнокровно убить, — тогда в Южной Африке больше не должно быть места «республике», управляемой такими убийцами. И мы не должны тут оглядываться на немцев и французов, считаться с тем, что они могут подумать...

Неужели мы правда так запутались в паутине интриг германской дипломатии, что теперь уже считается преступлением, если одни наши соотечественники помогают другим... Значит, д-р Джемсон должен был остаться глух к призыву наших соотечественников?..

Письмо длинное. Наверно, современникам странно было видеть, что блистательная Дэзи вспомнила вдруг даже о готтентотах и бушменах — как их, бедных, притесняли эти отвратительные буры. Куда естественнее звучали ее напоминания о том, как честил буров только что умерший Рендолф Черчилль. Или ее признание, что попавшие в беду «английские джентльмены лично знакомы многим из нас».

Это письмо произвело впечатление на современников. Даже через четверть века воспроизведением полного текста этого письма начала том своих мемуаров Марго Асквит, жена известного английского политика.

Почти одновременно с этим посланием в те январские дни 1896-го «Таймс» опубликовал немало писем, сходных и по содержанию, и по характеру. Они бросались в глаза не крикливыми заголовками. Таких заголовков в «Таймсе» тогда не было, как не было никаких фотографий или рисунков, — все это считалось нарушением устоявшихся вековых традиций. Письма, кем бы они ни были подписаны, печатались только в отделе «Письма редактору». Отнюдь не на первых полосах. Сенсационность в «Таймсе» считалась дурным тоном.

Но какими бы ни были заголовки, все равно эти письма вызвали сенсацию. И необычной для «Таймса» эмоциональностью содержания, и обилием стоявших впереди громких имен.

Через несколько дней после письма Дэзи в «Таймсе» появилась ода Альфреда Остина «Набер Джемсона». Вот типичные строчки из нее:

Беззащитные девушки в Золото-сити,
Беззащитные матери, вопли детей,
Неужели их крики «На помощь! Спасите!»
Не поднимут на подвиг британских мужей?

За эту оду Остин получил не только гонорар в двадцать пять гиней. В большой мере благодаря ей он и был удостоен официального звания поэта-лауреата, звания очень высокого, поскольку поэт-лауреат в Англии мог быть только один, и Остин становился преемником великого Теннисона, умершего четырьмя годами раньше.

Эти письма и стихи знаменовали собой начало газетной битвы между Англией и Германией, да и других памятных событий.

А причиной всего этого была новая война Сесилия Родса — вторая, если не считать более мелких военных столкновений с португальцами и несколькими африканскими народами.

Молниеносный бросок

Ровно за неделю до письма Дэзи, 29 декабря 1895 года, в крохотном местечке Пицани Потлего, на земле батсванов, прозвучал сигнал военного сбора. Там, возле самой границы Трансвааля, находились в то время основные военные силы Привилегированной компании — их перебросили из Родезии и с ними был сам Джемсон, ее администратор.

Конец декабря — на Юге Африки разгар лета. В тот воскресный день солдаты и офицеры лениво ждали, пока спадет жара, чтобы заняться спортом, картами или выпивкой. Но внезапно получили приказ построиться к трем часам пополудни.

Джемсон объявил им, что он получил чрезвычайно важное письмо из Йоханнесбурга с просьбой прийти на помощь английскому населению этого города, невыносимо страдающему от гонений со стороны бурских властей. Письмо он зачитал перед строем.

Там говорилось, как Крюгер притесняет в Трансваале англичан и вообще иностранцев, по-голландски — ойтландеров. Налоги с ойтландеров дают трансваальской казне основной доход — добыча золота, да и вся остальная промышленность и торговля находятся в руках ойтландеров, а буры живут себе по старинке на своих фермах. И этим-то ойтландерам, на которых держится вся современная экономика страны, не дают да-

же права голоса на выборах в фольксраад — парламент, поскольку правительство считает их временными жителями. С петицией о предоставлении полных гражданских прав обращались к правительству Трансвааля сорок тысяч ойтландеров, но их просьба не была удовлетворена. Возникло крайне напряженное положение.

«...Национальные чувства англичан оскорбляют на каждом шагу. К чему же может привести назревший конфликт? Тысячи беззащитных мужчин, женщин и детей, наших соотечественников и соотечественниц, находятся во власти до зубов вооруженных буров, в страшной опасности оказалось чрезвычайно ценное имущество...

Под давлением этих обстоятельств мы и просим вас прийти нам на помощь... Положение столь угрожающе, что у нас надежда лишь на вас и на ваших людей — не откажитесь поддержать тех, кто оказался в такой опасности».

Столь эмоциональное послание заканчивалось весьма деловым обещанием о возмещении всех расходов.

Подписей стояло пять: ближайшее окружение Родса и Альфреда Бейта, его компаньона по нескольким компаниям. Это старший брат Родса — полковник Фрэнсис Родс; горный инженер Джон Хейс Хеммонд, чьи знания и поддержку Родс так высоко ценил, что переманил его у Барнато, дав баснословное жалование — семьдесят пять тысяч долларов в год плюс долю в прибылях; Лайонел Филлипс — хотя он и был президентом Горной палаты Трансвааля, но все же находился в зависимости от Бейта, как и еще двое подписавших письмо: богатый золотопромышленник Джордж Феррер и юрист Чарлз Леонард, председатель Национального союза Трансвааля, организации ойтландеров, выступавшей с 1892 года с петициями об избирательном праве.

Конечно, письмо звучало странно. Вопль о бедственном положении «беззащитных мужчин, женщин и детей» в письме никак не доказывался. Что им не давали права голоса в Трансваале — что ж, многие тогда считали это весьма естественным.

Президент Трансвааля Крюгер всегда подчеркивал, что ойтландеры приезжали в Трансвааль лишь на время, ради обогащения. И что никто из них не хотел терять своего гражданства, а трансваальское гражданство стремились просто присовокупить к основному, главно-

му. И в утверждениях Крюгера было немало правды. Другое дело, что впоследствии многие из ойтландеров прижились в Трансваале и остались там навсегда, но это зачастую получалось само собой, вопреки их первоначальному желанию.

Все это было очевидно для каждого, кто хотел хоть сколько-нибудь задуматься над подлинным положением ойтландеров. Но многие ли из солдат и офицеров Сесила Родса умели и любили задумываться над вопросами, которые казались им слишком общими и даже несколько абстрактными?

Оливия Шрейнер в следующем, 1897-м году выпустила повесть «Рядовой Питер Холкит из Машоналенда». Холкит — образ типичного солдата отрядов Привилегированной компании.

«...Челости у него были мощные, а большой рот с тонкими губами обличал натуру, способную упорно желать себе материальных благ и наслаждаться ими всюю, если они попадут в руки.

...Он стал думать. А это случалось с ним не часто... Вообще, Питер не был охотник до размышлений... Питер жил только непосредственной жизнью. Он получал внешние впечатления, но они исчезали бесследно, не будили в нем никакой мысли».

На чем же сосредоточивались его мысли? Он рассуждал так:

— Все прибывавшие в Южную Африку богатели... Взять хотя бы Барнея Барнато, Родса... Все они нажились тут: у кого восемь миллионов, у кого двенадцать, двадцать, сорок миллионов... Отчего же не посчастливится и мне?»

Портрет злой, но, кажется, во многом справедливый.

Перед строем солдат и офицеров, многие из которых были такими вот Питерами, и прочитал Джемсон письмо из Йоханнесбурга. От себя он добавил, что на призыв о помощи надо откликнуться немедленно.

Его слова были встречены всеобщим восторгом. Вечером колонна всадников двинулась к границе Трансвааля. Было до нее рукой подать — три с половиной мили.

И провал в неизвестность под нами —
прямей, чем солдатский плевок.

...Перешли границу с легким сердцем. Отчасти из-за обещаний Джемсона, что никаких вооруженных столк-

новений он не ожидает и что сражаться придется только в случае нападения со стороны буров, а вообще-то единственная цель похода — защитить мирных жителей Йоханнесбурга.

Эта бездумность, с которой люди пошли за Джемсоном! Как им обрыдло, должно быть, стоять лагерем в тех бесплодных местах, рядом с пустыней Калахари, под палящим солнцем.

А тут надежда побывать в «Золотом городе», урвать свою долю наслаждений, а кто знает, может быть, и богатство!

На радостях как не выпить! И двое, которых Джемсон послал перерезать телеграфную связь пограничных пунктов со столицей Трансвааля Преторией, перерезали не те провода.

Перешли границу около четырехсот солдат и офицеров конной полиции Машоналенда и полтораста африканцев — носильщиков и слуг. У них — восемь пулеметов «максим», три орудия, шестьсот сорок лошадей и сто пятьдесят восемь мулов. Командовал ими полковник Джон Уиллоби. Двигались всю ночь. К утру прошли тридцать девять миль из тех полтораста, которые отделяли их от Йоханнесбурга, и соединились со вторым отрядом, который пересек границу южнее. Это были сто двадцать два солдата и офицера бечуаналендских пограничных войск.

Для внезапного, неожиданного вторжения отряд получился внушительный. А во внезапности они уверены — телеграфные-то провода ведь перерезаны! В счастливом неведении они продвигались все дальше.

У буров пограничных застав там не существовало. Но в понедельник утром, 30 декабря, правительство в Претории уже получило телеграмму от чиновника из небольшого населенного пункта возле западной границы: «Британские войска со стороны Мафекинга вторглись в пределы республики, перерезают телеграфные провода и движутся по направлению к Йоханнесбургу». Вскоре пришли вести и о численности войск, и об их вооружении. И во все близлежащие округа понеслись приказы Крюгера — собирать ополчение, окружать англичан.

А к Джемсону послали гонца с вопросом, в чем дело, и с требованием немедленно повернуть назад. Джемсон ответил то же, что говорил перед строем своих солдат.

Затем, когда они прошли уже почти две трети пути,

их встретил гонец с призывом вернуться, но уже не от буров, а от английского верховного комиссара Геркулеса Робинсона.

Робинсон узнал о случившемся от Родса. Сам Родс — почти немедленно, в воскресенье вечером. Он тогда же вызвал к себе одного из чиновников английской колониальной службы и произнес в его присутствии:

— Джемсон закусил удила и пошел в Трансвааль.

Однако самому Робинсону Родс сообщил новость лишь наутро, когда отряды Джемсона вторглись уже далеко в глубь бурской территории. Ну а прежде чем посланец Робинсона передал его приказ Джемсону, тот успел пройти две трети пути.

Джемсон и полковник Уиллоби отказались выполнять приказ. Уиллоби объяснил, что об отходе не может быть речи: на пройденном пути уже не найти продовольствия и фуража. К тому же кони устали, на обратную дорогу потребуется несколько дней, а там уже собрались отряды вооруженных буров. Так что выход один — идти дальше, к своим друзьям, которые ждут в Йоханнесбурге и его окрестностях.

...А в Йоханнесбурге тем временем выплыл на поверхность давний заговор. Те же люди, что послали Джемсону просьбу о помощи, создали в самом Йоханнесбурге Комитет реформ. Был выработан перечень требований якобы от имени всех ойтландеров, составлена депутация к Крюгеру и брошен призыв собраться на громадный митинг в поддержку этих требований.

Йоханнесбургская газета «Стар» 30 декабря выходила каждые несколько часов. В третьем выпуске, изданном в пять часов вечера, говорилось: «У Йоханнесбурга появилась армия. Увы, конфликт неизбежен. Неопределенность кончилась. Положение крайне серьезное».

На какой-то момент показалось, что неопределенность, висевшая над городом уже несколько недель, действительно кончилась. Было подготовлено «Обращение к населению Йоханнесбурга» от имени Временного правительства республики ойтландеров. Подписали ее около шестидесяти человек во главе с Чарлизом Леонардом и Лайонелом Филлипсом — они значились президентом и вице-президентом новоявленной республики.

Срочно распаковывались ящики с оружием, заблаговременно привезенные и спрятанные в шахтах. Появилось даже объявление с призывом вступать в формируемый медицинский отряд. Главным центром активности заговорщиков было управление родсовской Голд филдс.

Но почти сразу же выяснилось, что заговор подготовлен из рук вон плохо. Дело даже не в том, что в него были втянуты далеко не все шахтовладельцы Ранда — «рандлорды». Главное, зачинщики не увидели той широкой поддержки со стороны ойтландеров, на которую так надеялись. Вся организация оказалась непродуманной. Заговорщики метались от раздачи оружия к призывам не допускать незаконных действий. Во всем царила неуверенность, нерешительность, страх. Это стало очевидным почти в первые же часы, во всяком случае уже в ночь с понедельника на вторник, когда город не сомкнул глаз. Все замерли в ожидании, но мало кто решился браться за оружие. И когда на улице раздался чей-то возглас: «Мы побили голландцев», несколько голов на мгновение высунулось из окон, но этим все и ограничилось. Обыватели выжидали. Это и решило судьбу города.

«Обращение к населению Йоханнесбурга» так и не увидело свет. Редактор газеты «Стар», где оно печаталось, получив набор, так перепугался, что немедленно рассыпал его. Успели отпечатать лишь несколько экземпляров.

Уже утром 31 декабря сам Комитет реформ обратился через эту газету с призывом: «Комитет настойчиво просит население воздержаться от любых действий, которые могут быть восприняты как враждебные правительству».

А инженер Хеммонд, один из руководителей Комитета реформ, испугавшись, поднял над зданием Голд филдс четырехцветное знамя Трансвааля, хотя он, Хеммонд, подписал «Обращение к населению Йоханнесбурга», где говорилось, что создается новая республика и у нее — свой флаг. Трансваальские чиновники отказались дать Хеммонду флаг Трансвааля, опасаясь надругательства над ним. Пришлось любимцу Родса и его друзьям самим находить полотнища четырех цветов — красного, белого, синего и зеленого, шить из них четырехцветный флаг Трансвааля и поднимать его на глазах у огромной толпы, которая совершенно справедливо увидела в этом капитуляцию.

Всеобщая неразбериха час от часу росла. Никто ничего толком не знал, а слухи носились самые противоречивые. Мужья срочно отправляли своих жен и детей в Кейптаун. Поезда брали штурмом. Людей набилось столько, что они могли только стоять, прижаться друг к другу. Одна женщина родила ребенка, он умер, а она продолжала держать его на руках, стиснутая со всех сторон.

Обстановка в течение этих трех дней — 30—31 декабря и 1 января — менялась не раз. Но ясно было одно — мятеж ойтландеров против режима Крюгера не состоялся. Он угас, так и не разгоревшись.

...Но Джемсон и его солдаты этого не знали. Они продолжали идти вперед, хотя от усталости — все медленнее. В пути встретили Новый год. 1896-й. На горизонте все чаще мелькали силуэты бурских всадников — они собирались в отряды и старались окружить англичан. Но у буров не было орудий и пулеметов, и поначалу они держались на почтительной дистанции.

В первый день Нового года несколько раз вспыхивала перестрелка. Англичанам пришлось пустить в ход и пулеметы, и пушки.

Ко всему прочему сослужили худую службу Джемсону и местные жители, которых он определил в проводники, чтобы обойти основные силы буров. Проводники, может быть и сознательно, вели англичан неудачным для них путем.

Первого января Джемсон получил новое послание от Робинсона с требованием уйти из Трансвааля. Не поверил Джемсон в серьезность этих приказов? Или считал, что уже поздно?

Скорее всего был уверен, что британские власти шлюют приказы для отвода глаз, а на деле желают успеха его делу. Главное, чувствовал за своей спиной поддержку Родса. Верил в победу, а победителей не судят. И упорно продолжал начатое.

Но шансов уже не было, и не только там, в Йоханнесбурге, но и здесь. Возле поселка Крюгерсдорп, когда до Йоханнесбурга оставался уже один переход, отряд попал в ловушку. Тут и там из-за гребней холмов и за валунами поблескивали бурские винтовки. А солдаты Джемсона уже выдохлись. Они шли, лишь с короткими привалами, уже четвертые сутки. В последний день почти ничего не ели. Люди и лошади падали от усталости.

Буры могли из-за укрытий перестрелять англичан

одного за другим. Это они и стали делать. Англичане метались, окруженные со всех сторон. Этот кошмар начался вечером первого января и возобновился на рассвете второго.

Осталось одно — сдаться. Джемсон не предвидел этого. В его отряде не было даже тряпки, которая могла бы послужить белым флагом. Выручила женщина с ближайшей фермы. Ее передник подняли на оглобле. Это было утром второго января, когда Джемсон потерял убитыми и ранеными уже семьдесят три человека.

«Эй солдат, где искать мне его,
Моего дружка дорогого?» —
«Он за морем лежит, а череп пробит,
Так что парня ищи другого».

Покормив падающих от изнеможения англичан, буры сразу же повели их, поникших и раздавленных, в свою столицу. Вечером того же дня ворота городской тюрьмы Претории захлопнулись за Джемсоном и его людьми. Там же оказались и йоханнесбургские заговорщики.

II раскаты грома

«Бросок», «набег» или «рейд» Джемсона длился трое с половиной суток. Попытка мятежа в Йоханнесбурге — и того меньше. Но как гром гремит не одновременно с молнией, так и грохот в «большой политике» начался, когда события в самом Трансваале уже кончались.

Собственно, шумиха в европейских столицах началась еще 31 декабря, когда весть о нападении на Трансвааль достигла Европы. Руководители германского министерства иностранных дел и колониального департамента, отменив все приемы, собрались в Потсдаме у императора Вильгельма и решили немедленно принять две меры. Во-первых, послать в Трансвааль отряд морской пехоты, а во-вторых, сделать грозный запрос английскому правительству.

В осуществление этих решений капитану крейсера «Морской орел», стоявшего у побережья португальского Мозамбика, был дан приказ высадить на берег и отправить в Преторию военный отряд — под предлогом защиты германских подданных. А Гатцфельду, послу в Лондоне, поручили запросить английское правительство, одобряет ли оно действия Джемсона, и затребо-

вать свои верительные грамоты, если ответ окажется неудовлетворительным.

Посол явился к Солсбери 1 января. Премьер сразу же высказал пожелание, чтобы посол «не употреблял в этом деле ни единого слова, которое можно истолковать как угрозу», а затем заверил, что действий Джемсона он не одобряет¹. Посол не затребовал своих верительных грамот. Но на следующий день он получил из Берлина еще более строгие инструкции — вручить Англии ноту с заявлением, что Германия не допустит никаких перемен в Трансваале. Этот ультиматум был вручен 2 января. Однако к вечеру того же дня стало известно, что в Трансваале наступила развязка, и утром 3 января Гатцфельд забрал эту ноту, с облегчением узнав, что ее не успели распечатать.

Германскому послу в Лондоне было видно то, чего не сознавали кайзер Вильгельм и его ближайшее окружение. В Лондоне царило необычайное возбуждение. Немалая часть английского общества восприняла победу «бурских мужланов» над прославленным Джемсоном как оскорбление британской национальной гордости. И посол не мог не понять, что слишком резкие немецкие действия вызовут в Англии ответную бурю.

Но в Потсдаме Вильгельм продолжал бушевать. Собрав утром 3 января узкий круг руководства, он предложил привести морскую пехоту в боевую готовность, объявить протекторат над Трансваалем и послать туда войска. Присутствующих этот авантюризм поверг в ужас: так можно было действовать, лишь решившись на войну с Англией. Но флота у Вильгельма не было, а его замысел создать против Англии блок континентальных держав был нереален.

Кайзера увещевали, выжидали, пока он остынет, и в конце концов уговорили ограничиться трескучей телеграммой Крюгеру. В ней говорилось: «Я выражаю Вам мои искренние поздравления в связи с тем, что Вы, вместе с Вашим народом, смогли, не призывая на помощь дружественные державы, собственными силами восстановить мир, нарушенный вторгшимися в Вашу страну вооруженными бандами, и обеспечить независимость Вашей страны от нападения извне».

Еще накануне Вильгельм писал Николаю II даже более воинственно: «Что бы там ни случилось, я никогда не позволю англичанам раздавить Трансвааль!»² Но письмо Николаю II было частным и не появилось в печати, а телеграмма Крюгеру сразу же стала га-

*Колониальный раздел Африки дал
африканским резчикам по дереву новые темы.
Кайзер Вильгельм и королева Виктория*

зетной сенсацией. Она для того и предназначалась.

Эта телеграмма и стала первым раскатом грома, который услышали во всем мире. «Не призывая на помощь дружественные державы...» Значит, Германия считала себя вправе с оружием в руках ввязаться в схватку на Юге Африки — так расценили эти слова Вильгельма в Англии. Легко себе представить, какую бурю это вызвало. Письмо Дэзи было одной из первых отповедей Вильгельму, но совсем еще не самой резкой.

Что тут началось! Правительство Вильгельма зондировало почву в Лиссабоне, не разрешат ли португальцы германскому экспедиционному корпусу пройти в Трансвааль через Мозамбик. А Паигерманский союз, Колониальный союз и другие объединения немецких шовинистов, начав с криков «Руки прочь!», решили затем использовать этот антибританский угар для проталкивания программ ускоренного строительства флота и подготовки к войне с Англией.

Да и в Англии дело не ограничилось газетной войной. Правительство сообщило 8 января о создании так

называемой летучей эскадры. Английские фирмы рвали коммерческие отношения с германскими. Лондонская толпа била стекла в немецких магазинах и избивала немецких моряков. Посол Гатцфельд доносил в Берлин, что, если бы английское правительство решило начать войну, оно «имело бы за собой все общественное мнение»³. А английский журнал «Спикер» констатировал: «На сей раз уличная чернь и всякий сброд объединились с «обществом»».

Перебранка велась прежде всего между Англией и Германией, но в той или иной мере ввязались в нее и другие правительства, партии, организации. Общественное мнение почти повсюду поддерживало буров — как слабую сторону. В Трансваальском музее Претории и сейчас хранятся подарки, присланные тогда победителю Джемсона, бурскому генералу Кронье. Среди них меч, украшенный изображением бура, который побеждает коронованного льва. Это подарок из Франции. И громадная чаша, символ братства, — из России.

О роли набега Джемсона в тогдашней мировой политике написано необычайно много. В нашей стране эта тема привлекла внимание крупных историков, даже академика Тарле. Его ученик Михаил Борисович Рабинович написал диссертацию «Набег Джемсона». Привлекли те события и внимание Аркадия Самсоновича Ерусалимского, известного германиста. Были и споры. Но в целом набег Джемсона получил однозначную оценку. И в том, что он проводился с ведома и попустительства английского правительства, во всяком случае министра колоний Чемберлена. И в том, что этот набег и те международные противоречия, которые он обнажил, в сущности преопределили англо-бурскую войну 1899 года.

Все тайное становится явным

Десятки миллионов налогоплательщиков в Англии, Германии и Трансваале должны были оплачивать эту военную шумиху, новый виток в тогдашней гонке вооружений.

Кто же виновники? И главное, конечно, поскольку тут мы говорим о Родсе, — какова же была его роль? И какова была подлинная роль английского правительства?

Прошло немало лет, прежде чем историки докопались до всего этого. С каким трудом появлялся на свет

каждый новый документ! А посвященные — как неохотно давали они свои показания!

Конечно, это касается самого заговора, а не просто стремления Родса включить Трансвааль в «объединение» южноафриканских стран под британским флагом.

Такого стремления Родс никогда и не скрывал. Экономическая роль и даже само географическое положение Трансвааля были столь важными, что «объединение» было бы без него просто-напросто невозможно. До конца 1894-го Родс надеялся сделать это без вооруженной схватки, экономическим путем, закулисным давлением, тайным сговором, подкупом должностных лиц.

Но на пути устремлений Родса вставали все новые препятствия. Родс склонен был их персонифицировать, для него все замыкалось на Крюгере. Первопричину сопротивления своим планам он видел в «узколобости» Крюгера, в устарелости его взглядов, в его неумении понять выгоды, которые получит Трансвааль от включения в Британскую империю.

Семидесятилетний Крюгер действительно был человеком уходящего поколения. Его юность и зрелые годы связаны с «великим переселением» буров из Капской колонии на север и с первыми десятилетиями существования Трансвааля, задолго до золотой горячки. В Трансваале тогда почти не чувствовалось влияние европейской цивилизации. Буры жили на изолированных друг от друга фермах, многие были неграмотны, а если и читали, то лишь одну книгу — большую семейную Библию, и понимали ее содержание дословно, как их далекие предки, кальвинисты, покинувшие Европу в XVII столетии.

Но разве один Крюгер нес на себе этот груз того прошлого? Марк Твен, побывав в Южной Африке в том самом 1896 году и познакомившись с патриархальной жизнью буров, написал в присутствии ему манере: «Суммируя все добытые мною сведения о бурах, и пришел к следующим выводам:

Буры очень набожны, глубоко невежественны, туши, упрямы, нетерпимы, нечистоплотны, гостеприимны, честны во взаимоотношениях с белыми, жестоки по отношению к своим чернокожим слугам, ленивы, искусны в стрельбе и верховой езде, увлекаются охотой, не терпят политической зависимости; хорошие отцы и мужья... еще до недавнего времени здесь не было школ, детей не учили; слово «новости» оставляет

буров равнодушными — им совершенно все равно, что творится в мире...»

Марк Твен вышучивал буров и еще резче.

«Черный дикарь, которого вытеснил бур, был добродушен, общителен и бесконечно приветлив; он был весельчак и жил, не обременяя себя заботами. Он ходил голым, был грязен, жил в хлеву, был ленив, поклонялся фетишу; он был дикарем и вел себя как дикарь, но он был весел и доброжелателен.

Его место занял бур, белый дикарь. Он грязен, живет в хлеву, ленив, поклоняется фетишу; кроме того, он мрачен, неприветлив, важен и усердно готовится к вступлению в райскую обитель, — вероятно, понимая, что в ад его не пустят».

А что до дядюшки (на языке буров — оом) Крюгера, как обычно называли его сограждане, то английские газеты были полны рассказами о нем. Вот один из характерных (его перепечатавали и в России)⁴ — о том, как Крюгер во время охоты беседовал с иностранцами.

«Вечером, вокруг бивуачного костра, зашел разговор о литературе и завязался горячий спор между немцами и англичанами насчет того, кто выше: Шекспир или Гёте?»

Оом Поль не принимал никакого участия в разговоре, а сидел молча и потряхивал трубочкой.

— Ну, а вы как думаете, оом Поль? — обратился к нему один из споривших. — Кто выше: Шекспир или Гёте?

— Не читал ни того, ни другого! — последовал откровенный ответ.

— Бог мой! — воскликнул пораженный немец. — Вот человек, которого буры называют великим, а он никогда не читал Гёте!

— Никогда не читал Шекспира! — вскричал в негодовании англичанин. — Так что же вы в таком случае читаете, черт вас возьми?

— Только это, — отвечал оом Поль, вытаскивая испрепанную Библию из своего кармана. — Я читаю ее каждое утро и вечер ежедневно в течение сорока лет и все-таки не постиг всех ее красот. Когда я изучу Библию, то, пожалуй, займусь Гёте и Шекспиром».

Крюгер совсем не был выжившим из ума старцем. Как бы патриархальны ни были его взгляды, он очень неплохо ориентировался в сложных перипетиях мировой политики. Без этого ему бы не удержаться в президентах. Действовать по принципу «сила есть — ума не

надо» он не мог: его государство не было великой державой, да и нрав у сограждан весьма строптивый.

А вопросы, стоявшие перед ним, год от года усложнялись. Золотая горячка. Наплыв иностранцев. К середине девяностых их стало чуть ли не больше, чем самих буров, во всяком случае взрослого бурского населения. Дай ойтландерам право голоса на выборах, и они установят свою власть! Остается одно — находить все новые отговорки, тянуть время, маневрировать. Точно так же он маневрировал и между великими державами, Англией и Германией, стараясь все время противопоставлять одну другой. Он ничуть не скрывал этого и даже на банкете по поводу дня рождения Вильгельма II сказал: «Наша маленькая республика еще только ползает между великими державами, и мы чувствуем, что, когда одна из них хочет наступить нам на ногу, другая старается этому воспрепятствовать».

В 1894-м завершилась наконец постройка железной дороги, независимой от англичан и дающей Трансваалю самостоятельный выход к океану, через португальский Мозамбик. Это придало Крюгеру уверенность, и он стал чинить англичанам все больше препятствий — повышать пошлины на железной дороге, ведущей в английские владения, а остальные проезжие дороги закрывал вообще.

Каково было Родсу с таким умелым врагом! Родс становился все богаче и могущественнее — то же самое происходило и с противником. Росла добыча золота, богатели золотопромышленники, но правительство Крюгера обложило и их, и все доходы ойтландеров такими налогами, что Трансвааль давно уже перестал быть нищим государством, вечно стоящим на краю банкротства. За девять-десять лет с начала добычи золота доход трансваальской казны вырос в одиннадцать с лишним раз. И хотя Трансвааль был почти со всех сторон окружен английскими владениями, он стал получать из Европы, прежде всего из Германии, и самое современное оружие, и инструкторов.

Пережить Крюгера, переждать, действовать медленно, постепенно и исподтишка? Но во-первых, Родс знал, что ему самому природой отпущено не так уж много лет. Может быть, меньше, чем старику президенту. А во-вторых, идя от успеха к успеху, Родс уверовал, что удача — его вечная спутница. Он стал авторитарен, крайне самоуверен, не терпел возражений. Успех прошлых авантур толкал его на новые.

И с конца 1894-го он начал подготовку к перевороту в Трансваале. Тут, как и в каждой своей затее, он не был первопроходцем. Мысль о захвате Трансвааля приходила в голову и верховному комиссару Южной Африки Генри Лоху. В июле 1894-го, когда Лох прибыл в Йоханнесбург, ойтландеры выпрягли лошадей из кареты, в которой он ехал вместе с Крюгером, и повезли карету сами, набросив на нее, к ярости Крюгера, огромный английский флаг. Эта сцена произвела впечатление на Лоха — он уверовал в ойтландеров и стал расспрашивать Лайонела Филлипса, президента Горной палаты, сколько у них есть оружия и смогут ли они удерживать город в течение шести дней, пока не подойдут подкрепления. А вернувшись в Кейптаун, Лох разместил военный отряд на землях батсванов, у самой границы Трансвааля. Этот отряд потом и вошел в Трансвааль вместе с Джемсоном. К тому же Лох попросил у тогдашнего министра колоний лорда Рипона прислать в Капскую колонию еще пять тысяч солдат и даже прямо санкционировать вторжение в Трансвааль.

Родс хорошо знал план Лоха, но считал, что переворот должен быть осуществлен главным образом местными силами — ойтландерами и обосновавшимися в Южной Африке «пионерами» и волонтерами, а самому правительству Великобритании лучше остаться в тени.

В конце 1895-го Родс в сопровождении Джемсона приехал в Трансвааль и встретился с Крюгером. Они снова, как и прежде, не нашли общего языка, и тогда-то Родс начал с несколькими лидерами ойтландеров обсуждать возможность заговора и переворота.

Тот план, что был так неудачно проведен в декабре 1895-го, во всех основных чертах сложился у Родса годом раньше, в декабре 1894-го. Разумеется, он хранился в глубокой тайне, как и план Лоха. Но из выявившихся потом документов ясно, что еще за год до набега Джемсона Родс решил сделать центром заговора свою компанию Голд филдс оф Саут Африка. Она должна была финансировать действия тайного Комитета реформ, составленного тоже из служащих Родса и его ближайших единомышленников. А на Де Беерс, другую родсовскую компанию, возлагалась задача организовать переправу оружия из Кимберли в Йоханнесбург.

Родс выделял и деньги для платы тем, кто согла-

сился в решающий день с оружием в руках свергнуть в Йоханнесбурге власть трансваальского правительства и передать ее Комитету реформ. А Джемсон, стоя наготове у самой границы, сразу же ворвется в Трансвааль. Затем английский верховный комиссар выступит «посредником», и Трансвааль будет «присоединен», как это уже делалось в 1877 году.

Из воротил золотопромышленного мира Родс привлек к заговору только одного — Альфреда Бейта, который был компаньоном Родса по Де Беерс и по Привилегированной компании, но в золотопромышленности возглавлял собственную компанию. Почему Родс не привлек других? Причины, наверно, были разные. С кем-то у Родса были просто неприязненные личные отношения. К тому же тогда, в 1894-м и почти до конца 1895-го, в золотопромышленности наступил бум, доходы были сказочными, несмотря на высокие налоги, взимаемые властями Трансвааля. И на многих воротил золотодобычи идея путча могла нагнать страх, они испугались бы, что какой-то непредвиденный поворот событий вдруг поведет не к росту прибылей, а, наоборот, к их сокращению.

Была во всем этом и еще одна сторона. Хеммонд, главный советник Родса в горном деле, предсказал ему, что надо ориентироваться на пласты глубокого залегания, а в пластах, близких к поверхности, золото скоро иссякнет. Родсовская Голд филдс первой начала рыть глубокие шахты. Но затраты при этом резко возросли — на динамит, оборудование, рабочую силу. И то, и другое, и третье стоило дорого да к тому же облагалось высокими налогами крюгеровского правительства.

Именно глубокие пласты и стали потом основным источником добычи золота в Трансваале, но тогда, поначалу, они казались малорентабельными. Большинство золотопромышленников еще не столкнулись с этой проблемой, а Родс почувствовал ее остро. На его опыте — и Бейт.

Надо было снижать расходы на добычу. Значит, снижать налоги. А как их снизишь, не опрокинув порядки, установленные Крюгером?

Вполне реальные формы заговор принял в октябре 1895-го. Войска Привилегированной компании были переведены из Родезии в Бечуаналенд, к западной границе Трансвааля. А в своем кейптаунском дворце Родс в конце октября собрал тех людей, кого он решил сделать главарями заговора: своего брата Фрэнка, Хейса

Хеммонда, президента Горной палаты Лайонела Филлипса и президента организации ойтландеров — Национального союза Трансвааля Чарлза Леонарда.

С первыми тремя у Родса было единство, а последнего пришлось уговаривать. Собственно, большого проку от этого Национального союза Родс вряд ли ждал. Политическая активность союза ограничивалась составлением петиций, и он вряд ли мог стать реальной силой вооруженного путча. Но участие его председателя должно было создать впечатление, что заговор имеет широкую поддержку.

И наконец, Родсу нужна была мощь правительства Великобритании и представителя этого правительства на Юге Африки — верховного комиссара. В начале 1895-го Родс, приехав в Лондон, посвятил в свой план тогдашнего премьера лорда Розбери. Тот одобрил, но подчеркнул, что восстание в Йоханнесбурге обязательно должно предшествовать вторжению Джемсона.

Для осуществления плана Родсу нужен был на посту верховного комиссара не Лох — у того могли быть какие-то свои мнения, — а Робинсон, которого Родс уже давно подкупил. Родсу пошли навстречу: Лоха заменили Робинсоном.

В июне 1895-го кабинет либеральной партии сменился консервативным. Премьером снова стал Солсбери, пост же министра колоний впервые занял Джозеф Чемберлен. Но отношение к плану Родса не изменилось.

Второго октября Чемберлен послал Робинсону в Кейптаун секретный запрос — произойдут ли перемены в Трансваале и как скоро. Четвертого ноября Робинсон ответил длинным посланием, также, разумеется, секретным. Он сообщил, что уже сейчас среди взрослого мужского населения Трансвааля на каждого бура приходится четыре ойтландера. Тут было преувеличение, но главное в письме заключалось не в этом. Робинсон писал: «Капиталисты оставили все надежды на мирный исход и думают взять управление в свои руки».

А дальше — уже прямо о заговоре и даже о его возможном результате. «Как только придет весть о восстании в Йоханнесбурге и о создании там временного правительства, верховный комиссар, как представитель высшей власти на Юге Африки, должен будет выпустить обращение с требованием, чтобы обе стороны воздержались от военных действий и подчинились его

арбитражу»⁵. Иными словами, британский верховный комиссар сам рассудит спор ставленников Родса с правительством Крюгера.

Так что и Чемберлен и Робинсон не только знали о заговоре. Они даже точно определили свою роль — в какой момент и каким образом выйдет на авансцену официальная Великобритания. Шестого ноября Чемберлен, уступив требованию Родса, передал Привилегированной компании широкую полосу территории английского протектората Бечуаналенд, вдоль границы Трансвааля, под предлогом, что Родс строит там железную дорогу.

Правда, Родс претендовал на весь Бечуаналенд. Но три вождя народа батсвана приехали с протестом в Лондон, как это сделали шестью годами раньше послы идебелов. Дело приобрело нежелательную огласку, и Родс получил не все, чего добивался. Он в сердцах написал герцогу Файфу, что грешно и преступно оставлять громадный Бечуаналенд батсванам, «самым ленивым негодьям в мире».

Но все же плацдарм для нападения на Трансвааль Родс получил. К тому же Чемберлен расформировал Британскую бечуаналендскую полицию, а ее вооружение велел продать Привилегированной компании. Да и многие солдаты и офицеры этой полиции перешли на службу Привилегированной компании, пополнив силы Джемсона.

Девятнадцатого ноября Джемсон приехал в Йоханнесбург и встретился с заговорщиками. Они вместе назначили дату мятежа: 28 декабря. Чарлз Леонард написал под диктовку Джемсона ставшее печально известным «Письмо женщин и детей», которое Джемсон впоследствии зачитал перед строем, отдавая приказ о вторжении в Трансвааль. Дата на письме проставлена не была. Джемсон взял его с собой, чтобы в нужный момент извлечь, поставить дату и выдать за только что полученный из Йоханнесбурга призыв о помощи.

Но к назначенной дате уже выяснилось, что заговор подготовлен плохо. Оружия в Йоханнесбург переправили куда меньше, чем намечали. Среди ойтландеров никак не могли найти доброхотов, которые, даже и за щедрую плату, взялись бы напасть на бургские арсеналы. Утечка информации привела к тому, что подготовка заговора перестала быть секретом. О ней прого-

варивались даже в кейптаунских и лондонских газетах. А у самого Джемсона под ружьем оказалось лишь шестьсот человек вместо намеченных тысячи пятисот.

К 26 декабря заговорщики в Трансваале изменили план действий. Национальный союз Трансваала подготовил новую петицию о реформах и решил предъявить ее Крюгеру 6 января. Так что восстание, намеченное на 28 декабря, откладывалось на неопределенный срок, если не отменялось вовсе. Заговорщики сделали все, чтобы предупредить Джемсона и сообщить ему, что он не должен переходить границу. К Джемсону были посланы два офицера, а Хеммонд дал ему телеграмму.

Но Джемсон, как известно, слушался лишь одного человека — Родса. Зная это, Фрэнк Родс отправил телеграмму своему брату, а Чарлз Леонард сам приехал к нему в Кейптаун.

Больше того, Чемберлен телеграфировал Родсу 27 декабря, чтобы Джемсон не выступал, если не будет восстания в Йоханнесбурге.

Но Родс не остановил Джемсона. Почему? Вера в слепую удачу, в свою звезду, в то, что авось повезет? Слишком велик был для него соблазн. И надежда, что этих, черт бы их побрал, непрестанно колеблющихся заговорщиков появление Джемсона в Трансваале все-таки заставит поднять мятеж — терять-то им будет уже нечего!

Во всяком случае от Родса, за подписью Р. Харриса, его ближайшего помощника, ежедневно, 26, 27 и 28 декабря, Джемсон получал депеши одного и того же содержания: стойко держаться принятых решений.

И 28-го, в последний день, Джемсон телеграфировал Харрису, что он со своими солдатами выступает, если только не получит противоположного приказа немедленно. Такого приказа не поступило.

Правда, 29 декабря Родс все же послал Джемсону еще одну телеграмму. Но она была отправлена так поздно, что Джемсон уже не мог ее получить, а составлена так двусмысленно, что, даже получив ее, Джемсон вряд ли мог бы увидеть в ней приказ об отмене выступления. Эта депеша могла иметь только одну цель: в случае провала всего заговора дать хоть какое-то алиби самому Родсу. Да и то только при очень пристрастном прочтении ее текста.

Подлинное желание Родса Джемсон, конечно, понимал, и не только по телеграммам. Эти люди прекрасно знали друг друга. Но сам-то Джемсон — была ведь

у него и своя голова на плечах! Если он знал, что восстание в Йоханнесбурге отменено и что у него самого сил в три раза меньше, чем требовалось, — как же он все-таки решился?

Во-первых, должно быть, явно недооценивал противника — буров. Во-вторых, переоценивал роль внезапности своего набега и еще больше — пулеметы «максим». Он видел их действие в битвах с ндебелами, знал, что у буров этого оружия нет, и говорил:

— Вы не представляете себе пулеметов «максим». Я создам мертвую зону на милю с каждой стороны своей колонны, и ни один бур не останется там в живых.

Ну и главное, конечно, авантюризм Джемсона. Может быть, важнейшая черта его характера.

А дальше... Буры выбрали позиции, где от пулеметов было мало проку. Мятеж в Йоханнесбурге, на мгновение разгоревшись с вестью о вторжении Джемсона, сразу же погас...

Сам Родс, может быть, понял, что все кончено, буквально сразу же, как только осознал, что события начались и от него уже ничего не зависит. Что он пропустил последний шанс.

Если бы он умел больше видеть со стороны и себя и свои поступки, то, наверно, вспомнил бы слова, приписываемые Талейрану.

— Если делаешь подлость, так уж непременно постарайся, чего бы тебе ни стоило, чтобы она удалась: помни, что подлостей неудавшихся люди ни за что не простят!

Но Родс, судя по его характеру, не считал этот поступок подлостью.

Какова была реакция Родса на весть о том, что Джемсон перешел границу Трансвааля? Вот свидетельство Уильяма Шрейнера, одного из капских министров. В понедельник, 30 декабря, он пришел к Родсу с этой вестью. «Я увидел совершенно иного человека, совсем не такого, каким я его знал раньше. Он выглядел необычайно подавленным. Прежде чем я начал говорить, он сказал:

— Да, да, это правда. Старина Джемсон опрокинул мою тележку с яблоками».

Должно быть, он понимал или, скорее, чувствовал, что его политическая карьера надломлена, если не рух-

нула вообще. А всего лишь несколько часов назад все еще зависело от него...

По впечатлению Шрейнера, «мистер Родс был совершенно подавлен. Он был просто раздавлен... Его дух был сломлен...» А ведь у него под ударом оказалась только политическая карьера. Не было угрозы даже его миллионам, не говоря уже о жизни. Куда хуже обернулось для тех, кого он втянул во все это. И не только для тех, кого буры убили в бою.

А незадачливые йоханнесбургские мятежники? Особенно после того, как в сумке на седле у беспечного Джемсона буры нашли письмо, то самое, с воплем о спасении женщин и детей. Лучшей улики и не придумаешь — сами расписались в преднамеренной попытке с оружием в руках свергнуть правительство. По закону — смертная казнь.

Все они и оказались в тюрьме в ожидании этого приговора, кроме Чарлза Леонарда (он бежал в Кейптаун, переодевшись в женское платье). Над несколькими десятками заговорщиков состоялся суд, и главных из них, тех, кто подписал призыв к Джемсону, действительно приговорили к виселице.

В конечном счете казнь заменили штрафами — по 25 тысяч фунтов. Историки обычно пишут, что этого и следовало ожидать — не осмелился бы Крюгер казнить граждан Великобритании и Соединенных Штатов. По трезвом размышлении к такому выводу прийти весьма естественно, тем более историку, думающему обо всем этом в своем спокойном кабинете, в другом месте и в другие времена.

Но находясь на судебной скамье и слушая, что тебя приговорили к повешению, трезво рассуждать несколько труднее. И страху они, конечно, натерпелись. Один даже покончил с собой.

Да и сам Джемсон. В конечном-то счете обошлось все и для него. Правительство Великобритании пообещало Крюгеру, что оно само накажет Джемсона, его офицеров и солдат как своих подданных. А когда их привезли в Англию, солдат освободили от ответственности — они ведь просто выполняли приказ. На скамье подсудимых остались только Джемсон и пять офицеров. Офицерам дали по пять — семь месяцев тюремного заключения, Джемсону — пятнадцать. А потом и его выпустили задолго до срока под предлогом плохого здоровья.

Но и ему пришлось все-таки глянуть в глаза смерти.

В бою, да и затем, попав в руки разгневанных буров, он вполне мог ждать самого худшего.

Родсу нападение на Трансвааль стоило дорого. Денег при его состоянии не так уж и много: четыреста тысяч фунтов. Это вместе с оплатой штрафов, наложенных судом на мятежников. Но 5 января ему пришлось подать в отставку с поста премьер-министра Капской колонии. Это и был главный удар.

В начале февраля Родс уже был в Англии. Сперва шел с Чемберленом переговоры через посредников, а 6 февраля они встретились и беседовали два часа. Надо было скоординировать линии поведения, особенно в связи с тем, что английский парламент созвал особую комиссию для расследования набега Джемсона, в протесторечии — «родсовскую комиссию».

Каждый из них, как Родс, так и Чемберлен, хотел прежде всего выгородить себя. Не обошлось без взаимного шантажа. Необходимо выгородить английское правительство — это козырь Чемберлена, который сам был министром. Выгораживая правительство, он тем самым спасал и себя.

Ну а Родс, понимая, что целиком уйти от ответственности он никак уже не сумеет, хотел, чтобы из него все же не делали козла отпущения и дали возможность взвалить основной груз вины на Джемсона. И чтобы правительство не пошло на поводу у критиков Привилегированной компании — их число после набега Джемсона сильно возросло — и не ограничило прерогатив этого главного родсовского детища.

Выработать единую линию было, конечно, нелегко. Для этого обоим участникам пришлось прилагать немало усилий и в дальнейшем. Но все же, очевидно, именно тогда, в первые же недели после набега, они в основном договорились, определили, как путем умолчания и прямой лжи создать тот запутанный клубок, который историкам пришлось разматывать так долго.

РОДЕЗИЯ ПРОТИВ РОДСА

Первые два с половиной месяца после злощастного набега из Трансвааль Родс почти целиком провел в пути. Десятого января он отправился из Кейптауна в Кимберли, может быть, чтобы ощутить поддержку своих самых верных вассалов. Ему действительно устроили восторженный прием. Затем он сразу же вернулся в Кейптаун и, опять же сразу, 15 января, отплыл в Англию. Но и там пробыл всего четыре дня. Утром 10 февраля уехал из Лондона и через Средиземное море отправился в Мозамбик, чтобы оттуда добраться в Родезию.

Путь он выбрал не кратчайший. Ему, отставному премьеру, не хотелось, должно быть, отвечать на бесконечные расспросы, принимать соблазнения и подозревать за ними открытое злорадетво. Не хотелось все время быть под обстрелом репортеров. В Лондоне и Кейптауне это оказалось бы неизбежным. Долгое плавание имело тут большие преимущества.

А в Родезии — у себя — можно тоже сохранить это положение изоляции. Пускать не всех и не всегда. Остаться наедине с самим собой там, в стране, которую у него уже не отнять. Переждать весь этот шум.

Но обернулось по-другому.

Двадцатого марта, в тот самый день, когда Родс в Мозамбике ступил на африканский берег, в Булавайо произошла схватка отряда полиции с группой ндебелов. Сообщение об этом могло еще и не особенно насторожить администрацию Привилегированной компании. Она расхлебывала последствия набега Джемсона, заметала те следы, которые еще можно было скрыть. Но 23 марта было убито несколько европейцев, и среди них один из «комиссаров по делам туземцев». Сделали это те ндебелы, которых компания завербовала в состав своей полиции. Их поддерживали жители нескольких селений во главе с одним из братьев Лобенгулы.

В последующие два дня поднялось население нескольких округов, а к концу марта — вся страна. Евро-

*Министр колоний Джозеф Чемберлен спрашивает
Сесилия Родса и Джона Буля, кто из них оплатит
расходы по подавлению восстания идебелов.
Джон Буль — рядовой англичанин — возмущен.
С него довольно и того, что приходится
сражаться за Родса.*

*Карикатура из английской газеты
«Лейбор лидер», 11 апреля 1896 года*

пейцы отовсюду бежали к Булавайо и еще двум укрепленным пунктам. К середине апреля вся страна идебелов, кроме этих трех пунктов, оказалась в руках повстанцев.

Так 1896 год нанес новый удар Сесилию Родсу, не знавшему прежде поражений.

После того как восстание началось, его неизбежность стала очевидной многим. Ведь с конца 1895-го в Родезии не было ни ее главного администратора, Джемсона, ни большей части его полицейских частей — они вместе с ним ушли в Трансвааль. Вооруженные силы компании уходили на глазах идебелов. Да и от-

сутствие столь знакомого им доктора Джима они тоже прекрасно видели. И решили не упускать сравнительно благоприятного момента.

Чешский натуралист Эмиль Голуб в своей лекции еще в январе 1896-го предсказал, что после провала джемсоновского набега «может произойти восстание матебелов». А в письме, которое получил от Голуба корреспондент «Таймса» в Вене 30 марта 1896-го¹, говорилось: «Уже девять лет, как я уехал из Южной Африки, но полная уверенность в восстании матебелов у меня возникла в тот самый момент, как я впервые услышал о деянии д-ра Джемсона». Каждый стратег обязан был учесть возможные последствия провала набега на Трансвааль, но сомнительно, чтобы Джемсон предусмотрел восстание матебелов. Констатируя это, Голуб видел причину в самоуверенности Джемсона, самоуверенность же была порождена, по его мнению, тем всеобщим восторгом и преклонением в Лондоне, которые вскружили Джемсону голову.

Так или иначе, но Родс и Джемсон действительно не были подготовлены к восстанию матебелов. Их внимание приковала сперва организация набега, а потом — его провал.

Но конечно, восстание могло произойти и без ухода его солдат. Пожалуй, оно было неизбежно. Очень уж много недовольства накопилось в Южной Родезии, стране, которая теперь была центральной областью его империи — между алмазно-золотым царством к югу и другими Родезиями — к северу.

Жизнь в центре его империи

Родс стремился очень быстро сломить традиционную жизнь в междуречье Замбези — Лимпопо и организовать все по-новому, в соответствии, как сказали бы теперь, со своей моделью. Он ведь хотел не просто захватить новые земли, а колонизовать их, то есть создать большую и крепкую белую общину.

Ему чудилось, что он соберет здесь такую британскую молодежь, о которой писал в своих завещаниях, — людей, беззаветно преданных идее величия своей нации и своей империи. Таких, кто хочет добиваться и умеет добиваться, — старателей, фермеров, коммерсантов, инженеров. Деятельных, энергичных. Инициативных и вместе с тем слепо послушных ему, Родсу, — он хотел тут совместить несовместимое, как,

впрочем, столь многие правители до и после него.

И вторя ему, английская печать убеждала своих соотечественников, что колонизовать Родезию — дело британской национальной чести. «Пионеры» Родса воспевались как образец для подражания. Не жалел красок даже «Таймс»: «Энергичные, решительные, загорелые, с пронизательным взглядом, эти пионеры — самая отборная часть англосаксонской расы»².

Родс надеялся, что поселенцы создадут такие фермерские хозяйства, города, горное дело, торговлю, которые сделают страну, носящую его имя, важной частью Британской империи, а может быть, и всего мира. И что Родезия станет трамплином для дальнейшего расширения британского владычества в Африке, для воплощения плана Кейптаун — Каир — и телеграфа, и железной дороги, а в конечном счете и непрерывной, широкой и прочной полосы английских владений. И он со своей обычной напористостью стал осуществлять эти планы.

К изумлению идебелов и шонов, с юга ехало все больше белых людей. В повозках и на лошадях. Самые бедные нередко проходили часть пути пешком, погибая от болезней и лишений.

Европейское население страны в 1895 году составило уже 3600 человек. Быстро воздвигалось новое Булавайо на пять километров южнее разрушенной идебельской столицы. Улицы прокладывались очень широкими — так, чтобы упряжки, в которых бывало по 12, а то и по 24 пары волов, могли разъехаться без особого труда. Делались посадки быстрорастущих деревьев. Родс призывал строить как можно больше и быстрее: «Домá, домá, домá!» И город быстро застраивался.

На месте времянок из рифленых листов железа возводились кирпичные дома. Была оборудована типография, начала выходить газета «Мателеленд таймс» и другие издания. Появились площадки для игры в крикет и даже скаковой круг, не говоря уже о барах и лавках. В марте 1895-го — прошло немногим больше года после войны с Лобенгулой — в Булавайо жило больше полутора тысяч европейцев, в Солсбери — больше семисот.

Человеку, давшему стране свое имя, хотелось всячески развивать предпринимательство, насаждать «дух Сесила Родса». Он всемерно поощрял в «пионерах» надежды, что Булавайо и другие города Родезии станут новым Йоханнесбургом и Кимберли. Он даже отобрал

Джозеф Чемберлен сияет как солнце, глядя на расправу Родса с народом ндебеле.

Карикатура из газеты «Лейбор лидер» за 23 мая 1896 года.

Газета иронизирует по поводу слов Чемберлена: «Именно таким людям, как Сесиль Родс, Англия обязана величием своей империи»

в Кимберли тридцать молодых людей, наиболее близких его образу колониста, и отправил их в Родезию.

Но жизнь там была трудной. Стоило Родсу появиться в Родезии, как поселенцы принимались жаловаться на тяготы и лишения, просили денег. Из тридцати отобранных Родсом кимберлийских молодых людей к 1896-му году в Родезии остались только двое. Остальные, по признанию секретаря Сесилия Родса,

умерли или уехали из страны, сильно подорвав здоровье³.

Главное же, окончательно рушились надежды на золото, а оно-то ведь и было главной притягательной силой для колонистов. В начале девяностых стало ясно, что золота очень мало в стране шонов, теперь — что не лучше положение и на землях ндебелов. В 1894-м по поручению Родса страну объездил Джон Хеммонд. Он пользовался тогда славой чуть ли не лучшего в мире специалиста по золоту — и по технике добычи, и по обнаружению месторождений. Если у Родса и оставались еще какие-то иллюзии, то Хеммонд развеял их. Золота было мало.

Так что приходилось еще больше делать упор на развитие фермерского хозяйства, а значит, и на тем большее ограбление африканцев.

Развитие страны в понимании Родса было тесно связано с ограблением африканцев. Родсу, как и многим европейцам того времени, это казалось так естественно! Земельные угодья Родезии Привилегированная компания считала своей собственностью. Отчуждение земли шло так стремительно, что, когда ндебелы, отступавшие на север в конце войны 1893 года, стали возвращаться, многие их земли были уже отданы европейцам.

Родс решил согнать большинство африканцев в резерваты. Для этого была создана Земельная комиссия. В своем докладе⁴ она предложила выделить для ндебелов и «их бывших рабов» (то есть шонов, живших в области расселения ндебелов) два резервата общей площадью десять с половиной тысяч квадратных километров. Африканцам оставляли мало земель, к тому же худших. Комиссия работала в такой спешке, что один из резерватов даже не осмотрела.

Для шонов же вообще не выделялось никаких территорий с фиксированными границами. Привилегированная компания считала себя вправе продать колонистам любой участок в любом районе. Поселения шонов могли оставаться на проданных землях только с согласия новых хозяев, а те соглашались лишь при условии, что вожди и старейшины выделяют им рабочую силу.

А какой пагубной для африканцев была массовая реквизиция скота! Привилегированная компания считала его своим трофеем. В начале 1896 года у ндебелов осталось лишь сорок тысяч голов скота, в шесть раз меньше, чем до войны 1893-го.

Вскоре после окончания военных действий, в начале 1894-го, Джемсон, как главный администратор, собрал индун и объявил, что их соплеменникам придется работать на рудниках и фермах.

Как заставить работать? Способов было несколько. Во-первых, вводился налог. Налог с хижины. С точки зрения европейцев, он был невелик. Но где африканцу взять деньги? Надо идти работать к белым. Правда, введение налога оказалось делом сложным — надо было провести перепись населения. К началу восстания это еще не было завершено.

Во-вторых, создание резерватов неизбежно приводило к появлению наемной рабочей силы. В резерватах земли меньше, сама она хуже, прокормиться труднее. Значит — идти на заработки. Но и тут необходимо было время, чтобы весь этот механизм полностью пришел в действие.

Третий путь был естественнее и не требовал особых административных мер. Африканцы видели товары европейской выделки — топоры, ножи, мотыги. Оценивали их преимущества и хотели их получить. Для этого нужны деньги, а значит, работа на белых. Но и этот путь был не быстрым.

И компания хваталась за самое простое и, казалось бы, эффективное — прямое принуждение. Комиссары по делам туземцев приказывали вождям, индунам и старейшинам посылать молодежь в рудники и на другие тяжелые работы на два-три месяца в году. А поскольку эти приказы выполнялись крайне неохотно и вождями, и рядовыми общинниками, для набора рабочих отправлялись полицейские отряды.

Не пренебрегла администрация Родса и телесными наказаниями. Один из очевидцев, англичанин Томсон, писал об африканцах: «Достаточно было любому из этих парней сказать по-английски «двадцать пять», чтобы вызвать на его лице грустную усмешку, — они прекрасно понимают, что это означает». Дело в том, что именно 25 ударов плетью считались обычным наказанием.

Британское правительство отнюдь не противилось этим порядкам. Чемберлен, выступая в палате общин⁵, совершенно недвусмысленно оправдал их и одобрил:

— Когда, обращаясь к дикому народу, который прежде находил себе главное занятие в войне, приходится говорить: «Воевать вы больше не будете, война между племенами запрещена», то надо сразу рекомендовать

ему, как же теперь добывать средства к существованию. И тогда приходится указать ему на обычный способ заработка: работу «в поте лица своего». Я сомневаюсь, однако, чтобы с подобным племенем вам удалось добиться чего-нибудь одними проповедями. Думаю, что тут не обойтись без дополнительного воздействия — или принудительного стимула, или даже некоторого насилия — ведь речь идет о том, чтобы обеспечить успех дела, полезного для всего человечества, для цивилизации.

В «Таймсе» можно было прочитать: «Туземцы совершенно довольны новым режимом и полны желания работать для поселенцев».

А сами ндебелы говорили:

— У нас отобрали нашу родину, у нас отобрали наш скот, наш народ скитается, нам не для чего жить... мы стали рабами белого человека, мы — ничто, у нас нет никаких прав и никаких законов⁶.

«Вся страна восстала»

Когда-нибудь, после тщательного сбора и сопоставления народных преданий, историк сможет увидеть африканские восстания изнутри, глазами африканцев. Сейчас еще о многих, если не о большинстве этих восстаний так судить трудно. Приходится основываться больше на свидетельствах европейцев — тех, кто находились или по другую сторону баррикад, или где-нибудь сбоку и, конечно, видели далеко-далеко не все, а понимали и того меньше.

Но все же можно с уверенностью сказать, что восстание ндебелов готовилось тщательно. Не в каких-то отдельных местностях, а повсюду или почти повсюду. Всем народом. Организацией занимались многие из самых уважаемых людей: индуны, родственники Лобенгулы. Важную роль играли служители культа высоко почитавшегося духа Млимо. Он играл у ндебелов ту же роль, что дельфийский оракул у древних греков.

Уже потом, в разгар восстания, охотник Силус вспоминал, что к нему приходил Умлугулу, родственник Лобенгулы, и старался исподволь выспросить, какова численность войск Привилегированной компании и сколько ушло с Джемсоном. А инженер Хеммонд припомнил, что городская стража задержала женщину, которая в связке хвороста проносила ассеган для своих соплеменников, живших в Булавайо.

Среди самих идебелов еще в феврале поползла молва, что Млимо решил покончить с господством пришельцев. Предзнаменованием считали происшедшее тогда полное затмение Луны. Поговаривали еще, что Лобенгула не умер, а далеко на севере собирает войско для похода против англичан.

Время года не благоприятствовало восстанию. Дожди кончались. Начинался сухой сезон, когда дороги просыхали и вся страна становилась проходимой для английских войск. К тому же в мае начинался сбор урожая. Упускать уборку было нельзя — летом мог начаться голод.

Все же перевесили соображения, связанные с уходом Джемсона и части его войск. Дополнительную и важную роль сыграл массовый падеж скота в результате эпизоотии, которую называют чумой скота. Власти Привилегированной компании стали проводить сплошной убой скота, чтобы прекратить распространение заразы. Это доводило людей до отчаяния. Вот они и решили действовать быстро и выгнать англичан еще до уборочной страды.

Весьма правдоподобно рассказал потом о плане повстанцев Р. Баден-Пауэлл. Впоследствии он стал генералом, а приобрел известность тем, что основал бойскаутское движение. Тогда же, в 1896-м, он приехал помогать Родсу покончить с восстанием. По его сведениям, восстание намечено было поднять в новолуние, 30 — 31 марта. Идебелы должны были двинуться к Булавайо, окружить его с трех сторон, выгнать пришельцев, а затем, разбившись на более мелкие отряды, полностью освободить страну.

Правда, первая схватка произошла на полторы недели раньше, спонтанно, как это часто бывает, когда напряжение достигло предела. Но дальнейшие события пошли в общем по этому плану.

В первые же дни жрец Млимо провел индабу — собрание индун. Там план действий и был принят окончательно. Повстанческим центром были горы Матопо, наименее доступный для английских войск район страны.

Отряды воинов организованно двинулись к Булавайо, вплотную подошли к городу и заняли позиции с трех сторон, кроме юго-западной. По подсчетам англичан, возможно преувеличенным — у страха глаза велики, — к началу двадцатых чисел апреля силы повстанцев насчитывали четырнадцать — пятнадцать ты-

еич воинов и находились в четырех с половиной километрах от Булавайо.

Так что деяния Сеснля Родса и тут оказались под угрозой краха. Дело было не в том, падет Булавайо или нет, — повстанцам, сколько бы их ни было, вряд ли удалось бы преодолеть огонь пушек и пулеметов. Но после всей шумихи о новом Эльдорадо, о стране, где ожидается бурное процветание, — какой афронт! Скандал и срам на весь мир. Да еще после набега Джемсона...

Взять Булавайо повстанцы не пытались. Окружив город с трех сторон и заняв все пути сообщения, они оставили свободной главную дорогу — на юго-запад, к английским владениям. Как бы приглашали англичан уйти по-хорошему. На этой дороге за все время восстания не задержали ни одного экипажа, не убили ни одного европейца, хотя близ дороги находились крупные силы повстанцев.

Должно быть, вожди ндебелов не хотели большого кровопролития и наивно думали, что европейцы, увидев такое единодушие всего народа, испугаются и уйдут сами. К тому же среди вождей восстания не было единства. Они никак не могли договориться, кого избрать преемником Лобенгулы.

И даже когда выяснилось, что белые люди не хотят уходить из Булавайо по оставленной им дороге, а, наоборот, укрепляют город, — и тут возникли разногласия. Одни предлагали штурмовать город, а другие считали, что надежды на успех нет.

Англичане же тем временем оправились от первого шока. Пока вырабатывался план практических действий, началась подготовка общественного мнения. В первых же корреспонденциях англичане читали о дикой резне, бесчисленных изуродованных трупах своих соотечественников, о зверски убитой белой девушке. В Булавайо взывают о спасении шесть с половиной тысяч женщин и детей, которым грозит такая же участь, говорилось в «Таймсе»⁷. На самом же деле в Булавайо находилось тогда только 1547 человек, из которых 915 были мужчинами призывного возраста, к тому же отлично вооруженными⁸. Во всей области, охваченной восстанием, европейцев вообще было в два раза меньше, чем приведенная в «Таймсе» численность женщин и детей.

Число убитых европейцев было невелико. Да и вообще как странно читать эти обвинения в недостаточной гуманности! Словно сами «пионеры» вели себя как ангелы во плоти.

Но пропаганда делала свое дело — помогала Родсу дать африканцам «урок на веки веков». С первых же недель восстания стало ясным, как это собираются делать. Борьба против тысяч воинов люди Родса еще не могли, но расправа началась с теми африканцами, кто работал в качестве прислуги и не сумел покинуть Булавайо. Их обвиняли в шпионаже и вешали за городскими укреплениями на виду у повстанцев.

А тем временем формировались воинские части, подбирались офицеры. Английские власти сразу же выделили десять пулеметов «максим» последнего образца. Золотопромышленники заявили, что они на собственные средства создадут отряд волонтеров. В Южную Родезию отправились отпрыски семей лорда Грея, лорда Гиффорда, других самых высокопоставленных аристократических родов Англии. Лондонское правительство даже не скрывало, что английскому солдату придется проливать кровь за Привилегированную компанию. Когда Чемберлена спросили в парламенте, кто же будет оплачивать расходы по подавлению восстания — компания Родса или казна, он ответил, что находится «в сомнении».

Оставленную идебелами дорогу англичане использовали не для того, чтобы уйти, а, наоборот, чтобы получать подкрепления. В Булавайо приехал сам лорд Грей, он сменил Джемсона на посту администратора Южной Родезии. Он устроил 3 мая парад войск и заявил:

— Булавайо теперь в такой же безопасности, как Лондон.

В начале июня все основные британские подкрепления уже подтянулись, и английских солдат, полицейских Привилегированной компании и волонтеров насчитывалось в Южной Родезии уже три тысячи человек. Начались широкие операции к северу от Булавайо.

Англичане жгли селения, угоняли оставшийся еще у африканцев скот, уничтожали посевы и продовольственные запасы. Создавались даже отряды, специализировавшиеся на уничтожении зерна. А «укрепления» — пещеры, где скрывалось население, — взрывали динамитом.

Отголоски этих расправ доходили до Англии, и пра-

нительству приходилось отвечать на вопросы в палате общин. Но в ответах звучала лишь непреклонность. На вопрос, отвечает ли правилам ведения войны уничтожение жилищ огнем и динамитом, Чемберлен отвечал⁹:

— Обычаем южноафриканской войны сжигание селений туземного врага соответствует.

На вопрос об уничтожении продовольствия:

— Я полагаю, что зерно уничтожается нашими силами тогда, когда невозможно увезти его с собой для снабжения наших людей.

А о возникшем у ндебелов голоде:

— Я полностью доверяю своим должностным лицам на местах и не собираюсь вторгаться в их компетенцию.

Все это Чемберлен говорил под аплодисменты немалой части палаты общин.

В июне и первой половине июля англичане разорили страну к северу от Булавайо. Но главный оплот восстания находился к югу, в горах Матопо. Туда отступили повстанческие отряды, окружавшие Булавайо. Туда направились и главные английские силы.

Вскоре оказалось, что тут, в Матопо, англичанам нечего рассчитывать на скорую победу. Конечно, голод был мощным союзником. Но во-первых, сколько-то продовольствия в горах было припасено, хотя и немного. Главное же, скалы давали ндебелам возможность обороняться долго.

А воевали ндебелы, как говорилось в английских сводках, «с величайшим неистовством». Теперь, доведенные до отчаяния уничтожением своих селений, истреблением своих семей, они стали нападать сами. В ночь на 20 июля они напали на отряд в четыреста семьдесят человек. Бой длился шесть часов. Англичане потеряли тринадцать человек убитыми и тяжелоранеными. Для колониальной войны и для одной только схватки цифра необычно большая.

На следующий день англичане попытались напасть на полк Бабияна. Этот индуна, когда-то ездивший в Англию к королеве Виктории, а теперь глубокий старик, был одним из вождей восстания. Его воины умело использовали естественные укрепления горного кряжа, и англичанам пришлось удовольствоваться тем, что они взорвали динамитом несколько пещер с мирными жителями. В официальной телеграмме в Лондон говори-

лось: «Результаты неудовлетворительны. Потери врага очень малы, очевидно — 50 человек. Моральный эффект сражения сомнителен».

Не припомню, чтобы Киплинг, столь часто цитированный на страницах этой книги, писал прямо о ноинах-ндебелах. Но к ним вполне справедливо отнести его слова о суданцах, в те же годы сражавшихся с англичанами на другом участке полосы Кейптаун — Каир.

Мы пьем за вас, Фуззи-Вуззи, за миссис и за мальшней!
Нам дали задачу — разбить вас, и, конечно, мы справились с ней.
Мы били по вас из Мартини, жуля в честной игре,
Но в ответ на все это, Фуззи, вы нам прорвали каре!

Мы пьем за вас, Фуззи-Вуззи, за Судан, где родной ваш дом!
Вы были темным язычником, но первоклассным бойцом,
Оттого, что вы, Фуззи-Вуззи, с головою, как стог на дворе,
Черномазый бродяга, прорвали британское каре.

О схватках с ндебелами Родс знал теперь не как в 1893-м, не по донесениям. Сейчас он сам стоял во главе отряда в двести пятьдесят человек. Его не считали человеком храбрым, и ему, наверно, дорого стоил даже не такой уж большой риск быть убитым в случайной схватке.

Еще в мае, за час до того, как его отряд выходил в путь к Булавайо, он отправил письмо сэру Харкурту, главному судье на процессе по набегу Джемсона. Письмо очень сентиментальное и, пожалуй, странное для 43-летнего мужчины, тем более такого жестокого, как Родс. Он просил Харкурта понять: «Я пытался объединить Южную Африку, и у меня не было никаких эгоистических мотивов». Родс просил сжечь это письмо, если он останется жив. Ну а если нет, то чтобы Харкурт, сидя в гостинной и покуривая, вспоминал последние слова его, Родса.

Что же, на самом деле Родс жил в ожидании смерти? Или это была игра, и он хотел тронуть сердце старого судьи? И вообще, почему он написал именно Харкурту? Может быть, потому, что от Харкурта в небольшой степени зависел если не приговор, то во всяком случае моральная оценка действий Родса. И была опасность, что Харкурт не будет выгораживать Родса в той мере, в какой ему, Родсу, хотелось бы. Назвал же его Харкурт «способным, но нечестным»!

Еще в начале мая Чемберлен просил Родса и Бейта выйти из совета директоров Привилегированной компании. Родс ответил телеграммой: «Отставка может подождать — завтра у нас бой с матебелами».

Свое письмо Харкурту Родс писал два дня, 13 и 14 мая. Может быть, оно слишком долго шло к Харкурту, а может быть, недостаточно тронуло сердце старого судьи, слышавшего и не такие признания. Во всяком случае 21 июня 1896-го Харкурт написал Чемберлену: «Пока Родс остается директором-управляющим, в Южной Африке не будет мира».

Двадцать шестого июня Родса вывели из состава директоров Привилегированной компании. А ведь это было главное детище всей его жизни! Любимое.

...В те же дни, в двадцатых числах июня, началось восстание племен шона в восточных округах Южной Родезии. «Вся страна вокруг Солсбери восстала», — сообщалось в донесении из Солсбери от 23 июня.

Еще одна опора уходила из-под ног Сесила Родса. Весь мир знал с его слов, что завоеванием Родезии, свержением «кровавой тирании» Лобенгулы он спас «миролюбивых» шонов от «кровожадных» ндебелов. А теперь шоны вслед за ндебелами поднялись против своего благодетеля!

И если восстание ндебелов и шонов затянется, акции Привилегированной компании совсем упадут, весь этот громадный биржевой мыльный пузырь лопнет! Родсу припомнят и его собственные заявления, что не генерал, присланный из Англии, и не офицеры королевской армии руководили операциями по подавлению, а он, Родс. Если сам руководил, то и свалить не на кого!

В Кейптауне его ждет комитет по расследованию побега Джемсона, а в Лондоне — парламентское расследование. Суд!

И даже сюда, в его Родезию, прибыл заместитель британского верховного комиссара Южной Африки, чтобы расследовать положение дел.

Но может быть, самое главное, чего он боялся, — что память о нем, слово «Родезия», только-только успеет появиться на картах мира, так и не сумеет удержаться... Его имя! Он нервозно говорил:

— Ведь нельзя же изменить этого! Невозможно переменить название. Слыхали вы когда-нибудь, чтобы название страны меняли?

Да, Родс тогда понял всю справедливость поговорки, что беда не приходит одна. Да еще от проклятой малярии никак не избавиться. Трясет... Сердце все время напоминает о себе. И почти никого из близких людей нет рядом. После злосчастного побега почти все они в тюрьме, под следствием... По словам одного из

его биографов, он даже думал о самоубийстве¹⁰. Вероятно, это преувеличение. У него оставались еще и покровители, и последователи, и, главное, деньги.

Но все же для спасения всего, что он считал делом своей жизни, нужны были чрезвычайные действия. Какие... какие?

Ради таких мгновений стоит жить?

Завязать переговоры с ндебелами? Ой как трудно! Они хорошо помнили войну 1893-го, когда одно посольство Лобенгулы за другим бесследно исчезало, «по ошибке» расстрелянные родсовскими «пионерами».

Начались попытки установить хоть какой-то контакт. Наконец посланцам Родса удалось встретиться с несколькими индунами. На предложение прекратить сопротивление индуну ответили:

— Почему мы должны сдаваться? Мы держимся крепко и отбрасываем белых каждый раз, когда они нас атакуют... Если белые устали от борьбы, они могут прийти и сдаться.

Посланцы Родса взяли неверный тон. Все надо было начинать сначала.

Наконец в горах наткнулись на древнюю старуху. Она была одной из жен Мзиликази, отца Лобенгулы. Через нее и установили первые контакты с вождями повстанцев. После долгих переговоров они объявили, что согласны встретиться с Родсом, если он придет к ним в сопровождении не более трех человек. Конечно, после всего, что творили с ндебелами Родс и его люди, такое требование было оправдано.

Встреча и переговоры, или на языке ндебелов — индаба, состоялись 21 августа. В качестве переводчика Родс взял с собой Коленбрэндера — он выступал в этой роли еще при посольстве Лобенгулы в Англию. Остальными двумя были один из старых приятелей Родса и корреспондент «Таймса». Корреспондент должен был запечатлеть величие момента. Родс всячески подчеркивал эту торжественность. Подъезжая к месту встречи, он произнес:

— Вот ради таких мгновений и стоит жить!

Вокруг пяти-шести виднейших индун расположилось множество других повстанцев. Никто из них жизни Родса не угрожал, но на него обрушился шквал обвинений. Ему пришлось выслушать, какие бесчинства творили его комиссары по делам туземцев, его «пио-

Так в английских учебниках для Родезии изображались переговоры Родса с повстанцами

неры» и его полиция. Как убивали женщин и даже детей. Как с самыми уважаемыми людьми обращались «как с собаками». Как отнимали землю и скот.

Это были обвинения самому Родсу: ведь он сам устанавливал порядки. В отношении поселенцев к африканцам отражались и его взгляды, и его девиз, что ему важна земля, а не туземцы. Но тут, на переговорах, он, конечно, говорил о том, что все это лишь злоупотребления и что совершались они вопреки его воле.

В какой-то момент Родс отошел от своих спутников и сел среди ндебелов, стараясь подчеркнуть, что он целиком с ними. И стал говорить об уступках. Что он, Родс, на стороне африканцев. Что он сам, лично, займется реорганизацией управления страны. Все злоупотребления, сказал он, «в прошлом — с ними покончено. Они не повторятся». Индуны не понесут кары за восстание, и им будет передана вся та полнота власти, что была у них при Лобенгуле.

Встреча продолжалась четыре часа, и Родс добился своего: было решено продолжить переговоры.

Миру стала сразу же — и в каких красочных подробностях — известна легенда о подвиге Родса в скалах

Матопо, о том, как он пришел в логово своих врагов и, ежеминутно рискуя жизнью, добился прекращения кровавой войны. Великий строитель империи приходит безоружным в стан дикарей, чьи руки обгажены кровью белых женщин и детей, — такая сцена еще много десятилетий приятно щекотала нервы британского обывателя.

А сам Родс, наверно, казался себе Наполеоном на Аркольском мосту, когда тот, ровно столетием раньше, в 1796-м, бросился вперед со знаменем в руках. Судя по всему, Родс сильно преувеличивал угрозу своей жизни. В его сознании вполне мог стоять образ черных дикарей, исходящих в своих поступках из стимулов, непонятных белому человеку. Это был привычный в Европе стереотип. И именно он в ту минуту должен был внушать Родсу особый страх. Как многие политики, он был рабом стереотипов, созданных его же собственными стараниями.

В действительности идебелы такими дикарями не были. Об этом уже много говорилось выше. Их восстание было весьма продуманным. Каждый из воинов знал свои обязанности и права, знал, что можно и чего нельзя. Каким бы ненавистным ни был для них Родс, они понимали, что за его спиной — целая армия. Понимали, что мирные переговоры нужны им самим, идебелам. И видели, что у англичан есть такой надежный союзник, как голод.

Надо ли удивляться, что Родса не убили? Нет, конечно. Никто ведь даже не покусился на его жизнь, хотя возле индун стояли молодые воины, такие, казалось бы, «горячие головы».

Родс, вероятно, был вполне искренним, когда сказал: «Вот ради таких мгновений и стоит жить!»

Но в этих мгновениях не было той опасности, того риска, как он думал.

В чем же тогда величие этих мгновений? В торге с людьми, которым ты сдавил горло петлей голода? И на которых навел жерла своих пушек? Родсу все это, конечно, виделось иначе. Скалы Матопо стали казаться ему полем его славы.

Древняя старуха, вдова Мзиликази, которая помогла Родсу устроить первую встречу с индунами, — ее портрет Родс повесил у себя в спальне. Это был единственный женский портрет, когда-либо украшавший жилище Родса, кроме разве что картин Рейнолдса, английского художника, которого он любил с юности.

И на еще одну мысль навело его захоронение Мзиликази, отца Лобенгулы. Во время переговоров несколько волонтеров обнаружили в одной из пещер скелет. Окружавшие его предметы явно указывали, что это — священное место. Бесшабашные «пионеры» обокрали и изгадили захоронение, опрокинули скелет. Индуны пожаловались Родсу. Он приказал помочь привести захоронение по возможности в прежний вид. А впоследствии завещал похоронить себя там же, неподалеку от Мзиликази, на месте своих переговоров с индунами.

Через неделю, 28 августа, состоялась вторая встреча. Она оказалась более бурной, чем первая. Индуны Длизо и Бабьян перечисляли все новые и новые несправедливости. Обстановку особенно накалили выкрики и краткие выступления молодежи.

Один из молодых воинов спросил Родса:

— Где же мы будем жить, когда все это кончится? Ведь белые люди считают себя хозяевами всей земли.

Родс ответил:

— Мы выделим вам районы поселения. У вас будут отдельные зоны, мы дадим вам землю.

Воин закричал в лицо Родсу:

— Вы дадите нам землю в нашей собственной стране! Какой же вы добрый!

Увидев в руках этого воина ружье, Родс запротестовал. В ответ получил:

— Вы потому только и разговариваете со мной, что у меня в руках ружье. Я понял, что белые люди обращают на мои слова куда больше внимания, когда видят у меня ружье. Как только я положу ружье, я — никто. Тогда я — только пес, которого можно пинать ногами.

Среди ораторов на этой встрече оказался и один из секретарей Лобенгулы, еще сравнительно молодой человек, которого корреспондент «Таймса» называет Карл Кумало. Он рассказал, как его арестовали в Буланайо. По его словам, доказательством его участия в восстании — единственным, но вполне достаточным — сочли то, что он «образованный туземец». Его застрелили «при попытке к бегству». Но рана в голову оказалась не смертельной, он отполз, спрятался и затем действительно пришел к повстанцам.

Выступление Кумало и вообще его «воскресение из мертвых», как писали английские газеты, было очень

неприятно Родсу. Не только из-за того озлобления, которого не могло не быть у этого человека, но и потому, что он довольно хорошо знал обстановку в английском стане, противоречия, разногласия. Знал даже, что ведомство верховного комиссара готовило расследование действий администрации Родса и что сэр Ричард Мартин должен этим заниматься. Кумало потребовал, чтобы Мартин встретился с повстанцами.

Карла Кумало поддержал Бабиян. Он сказал о слухах, что «Белая королева» прислала в страну своего индуну для расследования дел. Это хорошо, заключил он, теперь, может быть, наконец перестанут скрывать правду.

Знакомство с этим «индуной королевы» состоялось 9 сентября, на третьей встрече. На этот раз с английской стороны вместе с Родсом был новый администратор Родезии лорд Грей и «королевский индун» Ричард Мартин. Но вряд ли встреча с ним оправдала надежды ндебелов. В отличие от Родса, который терпеливо выслушивал, Мартин сам прочитал ндебелам предлинную лекцию. Особенно попрекал Бабияна. Сказал, что британское правительство недоумевает, как это такой человек, как Бабиян, побывав в Англии и собственными глазами увидев могущество королевы, все-таки решил восстать. Разве он не понимает бессмысленности этого, разве до него не доходит, что королева не оставляет такие действия безнаказанными? Но королева милостива, она прощает всех, кто сражался на поле боя. Судить будут только тех, кто совершал убийства, нападая на мирных поселенцев.

Наконец 13 октября состоялась заключительная индаба, на которой присутствовали уже все или почти все индуны — и те, что восстали, и те, кто не присоединился к повстанцам. Она и ознаменовала собой конец восстания ндебелов.

Как удалось Родсу добиться этого?

Идя на переговоры и еще больше во время переговоров Родс, может быть впервые, понял, что с африканцами надо считаться. А слушая их вождей, распространил на них излюбленную идею, что каждый человек имеет свою цену. Индун, во всяком случае наиболее влиятельных, надо подкупить. Индунам было обещано восстановление их былых прав. Страну ндебелов Родс разделил на двенадцать округов и во главе каждого предложил поставить одного из индун (их власть, конечно, не должна была распространяться на

Поселок шонов

белых). Индунам обещали и жалованье. Для примера все это сразу же было дано тем из них, кто не принимали активного участия в восстании.

Так Родс положил начало традиции подкупа африканской знати — той основы «туземной политики», на которой колониализм держался в Родезии больше восьми десятилетий.

Надо сказать, что этой мерой Родс не снискал новых лавров у своих «пионеров». Многие из них, если не большинство, были прямолинейнее, консервативнее, твердолобее своего вождя. Не все из них понимали, зачем, собственно, нужны какие-то уступки. В журнале «Булавайо скетч» 17 октября говорилось: «Теперь надо показать, что под перчаткой-то — железный кулак».

А появление индун в Булавайо 24 октября, по приглашению Родса, поселенцы встретили язвительнейшим сарказмом¹¹.

Так что действия Родса, как это ни странно нам сейчас, кому-то тогда казались вольнодумным, чуть ли не революционным самоуправством.

Одними уступками индунам Родс, конечно, ограничиться не мог. Пришлось отказаться от широких репрессий против повстанцев, пообещать многим поселениям, что им оставят те земли, которые у них были при Лобенгуле. И, из-за голода, начать раздачу продовольствия.

Убедившись, что соглашения, которых он добился, уже действуют, Родс в декабре 1896-го отправился из Булавайо в Кейптаун...

С племенами шоно, разрозненными и не имевшими такой военной организации, Родс не считал нужным вести переговоры. Их принуждали к капитуляции самыми жестокими карательными мерами. Это делалось и во время восстания ндебелов, а когда оно кончилось и англичане смогли бросить все силы против шонов, масштаб карательных операций увеличился.

Сколько деревень и кланов исчезло тогда... Ониполнили длинный перечень исчезнувших с лица Южной Африки этнических групп, целых племен. Соседи шонов, бушмены, которых так мало осталось, вечерами задумчиво пели у своих костров:

Когда нам умереть	Чтоб навек стереть
Наступает срок,	Следы наших ног,
Приходит ветер,	Чтобы наши следы
Чтобы нас смести.	Унести с земли —
Он вздымает пыль	Со всех дорог,
И метет песок,	Где мы в жизни шли.

На землях шонов сжигали посевы, стреляли из пушек по пещерам, где скрывались жители восставших селений. Взрывали их динамитом. После взрывов долгое время нельзя было даже проходить возле этих пещер, настолько сильным было зловоние от разлагавшихся трупов. Генерал Каррингтон, командовавший такими операциями, называл их «полицейской работой».

Борьба против непокорных шонов велась по всей стране и состояла из сотен карательных операций. Вот одна из них.

Деревня Шангве находилась на вершине крутого

*Кагуби, один из вождей
восстания шонов,
захваченный в плен*

холма, на высоте двести шестьдесят метров. В прошлом идебелы не раз осаждали ее, но уходили ни с чем. Цивилизованные англичане сделали то, на что не пошли идебелы, хотя додуматься до этого было не так уж трудно. Они лишили повстанцев доступа к воде. Установили пулеметы на всех спусках с холма. Осажденные

оказались в отчаянном положении. Но из мужчин только двенадцать сдались врагу, остальные же стали прорываться сквозь пулеметный огонь. Девяносто из них погибли, остальные прорвались. Двести измученных многодневной осадой женщин сдались. Очевидцы восхищались их поведением. «Самообладание женщин, когда их привели в лагерь, было необычайным. Они провели много дней без воды, и их жажда была ужасна; однако они спокойно сели в круг и, когда им принесли воду, стали пить ее без видимого нетерпения. Не было никакого беспорядка, каждая делала глоток из кувшина и передавала его своей соседке; их стоическое спокойствие было изумительно»¹².

«Усмирение» шонов продолжалось еще год после договора Родса с вождями ндебелов. Последние очаги восстания подавили только в сентябре 1897-го.

Потому что останься
Нестертый след.
Выходило бы так,
Что пам смерти нет.

И поэтому ветер
В назначенный срок
Сметает с земли
Следы наших ног.

Да и сами ндебелы, которым Родс надавал столько обещаний — и когда-то, в дни переговоров с Лобенгулой, устами Мателебе Томпсона, и теперь, уже самолично...

В своих воспоминаниях Мателебе Томпсон рассказал, что он только раз еще в своей жизни присхал в Родезию, в 1904-м, и на платформе железной дороги, которая уже пересекла эту страну, встретил знакомого индуну. Тот сказал:

— О Томпсон, как же вы тут обращаетесь с нами теперь, после всех обещаний, которым мы поверили?

«Я не нашелся, что ответить», — пишет Томпсон.

КРАХ ИЛИ ТОЛЬКО СРЫВ?

ереговоры с индунами и их результат — все это помогло Родсу в какой-то мере снова утвердиться и в собственных глазах и в мнении многих своих соотечественников. Но

вместе с тем это, разумеется, не могло совсем перечеркнуть поражений, нанесенных его престижу крахом мятежа в Трансваале и самим восстанием народов Родезии.

Конечно, до внешнего мира доносились лишь глухие отголоски пулеметных очередей и взрывов динамита в таких далеких от Европы и в таких чужих селениях шонов. Но ведь все же доносились...

Яркой вспышкой, озарившей расправы с ндебелами и шонами, были, пожалуй, не сводки военных действий и не сообщения журналистов, а повесть Оливии Шрейнер «Рядовой Питер Холкит из Машоналенда», изданная в 1897 году. Она приобрела такую известность, что даже в России была переведена немедленно, в 1898-м, и потом выходила еще не раз. Перед титульным листом первого английского издания читатель видел фотографию: родезийский пейзаж, дерево, на нем повешены три африканца и рядом — группа родосовских «пионеров» в самодовольных, гордых позах.

Потом, во времена гитлеровской агрессии в годы второй мировой войны, такие фотографии стали уже не в диковинку. Но тогда, в конце XIX столетия, она произвела большое впечатление.

Какой шок для английских аристократок, поклонниц Сесилия Родса и его «пионеров». Правда, повешенные — всего лишь негры, но все же...

Каково тогда было Родсу? Ведь только-только был в зените...

Как мучительно гадал, удастся ли еще что-то сделать в жизни. Судя по его нраву, был уверен, что в конце концов снова взнуздает Ее Своенравие Фортуны. Но нужно время. Может быть, годы. А есть ли они? По ночам мерещится, что последняя черта — вот-вот, уже холодом веет от нее.

*Фотографии, открывающая книгу Оливии Шрейнер
«Питер Холкит, рядовой из Машоналенда»*

Снова и снова перечислял и взвешивал все за и против.

Да, удары получил страшные, один за другим. Когда впридачу ко всему еще сгорел дотла Хрут Скер, его кейптаунский дворец, у Родса вырвался стон.

— Набег, мятеж, голод, падеж скота, и теперь еще мой дом сгорел. Я чувствую себя Иовом, разве что не изранен.

До бедности библейского Иова Родсу было куда как далеко. Но вот ореол человека, которому никогда не изменяет госпожа Удача... Этот ореол завораживал и простых людей и даже вершителей судеб Англии и Европы, тех, кто, казалось, изверился уже во всем. Потому-то и совсем уж небогатые люди на свои трудно скопленные деньги покупали его однофунтовые акции, вверяли ему свою судьбу, считали, что с ним не пропадешь. Да и аристократы, так легко ставя свои имена в списках учредителей компании рядом с магнетическим словом «Родс», не боялись осрамиться...

А теперь! Даже левиафаны английской печати, всегда так превозносившие Родса, и те уже нет-нет да

и позволяют себе... Да что там. Уильям Стед — как уж делился с ним Родс, как старался заразить своими замыслами, сделать полным единомышленником. А по-ди ж, и он после джемсоновского набега уже не тот. Ну, скажем, не совсем тот. Близость-то осталась, но веры той — нет.

А политики! Выжидают. Не все, но многие. Вот Асквиту предложили войти в парламентский комитет по расследованию набега («родсовский комитет»). Сам Чемберлен приезжал, уговаривал. Отказался! Хочет не связывать себе рук, посмотреть, куда ветер подует.

Потом жена Асквита в своих мемуарах вспоминала об этом предложении Чемберлена. Она тогда спросила мужа, почему он отказался. Он ответил:

— Что же я — круглый дурак?

А эти аристократы, которых Родс так задабривал пакетами акций, директорскими креслами своих компаний! Им самим, может быть, казалось, что они его поддерживают даже больше, чем он того заслуживает.

А он в свою очередь в большинстве из них, конечно, видел предателей. Чего же и ждать от них, от этих любителей загребать жар чужими руками, его руками. На что они вообще способны? Разве что на извительные намеки в своем «высшем свете», в этой школе злословия. Да, конечно, они умеют двумя-тремя фразами испортить чужую репутацию. Как лорд Иллингворт или лорд Горинг у только что ставшего модным Оскара Уайльда. Может быть, часть его известности и можно объяснить скандальным процессом, когда ему дали два года тюрьмы за гомосексуализм буквально накануне набега Джемсона. Но нет, он, конечно, необычайно талантлив. Даже в этой своей последней вещи. Кажется, «Как важно быть серьезным» — о ней заговорили тоже одновременно с набегом.

Публика смеется шуткам этих лордов. А смеяться, небось, надо над ними самими. Над их никчемностью, пустотой. Неспособностью действовать. Если и есть в них что, на пустозвонство ушло. Отречься-то от него, Родса, и то, наверное, умеют вот так же, походя, как от чего-то совсем постороннего и уж во всяком случае недостойного их.

А в самой Южной Африке для трансваальских буров нет теперь, пожалуй, никого ненавистнее Родса.

Буры Оранжевой? Деларей, небось, теперь жалест, что просил Родса быть крестным отцом своего внука.

Капские буры! Каких трудов стоило сломить их на-

стороженность. И добился ведь! Голосовали за него, верили, помогли стать премьером. Теперь все насмарку...

Самые верные помощники, друзья или почти друзья... Все побывали под судом, посидели у буров в тюрьме как заговорщики. Или вместе с Джемсом — в плену. Каждое имя газетчики всего мира полоסקали, как хотели. Каждый их шаг теперь на виду... Все это не вечно, разумеется, но пока что так...

И главное, сам-то Родс уже не может выступать на политической арене как официальный государственный деятель. Премьерского поста теперь нет. Остается лишь действовать за сценой. Других уговаривать. А они еще озираться будут, бояться!

Но пожалуй, главным было даже и не это.

Удары не могли бесследно пройти для здоровья, нервов, психики. Раньше умел держать себя в руках. Многими удачами этому и обязан. А теперь усилилась раздражительность, неуравновешенность. Это видели все.

Да тут еще гибель Барнея Барнато, с которым Родса связывала четверть века жизни, сперва как с главным соперником, потом — как с главным компаньоном.

Четырнадцатого июня 1897 года Барнато бросился в океан с палубы корабля «Шотландец». Сигнал тревоги — «человек за бортом». Бросились спасать, вытащили. Но было уже поздно.

Поражала неожиданность этого поступка. Барнато плыл из Южной Африки, где он делил с Родсом трон алмазного королевства. А на мировом золотом рынке Родс ему даже уступал.

С подробной его биографией можно было познакомиться даже в Петербурге, в Москве, в Сибири. Журнал «Русское богатство» рассказывал своим читателям:

«Каждое слово Барнея ловилось как мудрейшее изречение оракула... Ведь это был царь биржи, обладатель сотен миллионов, тот, кто одним движением бровей мог доставить состояние или же уничтожить его, словом «наш Барней»! ...Нет сомнения, что в ближайшем будущем «наш Барней» заседал бы на красных скамьях палаты лордов. Ведь сидят же там благородные «Knights of the bottle»: водочные герцоги, пивные маркизы, джиновье виконты, почему же, черт возьми, не сидеть и клоуну, раз у него денег столько, сколько у всех «рыцарей бутылки», взятых вместе?»¹

Тогда, в июне 1897-го, Барнато плыл в Лондон, на

Б. Барнато, соперник и компаньон Родса

торжества по поводу шестидесятилетия правления королевы Виктории. Они обставлялись необычайно пышно, как триумф Англии, британского знамени, которое развевалось над четвертью всей земли. Делегации от всех частей необъятной империи собирались в Лондон, чтобы участвовать в празднествах, назначенных на 20 июня. Вместе с Барнато на роскошном океанском лайнере плыли из Кейптауна самые высокопоставленные лица.

Проплывали Мадейру. Через четыре дня — Англия. Барнато неторопливо побеседовал с Гордоном Сприггом, преемником Родса на посту премьер-министра Капской колонии. Поговорили, наверно, и о том потоке кимберлийских алмазов, который Барнато и Родс собирались выплеснуть к ногам своей королевы, — это был один из самых дорогих подарков даже на таком пышном празднестве. Потом Барнато справился у своего племянника, который час. Тот едва успел ответить: «На моих три часа тринадцать минут», как увидел, что его дяди уже нет на палубе. Барнато бросился в воду.

Конец Барнато не мог не потрясти Родса.

С его гибелью Родс потерял мощного союзника,

крепкую опору. Друзьями они не были, нет. Родс мог, как и многие, посмеиваться над неотесанностью Барнато — тот не получил образования и за всю свою жизнь, должно быть, не прочитал и одной книги. Но после объединения их алмазных компаний тогда, в 1888-м, у Родса вряд ли могли быть претензии к Барнато. Бывший клоун не понимал честолюбивых замыслов Родса, недоумевал и даже, может быть, подтрунивал над ними, как Родс — над его еврейским акцентом, но не препятствовал своему компаньону пускаться в политические аферы и в общем подвергать какому-то риску престиж их совместного коммерческого дела. (Пусть потешится, если уж ему так хочется!)

И когда Родс оказался в беде — после набега Джемсона, Барнато ведь сделал для него все, что мог, хотя и не был в этом так уж прямо заинтересован.

Каково было Родсу терять такого союзника!

И не могло не напрашиваться сравнение. Они были однолетками, каждому по сорок четыре года.

Здоровье? У Барнато со времен его цирковых трюков осталась сноровка акробата. Да и потом он любил спорт, лишь за несколько лет до смерти перестал заниматься боксом. Его сердце, легкие — разве чета ему Родс!

И душевное состояние. У него, не в пример одному Родсу, была семья. Жена, дети. Тут, на корабле, отметил день рождения трехлетнего сына. Барнато показывал команде свой подарок сыну — маленький велосипед.

Да и родню свою он любил — тоже не как Родс. Часть своих дел собирался даже передать племяннику.

Иссякла энергия? Тоже нет. Куча планов была. И хотя строил себе роскошный особняк в Лондоне, возле Гайд-парка, отнюдь не собирался уходить на покой.

Что же тогда? Скрытые болезни? Ну да ведь один бог знает, какие в ком гнездятся болезни.

Видно было одно: в самые последние годы Барнато стал куда более возбудимым, нервным. Стал пить. Его могучему организму нужно было не меньше бутылки, чтобы заглушить сознание, подавить что-то, постоянно мучившее его. Жаловался на галлюцинации.

Каково было Родсу перебирать все это в своей памяти. Ведь его-то самого галлюцинации мучили давно.

Всеми миру казалось, что богатство пришло к Родсу и к Барнато как к сказочному Аладдину. Но ведь у них

не было волшебной лампы. Они выбились в жестокой конкуренции с тысячами, десятками тысяч других. Подчиняли все свое естество одной цели.

Говорят, Наполеон сказал, что в жизни за все надо платить. Да и не ему первому, конечно, открылась эта истина.

Барнато заплатил.

А Родс не мог без ужаса видеть этот конец...

Но в отличие от Барнато Родс был жив. А человек не может жить только памятью о своих горестях да дурными предчувствиями. Человек живет надеждой. Тем более такой энергичный, как Родс.

И жизнь давала ему надежды. Изначальный инструмент влияния — деньги — это у него осталось. А разве этого мало?

В сущности почти весь 1896 год Родс провел в Родезии. Лишь в самом конце года, в канун рождества, прибыл в Капскую колонию, в Порт-Элизабет, а 27-го декабря в Кейптаун. Отцы города дали в его честь торжественный обед на пятьсот персон. Родс произнес речь.

— Если мне разрешат поделиться тут своими мыслями, то я хочу сказать, что постоянно преуспевающий человек не знает по-настоящему ни себя, ни своего духа, ни своего характера. Надо пройти период бедствий. Тогда вы поймете, кто ваши подлинные друзья.

Уже эти слова говорят, что Родс не был окончательно растерян. А дальше эта речь звучала намного увереннее. Он заверял собравшихся, что, каковы бы ни были его прошлые ошибки, он и дальше не отступится от своих целей, и прежде всего от «объединения» Южной Африки. 28 декабря Родс был уже в Кимберли, и там встреча была еще восторженнее.

Родс сразу окунулся в кипучую деятельность. Железнодорожное строительство — в 1897-м поезда начинают ходить от Кейптауна до Булавайо и даже еще дальше, до родезийского поселка Умтали. Печется о развитии сахарной промышленности в Натале и расширении производства фруктов на бурских фермах мыса Доброй Надежды.

Если все это не вернет ему бурских голосов на следующих выборах и не помирит с ним их партию Африканер Бонд, он готов создать новую партию и в конеч-

ном счете в 1898 году создает ее под названием Прогрессивная партия.

Постепенно он возвращает себе если и не все, то многие из позиций, утраченных после набега Джемсона. И Марк Твен, проехав по всей Южной Африке в 1896-м и обдумав эти впечатления в 1897-м, пишет о Родсе: «Весь южноафриканский мир — друзья и враги — трепещет от какого-то благоговейного страха перед ним. Одни видят в нем посланца божьего, другие — заместника дьявола, властелина людей, способного одним лишь дуновением осчастливить или погубить человека; многие на него молятся, многие его ненавидят, но люди здравомыслящие никогда его не проклинают, и даже самые легкомысленные делают это только шепотом».

Но это все в Южной Африке. А на родине, в метрополии, в центре империи? Конечно, респектабельной викторианской Англии требовалось время, чтобы простить неудачу даже такому баловню, как Родс. Но постепенно приходило и это.

Шестнадцатого февраля 1897-го Родс, прибыв в Лондон, предстал перед комитетом палаты общин по расследованию набега Джемсона. Родс был не обвиняемым, а свидетелем.

Разбирательство велось настолько неторопливо, что Родса допрашивали только еще первым из свидетелей. После самого скандала прошло уже больше года, страсти поутихли не только в Англии, но и во всем мире. Сколько новых событий заслонили тот злосчастный заговор против Трансвааля! Облетевшая весь мир весть о Ходынке, страшной трагедии в Москве на коронации Николая II. Генерал Китченер начал войну в Судане. Одновременно начался поход французского офицера Маршана с целью опоясать Африку цепью французских владений. Франция захватила Мадагаскар. Эфиопы разгромили вторгшуюся в их страну итальянскую армию. В Афинах состоялись первые Олимпийские игры — они получили новую жизнь, были возобновлены после перерыва в полторы тысячи лет...

В парламенте и вне его считалось естественным говорить, что виновники набега Джемсона, собственно, уже ведь понесли наказание. А особенно идти навстречу пожеланиям трансваальского правительства и смысла не имеет, поскольку Крюгер в течение этого года ведет себя по отношению к Англии просто вызывающе.

Допрос Сесилия Родса велся на первом публичном

заседании комитета. Собралось множество парламентариев, юристов, журналистов и тех счастливицков, которым удалось достать пропуск. Среди зрителей был и принц Уэльский. Он не побоялся скомпрометировать себя, хотя его близкие отношения с Родсом и Джемсоном были хорошо известны.

На заседании парламентского комитета с Родсом обращались не как с главным виновником, каковым он был в действительности, и даже не как с подозреваемым в соучастии, а как с великим строителем империи и защитником прав граждан Великобритании. Сам он поначалу все же нервничал, на некоторые вопросы отвечал не без колебаний, прежде всего на вопрос, знали ли о готовящемся нападении на Трансвааль министр колоний Чемберлен и верховный комиссар Южной Африки Геркулес Робинсон. Но довольно быстро обрел обычную уверенность.

На вопрос, как это, в какой из своих многих ипостасей он считал себя вправе собирать войска на границе Трансвааля, он ответил:

— В качестве самого себя, поскольку я считал, что должен сделать это в интересах Южной Африки и своей родины. Вот мой ответ.

Затем он подробно изложил свою политику «объединения» Южной Африки и буквально закричал:

— Вы еще попомните эти мои слова... Прав я или нет, но я чувствую, что пришло время для перемен, они уже надвигаются... Это только вопрос времени... Это так же очевидно, как то, что мы заседаем здесь.

Основной смысл показаний Родса сводился к следующему.

Конечно, он горячо сочувствует ойтландерам — уж очень они страдают от притеснений Крюгера. Он, Родс, своей властью пододвинул войска Привилегированной компании к границе Трансвааля, но другие директора этой компании и британские официальные власти в Южной Африке и в Англии не были об этом извещены. Что же касается самого нападения на Трансвааль, то тут уж и сам Родс не был оповещен. Джемсон перешел границу самовольно, и потому он, Родс, тоже не может нести ответственность за это.

В ходе дальнейшей работы парламентского комитета один из адвокатов процитировал чье-то высказывание об этих показаниях Родса:

— Каковы бы ни были суждения о политике и действиях м-ра Сесилия Родса, приходится признать, что

его показания производят впечатление исчерпывающих, ясных, искренних и содержательных. Несомненно, он представил комитету показания, имеющие большое историческое значение.

Работа парламентского комитета закончилась в июле 1897-го. Родса больше не вызывали. Геркулеса Робинсона не вызывали вообще — он болел и в октябре 1897-го умер. Джозеф Чемберлен был сам членом этого парламентского комитета. Вопрос о виновности двух последних даже и не ставился. Виной Родса было признано только то, что он признал сам. Главный исполнитель — Джемсон вместе со всеми остальными был уже на свободе.

Несколько десятилетий потом историки спорили, кто же на самом деле был виновен и в какой мере. Постепенно один за другим всплывали документы, скрытые во время расследования. Оказалось, что чиновник по имени Грем Бауер оставил бомбу замедленного действия — отчет о подлинной истории набега Джемсона, но завещал распечатать его лишь через пятьдесят лет. Выяснилось, что Чемберлен даже являлся инкогнито к Джемсону в тюрьму, чтобы согласовать характер публичных показаний. Нашлись и «исчезнувшие телеграммы»... Но ни Родса с Джемсоном, ни Чемберлена с Робинсоном уже не было в живых.

А тогда, с завершением работы парламентского комитета, Родс вздохнул свободнее... Проклятое расследование кончилось. Все его единомышленники — на свободе. И ни ему, ни им уже не проходить больше процедуру допросов, расспросов, не видеть унижительной возни вокруг этого в европейских газетах.

В том же году наименование «Родезия» было официально закреплено особым королевским указом. А в апреле 1898-го Родсу было официально возвращено его положение директора-распорядителя Привилегированной компании. По существу распоряжаться делами компании он мог даже в самые черные свои дни. Но все же и официальное признание чего-то стоит.

Еще важнее, что ореол в глазах английской публики хоть и не весь, но все же остался. Помог шум по поводу его появления среди повстанцев в горах Матопо.

Кое-кто в Англии стал с ним сдержаннее, но ведь появились и новые сторонники. Не последний из них — Киплинг. Он сблизился с Родсом в первые ме-

сяцы 1898-го, когда долго жил на Юге Африки. Отправился на поезде в Родезию, ездил на велосипеде по Булавайо и его окрестностям. Внимательно приглядывался к бурам и уехал с Юга Африки, как говорится в одной из книг о Киплинге² в наше время, уже «убежденным антибуром, хотя, может быть, и не очень воинствующим».

Родс предоставил Киплингу небольшой дом в своих кейптаунских угодьях, и Киплинг подолгу жил там. С 1900-го по 1907-й каждый год уезжал от лондонской зимы, которую очень не любил, в кейптаунское лето.

Певец величия Англии, Киплинг был уроженцем Индии, женат он был на американке и одно время даже пытался обосноваться в Америке. Из-за всего этого он, должно быть, чувствовал себя в Англии как-то не просто. Родс ему был близок вдвойне — и верой в особую историческую миссию «Великой Британии», и как человек, проживший много лет вдали от Британских островов.

Киплинг мог в своем письме делиться с ним горестными мыслями о том, что Англия в сущности лишь маленький и довольно затхлый краешек земли — и духовно и физически. И вместе с тем, должно быть, именно в долгих разговорах с Родсом созрели его идеи о великом Рах Britannica и вообще о миссии белого человека. Свое чуть ли не самое известное стихотворение — «Несите бремя белых» — он написал в период близости с Родсом и опубликовал в «Таймс» 4 февраля 1899-го.

Не было ли оно стихотворным пересказом идеи Родса — той, с которой начинается эта книга, — об использовании младших сыновей для распространения англосаксонского могущества? Стоит только вслушаться:

Несите бремя белых, —
И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридевять морей;

На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А, может быть — чертям...

Во всяком случае в одном из первых же английских исследований творчества Киплинга, еще в 1900-м, его назвали «Сесилем Родсом в литературе».

Симпатии Киплинга к Родсу были настолько вели-

ки, что даже в своей весьма краткой автобиографии, маленькой книжке «Немного о себе», он снова и снова возвращается к личности Родса, говорит о его замыслах, цитирует его слова, излагает его разговоры, рассказывает о его привычках, обычаях, царивших в его дворце Хрут Скер.

Вспоминает даже о самой первой встрече в небольшом кейптаунском ресторане в 1891 году, когда Кипплингу сказали, что человек, сидящий неподалеку от него, — это и есть Сесиль Родс.

А первый разговор с Родсом, в 1897-м, произвел на Кипплинга такое впечатление, что он поведал об этом подробно. Кипплингу казалось, что Родс похож на римского императора. Родс, по своей привычке огорошить собеседника неожиданным вопросом, спросил его:

— Какова ваша мечта?

Кипплинг ответил, что Родс — человек из его мечты. И он, наверно, считал своим долгом прославлять Родса. Во всяком случае он с негодованием отверг слухи, будто когда-то брал гонорары за свои стихи о Родсе и Южной Африке, печатавшиеся в «Таймс».

Можно представить, какую поддержку дал Родсу такой почитатель, как Кипплинг! Как он повлиял на настроения в британском обществе! Советская поэтесса Новелла Матвеева так сказала о нестареющих стихах Кипплинга:

Сколько,
Сколько силы
В этой песне было!
Сколько жизни... в честь могилы!
Сколько истины — для лжи!

Слушай!
Что наделал ты? —
Ты, панесший без опаски
Нестареющие краски
На изъеденные временем холсты!

Духовная близость Кипплинга с Родсом заставляет здесь, на страницах этой книги, приводить многие кипплинговские стихи. В них лаконичнее и точнее, чем в рассуждениях иных современников и историков, переданы и дух политики Родса, и атмосфера, которую Родс и Кипплинг считали своей, присущей своему времени.

Сблизился Родс и с Китченером. Тот еще не достиг самой вершины военной карьеры, не был еще военным

министром, как в первую мировую войну, когда он и погиб, направляясь в Россию на крейсере, который в пути подорвался на германской мине. Не был еще ни фельдмаршалом, ни графом Хартумским.

Но пожалуй, именно тогда, в конце девяностых, он достиг пика своей известности. Считалось, что, разгромив государство махдистов в Судане, он смыл пятно позора с британской армии: махдисты в 1885 году одержали победу над англичанами под Хартумом и убили генерала Гордона.

Еще бóльшую популярность Китченер приобрел столкновением с французским отрядом у суданской деревушки Фашода. Если бы французский план удался, надежда на осуществление идеи Кейптаун — Каир рухнула бы сразу же. За спиной Китченера стояла Англия, за спиной офицера по имени Маршан — Франция. Маршану пришлось уступить.

Легко представить себе, какое родство помыслов почувствовали тогда Родс и Китченер. Когда-то Родс обсуждал свои замыслы с генералом Гордоном. Оказавшись в 1899 году одновременно с Китченером в Англии, он полюбил беседы с ним в лондонских парках, во время утренних прогулок верхом.

В июне 1899-го Родс и Китченер были одновременно провозглашены почетными докторами Оксфордского университета. Церемония проходила торжественно. Съехался «весь Лондон». Родс и Китченер бок о бок шли между рядов публики, как олицетворение величия и славы Британской империи. Их фотографировали. Им рукоплескали.

В журнале «Русское богатство» Шкловский-Дионео рассказал об этой церемонии так:

«...Я, вместе со многими лондонцами, явился в Оксфорд, чтобы присутствовать при том, как Сесиль Родс возьмет докторскую мантию, несмотря на протесты профессоров. Дело вот в чем. В 1891 г. легат Оксфордского университета уведомил Сесилия Родса, что ему дано звание доктора *honoris causa*. Родс тогда еще не был «Наполеоном»; его физиономия не определилась; его имя не соединялось так странно с историей разбойничьего набега. Родс был тогда непопулярен среди джинго, так как дал 10 тысяч фунтов стерлингов на ведение агитации в пользу гомруля. Много лет Сесиль Родс не являлся за получением мантии и явился тогда, когда «слава» его вполне определилась. Оксфордские профессора протестовали, но решение сената не уничто-

жается временем. Джинго решили воспользоваться появлением Ссисля Родса, чтобы устроить демонстрацию против «анархистов», как они живописно называли всех профессоров, подписавших протест. Вот раздались крики «ура» и звуки величальной песни: «Он славный, веселый парень!» На эстраде появился высокий, плотный мужчина, начавший уже значительно округляться, с толстыми, как налитыми, лоснящимися щеками. Прежде всего запоминались карие, быстрые, несколько наглые глаза да чувственные, ярко-красные губы.

— Не глядите боером! — крикнул один с галереи.

— Как поживает Крюгер? Вы его еще не отправили к праотцам? — крикнул другой.

— Veni, vidi, vici!

— Как по-латыни будет Родс (Rhodes), — спрашивает одна группа, а другая на это отвечает: — «Родосский Колосс». Снова гремят крики «ура»³.

Вернулось к Родсу и поклонение высшего света (а может быть, оно и не покидало его?). Леди Асквит вспоминала потом, как она на одном из лондонских раутов не могла даже приблизиться к Родсу: его окружали, даже у ног его сидели дамы высшего света, а он возвышался среди них «как бронзовая статуя».

Верховным комиссаром Южной Африки в 1897-м стал Альфред Милнер, человек решительный и жесткий в проведении своей линии. А линия его в южно-африканских делах была той же, что у Родса. Это скоро увидели все.

Родс подогревал имперские чувства не только своими победами, но и неудачами. Антибританская кампания в Германии и в Трансваале не ослабила этих чувств. Наоборот.

Так национализм зачастую рождает встречный национализм. Шовинизм рождает шовинизм. И они растут, дразня друг друга и озлобляясь, пока не доходят до жестокой схватки, а за ней и катастрофы, большей или меньшей, но неизбежной для обеих сторон.

О катастрофе Родс вряд ли думал. Он с радостью видел, что не прошло время его идей. А значит и его время.

Оправившись после провала набега Джемсона, Родс все больше ожесточал свои филиппики против Крюгера и «крюгеризма». Чемберлен и Милнер действовали в том же духе.

Английское правительство во все более ультимативном тоне добивалось от Трансвааля избирательных прав для ойтландеров. Чемберлен даже с трибуны парламента угрожал Трансваалю войной и призывал англичан «поддержать свое правительство в осуществлении любых мер, которые оно сочтет необходимыми, чтобы обеспечить справедливое отношение к британским подданным в Трансваале»⁴.

И эти требования подкреплялись военными приготовлениями.

Трансваалю грозили войной во имя тех же целей, ради которых Родс организовал набег Джемсона и мятеж в Йоханнесбурге.

ТОГДА В ТРАНСВААЛЕ

ести и слухи об англо-бурской войне когда-то ловили на всех материках, во множестве стран. Два с половиной года, с октября 1899-го до мая 1902-го. А что теперь

осталось в памяти? Несколько строчек в школьном учебнике да еще песня: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, Ты вся горишь в огне...»

Песню помнят. Во всяком случае ее первые строчки.

Те, кому больше пятидесяти, могли видеть трофейный немецкий фильм, он шел у нас в 1946 году под названием «Трансвааль в огне». Правда, с историческим антуражем сценаристы и режиссеры считались мало. Начальника английского концлагеря они сделали похожим на Уинстона Черчилля, только не по годам пожилого и толстого. Огромную бутылку «Ройал виски» поставили у постели королевы Виктории, которой шел девятый десяток. Но основная канва событий все же была соблюдена. И еще говорили тогда, что заключенные английских концлагерей в этом фильме — это действительно заключенные из гитлеровских лагерей смерти.

Что же еще помнится? Вот поговорка у курящих: «Третий не прикуривает». Вроде бы она тоже пошла с той войны. Считалось, что, когда зажигается спичка и прикуривает первый, бур берет винтовку, когда прикуривает второй — бур целится, а когда третий — стреляет, и обычно без промаха.

Да, и, конечно, читая об Уинстоне Черчилле, Ллойд Джордже, южноафриканском премьер-министре Яне Сметсе или фельдмаршале Китченере, неизбежно встретишь упоминание, что известность к ним пришла как раз с той войны. Читаешь о Махатме Ганди — что он служил в английских вспомогательных частях, носил раненых. Об Александре Гучкове, председателе Государственной думы, принимавшем потом отречение у Николая II, — что он сражался добровольцем на стороне буров. Об основателе бойскаутского движения Баден-Пауэле — что первыми бойскаутами он считает

мальчишек, которых посылал связными из осажденного бурами Мафекинга. О Конан Дойле — что он работал главным хирургом в южноафриканском полевом госпитале. Об Эдгаре Уоллесе или Редьярде Киплинге — что они отправились на Юг Африки военными корреспондентами. Там родились и стихи, ставшие потом песней:

День-ночь-день-ночь — мы идем по Африке...

Пожалуй, и еще какие-то приметы той войны уцелели в нашей памяти. Но все равно, разве сейчас, после двух мировых войн, можно себе представить, как потрясла мир та первая большая война нашего века? Теперь она не кажется ни крупной, ни такой уж страшной.

Но тогда, на рубеже прошлого и нынешнего столетий, это было крупнейшим событием в мире. Многие считали, что именно оно завершило уходящий век и ознаменовало наступление нового, совсем иного столетия.

Потрясение было особенно острым потому, что столь крупных военных столкновений не было уже около четверти века — после франко-прусской и русско-турецкой войн. А тут с одной только английской стороны сражалось несколько сот тысяч солдат. Армады британских кораблей утюжили Атлантику, перевозя эти несметные полчища, а с ними — горы железа и пороха.

Новинки военной стратегии и тактики, изобретения военной техники за два-три десятилетия — все это впервые проходило проверку в боях. И генеральные штабы многих стран сразу же направили своих представителей на поля сражений, боясь, не приведи бог, упустить что-нибудь.

А изобретений и нововведений выявилось множество. Защитный цвет хаки: кто теперь помнит, что он появился в ту войну, как и многие другие способы маскировки? Что впервые в боевых условиях был применен бездымный порох, впервые, в массовом масштабе, автоматическое оружие, пулеметы, так же как и шрапнель, разрывные пули дум-дум, взрывчатое вещество лиддит; впервые использован на войне полевой телеграф и даже кинокамера.

Изменились и боевые порядки войск — атака сомкнутыми колоннами потеряла значение, уступила место расчлененному строю.

Теперь траншеи, окопы и колючая проволока кажутся чуть ли не извечными спутниками войн. Но

DETTINGEN.
PENINSULA.
WATERLOO.
EGYPT, 1882.
TEL EL KERIR.

R.H.C.

HYDE PARK
BARRACKS.

**"Send off"
Supper**

To the
CAPE SQUADRON,
November, 27th, 1899.

MENU.

OYSTERS—BLUE POINTS.
COMPO SOUP.

TOADY IN THE HOLE.
SANDY SOLE.

MAFEKING MUTTON.
TRANSVAAL TURNIPS. CAPE SAUCE.

PRETORIA PHEASANTS
WHITE SAUCE

TINKER 'TATERS.

PEACE PUDDING. MASSA ICES.
DUTCH CHEESE.

DESSERT

(You are requested not to throw SHELLS under
the tables):

BOER WHINES—Long Tom.

HOLLANDS-IN-SKIN.

ORANGE WINE

An Approved Train to Blanche Victoria Station
Leads to the Barracks and is available for all
passengers to the barracks.

*Меню праздничного обеда для английских офицеров,
отправляющихся на трансваальский фронт*

впервые колючая проволока, как и траншеи, была применена бурами.

А система концентрационных лагерей — такая, увы! распространенная в XX веке. И она идет оттуда. Конечно, масштабы были потом далеко превзойдены, но для тех времен двадцать тысяч бургских женщин и детей, погибших в этих лагерях, — тоже цифра трагическая.

Поражаться приходится, как мало уроков извлекли из той войны европейские генеральные штабы. Вот вроде бы весь мир узнал о действии пулеметов — ведь это уже не война с идебелами! Но узнать-то узнал... Военачальники европейских армий все равно не осмыслили до конца, что такое пулеметный огонь. Потребовалась мировая война.

Казалось бы, после тех трансваальских сражений уже невозможны прежние кавалерийские атаки — в тяжелых доспехах, какими бы красивыми они ни казались. Но вот воспоминания генерала А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Находясь в Париже, он 3 августа 1914 года, в день объявления войны, выглянул из окна и «не поверил своим глазам». Выступали в поход кирасиры, всадники, «закованные в средневековые кирасы... наполеоновские каски со стальным гребнем, из-под которых спускался на спину всадника длинный черный хвост из конского волоса». Правда, кирасы и шлемы были покрыты для маскировки парусиновыми чехлами.

Каким контрастом с этими доспехами, наследием рыцарских времен, был треск пулеметов — они уже в тот вечер стреляли по германскому цеппелину над Парижем.

«Судьба этого несчастного полка, — писал Игнатьев, — была, конечно, предрешена». Эту-то французскую гвардейскую конницу заставили атаковать немецкие позиции. И пулеметный огонь косил ее ничуть не милосерднее, чем идебелов в 1893-м. Трагедия постигла и самые привилегированные кавалерийские полки русской гвардии. В августе 1914-го они пошли в атаку на германские пулеметы и орудийные батареи. Сколько аристократических семей России облеклось после этого в траур...

Европе понадобится собственный опыт, собственные трагедии. Только после этого изменят и тактику кавалерии, а самих конников переоденут в мундиры цвета хаки, как и всю армию...

Биографы Родса любили повторять, что тогда, на исходе прошлого столетия, он будто бы не ждал войны, не верил, что она начнется. Льюис Мичел, автор двухтомной биографии Родса, писал, что, хотя еще за несколько месяцев до начала военных действий «подавляющее большинство колонистов считало войну неизбежной, остается совершенно непонятным, почему Родс продолжал высказывать противоположное мнение».

Но даже приводимые тем же Мичелом сведения говорят о том, что поведение Родса было вполне понятным. Вот хотя бы телеграмма Родса Альфреду Бейту в Лондон: «Помните, что Крюгер, если наше правительство останется твердым, в конце концов уступит. Надо только продолжать приготовления как можно более открыто. Ничто не заставит Крюгера стрелять»¹.

Одному из английских министров Родс говорил:

— До каких пор вы будете разрешать Крюгеру дурить вас? Он ведь только блефует, и, будьте уверены, если вы примените военную силу, он сразу же сдастся.

Как-то неприятно писать избитое слово «провокация», но оно очень уж тут напрашивается.

Может быть, Родс и впрямь думал, что кровавой бойни не будет? Что стоит припугнуть буров, и они сразу же сдадутся? Но ведь он же сам всячески привлекал внимание английского правительства к оборонительным приготовлениям Трансвааля, к тому, что Крюгер тайно ввозил из Германии крупновесные пушки и маузеровские винтовки. Родс видел в подвозе Трансваалем каждой партии оружия новый предлог для антитрансваальской кампании и усиления английского военного контингента на Юге Африки. Ну а что же он, не подозревал, что крупновесные пушки в руках бурских артиллеристов действительно начнут стрелять? И что на британские ультимативные домогательства Крюгер — как это и произошло 9 октября 1899 года — может предъявить свой ультиматум, требуя, чтобы Англия прекратила военные приготовления?

Как показала война, начавшаяся после ультиматума Крюгера, вся Великобритания — и правительство, и военные, да и просто публика — недооценивали буров, их желание и умение отстоять свою независимость. За некомпетентность и преступную безответственность властей и генералов расплачивался своей кровью, как всегда, народ.

Но на Родсе лежала особая вина. Уж он-то должен

бы знать буров. И набег Джемсона, казалось бы, дал ему такой урок...

Ну а главное — он-то вообще был первым виновником этой войны. Ведь если бы даже в течение последних месяцев или последнего года перед войной Родс ничего не делал, все равно она была результатом его политики. Политики не нескольких месяцев, а многих лет. Политики, направленной на включение всей Южной Африки в Британскую империю.

Даже самое последнее крупное деяние Родса перед войной оказалось направленным именно на то, чтобы вернее подготовить ее.

Буревестник перед бурей

Вот ведь загадка. С началом войны вся Европа бушевала, негодовала против Англии, но ни одно европейское правительство так ничего сколько-нибудь существенного и не сделало. Дальше проклятий в газетах дело не пошло.

И главное, Германия. Не прошло и четырех лет после телеграммы Вильгельма Крюгеру. Сколько шума она наделала. Кайзер тогда прямо дал понять, что готов был вмешаться, если бы буры сами не справились. А теперь? Этот же кайзер уже на второй месяц войны отправился в одну из воюющих стран. В столь любимый им Трансвааль? Нет, совсем нет. В ненавистную Англию.

Может быть, кайзером овладел прилив нежности к его бабушке, королеве Виктории? Да нет, избытком родственных чувств он не страдал.

Тогда, может быть, воинственный германский император в тот момент проникся идеями Гаагской конференции, первой в истории человечества международной конференции по разоружению? Она ведь состоялась только что, летом 1899-го.

Нет. Конференция заседала, речи произносились, а кайзер писал, разумеется не для печати: «В своей практике я буду и дальше полагаться только на бога и острый меч. И (нецензурное слово) мне на все решения»².

Значит, кайзер, слова теребя усы и громыхая саблём, решил самолично вступить за буров?

Нет, он приехал в общем-то по другим делам. Он и его правительство и не думали защищать Трансвааль.

Как же объяснить это?

...Одиннадцатого марта 1899 года, ровно за семь месяцев до начала англо-бурской войны, в Берлине состоялась встреча Родса с кайзером Вильгельмом и рейхсканцлером Бюловым. Аудиенция, а затем обед. Поводом к приглашению Родса в Берлин был вопрос о прокладке телеграфа и железной дороги от Кейптауна до Каира. Почти на всем своем протяжении они могли идти по британским владениям, но в одном месте цепь этих владений прерывалась Германской Восточной Африкой. Разрешение Вильгельма и хотел получить Родс.

Но это было лишь поводом к встрече. С кайзером Родс говорил о широких перспективах мировой политики, всячески старался отвлечь его взгляд от Южной Африки, да и вообще от Африки. А для этого рисовал Вильгельму богатства и красоты Передней Азии, Ближнего Востока и тихоокеанских островов.

Историки очень по-разному пишут об этой встрече. Вот мнение Хальгартена, пожалуй, крупнейшего западногерманского специалиста по истории германского империализма до первой мировой войны.

«...Родс как политик был уже мертв. Его хищное лицо расплылось от шампанского и сода-виски; тем, кто принимал его в Берлине, он показался опустившимся крестьянином-колопистом или в лучшем случае слишком неряшливым эксцентричным англичанином, и ему не могли простить, что вопреки этикету он явился к кайзеру в простой визитке»³.

А вот что писал в Москве академик Федор Аронович Ротштейн: Родсу оказали «блистательный прием... И кайзер и Бюлов приняли его чрезвычайно тепло, а первый пришел от него в восторг». Ротштейн сравнил отношение кайзера к Родсу с его же тогдашним отношением к русскому министру иностранных дел М. Н. Муравьеву. Через три месяца после визита Сесилия Родса, в июне 1899-го, Муравьев написал в Берлин, что «Россия примирится» с усилением влияния Германии в Малой Азии, если Германия со своей стороны «недвусмысленно признает исторические права России на Босфор». Возле слов «Россия примирится» кайзер написал: «...у меня этот номер не пройдет. Руки по швам и стоять смиренно, господин Муравьев, когда вы говорите с германским императором!»⁴.

«Какая разница в тоне по сравнению с обращением к Родсу», — отметил Ротштейн. Там ведь: «Дорогой господин Родс. Вы верно угадали мою мысль!»

И Хальгартен и Ротштейн пользовались примерно одними и теми же свидетельствами. Кто же судит вернее?

Обратимся к главному свидетелю — канцлеру Бюлову. Он дает Родсу такую характеристику: «Сесиль Родс должен был производить большое впечатление на каждого непредубежденного человека. В нем не было ничего показного, все обличало спокойную силу. Он держал себя вполне естественно, ни в какой мере не напыщенно. Перед императором он стоял почтительно, но без всякого волнения или хотя бы стеснения. Широкими штрихами он набросал перед его величеством свой проект английской железной дороги Капштадт — Каир. Глаза императора блеснули...»⁵

Да, глаза молодого кайзера блеснули и от широты глобальных замыслов, и от самого Родса. Будучи тоже империалистом, Вильгельм видел в Родсе империалиста удачливого.

Надо сказать, что Родс умел расположить к себе кайзера и своей шуткой, мягко выражаясь, довольно своеобразной. Вильгельм спросил мнение Родса по поводу его телеграммы Крюгеру в связи с набегом Джемсона. Тут Родс и пошутил:

— Я отвечу Вам, Ваше Величество, очень коротко. Это была величайшая ошибка в Вашей жизни, но Вы в то же время оказали мне самую большую услугу, какую только один человек может оказать другому. Я был капризным ребенком, и Вы решили высечь меня. Ну, и мой народ тоже был готов высечь меня за мои капризы, но, поскольку начали делать это именно Вы, они сказали: «Нет, если уж до того дошло, так это наше собственное дело». В результате англичане невзлюбили Вас, а я так и остался невысеченным!

По поводу этих слов южноафриканский поэт и публицист Уильям Пломер заметил: «Грустно подумать, какая большая власть над судьбами людей оказалась в руках человека, который сам мог говорить о себе подобным образом»⁶.

Но кайзеру, очевидно, манеры Родса пришлись по душе. Он простил Родсу и совершенно недопустимый вид — тот пришел даже не в визитке, а просто в своем обычном фланелевом костюме. И вообще вроде бы немислимое поведение. Кажется, Родс, посмотрев на часы, сказал императору:

— Ну, до свидания. Я должен идти. Пригласил несколько человек к ужину⁷.

И все же (а может быть, именно поэтому?) Вильгельм тогда-то и произнес фразу, которую потом часто цитировали.

— Если бы у меня был такой премьер-министр, как вы, я стал бы величайшим государем в мире.

Родсу кайзер тоже понравился. В своем последнем завещании Родс выделил пять стипендий в Оксфорде на его личное усмотрение.

Но оставим в стороне личные впечатления императора и рейхсканцлера. Оценку Хальгартена опровергает уже сам факт, что Родса пригласили в Берлин. Это после того, как его из-за набега Джемсона прокляла вся официальная Германия. Прошло лишь три года, и кайзер принимает его как ни в чем не бывало. А Родс ведь прибыл к тому же как сугубо неофициальное лицо, никаких полномочий от правительства не имел, говорил только от своего собственного имени.

Конечно, восторженность кайзера можно отчасти объяснить его характером. Отчасти и тем, что очень многое в Родсе ему должно было импонировать. Глобальность замыслов. В немалой степени — и расистский подход к мировой политике. Ведь в своих рассуждениях о господстве высшей расы над миром эту высшую расу Родс нередко именовал англо-тевтонской.

И Вильгельм видел, что, высказывая эти идеи, Родс не выглядит одиночкой. В Англии они имели поддержку, зачастую молчаливую, но иногда и довольно зычную. Джозеф Чемберлен уже после начала войны с бурами, 30 ноября 1899 года, публично заявил: «...в своей основе характер теvтонской расы по существу очень мало отличается от характера англосаксонской расы... и если союз между Англией и Америкой является могущественным фактором для дела мира, то новый тройственный союз между теvтонской расой и двумя великими ветвями англосаксонской окажет еще большее влияние в будущем мире»⁸.

Рассуждения о расовом превосходстве были Вильгельму близки. С его именем оказалась тогда тесно связана идея о «желтой опасности», хотя ее по-разному высказывали и другие политики, идеологи и философы тогдашней Европы.

Вильгельм еще в 1895 году поручил немецкому художнику Г. Кнакфуссу нарисовать по своему наброску аллегорическую картину. Она должна была, как говорил кайзер, призвать к объединению Европы для отпора «желтой опасности», для защиты христианства от

наступления буддизма, язычества и варварства. На картине в женских образах представлены Германия, Франция, Россия, Австрия, Англия и Италия. Они взирают на полыхающий горизонт, откуда надвигается, лежа на драконе, громадный Будда, ужасающий своим спокойно-бесстрастным видом. Даже несколько десятилетий спустя видный американский историк писал: «Картина была настолько зловещей, что заставляла задуматься даже самых невозмутимых»⁹.

Идея о «желтой опасности» понадобилась Вильгельму для оправдания захватов в Китае. Была и другая конкретная цель. Не случайно, сделав несколько экземпляров картины, он первый же из них послал Николаю II. Как Родс хотел занять кайзера Ближним Востоком, так кайзер царя — Дальним. Но идея о противостоянии рас и сама по себе была присуща Вильгельму не меньше, чем Родсу. Кстати, Родс не раз говорил, что в свою Родезию он никогда не пустит иммигрантов из Китая.

И все-таки этого было бы, конечно, мало для блестящего приема, оказанного Родсу в Берлине, и уж тем более для нейтрализации Германии в надвигавшейся англо-бурской схватке.

Подоплека была в заметной перемене политики Германии.

Конечно, Берлин не перестал считать Южную Африку лакомым куском. В середине 1899-го немецкий капитал там достиг девятисот миллионов марок. В южноафриканском горном деле были и деньги Дармштадтского банка, вкладчиком которого состоял сам кайзер.

Но германское правительство все яснее понимало, что без крупного флота участие в серьезных конфликтах далеко за океаном невозможно и что вообще сохранять и тем более укреплять влияние в таких далеких краях, как Южная Африка, можно только не вступая в открытый конфликт с Англией. В 1896-м году телеграмма Вильгельма Крюгеру с намеком на возможность военной поддержки буров была авантюрой.

Теперь, через три года, кайзер не хотел такой авантюры. И когда в одном из посланий российского министра С. Ю. Витте он усмотрел предложение несколько ужесточить политику по отношению к Англии, то написал: «Теперь, когда Англия мобилизована, готова, вооружена для борьбы и стала сильнее, чем когда бы то

ни было, он хочет организовать антианглийскую лигу... Слишком поздно, сударь! Теперь я уже не хочу!»¹⁰ Написал это меньше чем за три месяца до встречи с Родсом.

И главное, к тому времени все больше вызревали планы немецкой экспансии на Ближнем Востоке. Только что, в конце 1898-го, Вильгельм посетил Стамбул и Иерусалим. А в Дамаске побывал на могиле Саладина и объявил себя, как это делали многие политики до и после него, лучшим другом мусульман: «...триста миллионов мусульман во всем мире... могут быть уверены, что император всегда будет их другом»¹¹.

Потому-то глаза кайзера и заблестели, когда Родс сказал ему, что будущее Германии — это Месопотамия, Евфрат и Тигр, и Багдад, город калифов. Вильгельм понимал, что ему предлагается сделка. Согласись он не мешать плану телеграфа и железной дороги Кейптаун — Каир, и англичане не станут особенно мешать его плану железной дороги Берлин — Багдад. И дадут Германии закрепиться на архипелаге Самоа в Тихом океане.

Имел ли Родс полномочия на совершение такой сделки? Верительных грамот у него не было, но немцы их и не требовали. Среди группировок британского капитала, связанных с колониальной политикой, — условно их можно назвать южноафриканской, ближневосточной и китайской — влияние южноафриканской тогда заметно преобладало¹². На стороне Родса был и лорд Ротшильд, король лондонского Сити, и Чемберлен, влиятельнейший из министров.

Но дело не только в южноафриканской группировке капитала. Как бы влиятельна она ни была, важнее то, что роль трансваальского золота для финансового положения Англии становилась все значительнее. Благодаря этому золоту уже не повторялся острый денежный кризис, поразивший Великобританию в 1890-м. Тогда, перед лицом финансовой катастрофы, Английский банк вынужден был идти на крайнюю меру — просить заем у Французского банка. Благодаря же трансваальским рудникам запас золота в Англии в первой половине девяностых годов возрос почти в два раза.

Поэтому правящие круги Англии готовы были пойти на многое, чтобы предохранить этот источник золота от любых случайностей. Потому и подготовка захвата Трансвааля не была чем-то случайным. И эту свою решимость Англия в общем-то не очень скрывала. Она

давала понять другим державам, чтобы они остереглись наступать ей на любимую мозоль.

Чтобы видеть все это, кайзеру и рейхсканцлеру не нужно было от Родса каких-то официальных полномочий.

Ну а Родс по возвращении в Лондон несколько раз встречался с премьером Солсбери и с лордом казначейства Бальфуром, человеком очень влиятельным в правительстве и парламенте.

Устные договоренности Родса были через несколько месяцев закреплены официальными соглашениями. Английское правительство отдало Германии в архипелаге Самоа два острова, столь желанных кайзеру. А германские власти заключили соглашения с компаниями Сесилия Родса о прокладке телеграфного кабеля и железной дороги Кейптаун — Каир через Германскую Восточную Африку.

Вопрос о Ближнем Востоке был, конечно, намного сложнее. По нему столь же конкретных соглашений заключено не было. Под влиянием группы Родса в английской печати начали появляться статьи о целесообразности англо-германского сотрудничества в Месопотамии. Но некоторые германские историки считают все же, что Родс больше подогревал надежды Вильгельма, чем помогал их осуществлению.

Для самого Родса главным результатом была, наверно, инструкция, которую дал германской печати рейхсканцлер Бюлов 20 сентября 1899 года, за три недели до англо-бурской войны. В инструкции рекомендовалось не восстанавливать Англию против Германии. «Наша пресса должна позаботиться, чтобы в трансваальском кризисе ее тон был спокойным и деловым».

У Родса были все основания сказать на внеочередном общем собрании найщиков Привилегированной компании 2 мая 1899 года, что Вильгельм «встретил меня наилучшим образом и оказал мне, через посредство своих министров, всевозможную поддержку». В благодарность Родс назвал кайзера «значительным человеком».

Так Родс добивался германского нейтралитета на случай военной тревоги. Бюлов писал, что Родс появился в Берлине как «буревестник перед бурей».

Это был триумф Родса. Но, должно быть, последний в его жизни.

Результат его политики

Почти полвека, с Крымской войны, Англия не вела боевых действий, в которых ей приходилось бы нести по-настоящему большие потери. Для двух-трех поколений британцев стало привычным, что на полях битв вдали от родины умирают лишь немногие. И мало кто думал, что сломает, изменит это война с какими-то бурами.

С объявлением войны, 11 октября 1899 года, Лондонская биржа устроила шумную манифестацию. Начали с того, что громогласно объявили несостоятельным должником президента Крюгера и повесили над входной дверью его чучело. Потом затянули национальный гимн и ура-патриотическую «Вот солдаты королевы». Затем решили, что одна из фирм ведет себя недостаточно патриотично, и, когда появился ее представитель, его со свистом и улюлюканьем окружили и принялись бить. Ну а дальше уже пошла всеобщая потасовка.

Джон Голсуорси был современником этих событий и передает их дух удивительно верно — с того самого момента, как навстречу Сомсу Форсайту на Трафалгарсквер несется орава газетчиков.

— Экстренный выпуск! Ультиматум Крюгера! Война объявлена!

И начинаются пересуды на «семейной бирже» Форсайтов.

— Но каково, эта ужасная неблагодарность буров, после всего того, что для них сделано, посадить д-ра Джемсона в тюрьму — миссис Мак-Эндер говорила, он такой симпатичный. А сэра Альфреда Милнера послали для переговоров с ними — ну, это такой умница. И что им только нужно, понять нельзя!

— Мы сейчас только что говорили, что за ужас с этими бурами. И какой наглый старикашка этот Крюгер!

Одна только Джун, прямодушная неконформистка, возражает:

— Наглый? А я считаю, что он совершенно прав. С какой стати мы вмешиваемся в их дела? Если он выставит всех этих уитлендеров, так им и надо! Они только наживаются там.

Но Джун сразу же получает отпор:

— Как? Вы, значит, бурофилка?

Джеймс, самый старший из Форсайтов, такой осто-

рожный в делах, тут радуется со зловещей решительностью, что английское правительство не уклонилось от войны.

— Я боялся, что они отступятся, увильнут, как тогда Гладстон. На этот раз мы разделаемся с ними.

Сомс, сидя в ресторане, слышит, что какие-то люди, по виду литераторы или артисты, сочувствуют буррам и ругают английское правительство. И он, при всей своей сдержанности, бросает:

— Подозрительная у вас там публика.

У Форсайтов боевое настроение.

— Вперед, Форсайты! Бей, коли, стреляй!

В Оксфорде два молодых отпрыска этого respectable семейства устроили драку из-за того, что один другого обозвал бурофилом — ему показалось, что тот, другой, недостаточно бурно приветствовал тост «К черту буров!».

Затем оба, подзадориваемые друг другом и всеобщим пылом, записались добровольцами. В своих мечтах они мчались по просторам Трансвааля, палили без промаха, а буры рассыпались во все стороны, как кролики. Но вышло совсем по-другому. Один из них не дожидаясь даже до первого боя, умер от дизентерии.

А что скажет о бурах дворецкий Форсайтов?

— Ну что же, сэр, у них, конечно, нет никаких шансов, но я слышал, что они отличные стрелки. У меня сын... Я думаю, что его теперь пошлют туда.

Дворецкий тревожится не напрасно. Тысячи и тысячи молодых англичан найдут смерть вдали от дома. Останкам юноши из рода Форсайтов, может быть, и оказали почести, да и то вряд ли, не до того было. Ну а тысячи других?

Без гроба, так, в чем был, его
Зарыли и ушли.
Лишь Африка вокруг него,
Холмы пустынь вдали;
Чужие звезды над его
Могилою взошли.

Война обернулась для англичан не так, как многие из них думали. Грянула «черная неделя», когда британские войска потерпели поражения на всех фронтах. Да и вообще первые месяцы — сплошные поражения. Военные действия шли не на территории бурских республик, а в английских владениях. Бурские войска вторглись в Капскую колонию, в Наталь, даже в Бечуаналенд.

Бурские бойцы

Выяснилось, что у буров, этих «неграмотных мужланов», даже винтовки лучше, чем у англичан. Крюгер тайком закупил в Германии маузеровские винтовки, как и множество другого первоклассного оружия. Английские винтовки системы «Ли-Метфорда» явно уступали им по боевым качествам. И, чем особенно возмущались в Англии, Крюгер сделал свои закупки на британские деньги — на средства, собранные с ойтландеров в виде налогов.

Буры сразу окружили три города в разных частях

Южной Африки — Кимберли, Ледисмит и Мафекинг. Осада длилась много месяцев.

Британия до конца испила чашу унижения. Какое-то «грязное мужичье» из месяца в месяц держит в блокаде англичан, и войска королевы Викторнии не могут прорвать кольцо! В осаде были и женщины, и дети... Давно уже англичанам не приходилось слышать, чтобы их соотечественники оказывались в таком положении.

Коль кровь — цена владычеству,
Коль кровь — цена владычеству,
Коль кровь — цена владычеству,
То мы уплатили с лихвой!

Зато когда удалось снять осаду!..

Узнав об освобождении одного из осажденных городов, биржевики не только пили и горланили, но, забравшись друг другу на плечи и распевая «Вот солдаты королевы», этакими всадниками объезжали всю Лондонскую биржу. Празднество было такое, что на следующий день один из дельцов проснулся в незнакомом доме, другой — в будке на окраине города, будучи уверен, что это его собственная спальня. Третий добрался до дому, но обнаружил в карманах неизвестно как оказавшиеся там дамские чулки, детскую погремушку, клок волос, должно быть из чьей-то бороды, и даже суповую разливательную ложку... Обо всем этом в назидание потомству повествует вышедшая в Лондоне «История биржи».

Рассказал о тех днях и Голсуорси... Сомс вышел на улицу и «попал в толпу, которая произвела на него впечатление чего-то совершенно невероятного, — орущую, свистящую, пляшущую, кривляющуюся, охваченную каким-то неуправляемым весельем толпу, с фальшивыми носами, с дудками, с грошовыми свистульками, с какими-то длинными перьями и всяческими атрибутами полного идиотизма».

По существу настроение этих людей мало чем отличалось от настроения самого Сомса. Но может быть, именно это и раздражает его, оскорбляет его респектабельность.

«Мафекинг! Ну да, конечно, Мафекинг отбит у буров! Но, боже! Разве это может служить оправданием? Что это за люди, откуда они, как они попали в Вест-энд? Его задевали по лицу, свистели в уши... Какой-то малый сшиб с него цилиндр, так что он еле водрузил его на место. Хлопушки разрывались у него под самым

носом, под ногами. Он был потрясен, возмущен до глубины души, он чувствовал себя оскорбленным. Этот людской поток несся со всех сторон, словно открылись какие-то шлюзы и хлынули подземные воды, о существовании которых он, может быть, когда-нибудь и слышал, но никогда этому не верил».

И как это ни парадоксально, может быть, именно тут-то, во время этой вакханалии, Форсайт и понял, насколько чужда, отвратительна и страшна ему народная стихия — всякая, любая. Даже та, что служит его же интересам.

«Так это вот и есть народ, эта бесчисленная масса, живое отрицание аристократии и форсайтизма. И это, о боже, Демократия! Она воняла, вопила, она внушала отвращение! В Ист-энде или хотя бы даже в Сохо — но здесь, на Риджент-Стрит, на Пикадилли! Что смотрит полиция? Дожив до 1900 года, Сомс со всеми своими форсайтскими тысячами ни разу не видел этого котла с поднятой крышкой и теперь, заглянув в него, едва мог поверить своим обожженным паром глазам. Все это просто невообразимо! У этих людей нет никаких задерживающих центров, и они, кажется, смеются над ним; эта орава, грубая, неистовая, хохочущая — и каким хохотом! Для них нет ничего священного! Он не удивился бы, если бы они начали бить стекла».

...Но война не кончилась с освобождением трех осажденных городов. Не кончилась она и 5 июня 1900 года, когда пала столица Трансвааля Претория. Постепенно переходя в партизанскую и все больше изматывающая английскую армию, она длилась еще почти два года, до мая 1902-го.

Только вылазки из засады,
Только бой под покровом тьмы,
Только гибнут наши отряды,
Только сыты по горло мы!

...Великая и гордая Англия мечтала только об одном — пусть наконец эти люди, чьи фермы давно уже сожжены, чьи жены и дети давно отправлены в концлагеря, пусть они согласятся на мир! И вынуждена была прельщать их самыми почетными условиями.

В самой Великобритании ура-патриотический запал, казалось бы такой неенсаяемый, со временем улетучивался. Недовольство войной росло по всей стране. Жарко обсуждались выходившие одна за другой брошюры: «Убью ли я своего брата?», «Правы ли мы?»...

Но издавались и другие книжки. Не успела война кончиться, как вышел бездумно-шовинистский сборник солдатских писем. Он назывался длинно и выпендриво: «Послания Аткинсов — свет человечности в горниле войны. Письма простых солдат, посланные из Южной Африки на родину, — это ответ на вопрос: «Как люди чувствуют себя на войне?»»

Что ж, и эти письма, наверно, не были выдумкой составителя пухлого сборника. Но сколько английских Томми — их письма в сборник не попали — проклинали войну! Этого не мог не отразить даже друг и единомышленник Сесилия Родса — Киплинг. И не мог не оправдать даже поступка, самого, казалось бы, позорного для солдата.

Причины дезертирства без труда
Поймет солдат. Для нас они честны.
А что до ваших мнений, господа, —
Нам ваши мнения, право, не нужны.

Люди викторианской Англии, нравы викторианской Англии, гордыня викторианской Англии — все это уходило не под гром фауфар. Умерла во время войны и сама королева Виктория. «Вдова», как окрестил ее Киплинг.

«Все продолжительное царствование, бывшее почти непрерывным рядом успехов для Англии на всех поприщах, завершилось так печально. Не могла не страдать королева, сознавая, как во всемирном неодобрении несправедливой войны пало нравственное обаяние Великобритании, а в неудачах ее войск погиб ее политический престиж»¹³. Так писал из Лондона российский дипломатический представитель.

И причиной тому — тысячи «похоронок» с Юга Африки.

Половина из них до сих пор лежит
Там, где Вдова угощала.

За войной на Юге Африки следил весь мир. «Буры и все «бурское» интересует теперь решительно все слои общества: и в великосветской гостиной, и в редакции газеты, и в лакейской, и даже в извозчикьем трактире только и слышны разговоры о буре и африканской войне». Так говорилось в 1900 году в брошюре, изданной в Санкт-Петербурге¹⁴, за тысячи и тысячи верст от трансваальского фронта.

Да разве только в трактирах, лакейских и го-

стиших? Николай II писал своей любимой сестре Ксении: «Я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки...»¹⁵

Мир сочувствовал бурам, маленькому Давиду, героически бившемуся с огромным Голиафом. Бурам простили все, забыли и об их невежестве, о котором так образно писал Марк Твен. Не задумывались о том, что сами буры угнетали других людей, африканцев. Африканцев-то еще и не научились считать за людей.

Вообще видели только одно: большой напал на маленького и маленький бьется изо всех сил. Буры стали символом свободолобия, отваги, самопожертвования.

Комитеты помощи бурам создавались во многих странах. Ромен Роллан посвятил бурской войне драму «Наступит время». Родса и Чемберлена осудил Анатоль Франс.

Сочувствие бурам приводило к осуждению Англии. Ее осуждали чуть ли не все — от мала до велика.

И больше всего клеймили Сесилия Родса. Войну считали торжеством его политики, а его — главным виновником. Так было повсюду. В петербургской «Ниве» говорилось: «Родс был главным виновником англо-бурской войны». В «Одесских новостях»: «Единственный истинный виновник южно-африканской войны — «калский Наполеон»».

Побывав у Льва Толстого в начале января 1900 года, корреспондент одной из петербургских газет писал: «О своих работах граф говорил вообще неохотно, но едва речь зашла о Трансваале и англо-трансваальской войне, великий старик оживился, глаза его заблестели.

— Знаете ли, до чего я доходил... — сказал он. — Утром, взяв в руки газету, я страстно желал всякий раз прочесть, что буры побили англичан».

А вот слова Толстого, переданные другим его собеседником. «Знаю, — сказал, как бы извиняясь за невольное нарушение своего религиозно-нравственного принципа, — не следовало бы мне радоваться победам буров и огорчаться их поражениями, они ведь как раз с оружием в руках убивают английских солдат, но ничего с собой поделать не могу. Радуюсь, когда читаю о поражениях англичан, — даже как-то на душе веселее становится».

Вильгельм Либкнехт, Август Бебель, Жан Жорес, Ван Коль и другие лидеры западной социал-демократии

выступали против английской агрессии, поддерживали трудную борьбу английских социалистов, публично осуждавших собственное правительство.

В. И. Ленин в газете «Искра» назвал «теперешнюю войну англичан с бурами» примером того, как «ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти»¹⁶.

В Трансвааль ехали добровольцы из Франции, Германии, Голландии, Америки...

Сестры милосердия из Петербурга выхаживали раненых под Питермаринбургом, а кронштадтские ветераны оказались под Капштадтом, как у нас называли тогда Кейптаун. На стороне буров сражался молодой инженер Владимир Семенов — потом, в тридцатых годах, он стал главным архитектором Москвы — и грузинский князь Нико Багратиони. Отставной подполковник Максимов после гибели французского графа Вильбуа де Марейля возглавил в Трансваале отряд добровольцев, приехавших из разных концов Европы.

Даже через несколько десятилетий, уже на склоне своих лет, Маршак вспоминал, как в детстве он играл с соседскими мальчишками в войну буров и англичан. А Эренбург — как он «сначала написал письмо бородатому президенту Крюгеру, а потом, стащив у матери десять рублей, отправился на театр военных действий». Но его поймали и вернули.

Паустовский в своей чудесной повести о детстве и юности писал: «Мы, дети, были потрясены этой войной. Мы жалели флегматичных буров, дравшихся за независимость, и ненавидели англичан. Мы знали во всех подробностях каждый бой, происходивший на другом конце земли... Мы зачитывались книгой «Питер Мариц, молодой бур из Трансвааля».

Но не только мы — весь культурный мир с замираньем сердца следил за трагедией, разыгравшейся в степях между Ваалем и Оранжевой рекой, за неравной схваткой маленького народа с могучей мировой державой».

Разумеется, бывало и так, что симпатия к бурам шла больше от англофобии, от неприязни к британским порядкам. Бывала и прямая спекуляция на этих симпатиях: напоминаниями о чужих бедах отвлечь внимание собственного народа от его горестей и тягот. Этот при-

ем, старый, как мир, использовался тогда и властями Российской империи.

Льва Толстого, судя по многим его высказываниям, тревожило, что симпатии к бурам связаны были нередко с такой открытой неприязнью ко всему английскому.

Нельзя не упомянуть и мнение Марка Твена. Он несколько лет жил в Англии, а за три года до войны был в Южной Африке — и в бурских республиках, и в английских колониях. Британский империализм он страстно критиковал, но при этом искренне горевал, видя катастрофическое падение престижа Англии. В одном из писем он выразил это, не стремясь, правда, к чеканной точности формулировок: «Как наша цивилизация ни жалка, она все же лучше подлинного варварства, а посему мы должны поддерживать ее, распространять и (публично) хвалить. И поэтому мы не имеем прана осуждать сейчас Англию и обязаны надеяться, что она победит в этой войне, ибо ее поражение и падение означало бы непоправимое несчастье для шедудивого человечества. Естественно, что я за Англию. Но она глубочайшим образом не права, Джо, и все (просвещенные) англичане знают это».

И просвещенные англичане оправдали надежды Марка Твена: не только социалисты, радикалы и пацифисты, но и просто честные люди, не поддавшиеся опьянению шовинизмом... Сэр Харкурт, которого Андре Моруа назвал последним гигантом либерализма восьмидесятих годов, говорил о бурской войне:

— Крымская война была ошибкой, а эта — уже преступление.

А о Родсе, который во время процесса о набеге Джемсона так старался его разжалобить, этот старик сказал:

— По-моему, так лучше бы всего дать ему треуголку, пару простых штанов и отправить на остров Св. Елены.

Его война?

Известие об ультиматуме Крюгера застало Родса в Кейптаунс. Но вечером того же дня, 9 октября, он выскользнул из дома и, стараясь быть незамеченным, сел в поезд, идущий в Кимберли.

Почему он так сделал? Ни один из биографов Родса толком на это не ответил, да, кажется, никто даже и не

задался этим вопросом. Кто-то написал, что Родс несколькими днями раньше, еще до войны, объявил, что он туда едет в связи с какими-то делами. А кто-то счел, что во время войны Родсу и полагалось быть в столице своего алмазного королевства. «Родс знал, где ему надлежит находиться. Ведь его шахты — в Кимберли»¹⁷.

Но таких королевств у Родса было несколько, а шахт — и того больше. Почему же именно в Кимберли?

Ну, допустим, он не думал, что попадет в ловушку. Но ведь все равно, уезжая из Кейптауна, он оказывался вне центра событий. Решения британской стороны в этой войне должны были приниматься в Кейптауне или идти из Лондона через тот же Кейптаун. И Родс сознательно сразу же ставил себя в положение, когда он никак не мог влиять на события. Он человек действия и еще раз действия!

Может быть, он поехал, чтобы показать, что никакие внешние события, даже война, не заставят его менять принятые решения? Но это было бы слишком нелепо.

Или он считал, что война не продлится и нескольких дней? Вероятно, но все же не очень.

Возможно, он боялся, что в Кейптауне с ним и с его мнением не станут считаться в той мере, как ему хотелось бы, и это будет ежечасно оскорблять его самолюбие. А потому, как говорили римляне, лучше быть первым на селе, чем вторым в Риме.

Или втайне надеялся, что его хватятся, поймут, что без него никак нельзя.

Так ли он думал, кто знает. Но во всяком случае он вряд ли предвидел, как развернутся события. Не только он, никто вообще не ждал, что первый период войны пройдет при явном превосходстве буров.

Поезд, на который сел Родс, оказался последним прибывшим в Кимберли. Буры сразу же отрезали и окружили город.

Появлению Родса жители города не обрадовались. Он был для буров исчадием ада и его присутствие в Кимберли обостряло нависшую над городом опасность, могло лишь ожесточить буров, усилить их стремление захватить и без того ненавистную им алмазную столицу, порождение английской алчности.

Еще 4 октября, видя приближение войны, мэр Кимберли от лица горожан послал Родсу телеграмму с просьбой отложить приезд. А один из жителей Кимберли

обратился к Родсу с этой просьбой еще раньше, 1 октября, и написал: «Вы ведь знаете, что буры считают Вас первопричиной всего зла и что надвигающуюся войну они тоже отнесут на Ваш счет».

Родс оказался заперт в Кимберли на 124 дня, больше чем на четыре месяца. Правда, Джемсон был на еще больший срок заперт в Ледисмите, а полковник Баден-Пауэл, оказавший такие услуги Родсу во время восстания ндебелов и шонов, — в Макефинге.

Всесильной Де Беерс принадлежало в Кимберли все. Отряды волонтеров, защищавших город, состояли из ее рабочих и служащих. Продовольственные склады, лошади, повозки — все было собственностью Де Беерс. Женщины и дети прятались от бурских снарядов в шахтах Де Беерс. Один из инженеров этой компании сумел во время осады даже сконструировать крупное артиллерийское оружие. Его называли «Длинный Сесиль», и оно било по бурам снарядами с надписью «Привет от С. Д. Родса».

Но пребывание в осажденном городе не принесло Родсу лавров. Считая себя полновластным хозяином Кимберли, он и вел себя соответственно. Публично игнорировал начальника гарнизона, подполковника Кекевича, нарушал его приказы, оскорблял его. Не зная военного дела, во многом мешал организовать продуманную оборону.

Раздражительность, вспыльчивость и нетерпимость в характере Родса становились все сильнее. Он писал резкие письма английским генералам, упрекал их, что они, мол, медлят с освобождением Кимберли. Дошло до того, что Кекевич вынужден был пожаловаться вышшему командованию и пригрозить Родсу арестом.

...Пятнадцатого февраля 1900 года английские войска заставили буров уйти от Кимберли.

Каким героем, должно быть, чувствовал себя Родс! Каких почестей, какого поклонения и восхищения ожидал. И как человек, вынесший 124-дневную осаду. И как политик, видевший во всей этой войне результаты своих многолетних действий.

Но там, в осаде, он был изолирован от мира в течение бурных четырех месяцев, когда определилось отношение к этой войне и во всем мире, и в самой Англии. Не знал, что престиж Англии упал, как никогда, и что на Британских островах эта война становилась все менее популярной.

Родс не мог всего этого хорошо знать в своем бло-

кированном городе алмазов. Да при его характере, манере мышления и эгоцентризме ему это и не легко было бы понять. И уж совсем трудно было ему представить, какие проклятья обрушивались на его голову, как его винули. Как было ему осознать, что даже правителям Англии приходилось учитывать это настроение и они не могли так уж демонстрировать свою близость к нему.

Родс видел все в ином свете. В Кимберли он чувствовал себя запертым в клетке. Вместо того чтобы управлять ходом войны, давать указания фельдмаршалам, был обречен пререкаться с каким-то безвестным подполковником, начальником маленького гарнизона.

Но вот наконец освобождение. Долгожданный момент, когда одетые в хаки томми аткинсы своей кровью заставили буров снять осаду. И сразу же лютое разочарование, как ледяной душ.

...На командные высоты этой войны его не пускают. Ему ничего не поручают, в его услугах не нуждаются.

Какой страшной несправедливостью казалось ему все это. Идет его война, война ради целей всей его жизни. Но обходятся без него. А в левых газетах пишут даже, что другим приходится расхлебывать кашу, которую заварил он. Ему припоминают его слова, поступки, но не так, неверно, несправедливо, извращенно.

До сознания Родса его новое положение дошло не сразу. Поначалу он попытался очень бурно включиться в политическую жизнь. Осада с Кимберли была снята 15-го февраля, а уже через неделю, 23-го, он выступил с программной речью на заседании пайщиков Де Беерс. Он говорил даже о том, какой должна стать Южная Африка, объединившись под британским флагом после завершения бурской войны.

По этой речи видно, как энергично он ринулся снова на политическую сцену, чтобы завоевать себе новых сторонников.

Тут-то Родс и произнес фразу, которую потом, после его смерти, и вплоть до наших дней, цитировали чаще любых других его слов. Больше того, она стала пропагандистским кредо всей британской колониальной политики и в этом качестве десятилетиями печаталась на обложках колониальных журналов и других изданий Южной Африки, Родесии и самой Англии.

В этой фразе и по сей день видят нередко свиде-

тельство либеральности британского колониализма, признак того, что патриарх этого колониализма еще в конце прошлого века считал своей целью цивилизовать всех африканцев и вообще небелых, а цивилизовать, дать им все гражданские права. Фразе Родса официальная Англия противопоставила «узколобому бурскому шовинизму».

Фраза эта всегда приводилась в таком виде: «Равные права всем цивилизованным людям к югу от Замбези». Трактовали ее впоследствии расширительно, как девиз английской колониальной политики: «равные права всем цивилизованным людям» не только в Южной Африке, а повсеместно. Назвали даже «принципом Сесилия Родса».

Эти слова противоречат всему, что Сесиль Родс делал. И даже тому, что он говорил. Несколькими годами раньше он с предельной ясностью выразил свое отношение к европейски образованным африканцам: «Ученый негр — крайне опасное существо».

Мог ли человек, с такой неприязнью относившийся к «ученым неграм», столь круто изменить свое мнение?

Политические лозунги нередко претерпевают сложную историю и, бывает, резко меняют свой смысл под влиянием обстоятельств. Так произошло и тут. В речи, произнесенной 23 февраля 1900 года, фраза о равных правах звучала совсем не так, только об этом в английской литературе не любили вспоминать.

Родс упомянул тогда не «цивилизованных», а «белых». Одно слово, а смысл сказанного совсем иной. Фраза была рассчитана на буров. Родс надеялся привлечь на свою сторону хоть какую-то часть бурского населения. Он снова стал заигрывать с бурами, добиваться их доверия, которого всегда домогался и которое сам же разрушил, сперва набегом Джемсона, а потом — этой страшной войной.

Но формулировка о равных правах только для белых вызвала возмущение в среде метисов — цветного населения Капской колонии. Ведь именно в это время, в связи с бурской войной, английские власти особенно настойчиво заявляли о либерализме, даже демократизме своей колониальной политики, всячески противопоставляли ее открытому расизму бурских республик, утверждали, что Англия борется за человеческие права небелых, поправные бурами.

Ассоциация цветных избирателей послала Родсу номер газеты «Истерн провинс гералд» с текстом его вы-

ступления и задала вопрос, как же понимать фразу о правах. Вот тогда-то Родс и изменил свой первоначальный лозунг. Он вернул газету, написав на полях: «Мой девиз — равные права каждому цивилизованному мужчине, живущему южнее Замбези. Кто может считаться цивилизованным? Каждый — как черный, так и белый, — если он достаточно образован, чтобы написать свое имя, а также обладает недвижимой собственностью или заработком. И конечно, не бродяга».

Через десять лет вся эта история была воспроизведена в кейптаунской газете «АПО», которую издавали цветные¹⁸. Один из английских биографов Родса, узнав подоплеку девиза о «равных правах», заметил: «Грустно обнаружить, что Родс был способен ради ловли голосов фальсифицировать такое важное заявление»¹⁹.

Но самому Родсу эта фраза дала политический капитал только посмертно. Тогда же, при жизни, даже этот довольно ловкий ход не помог ему восстановить утраченное место на официальной сцене.

Какие-то знаки внимания он, разумеется, получал. Приветствия. Даже от мусульманской общины города Кимберли.

Но разве об этом он мечтал...

Родс стал метаться. Приехав из Кимберли в Кейптаун, он почти сразу же отплыл в Англию, а оттуда вскоре опять вернулся в Африку, но не в те страны, где шла война, и куда, казалось бы, его должно было тянуть. Нет, он отправился на несколько месяцев путешествовать по Родезии. И в июне, когда в Капской колонии возник правительственный кризис и произошел раскол между министрами, которых Родс когда-то «выводил в люди», он у себя в Родезии даже постарался быть вдали от телеграфа, чтобы не слышать неприятных вестей.

Но в октябре 1900-го он все-таки снова приехал в Кейптаун, снова выступил с речью. Вероятно, он уже ясно осознал, что весь мир видит в нем главного виновника войны, неожиданно оказавшейся такой кровавой. Поэтому он, должно быть, и обратился к аудитории со словами:

— Вы все время слышите, что эту войну вызвал вот такой-то или такой-то. Я скажу вам подлинную причину войны.

И он возложил вину... на нескольких депутатов капского парламента.

К этому времени Родс уже и сам, кажется, перестал

претендовать на крупную политическую роль. Честолюбие было непоправимо уязвлено, и это пагубно сказывалось на здоровье. Так в отступающих войсках болезней и недомоганий всегда больше, чем в победоносных.

Друг и душеприказчик Родса писал: «У него уже не было иллюзий. Дело его жизни фактически подошло к концу»²⁰.

Следующий, 1901-й — в неожиданных и не очень оправданных поездках: Кимберли, Булавайо, Мафeking, опять Кимберли. Потом Англия, Италия, Египет. В начале 1902-го — Англия и сразу же опять Кейптаун.

Все вокруг должно было казаться ему и несправедливым, и даже непонятным. Ведь вот и в войне наступил поворот. Сколько бы еще шло упрямылись буры, придется им идти на мир. А мир — это значит объединение бурских республик с английскими колониями, создание Южноафриканской федерации в составе Британской империи. То, к чему он, Родс, стремился столько лет, ради чего жил, действовал. И враги помнят это, не прощают ему.

А собственная страна, Англия, — разве она благодарна ему? В такой мере, как того заслужил? Разве ему дают в этой войне ту роль, которая ему принадлежит по праву?

И другая несправедливость. Ведь сколько было событий, в которых он, Родс, лично не участвовал, не рисковал жизнью, не разделял всех тягот, и все же именно с его именем связывали эти события, именно его считали героем. Так было и в войне с ндебелами, в 1893-м, и в походе «пионеров», в 1890-м.

А тут. Он четыре месяца был в осаде, кругом грохотали снаряды. И ведь если бы Кимберли пал, буры могли его просто растерзать. Тут-то над его ликом и должен был появиться венчик героизма. Тут-то и должны перед ним преклоняться куда больше, чем раньше.

Но нет, ничуть не бывало.

Для одних герои этой войны — бурские генералы. Луис Бота, новый трансваальский главнокомандующий, преемник старого врага, Питта Жубера. Или Девет. Из Оранжевой. Его фотографиями полны газеты всего мира. Деларей. Ему-то и приписывают изобретение траншей, этих щелей в земле, где можно спрятаться от шрапнели. Чуть не побратались когда-то с Делареем,

ннуков его крестил он... Но все до злополучного набега... Из-за Деларей и из-за таких, как он, и схватили тогда доктора Джима...

Да даже Крюгер. Армию его громят, столицу заняли, пришлось ему бежать в Европу, а он все в героях. Ну, кайзер Вильгельм его, слава богу, в Германию не пустил. Но Франция-то, Франция! Весь Марсель высыпал встречать его. Банкет на четыреста персон устроили. Всюду только и разговоров, что о нем, о его окладистой бороде, черном сюртуке, о его неизменной трубке. Да о том, что Библия у него всегда в руках. И лицо его почему-то всем кажется добродушным.

А сами-то! Ведь и о буре толком ничего почти не знают. Прибыли мальгаша на Парижскую выставку, так их приняли за буров, кричали: «Да здравствуют буры!»

И все равно речи Крюгера идут в Марселе под гром аплодисментов. Потом так же бурно в Лионе, потом — в Дижоне. Кто-то даже сравнил этот триумф с тем, как Наполеон, покинув Эльбу и высадившись на юге, победно шествовал по Франции.

На знаменитой Парижской выставке 1900 года в центре внимания — экспонировавшаяся там бурская ферма. Парижане спрашивают друг у друга: «Ты видел ферму?» А какой-то Эдмон Ростан, уроженец Марселя, еще молодой, но, говорят, уже известный, написал даже стихи «Гимн Крюгеру»:

Когда ты в городе моем сошел на берег,
Все знали, что ты побежден — никто не верил.
И я, как все, затрепетал — Старик! Воитель!
Ты в моем сердце встречи был как победитель.

А какой каскад насмешек французы обрушивают на Англию! Прежде всего на него, Сесилия Родса. В журнале «Рир» («Смех») Джон Буль говорит ему, Родсу: — Теперь понятно. Величественные деяния — это кровь других людей.

Ну, это все у тех, кто не любит Англию и болеет за буров.

А другие-то. Соотечественники. Они-то кого выбирают себе героями?

Пожалуйста — лорд Робертс. Прозвище — Бобс. Фельдмаршал, командующий...

Краснорожий чародей —
...Крошка Бобс...
В ад пойдет с ним всяк, кто цел, —
Веришь, Бобс?

Слева: бурское объявление о розыске Уинстона Черчилля, бежавшего из плена.
Справа: молодой Уинстон Черчилль в Трансваале

Что ж, он в своем деле не последний. Но и лошадей таких рослых тоже выбирает не зря. Как величествен верхом! Не разглядишь, какой он маленький и что ему уже под семьдесят.

Или Китченер... Холодными глазами его восторгаются, а что лицо зачастую брезгливое — не замечают. Да, начальник штаба у самого Робертса, а вскоре — и на месте Робертса... Как любили они, Родс и Китченер, ранним утром проехаться верхом по лондонскому парку... Как это было недавно! И давно...

Но Китченер, как и Робертс, дослужившись до вы-

соких воинских званий, воевали ведь пока только с азиатами и африканцами. Правда, Китченер повидал и франко-прусскую войну. Но тогда ему было только двадцать, и у французов он был просто добровольцем...

Посмотрим еще, смогут ли они довести дело до конца в своей первой войне между белыми людьми... Конечно, под их началом сражаются и части, которые дрались в Крымскую кампанию, под Балаклавой, да с тех пор ведь воды утекло немало...

Сколько пишут о Киплинге! Как создал отряд воинов, как навещал раненых, как собирал деньги для солдатских семей, как отдавал на войну гонорары за свои стихи и поэмы! На всех газетных восторгов хватает...

И вокруг Баден-Пауэла создали шумиху — ну, бедняга, пожалуй, заслужил. Его все-таки держали в осаде почти на сто дней дольше, чем меня в Кимберли. На этот маленький Мафекинг буры выпустили двадцать тысяч снарядов! Бог с ним...

...Но вот хоть этот молоденький репортер. Черчилль, сын того недотепы, что ездил по Родезии в 91-м... Ну, бежал из плена. Ну, назначили буры за его голову 25 фунтов. Не ахти как высоко оценили. Но вернулся в Лондон этот мальчишка — львом сезона стал, в парламент сразу выбрали!

Даже его тетка, леди Сара, и та ходит в героинях, и только потому, что сумела пробиться в осажденный Мафекинг к своему мужу, офицеру.

А его, Родса, никому не приходит в голову считать героем этой войны! К нему относятся как к тому мавру, который уже сделал свое дело и которому остается теперь только уйти.

На самом деле, конечно, было не совсем так, а может быть, и совсем не так. Правители Англии не собирались делать из Родса козла отпущения. Но в герои этой войны его произвести было трудно — слишком многие видели в нем виновника потоков лившейся крови.

Да и сам Родс подставлял себя под удары. Анекдотические рассказы о его стычках с военными во время осады Кимберли не составили ему славы.

А потом еще скандал из-за счета, который родсовская Де Беерс предъявила британскому казначейству. Речь шла об убытках, понесенных этой компанией во

время осады Кимберли. Счет был на триста тысяч фунтов. И даже такие пункты:

За венок, возложенный на могилу убитого офицера... 19 ф. 10 ш.
За наем кеба для корреспондентов, находящихся при компании... 70 ф.
Посыльным, доставлявшим из Моддеррифира в Кимберли газеты для Сесилия Родса . . . . . 788 ф.
За доставку письма Родса в Мафекинг . . . . . 25 ф.

Правительство вернуло счет с намеком, что надо бы совесть иметь. Но компания не прекратила своих домогательств, она лишь сократила их до 54641 ф. 4 ш. 9 пенсов.

Один из депутатов-ирландцев сделал в палате общин запрос по поводу этого счета и огласил возмутительные, с его точки зрения, требования компании.

Могло это способствовать популярности Родса? Он, всегда так тонко чувствовавший настроения публики, теперь вредил себе. Да еще как!

Несколькими годами раньше сам бы прекрасно понял, что такие поступки совершенно недопустимы, во всяком случае до той поры, покуда не кончилась война и страсти не поостыли. Теперь — нет. Не понимал. Может быть, сам себя убеждал, что Кимберли отстояли на вербованные им волонтеры. А если так, то вроде бы можно...

Но настроения вокруг были иные. Понять это и тем более смириться он никак не мог.

**И ВЕК,
СЧИТАЙТЕ,
ПРОЖИТ**

а Юге Африки шла война, которую весь мир считал его войной. А он не находил себе ни места, ни дела. Что его заставляло метаться? Действительно определенные,

конкретные неудачи? А может быть, самое гнетущее — труднообъяснимая тоска, разлад со всем миром и самим собою?

Может быть, он впервые стал подводить итоги своей жизни, оценивать совершенное. Казалось бы, как много сумел осуществить из задуманного.

Кой-что добыто торгом,
Кой-что нам дал захват,
Кой-что — учтивость наших
Ножей и каронад...

Но не то, не так! Не пришел «конец всем войнам», о котором Родс наивно писал еще в первом политическом завещании. Да и сами англичане — нация, которой он готовил столь блестящее будущее, — разве они оправдали его надежды?

Тоску о несбывшемся он, конечно, познал. Задумался ли тогда и над какими-то другими сторонами жизни, кроме деловых и политических? Ведомо ли было ему чувство, которое почему-то с насмешкой именуют мировой скорбью? Посещали ли его те мысли, о которых писал тогда Салтыков-Щедрин: «Знал я, сударь, одного человека, так он покуда не понимал — благоденствовал, а понял — удавился!»

Родс оказался на склоне своей карьеры, да и жизни, довольно рано, в сущности лет с сорока трех — с набега Джемсона. Но сознание этого пришло позднее. Как же он осмысливал тогда свое прошлое?

Создается такое впечатление, что не только возвыситься над своими политическими действиями, но даже как-то посмотреть на них со стороны ему было трудно. Из него не вышло бы ни Талейрана, ни Фуше, ни уж, разумеется, византийца Прокопия Кесарийского, который, утверждая официальные политические догмы, тайком писал свою «Тайную историю».

Многие биографы Родса называют его натурой цельной, подчеркивая тем самым, что его никогда не терзали сомнения. Похвала ли это? Известно ведь с античных времен и мнение, что человек все-таки соткан из противоречий и во внутренней борьбе рождается его духовная ценность.

Создается впечатление, что Родс всю свою сознательную жизнь действительно держался примерно одних и тех же взглядов. Даже в последние годы и месяцы сколько-нибудь всерьез не переосмысливал своих идей, не задумывался о переоценке своей собственной роли, ни в чем особенно не раскаивался. Разве что в таких роковых неудачах, как набег Джемсона. Да и тут он не раскаивался в самом поступке, а лишь сетовал на неудачу.

Ему пришлось отказаться от такого замысла, как создание тайного ордена для расширения Британской империи. Но и это лишь в силу сложившихся обстоятельств, а не из-за пересмотра взглядов.

Да действительность не так уж во многом и заставляла его пересматривать взгляды. Ведь то, что он проповедовал, английские власти совершали шаг за шагом!

Но делали это уже не его руки, он не чувствовал себя напрямую режиссером событий. Отсюда и обиженность, и мнительность.

Родсу, бывшему премьер-министру, бывшему члену Тайного совета королевы, поневоле приходилось становиться в позу человека хотя и обойденного, оскорбленного, но все же не унижающего себя жалобами и пререканиями.

Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Это киплинговские заповеди, они появились уже вскоре. И их примерял к себе каждый, правый и виноватый. Они и составлены были так, что годились каждому. А Родсу бы казалось, должно быть, что они прямо к нему обращены. Как-никак Киплинг — его почитатель, частый гость его дома и вроде полный единомышленник.

Еще за год-полтора до смерти Родс физически чувствовал себя сравнительно сносно, многим говорил об этом, да это и видно было во время его путешествий. Но его снедала тоска человека, оставшегося не у дел. Конечно, есть алмазные россыпи, есть золотые при-

иски, есть Родезия. Да разве это те масштабы, о которых он мечтал...

Последний удар был нанесен ему совсем уж неожиданно.

Женщина вторглась я в его жизнь

Родс не любил женщин и избегал их. Казалось бы, его уж никак не касались слова Киплинга, которые так понятны мужчинам на самых разных широтах (не потому ли и молодой Константин Симонов когда-то перевел их?).

Жил-был дурак. Он молился всерьез
(Впрочем, как Вы и Я)
Тряпкам, костям и пучку волос —
Все это пустою бабой звалось,
А дурак ее звал Королевой Роз
(Впрочем, как Вы и Я).

Но все же и в его жизнь вторглась женщина. И заставляла тратить попусту нервы, время и деньги, метаться с одного края света на другой, не дав взамен ни тепла, ни покоя, ни радости. И Родс, умевший справляться с другими так безжалостно и ловко, спасовал перед нею, когда она вломилась в его жизнь.

...Как часто политики, ученые, писатели недобрым словом поминали женщин, весь талант которых в том и состоит, чтобы распространять сплетни, создавать школы злословия, плести интриги в околотворческой или околополитической среде. Интриги дамские, но, может, потому-то и действенные. Александр Блок когда-то с горечью писал в своем дневнике: «Они нас похваливают и поругивают, но тем пьют нашу художническую кровь. Они жиреют, мы спиваемся. Всякая шавочка способна превратиться в дракончика... Они спихивают министров... Это от них так воняет в литературной среде, что надо бежать вон, без оглядки». Кто же они, эти бестии? «Патронессы, либералки, актриски, прихлебательницы, секретарши, старые девы, мужние жены, хорошенькие кокоточки — им нет числа».

Что же за хищница встала на пути Родса? Княгиня Екатерина Радзивилл, полька, уроженка Петербурга. С. Ю. Витте, знавший ее молодой, писал: «...я встречал очень интересную особу — княгиню Радзивилл; эта княгиня Радзивилл была очень красивая собою... Впоследствии оказалась большою авантюристкой». Она су-

мела произвести впечатление даже на двадцатилетнего гусарского лейтенанта Уинстона Черчилля, хотя была старше его на шестнадцать лет. Черчилль нашел ее очаровательной и вместе с тем крайне эксцентричной.

Княгиня умела выбирать поклонников пожилых, но зато влиятельных. Витте писал о ее связи с генерал-адъютантом Черевиним, который был не только начальником охраны Александра III, но и одним из самых близких к нему придворных. «...Она попросту жила с Черевиним, а поэтому имела некоторое влияние в петербургском обществе, так как этот Черевин был влиятельным человеком, а вследствие этого и княгиня Радзивилл могла оказывать некоторое влияние. После смерти Черевина у нее обнаружили не вполне чистые дела, и она переехала в Англию». Витте связывал ее имя и с Иваном Алексеевичем Вышнеградским, министром финансов.

Не исключено, что Витте попутал что-нибудь, как он приписал ей потом и роман с Родсом. Впрочем, Родс был далеко в домашних же, петербургских событиях Витте, как известно, разбирался неплохо. И что до «не вполне чистых дел» в Петербурге, то они у княгини действительно были. Ей пришлось покинуть Северную Пальмиру, когда обнаружилось, что в подвале ее дома, и вроде не без ее ведома, обосновались преступники, занимавшиеся всякого рода подделками.

Родса княгиня встретила в 1896 году, когда ей было уже тридцать восемь. Познакомились они в Лондоне, на обеде у редактора газеты «Таймс». И решила обедневшая аристократка подобраться к деньгам миллионера: женить его на себе, влюбить в себя — все равно, лишь бы добиться своего. Правда, молодость миновала и с ней ушло обаяние. Но зато появился опыт, и княгиня взялась за холостого миллионера умело и энергично. Начала с восторженного письма — как изумительно вел себя Родс в комиссии по делу о набеge Джемсона! Потом попросила советов, куда лучше вкладывать капиталы, ведь она так беспомощна в делах... Правда, вкладывать-то было, собственно, нечего, капиталов почти не осталось.

Шел 1899 год, на Юге Африки сгущалась военная гроза. Первого июля Родс сел на корабль, плывший из Лондона в Кейптаун. Странное совпадение — княгиня оказалась на том же пароходе и с первого же дня стала соседкой Родса за обеденным столом в салоне-ресторане.

О чем они говорили? Она горько жаловалась на жестокости и издевательства мужа, между делом сообщила, что уже разведена, хотя развод состоялся лишь через несколько лет... Однажды, когда они прогуливались по палубе, она картинно упала Родсу на грудь.

Сколько усилий – и все почти бесполезно. К концу долгого плавания ей удалось добиться лишь приглашения бывать в Хрут Скер. Но она сумела извлечь максимум выгоды и из этого и вскоре стала своим человеком в доме.

Роман? Нет, не вяжется это как-то со всей жизнью и обликом Родса. Дело, видимо, в том, что княгиня с пониманием обсуждала самое для Родса животрепещущее – политические дела. Изобразила такую приверженность замыслам Родса, что сумела войти в доверие. Умело льстила. Могла к месту завести речь о своих связях с аристократией всей Европы. И намекнуть, что связи эти – к услугам Родса.

Знакомства у княгини действительно были. У человека с фамилией Радзивилл их не могло не быть: родственниками Радзивиллов были даже Стюарты, английские короли. Правда, эту громкую фамилию, как и титул княгини, она носила по мужу, князю Вильгельму Радзивиллу, офицеру прусской армии, за которого вышла пятнадцатилетней девушкой. Но и ее девичья фамилия – Ржевусская – тоже открывала перед ней многие двери.

Ее отец, Адам Ржевусский, был флигель-адъютантом Николая I, генералом, одно время военным комендантом Петербурга. Его первая жена, урожденная Лопухина, была фавориткой Александра I. Брат его, Генрих, жил в Польше и стал известным писателем. Сестра Адама, вдова графа Ганского, жила на Украине и вышла замуж за Бальзака (или, как говорилось в церковной актовой книге города Бердичева, где состоялось венчание, за «помещика французского Краз Гонората Бальзака, юношу 50 лет, имеющего урядовое дозволение матери на вступление в этот брак с Евою Ганскою, уроженкою Ржевусскою»).

В доме Ржевусских в Одессе в пушкинские времена находился салон Каролины Собанской. Пушкин бывал у нее, был в нее влюблен, посвятил ей «Что в имени тебе моем?», «Все кончено: меж нами связи нет», «Простишь ли мне ревнивые мечты», «Как наше сердце своенравно»...

Сколько же возможностей открывала перед Екате-

риной такая родословная! Петербург, Берлин, Вена, Лондон — в молодости она всюду чувствовала себя как рыба в воде среди космополитическо-аристократической знати.

Было у княгини и еще одно достоинство, которое могло показаться Родсу весьма полезным. Она бойко владела пером. Правда, к моменту знакомства с Родсом этот ее талант проявился еще не во всем блеске. Это уже потом она наводнила европейские книжные рынки потоком своих сочинений о русском и других европейских дворах.

О жизни последних Романовых, например, многие на Западе судили по ее пухлым томам. Достоверностью они не отличались, да и откуда ей взяться? Ко двору Николая II княгиню, мягко говоря, не очень допускали — уж больно скандальную славу приобрела она с годами. Так что в основе ее «воспоминаний» были не собственные впечатления, а сплетни из вторых и третьих рук. Но зато какие названия она давала своим книгам! «Интимная жизнь последней царицы», «Гайны русского двора», «Упадок и крах России. Секретная история великого падения», «Николай II, последний из царей», «Распутин и русская революция».

Княгиня долго жила в Берлине, и вот из-под ее пера появились: «Разочарование кронпринцессы, или История любви и семейной жизни Цецилии, бывшей германской кронпринцессы», «Германия при трех императорах». Бывала в Вене. Отсюда — «Австрийский двор изнутри». Во Франции «Франция без вуалей»... Книжки выходили на английском, французском, немецком, даже шведском.

Все это было потом. Но и ко времени знакомства с Родсом одно из ее литературных упражнений уже наделало немало шума в Европе. В октябре 1883 года во французском журнале «Нувель ревью» появился очерк «Берлинское общество». В нем высмеивались верхи берлинского общества, начиная с кайзера, рейхсканцлера и двора. Ко двору кайзера Вильгельма I молодая и тогда еще не очень скомпрометировавшая себя княгиня действительно была допущена и описала его со знанием дела. Берлинский свет встревожился. Гольштейн, один из руководителей немецкой дипломатии, возмущался «ядовитостью» статьи и гадал, кто же мог быть ее автором.

Даже в изданной спустя много десятилетий, уже в 1957 году, книге известного западногерманского исто-

рика Хельмута Рогге «Гольштейн и Гогенлоэ» тот же вопрос: «Подлинный автор сенсационной статьи, которая потом в виде книги вышла под псевдонимом граф Поль Василий, так до сих пор и не установлен».

А это был псевдоним княгини Радзивилл. Она подписала так множество своих книг и статей. Весь этот шум в Берлине княгиня произвела, когда ей исполнилось всего двадцать пять.

Свое бойкое перо она готова была предоставить в распоряжение Сесилия Родса. К тому же она сразу перезнакомилась с ведущими южноафриканскими политиками — Яном Хофмейером, британским верховным комиссаром Милнером и другими. И тут начала демонстрировать Родсу свой главный дар — умение плести интриги. Явно предлагала поставить и этот дар ему на службу.

Смысл ее игры сводился к тому, чтобы, подогрев честолюбие Родса, снова втянуть его в борьбу за пост премьер-министра и убедить, что победа возможна лишь при ее содействии.

Потом началась война. Пока Родс был заперт в Кимберли, княгиня оставалась в Кейптауне и отнюдь не дремала. Неустанно обрабатывала капских политиков, писала письма в Лондон известным журналистам и парламентариям. Увещевала, уговаривала, убеждала: для процветания британской нации необходимо поставить Родса у власти в Южной Африке, как только кончится война.

Казалось бы, все это должно было нравиться Родсу. Но получилось не так. Еще до начала бурской войны он стал избегать встреч с княгиней. Должно быть, ее назойливая активность настораживала его, а может быть, и раздражала. Он, видимо, быстро понял, что она опутывает его своими сетями, ставит от себя в зависимость.

Когда Родс вернулся в Кейптаун после осады Кимберли, княгиня снова изо дня в день стала появляться в Хрут Скер к завтраку. В какой-то мере из-за ее назойливости Родс и отпраздничал в Англию, пробыв в Кейптауне лишь месяц. Княгиня последовала, было, за ним, но, узнав об этом в Лондоне, он тут же вернулся в Южную Африку.

Княгиня попала в беду. Деньги иссякли, кредиторов не было.

Но она нашлась. Связалась и тут с людьми, занимавшимися подделкой драгоценностей, и ей сделали

фальшивые дубликаты бриллиантов. Настоящие бриллианты она заложила. Надела фальшивые, а потом заявила полиции, что драгоценности украдены. Их оценили в пятьдесят тысяч фунтов — громадную по тем временам сумму. Если бы мошенничество удалось, княгиня была бы на время спасена. Но все открылось. Тогда она объявила, что обручена с Родсом и что он якобы даже помогал ей развестись с мужем, потому что собирался сам жениться на ней. Полиция замяла дело. Хозяин гостиницы был менее стоворчив и выгнал беспокойную постоялицу. Бриллианты тем временем были проданы с аукциона и куплены ее зятем, князем Блюхером.

Она стала ждать возвращения Родса из его поездки по Родезии. Как ни странно, вернувшись в Кейптаун в ноябре 1900-го, Родс помог ей деньгами. И потом помогал еще полгода. Правда, часть денег пошла на создание журнала «Все более великая Британия». Княгиня действительно издавала такой журнал, хотя и очень недолго — с июня по август 1901 года.

Но все-таки, почему Родс ссужал ей деньги? Она же была ему явно неприятна. Быть может, сыграло свою роль то, что княгиня, едва оправившись, снова принялась за старые политические игры: снова льстила, изворачивалась, вербовала сторонников, пыталась побудить Родса к восстановлению былых связей с Хофмейером и другими лидерами капских буров, чтобы он добился их поддержки в борьбе за пост премьер-министра будущей «объединенной Южной Африки».

В какие-то моменты ей, вероятно, удавалось снова разбудить его честолюбие. Но захватить его надолго такие мечтания уже не могли — слишком он был болен и надломлен.

Вскоре полиция выяснила, что один из знакомых княгини, уже сидевший в тюрьме за подделки, шлет ей письма с нарочитыми упоминаниями о ее якобы несметных богатствах в России. Эти письма княгиня показывала Родсу как свидетельства своей кредитоспособности.

Любопытно, что в России какая-то собственность у княгини все же была, даже в самые тяжелые моменты ее денежных затруднений. Чтобы убедиться в этом, вовсе не нужны были фальшивые письма. Достаточно взять справочник «Весь Петербург» за начало нынешнего века. Там сказано, что княгиня Екатерина Адамовна Радзивилл владеет домом № 3 по Дмитров-

скому переулку в центре Петербурга. Этот довольно большой дом, кстати, стоит и по сей день, хотя переулок и близлежащие улицы сильно пострадали от бомбежек в конце 1941 года. Вероятно, была у княгини и другая собственность, но, как отмечает один из биографов Родса, почему-то «ее имущество было трудно реализовать, превратить в деньги».

Обнаруживались все новые проделки княгини. Ссылки ее на дружбу с английским премьер-министром Солсбери и другими влиятельными политиками, которых она в лучшем случае едва знала, вряд ли были безобидной шуткой. Но вот появились и подделанные ею телеграммы от этих людей.

А потом тот же знакомец из уголовного мира подделал для нее подпись самого Родса на довольно крупных векселях. В августе 1901-го газете «Кейп Аргус», пайщиком которой был и Родс, пришлось предостеречь читателей от фальшивых векселей за его подписью.

Княгиня пошла на шантаж: дала понять, что владеет документами, компрометирующими Родса, Милнера и Чемберлена. Родс встревожился больше других. Во всяком случае, очевидно, именно он был инициатором процесса против княгини.

У нее хватило энергии на новый шантаж. Она написала Милнеру, что Родс якобы согласился прекратить процесс, если она передаст ему свою переписку с Милнером. Но эффект получился обратный. По приказу Милнера у княгини произвели обыск и отобрали все документы, связанные с Родсом. Она продолжала шантаж: говорила, что у нее есть и другие материалы и что они находятся в безопасном месте — у германского канцлера... Не помогло и это.

Делом о фальшивых векселях Родса занялся самый известный в Южной Африке сыщик — Джордж Истон, и на проведенном им расследовании потом учили молодых детективов. Княгине же предъявили двадцать четыре обвинения в подделках и других махинациях. 20 ноября 1901 года ее арестовали. Ей удалось освободиться под залог. Первое, что она сделала, — снова заявила, что у нее есть компрометирующие Родса документы. Часть своих подделок попыталась приписать врачу Шольтцу, который часто бывал в Хрут Скер, а жену его ославила любовницей Родса. У врача нервы оказались хуже, чем у княгини, он скоропостижно умер.

В начале 1902 года Родса вызвали на ее процесс

в качестве свидетеля. Он был в это время в Лондоне. Чувствовал он себя плохо, а на юге Африки стояло изнуряющее жаркое лето. Свои показания мог дать и в Лондоне, но все же отправился в Кейптаун. Но прийти в суд для дачи показаний ему не пришлось. Давал их в постели, не мог даже подняться. А самого суда не дождался. Умер за месяц до него.

В апреле 1902 года княгиню приговорили к двум годам тюрьмы. Выйдя на свободу, она все же сумела сделать деньги на Родсе — не на живом, так хоть на мертвом. Написала о нем главу в своих воспоминаниях, изданных в 1904 году, а потом и целую книгу «Сесиль Родс».

Эти воспоминания получили тогда довольно широкую известность. Привлекли они и внимание С. Ю. Витте. Нетвердо помня имя Родса и путая все перипетии, он все же был уверен, что с каким-то англичанином, владельцем золотых рудников в Африке, у княгини была связь. «Затем этот англичанин умер. По-видимому, умер он так неожиданно, что ничего существенного ей не оставил. Затем явился вдруг вексель этого самого банкира-афериста на имя Радзивилл на очень большую сумму. Вексель был предъявлен в суд, но было доказано, что он поддельный, и в конце концов княгиня Радзивилл попала в тюрьму, где и высидела все причитающееся ей наказание. По выходе из тюрьмы она описала в своих мемуарах всё, касающееся этого дела. Мемуары эти произвели впечатление на некоторое время — на неделю, — а теперь они, конечно, забыты».

...Махинации этой дамы вообще стерлись бы в памяти людей, но напомнил о ней один из наиболее читаемых в последние десятилетия авторов — Андре Моруа. Он вынужден был из-за нее написать приложение к своему известному роману «Прометей, или Жизнь Бальзака». Дело в том, что через два десятилетия после смерти Родса она сфабриковала особенно напумпованную подделку: «Неизданные письма госпожи Ганской». Больше того, она объявила, что существует целый архив жены Бальзака, неизвестный исследователям, и что он будет опубликован в 1957 году. Немало хлопот доставила она бальзаковедам, отняла время и силы и у Моруа. Пришлось ему разбираться в ее подделках. И уж как он ее честил, называя «ужасной Екатериной»! Разоблачал одну ее фальсификацию за другой.

«Желая обмануть американских бальзаковедев, кня-

гиня Радзивилл, говоря о себе, заявляет, что она провела свое детство и юность под кровлей и под покровительством госпожи де Бальзак. Это тоже неверно. Екатерина Ржевусская родилась в Санкт-Петербурге 30 марта 1858 года, то есть в то время, когда ее тетка окончательно покинула родину).

Моруа пришел к выводу, что неудача замыслов княгини поживиться за счет Родса привела ее к аферам в бальзаковедении. После суда и кейптаунской тюрьмы муж наконец развелся с нею. «Родные отреклись от нее, в Европе она была дискредитирована, в Южной Африке обесчещена, и тогда эта бурная натура решила попытаться счастья в Северной Америке. В Соединенных Штатах она нашла многочисленное племя почитателей Бальзака и задумала обратить в звонкую монету престиж своего происхождения из рода Ржевусских».

В своей книге о Родсе, изданной в 1953 году, Моруа упоминал княгиню лишь вскользь. Зато в книге о Бальзаке припомнил ей и Родса. «В целях мести и обогащения она с дьявольским терпением научилась подражать почерку Родса... Авантюристка, способная подделать подпись Сесилия Родса, конечно, была способна написать «Неизданные письма госпожи Ганской»».

Но несмотря на убийственные разоблачения, фальшивки этой авантюристки нет-нет, да и воскресают на страницах книг и журналов. Даже в наши дни, в 1979 году, журнал «Спиктейтор», считающийся весьма солидным изданием, снова рассказал читателю, что жила-была Екатерина, которую «воспитала мадам Ганская, вдова Бальзака».

А в чем-то обманулся и сам Моруа, хоть он-то вроде понимал, что «в жизни Екатерины Радзивилл всё сплошная ложь и выдумка». В своем «Прометее» он с удовлетворением сообщил читателям, что ему все-таки удалось в справочнике «Готский альманах» за 1929 год найти ее последний адрес: Ленинград, Лиговка, дом 63.

Но адрес, конечно, неверный. Сама ли она снабдила справочник такими сведениями, или это просто ошибка всемирно известных издателей, но в СССР этой даме, конечно, делать было ровным счетом нечего. Умерла она в Нью-Йорке, зарабатывала на жизнь, обучая американцев правилам хорошего тона. И не так уж много не дожила до назначенного сю 1957 года. Умерла уже после второй мировой войны, 12 мая 1945-го, на 88-м

году жизни. Во всяком случае так сказано в весьма солидной работе по генеалогии аристократических семей Европы. Хотя, кто знает, может быть, и ее авторов сумела обмануть эта особа.

Она, племянница Бальзака, участница аристократических скандалов прошлого века, стала современницей героев и героинь скандальной светской хроники наших дней. Вот хотя бы девушка по имени Ли, которая тоже вышла замуж за одного из Радзивиллов и потом тоже попыталась обменять его на миллионера, только не южноафриканского, а греческого. Не Родса, а Онассиса. Но старшая сестра по имени Жаклин удержала ее от пагубного шага... и вышла за Онассиса сама. Этой старшей сестре, известной сейчас как Джеки Кеннеди-Онассис, в год смерти Екатерины Радзивилл было уже шестнадцать.

...Должно быть, не от хорошей жизни растратила себя княгиня на интриганство и шантаж. Семья не получилась. Не идеальной была она, видимо, парой для семейной жизни. Да и «муж же ее был совершенно ничтожнейший человек», — писал Витте. От этого мужа родила она несколько детей, но такой уж, видно, у нее был характер, что не заняли они большого места в ее жизни. Были любовники, да только все больше престарелые, да и сходилась-то она с ними, судя по всему, не от большой любви.

И вот интриганство, сплетни, скандалы, эта поддельная жизнь и заняли место чего-то настоящего, чего ей, как всякой женщине, наверно, хотелось. А может быть, впрочем, и нет?

...Почему же Родс, даже поняв все, так долго переписывался с нею, давал ей деньги? И даже, рискуя жизнью, приехал из Англии на ее процесс?

Теперь-то мы знаем, что шантажировать его ей было нечем. Если бы у нее имелись хоть какие-то документы, которыми она его пугала, они бы наверняка увидели свет, хотя и позднее. Ведь у княгини была масса возможностей опубликовать их: после смерти Родса она прожила еще — шутка сказать — сорок три года. Целую жизнь. Так что, конечно же, если бы у нее были тайные материалы о нем, она, при ее обычном безденежье, опубликовала бы их, и не раз.

Чего же боялся Родс? Может быть, что-то важное в отношениях Родса и Екатерины Радзивилл до сих пор остается неизвестным, хотя написано о них много: в 1969 году в Лондоне вышла даже книга «Родс и кня-

гиния». В архиве Родса, хранящемся в Оксфорде, бумаги, касающиеся их взаимоотношений с княгиней, до сих пор не выдаются исследователям. Во всяком случае всего несколько лет назад, в середине семидесятых, историк Джон Флинт сетовал на это.

А может, Родс просто думал, что княгиня могла что-то найти, часто бывая в Хрут Скер и без стеснения заглядывая в его личные комнаты, обычно закрытые для посетителей. Или опасался, что у нее как-то оказались тайные документы набега Джемсона. Для шантажа ведь не надо оснований, документов. Нужно только уметь грозить: разоблачениями, связями, сплетнями, мало ли чем...

Наверно, Родсу было чего бояться. И нервы уже стали сдавать. Не тот уж он был. Да и привык он бороться с мужчинами. Перед женщиной, которая сама атаковала, не брезгуя никакими средствами, он как-то растерялся.

Материалы к этой книге обнаруживались подчас довольно неожиданно. Сидя как-то у своего старшего друга, писателя Владислава Михайловича Глинки, в его «барской» квартире возле Зимнего дворца, на улице Халтурина, я рассказывал ему историю Родса и Екатерины Радзивилл. Всеведущий Глинка терпеливо выслушал и лишь потом лукаво спросил:

— А знаете ли Вы, кому принадлежал когда-то этот дом, номер одиннадцать, где мы с вами сейчас сидим? Не знаете? Так вот, его хозяйкой была Жеребцова, вторая жена Адама Ржевусского, мачеха этой самой Вашей княгини. Так что отсюда, может, и начинался путь, приведший эту злодейку к Вашему Змею-Горынычу, как бишь его, — Сесилю Родсу.

Мне оставалось еще раз подивиться, какими же непредсказуемыми хитросплетениями полна история человеческих судеб и как же неожиданно она связала фешенебельную Миллионную улицу Санкт-Петербурга с кейптаунским дворцом Сесилия Родса.

По старому справочнику «Весь Петербург» я разыскал, какой же дом принадлежал самой этой женщине, ускорившей кончину Родса, а потом пошел туда, на Дмитровский переулок. В детстве я жил неподалеку, и в ноябре 1941-го, в ленинградскую блокаду, пережил как-то бомбежку в подворотне этого дома. Но тогда и в голову не могло прийти, что буду потом по вет-

хой адресной книге разыскивать имя его бывшей владелицы.

В Варшаве я расспрашивал княгиню Изабеллу Радзивилл об этой ее родственнице. Заодно услышал немало интересного вообще о роде Радзивиллов и о тех, кто породнился с ним, вплоть до Джеки Кеннеди-Онассис. С удивлением узнал, что мою собеседницу и ее ближайшую родню судьба тоже бросала в Трансвааль, в предместье «Золотого города» Йоханнесбурга, где Родс с помощью Джемсона пытался когда-то поднять мятеж. Эта ветвь Радзивиллов обосновалась там на несколько лет в 1945 году, когда «ужасная Екатерина» еще была жива.

Последняя воля

Приезд на процесс княгини стал для Родса последним путешествием. В свои сорок восемь лет он уже был стар и слаб. На пароходе задыхался даже в своей роскошной каюте. Ему устроили постель на столе в штурманской рубке, но во время бури он упал и сильно разбился.

В Кейптауне его едва узнавали. Потухшие глаза, бесформенное и отталкивающее обрюзгшее лицо, безжизненная кожа, всклокоченные седые волосы. Да и сам он, очевидно, чувствовал быстрое угасание. По временам с удовлетворением, должно быть, вспоминал, что заранее, годом-двумя раньше, постарался увековечить себя для потомства — долгими часами позировал художникам, принимая величественные позы римских патрициев.

В 1902 году февраль — конец южноафриканского лета — оказался в Кейптауне очень жарким. Как всем сердечникам, Родсу не хватало воздуха, каждый вдох давался с трудом. Ему стало так плохо, что он не смог жить в Хрут Скер и поселился в своем коттедже на берегу, где с океана дул свежий ветер. Но и там приказал сломать стену, чтобы воздух проходил свободно, и положить много льда, чтобы охлаждать этот воздух. Изо дня в день в течение двух недель слуги были наготове, чтобы запрячь экипаж — Родс думал отправиться в Драконовы горы — там было холоднее, — но приказа так и не последовало. Вместо этого Родс решил поехать в Англию — там лишь еще начиналась весна. Отъезд был назначен на 26 марта. В этот день его и не стало.

О скольких людях говорили: первую половину

жизни тратил здоровье, чтобы добыть деньги, а вторую — тратил деньги, чтобы сохранить хоть часть здоровья. И Родс оказался среди тех, кто сперва мечтал о господстве над миром, а потом — лишь о глотке воздуха.

Легкой жизни я просил у Бога.
Легкой смерти надо бы просить...

Врачи, да и все вокруг видели, что дни его сочтены и ждали кончины со дня на день.

Потом широко ходила легенда, что последними словами Родса были: «Так много еще надо совершить и так мало сделано». В действительности, кажется, он сказал менее помпезно и куда естественнее для умирающего: «Переверните меня».

Он завещал похоронить себя в Родезии, в скалах Матопо, где когда-то вел переговоры с вождями восстания ндебелов. Он называл это место «Вид на мир» — с высоких скал открывались необозримые просторы.

Он сам говорил, что погребение на вершинах Матопо — «это не новая идея, я просто подражаю Моселекатсе. Я нашел его сидящим в пещере и взирающим на величие Матопо». Моселекатсе или, вернее, Мзиликази — отец Лобенгулы, умерший в 1868 году.

Там и соорудили гробницу. На могильной плите в соответствии с завещанием написали: «Здесь покоятся останки Сесилия Джона Родса». Ничего больше, нет даже дат рождения и смерти. Родс считал это ненужным — говорил, что его будут помнить четыре тысячи лет.

Судя по сообщениям тогдашней английской печати, тысячи ндебелов участвовали в похоронной процессии: шли за гробом, который везли на пушечном лафете, и встречали тело Родса зулусским приветствием: «Бай-ете!» Что ж, может быть, и так. Английская политика имела богатый арсенал приемов, чтобы добиться этого.

В Англии журналист Стед высказал широко распространенное тогда мнение, что со смертью Родса «англосаксонскую расу покинула самая крупная личность, оставшаяся после смерти Виктории».

Русское посольство в Лондоне доносило Санкт-Петербургу: «Последовавшая 13/26 марта смерть Сесилия Родса свела в могилу одного из наиболее выдающихся деятелей современной Великобритании. Событие это... произвело в Англии и ее колониях огромное впечатле-

ние, и столбцы всех газет, без различия политического направления, были наполнены сведениями о последних минутах жизни великого авантюриста, воплощавшего в себе идеалы и стремления английского империализма...»¹

А у Стеда было и замечание, весьма меткое для того времени. Он написал, что бывали люди куда богаче Родса — Карнеги, Рокфеллер, Астор, но они использовали свои богатства главным образом для прямых финансовых целей. Родс же стал первым «миллионером-монархом в современном мире», и его примеру последуют другие.

Да, Родс еще на заре эпохи империализма одним из первых олицетворил в себе унию, которую В. И. Ленин назвал потом такой характерной чертой этой эпохи. Личную унию банков с промышленностью, а затем тех и других — с государственным аппаратом.

Смерть Родса отметили по всему миру. В некрологах старались найти и подчеркнуть что-то хорошее: о мертвых или ничего, или хорошо.

В России статьи о нем появились не только в центральных газетах, но и в провинции.

«В страшных мучениях, от тяжелого недуга скончался «южноафриканский Наполеон» Сесиль Родс», — сообщил российским читателям журнал «Нива». «Враги Родса, а их было очень много, не признавали в нем ничего, кроме порока, корыстолюбия и эгоизма, но они были не правы... Надо стать на точку зрения англичанина-империалиста, беззаветно преданного мечте о всемирном господстве своего государства... Это был горячий патриот, а патриотизм — вещь обоюдоострая. Принося добро своей стране, приходится невольно творить зло иноземцам».

«Одесские новости»: «Англия лишилась одного из самых выдающихся политических деятелей своих, человека большого ума и необыкновенной энергии, всю свою богатую приключениями жизнь посвятившего делу возвеличения своей родины, хотя и весьма своеобразно понимавшего это величие и добивавшегося его еще более своеобразными методами».

Подобные оценки характерны и для большей части европейской и американской печати. За бурскую войну Родса резко осуждали, но самые преступные его действия — порабощение миллионов африканцев — тогда, в эпоху «раздела мира», еще не встречали столь широкого осуждения, какого они заслуживали.

Родс хотел, чтобы возле его гробницы создали пантеон «родезийцев». И в 130 метрах от нее воздвигли мемориал майору Вильсону и его отряду, погибшему во время преследования Лобенгулы. Монумент соорудили в греческом стиле — в соответствии с указанием Родса. Сделали его огромным: каждая из бесчисленных гранитных плит весила десять тонн. У подножья написали все имена и строку из поэмы Киплинга: «Никто не остался в живых». А в 1920 году туда же перевезли из Англии останки «доктора Джима» — Джемсона. Его тоже захоронили по соседству с Родсом.

Так и после смерти эти люди оказались вместе — в земле, такой далекой от их родных мест. Может быть, каждый из них действительно умирал с верой, что принес благо этому далекому краю. Но в краю этом они остались чужими — и их дела, и их останки, и их пышные мемориалы.

Последнее, шестое завещание Сесилия Родса, вскрытое после его смерти, содержало, конечно, не только последнюю волю о том, где и как его похоронить. Родс долго думал над этим завещанием, обсуждал его с Ротшильдом, Бейтом, Стедом, Милнером... Подписал он этот документ 1 июля 1899 года, в день, когда в последний раз отплывал из Лондона в Южную Африку накануне бурской войны. Но дополнение сделал 12 марта 1902-го, всего за две недели до смерти.

Шестое завещание, как и предыдущие, было политическим. Цель тут оставалась прежней: расширение Британской империи и ее влияния в мире. Но отношение к методам изменилось — не прошел зря урок, полученный в результате набега Джемсона. Собственно, еще и до набега близкие Родсу люди старались отговорить его от любимой идеи его завещаний — от создания тайного ордена для расширения Британской империи. Они не без основания считали, что огласка такого проекта неизбежно скомпрометировала бы и Родса, и его проект в глазах всего мира. А избежать огласки, разумеется, не удалось бы.

Такие доводы постепенно действовали на Родса. К тому же опыт учебы в Оксфорде наглядно показал ему, что есть и другие, куда менее явные, но отнюдь не менее действенные методы. Эти влияния видны уже в завещаниях 1892 и 1893 годов. Но шок от набега Джемсона заставил Родса в корне переосмыслить вопрос о способах достижения главной цели.

В последнем завещании нет даже упоминания о секретном обществе. Его-то место и заняли стипендии в Оксфорде, о которых Родс столько думал в последние годы жизни. Мысль о воспитании через Оксфорд будущих распространителей его идей не только обладала в последнем завещании — она вытеснила собою проект организации тайного ордена.

При этом Родс недвусмысленно объявил в своем последнем волеизъявлении, что ставит своей целью не распространение образованности и научных знаний, а воспитание людей, преданных «всемирному союзу англоговорящих народов». Он поручал душеприказчикам отбирать кандидатов не только по приверженности к академическим знаниям — стипендиаты «не должны быть просто книжными червями». Надо быть спортсменами, хорошо играть в футбол, крикет или подобные игры, обладать мужеством, твердостью характера².

Одного из своих душеприказчиков Родс в июле 1899 года инструктировал так: «Вы должны также отобрать лучших студентов и направить их в разные части мира, чтобы они распространяли в колониях имперскую идею; при этом лучше, если они будут неженаты, потому что дети и другие домашние заботы обычно мешают высоким помыслам».

В сущности Родс выдвигал здесь те же требования, что и к членам так и не созданного тайного союза. Это естественно. Ведь цели перед его оксфордскими стипендиатами ставились такие же. Да и человеческий материал намечался тот же: младшие сыновья, они-то в первую очередь и нуждались в стипендиях.

Стипендий Родс выделил немало. При этом не забыл и свою идею сближения «англотевтонской расы». Германскому императору предоставил право ежегодно распределять пять стипендий среди выпускников немецких школ.

В завещании он особо разъяснил: пять стипендий в год при трехлетнем обучении означают, что в первый год будут учиться пять студентов, во второй — десять, а начиная с третьего — пятнадцать.

Подавляющее большинство мест он выделил англоговорящим — Британской империи и Соединенным Штатам. Для английских владений — шестьдесят шесть, для Соединенных Штатов — по две стипендии на каждый штат. Английские владения — Родс перечислял их — это были Южная Африка, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Бермудские острова и Ямайка.

Иными словами, почти исключительно «белые» доминионы и колонии. И когда Родс писал, что никого из кандидатов нельзя отвергнуть по расовому или религиозному признаку, под словом «расовые» он подразумевал, конечно, «национальные» — в английском языке эти слова нередко взаимозаменяемы. Родс имел в виду только белых — брал под защиту буров или франкоговорящих канадцев.

Но — ирония судьбы — в дальнейшем душеприказчики Родса — вернее, преемники его душеприказчиков — в связи с изменением положения в мире вынуждены были трактовать завещание в буквальном смысле слова. И по стипендиям Родса в Оксфорд стали попадать люди всех цветов кожи...

Немало родсовских стипендиатов достигли широкой известности. Родс, вероятно, порадовался бы, увидев множество их имен в аппарате управления стран Британской империи и Содружества. Не огорчил бы его, вероятно, и Дин Раск — государственный секретарь в правительстве Джона Кеннеди.

Но что бы сказал Родс, узнай он, что его стипендиат по имени Абрам Фишер, бурский аристократ, внук премьер-министра бывшей Оранжевой республики, казался бы самой судьбой посланный для выполнения родсовских заветов — «сплочения» белых южноафриканцев под британским флагом, взял да и стал лидером революционного подполья. И был осужден властями Южной Африки на пожизненное тюремное заключение...

Этого Родс не узнал.

Родсу не исполнилось и 49 лет, и трудно представить его дожившим до мировой войны, до двадцатых или тридцатых годов нашего века. А ведь немало его ровесников и людей его поколения не только жили, но и вполне «вписались» в эти совсем иные времена. Бернард Шоу, родившись тремя годами позднее Родса, дожил до 1950-го, Сидней и Беатриса Уэббы — до середины 1940-х. Джон Гобсон, один из самых яростных критиков Родса, — до 1940-го.

Армиями первой мировой войны командовали Гинденбург, Жоффри, Китченер, все старше Родса, и его ровесник — Брусиллов. Петен, герой первой мировой войны и позор второй, был всего на три года моложе Родса и умер лишь в 1951-м.

И в мировой политике это поколение держалось еще долго. Бальфур, Асквит, «Тигр» Клемансо, Ян Масарик — все они были старше Родса, а их именами прострелили газеты двадцатых годов.

Буквально всем, с кем так или иначе связывалось имя Родса, судьба подарила куда более долгую жизнь. Джемсон и Хофмейер прожили на полтора десятка лет больше Родса; Солсбери, Киплинг и Конан Дойль — на два с половиной; Чемберлен и Крюгер — на три десятка; королева Виктория и лорд Розбери — на три с половиной. Даже Лобенгула жил на десять лет дольше.

Родсу повезло. Он не изведал старости, не узнал трагичного мира старческих представлений, ощущений, немощей. А для него старость оказалась бы особенно страшной. Время его миновало быстро — это было так очевидно. В британскую политику приходили другие люди. Дело не в том, лучше они или хуже, моложе или старше — они просто были другими.

В год смерти Родса английским премьером стал Бальфур. Он был старше Родса на пять лет. К его восьмидесятилетию, уже в 1928 году, в «Таймсе» появился сонет-поздравление, кончавшийся строчками:

В перчатке мягкой жесткая рука,
Он знал: закономерны разрушенья,
И равнодушный к злобе и добру,
На гниль и тлен взирая свысока,
Он чувствовал тогда лишь наслажденья,
Когда работу превращал в игру.

О Родсе так бы никто не сказал. В чем, в чем можно его заподозрить, но не в бесстрастности, не в равнодушии. Свое дело он делал пылко, отдаваясь ему целиком и принимая его абсолютно всерьез. И английские барды воспевали его совсем не так, как Бальфура. Киплинг писал в своем «Надгробном слове» Сесилю Родсу:

Послушник мечты, что его вела,
Которой нам не понять,
Он в муках духа рождат дела —
Городам вместо слов стоять.

Этот типичный для тех времен панегирик Родсу помогает лучше понять, почему же В. И. Ленин охарактеризовал его как «героя дня» тогдашней Англии. Тогда, в пору жаркой схватки за раздел мира, правители Британии особенно нуждались в людях, о которых можно было сложить такие стихи. В тех, кого можно подать

широкой публике как горячих, страстных, одержимых.

Та эпоха длилась двадцать пять – тридцать лет. С 1870-х годов до начала нашего века. Деятельность Родса пришлось как раз на эти годы. Он был плоть от плоти, кровь от крови тех сил, что делили, кромсали на куски целые континенты.

Но время это кончилось. К началу XX столетия мир был уже поделен. Англо-бурская война стала завершением этого раздела.

Вместе с эпохой, как часто бывало в истории, ушел и человек, ставший ее олицетворением.

Зенит могущества Британской империи, самой большой империи в истории человечества, связан с именем Родса, но так ли уж надолго она его пережила? Теперь, оглядывая весь путь ее, уже ставший достоянием истории, можно сказать: как же быстро она распалась...

Прошло лишь сорок лет после смерти Родса, и его младший современник Уинстон Черчилль драматически воскликнул:

– Я стал первым министром короля не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи.

Но все же Черчиллю пришлось сыграть эту роль. И еще при его жизни Дин Ачесон, государственный секретарь США – страны, которую Родс еще так недавно мечтал вернуть в состав Британской империи, меланхолически заметил:

– Великобритания потеряла империю и пока еще не может найти свое новое место в этом мире.

Последней среди крупных британских колоний добилась независимости страна, завоеванная Родсом, – Южная Родезия. В 1980-м, отдав свое последнее распоряжение – спустить английский флаг, последний губернатор лорд Сомс сказал, что этим завершилась вся многотомная история Британской империи.

...Великий Шелли, соотечественник Родса, когда-то написал сонет об обломке древней статуи, найденном в пустыне:

И сохранил слона обломок изваянья:
«Я – Озимандия, я – мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...

Сколько изваяний постигла такая судьба... Но большинство памятников Родсу оказались и вовсе недолговечными. Те, что были поставлены в Северной Родезии, сняты в середине шестидесятых годов. В Южной Родезии — в начале восьмидесятых. Простояли они всего несколько десятилетий.

Post scriptum

Пока книги печатаются в типографиях, жизнь не стоит на месте. Происходят новые события, возникают новые факты, и авторам не терпится дать еще одно напутствие своему выходящему в свет детищу.

Не стала исключением и эта книга.

Вот пришло известие о выходе на Западе нового труда о Родсе — более объемистого, чем все изданные за последние десятилетия: «Родс и Родезия: завоеванные Зимбабве белыми, 1884—1902». Почти семьсот страниц. Издано в Канаде. Автор — Артур Кепшел-Джонс, чьи работы о Южной Африке известны с сороковых годов. О характере этой книги сейчас, весной 1984-го, судить трудно: в Москве ее еще нет.

Появилось сразу несколько новых статей и последняя из «Лекций памяти Сесилия Родса», которые периодически читаются в южноафриканском Университете имени Родса. Ее текст — «Сесиль Родс — некоторые проблемы биографии» — опубликован в ноябре 1983-го.

— Фундаментальная проблема... состоит в том, что до сих пор не существует объективной, вполне достоверной биографии Родса. Хотя этому человеку посвящены уже миллионы слов, он все еще остается загадкой.

Начав эту лекцию с такого утверждения, известный историк Африки шотландец Джордж Шепперсон подчеркнул, что, по его мнению, существующие труды о Родсе неудовлетворительны даже по объему: все они очень уж невелики, дают мало информации, а Родсу, конечно, надо уделить больше внимания. И провозгласил как торжественное обращение:

— К грядущему биографу, который возьмет на себя громадный труд и, совершив великое путешествие по бесчисленным источникам, известным и неизвестным, письменным и устным, находящимся во многих странах, даст нам подлинно значительное исследование о Сесиле Родсе, великом викторианце, создателе и разрушителе империй, заговорщике и просветителе, — то ис-

следование, которое, несмотря на уже почти столетнее изучение Родса, все еще необходимо нам, если мы действительно хотим понять важнейшие черты прошлого, настоящего и будущего Европы, Америки и, разумеется, его собственной Африки.

Такой всплеск интереса к Родсу! Почему? Этот вопрос задавал себе не только я.

...В конце февраля 1984 года Организация Объединенных Наций созвала в Вене семинар по деколонизации — по ликвидации остатков колониализма на нашей планете. Там, в Вене, я не надеялся найти сведений о Родсе, как искал их в Англии, Замбии, Мозамбике и даже родном Ленинграде, где когда-то жила его роковая женщина. Но они пришли ко мне сами. И вряд ли могло быть иначе. Ведь в Вене обсуждались последствия колониализма, печать, которую он наложил на жизнь человечества, а значит, и следы деятельности Родса.

Его имя упоминалось не раз. И не однажды отмечалось, что на книжно-журнальном рынке возрос приток литературы о Родсе, как и вообще об истории колониализма. Даже «колониальный роман» — не обретает ли уже и он второе дыхание? Ставят же в Англии многосерийные телевизионные фильмы по сюжетам «колониальных романов».

— Ностальгия по колониализму? — спросил кто-то.

— Полноте, чья? — немедленно последовал ответ. — Ведь что-что, а колониализм-то уж дискредитирован окончательно и бесповоротно!

Но так ли уж прост ответ на этот вопрос?

На семинаре говорили о том, что в бывших метрополиях не вполне угасла ностальгия по былому имперскому величию, по людям, поднявшим над половиной мира английский и прочие европейские флаги. Так ли легко осудить, заклеймить такого соотечественника?

Кто-то напомнил, что Жорж Сименон позволил себе сказать:

— Мне отвратителен Наполеон. После одного из сражений, в котором погибло 30 тысяч французских солдат, он писал жене: «Все это ничто по сравнению с тем, что завтра я буду в твоих объятиях».

Но такие признания, увы, редкость. Да и сам Сименон говорил ведь лишь о гибели французских солдат. Ну а если бы умирали только немецкие, британские или русские солдаты?

...В Европе сейчас миллионы «иностранных рабочих»

из Африки и Азии. Их позвали в шестидесятых годах, когда нужны были рабочие руки. В начале семидесятых начались экономический кризис, рост безработицы. Отводя гнев оставшегося за бортом европейца в безопасное русло, ему стали напоминать: в колониальные времена ничего подобного не было... нет на них колониальной узды, вот и отнимают у нас работу...

Еще одна сторона. Среди европейской интеллигенции, и далеко, конечно, не худшей ее части, к концу колониальных времен распространилось ощущение вины перед народами Африки и Азии. Но вместе с ним пришел страх. Такую ли добрую службу сослужили, например, слова французского писателя Сартра из его предисловия к книге одного из идеологов антиколониализма:

— Европа погибла. Это та правда, которую нелегко высказать, но в которой мы все — разве не так, мои дорогие европейцы? — абсолютно убеждены... Европейцы, откройте книгу, вчитайтесь! Сделав несколько шагов в ночном мраке, вы выйдете к костру, вокруг которого сгрудились незнакомые вам люди... Возможно, они заметят вас, но разговора не прекратят и даже не понизят голоса... Их отцы... они обращались только к вам, а вы даже не удосуживались ответить этим «дикарям». Их дети не знают вас. Их освещает и обогревает огонь, но это не ваш огонь. Вы держитесь от него на почтительном расстоянии, чувствуете себя ночными жителями, оглядываетесь, дрожите от холода... В этом полумраке, в сумерках, которые рождают новый день, дикари — это вы.

Мир в черно-белых тонах. Антиколониализм как сила, противостоящая не колониализму, а вообще Европе, белому человеку. Разве не внесла европейская интеллигенция свой вклад в создание этого образа?

...А в самой Африке? Четверть века назад, в конце пятидесятых — начале шестидесятых, одна колония за другой провозглашали независимость. Времена «классического» колониализма кончались, и многим казалось, что в бывших колониях как по мановению волшебной палочки настанет благоденствие. Но не могло быть «в человецех благоволение» там, где продолжалась борьба.

Иди Амин, диктатор Уганды в семидесятых годах, именовал себя «победителем Британской империи». Но расправлялся не с колониализмом, а с десятками ты-

сяч своих ни в чем не повинных сограждан. Президент Танзании Джулиус Ньерере сказал о нем:

— С тех пор как Амин захватил власть, он убил больше людей, чем Смит в Родезии. Он убил больше людей, чем Форстер в Южной Африке. Но в Африке есть тенденция не замечать, когда один африканец убивает других африканцев. Если бы Амин был белым, свободная Африка приняла бы множество резолюций, осуждающих его. Черная кожа теперь становится индульгенцией на убийство братьев-африканцев.

Но разве Иди Амин был лишь порождением новой Африки? Колониальные власти воспитали и обучили его, дали ему в руки винтовку. К провозглашению независимости он пришел сформировавшимся человеком.

Преступлениями колониализма и вековым засильем европоцентризма во многом объясняются недоверие к ценностям европейской культуры и возникновение таких форм крайнего национализма, как афроцентризм. И безоговорочная идеализация доколониального прошлого. И теории, которые в самой Африке именуют «антирасистским расизмом» или «антибелым расизмом».

Многие, у кого вера в безоблачное будущее Африки немедленно после провозглашения независимости была честным заблуждением, пришли к разочарованию. Не они ли — благодатное поле для тех, кто сейчас говорит: при колониализме был порядок, не рано ли мы решили с ним проститься?

Нелепо было бы объяснять колониальным наследием все беды современного мира, но сколь же многочисленны и разнообразны его отголоски: от воспевания Родса и возрождения «колониального романа» до «расизма наоборот».

На семинаре по деколонизации об этом было немало споров, но при всей разнице взглядов мы согласились, что в сущности все это единый тугой узел. Не знаю, кто из моих собеседников читал статьи К. Маркса о роли колониализма, но что-то сходное с его мыслями высказывалось не раз.

Многие народы мира впервые познакомились друг с другом в колониальную пору, и последствия такого знакомства будут сказываться еще долго. Тем важнее разобраться в наследии и в делах таких идеологов и практиков колониализма, как Сесиль Родс.

ПРИМЕЧАНИЯ *

Завещание молодого человека

¹ Copy of the Will of the Rt. Cecil John Rhodes. — *Michell L.* The Life of the Rt. Hon. Cecil John Rhodes, vol. II. London, 1910, p. 313—333.

² Rhodes "Confession of Faith" of 1877. — *Flint J.* Cecil Rhodes. London, 1976, p. 248—252.

³ *Flint J.* Op. cit., p. 31—32.

⁴ *Williams B.* Cecil Rhodes. London, 1938, p. 51.

⁵ *Michell L.* The Life of the Rt. Hon. Cecil John Rhodes, vol. I. London, 1910, p. 86.

⁶ См. *Давидсон А. Б.* Братство расистов Брудербонд — тайное правительство ЮАР. — За рубежом, 1963, № 24.

⁷ Цит. по: *Дионсо.* Из Англии. — Русское богатство, 1899, № 7/10/, отдел II, с. 74.

⁸ Labour Leader, 23.V.1896.

⁹ Letters of Queen Victoria. Series III (1885—1901), vol. II. London, 1930, p. 13.

¹⁰ *Eyck E.* Das persönliche Regiment Wilhelms II. Erlenbach — Zürich, 1948, S. 236

¹¹ *Таен М.* Собр. соч., т. 9. М., 1961, с. 562—564.

¹² *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26. М., 1953, с. 311.

¹³ The Journal of African History, 1969, № 4, p. 684.

¹⁴ *Finlason C. E.* A Nobody in Mashonaland or the Trials and Adventures of a Tenderfoot. London, 1894, p. V.

«Как разбогател Сесиль Родс»

¹ *Kepp S.* Black Frontiers. Pioneer Adventures with Cecil Rhodes' Mounted Police in Africa. London etc., 1932, p. 9—10.

² *Matabele Thompson.* An Autobiography. London, 1936, p. 196—197.

---

* Ссылки на труды В. И. Ленина даны по Полному собранию сочинений, на труды К. Маркса и Ф. Энгельса — по 2-му изданию Собрания сочинений. На английские «синие» и «белые» книги — при первом упоминании дано полное название и имеющийся на них номер, при последующих — только номер (например: С-5237). На многотомную немецкую публикацию документов Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914 — литерой G. P. и указанием тома и номера документа или страницы.

- ³ *Flint J.* Op. cit., p. 14.
⁴ *Plomer W. Cecil Rhodes.* Fdinburgh, 1933, p. 15.
⁵ *Ohnet G.* L'Inutile Richesse. Paris, 1896.
⁶ *Дионео.* Очерки современной Англии. СЛБ, 1903, с. 254.
⁷ *Beard C. and Beard M.* The Rise of American Civilization, vol. I. New York, 1930, p. 610.
⁸ *Flint J.* Op. cit., p. 15–16.
⁹ *Millin S. G.* Rhodes. London, 1936, p. 4.
¹⁰ *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1957, с. 33.
¹¹ *Gross F.* Rhodes of Africa. London, 1956.
¹² *Lewinsohn R.* Barnato, roi de Ior. Paris, 1917, p. 71–74.

Путь в политику

- ¹ *Williams B.* Op. cit., p. 41.
² Центральный Государственный Архив Военно-Морского Флота СССР, ф. 283, оп. 3, д. 6257 (О плавании корвета «Самболен» из Тихого океана до Кронштадта, 1884–1885 гг.), л. 38.
³ *Southern African Dictionary of National Biography.* London and New York, 1966, p. 349–350.
⁴ *Newman C. L., N.* Matabeleland and How We Got It. London, 1895, p. 6.

Битва финансовых мегавтов

- ¹ *Дионео.* Из Англии. — Русское богатство, 1897, № 8, отдел II, с. 61.
² *Дионео.* Из Англии. — Русское богатство, 1899, № 7/10, отдел II, с. 78.
³ *Colvin J.* Life of L. S. Jameson, vol. I. London, 1922, p. 69.
⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 408.
⁵ *Kemp S.* Op. cit., p. 15–17.
⁶ *Langer W.* Diplomacy of Imperialism, vol. I. New York, 1931, p. 227.
⁷ *Дионео.* Из Англии. — Русское богатство, 1897, № 8, отдел II, с. 61.

Страна Офир между Замбези и Лимпопо

- ¹ *Kerr W. M.* The Far Interior: a Narrative of Travel and Adventure from Cape of Good Hope across the Zambesi to the Lake Regions of Central Africa, vol. I. London, p. 67.
² *Риттер Э. А.* Чака Зулу. М., 1977, с. 308–309.

³ *Мор Э.* Путешествие в Африку к водопадам Виктории на Замбези, т. I—II. СПб., 1876, т. I, с. 206, 224, 229—230, 259; т. II, с. 34.

⁴ *The Northern Goldfields Diaries of Thomas Baines.* Ed. by I. P. R. Wallis, vol. III. London, 1946, p. 805.

⁵ *Patterson R. R.* Notes on Matabeleland — Proceedings of the Royal Geographical Society. New Series, 1879, vol. I, p. 511.

⁶ Further Correspondence Respecting the Affairs of Bechuanaland and Adjacent Territories (C-5237). London, 1887, p. 18—19.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 98.

⁸ *Maurois A.* La vie de Disraeli. Paris, 1927, p. 312.

⁹ New York Gerald Tribune, 25.I.1942.

¹⁰ *Mackenzie J.* Native Races of South Africa and their Policy.— The British Empire Series, vol. II. London, 1900, p. 192.

¹¹ *Bent J. T.* Ruins of Mashonaland and Exploration of the Country.— Proceedings of the Royal Geographical Society, 1892, vol. XIV, p. 288—289.

¹² *Леруа-Болье П.* Новые англо-саксонские общества. СПб., 1898, с. 190.

¹³ *New C.* Life, Wanderings and Labours in Eastern Africa. London, 1873, p. 162.

¹⁴ *Мильт Д. С.* Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914, с. 706.

¹⁵ *См. Ерофеев Н. А.* Африка в королевстве кривых зеркал (свидетельства английских путешественников). — Источниковедение африканской истории. М., 1977, с. 284.

От «Белой королевы» к явкости Лобенгуле

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 381.

² *Raphael L. A. C.* The Cape-to-Cairo Dream. A Study in British Imperialism. New York, 1936, p. 151.

³ *Fitzpatrick J. P.* The Transvaal from Within. London, 1899, p. 54.

⁴ C-5237, p. 19, 23.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 41.

⁶ *Karlen A.* Sexuality and Homosexuality. A New View. New York, 1971, p. 463.

⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 403.

⁸ The Concession Journey of C. D. Rudd.— Gold and Gospel in Mashonaland 1888. London, 1949, p. 222.

⁹ *Matabele Thompson.* Op. cit., p. 38—39, 104—116.

¹⁰ The Concession Journey of C. D. Rudd, p. 227.

¹¹ *Matabele Thompson.* Op. cit., p. 141, 154, 156, 157, 173, 181—183.

¹² *Maud E. A. Matabele and Mashona Lands.* — Proceedings of the Royal Geographical Society, vol. XIII, 1981, p. 7.

¹³ Папалаги. Речи тихоокеанского вождя Тупанни из Тианеи. Издал Эрих Шеурман. Пб. — М., 1923, с. 12 — 13, 20, 27, 34 — 35, 42, 45.

¹⁴ См. *Ан. Наивность или мудрость.* — Зорн, 1924, № 10, с. 14.

¹⁵ *Франс А. Собр. соч., т. 3. М., 1958, с. 593.*

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 36.*

¹⁷ *Тихомиров М. Летопись нашей эпохи.* — Известия, 1962, 30 октября.

¹⁸ *Chalmers J. A. Tiyo Soga.* Glasgow, 1878, p. 430.

¹⁹ *Mathers E. P. Zambesia, England's El Dorado in Africa.* London [1891], p. 279.

²⁰ *The Times, 5.VIII.1890.*

²¹ *Williams B. Op. cit., p. 173.*

Создает собственное государство

¹ *White A. S. Chartered Government in Africa.* — Nineteenth Century, 1894, vol. 35, p. 131.

² *The Times, 21.V.1891.*

³ *East Africa and Rhodesia, 3.XI.1949, p. 268.*

⁴ Архив внешней политики России (далее: АВПР), ф. канцелярия, 1894 г., д. 56 (Е. Е. Стааль — Н. К. Гирсу 26 января / 7 февраля 1894 г.), л. 27.

⁵ См. *Парфенов Н. Д. Монополия и империя.* Саратов, 1980.

⁶ См. *Вульф Л. С. Экономический империализм в Азии и Африке.* Пг., 1923, с. 57.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 486.*

⁸ *Galbraith J. S. Crown and Charter.* Berkeley etc., 1974, p. X.

⁹ *The Economist, 1889, N 2414, p. 1530 — 1531.*

¹⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 165.*

¹¹ *Parliamentary Debates, 3rd Series, vol. 333, col. 254 — 256; vol. 334, col. 837 — 839, 1384 — 1386.*

¹² *Power of Attorney of the British South Africa Company to C. J. Rhodes.* London, 1896.

¹³ *Williams B. Op. cit., p. 164; Гобсон Д. Империализм.* Л., 1927, с. 185.

¹⁴ *Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 28, с. 429.*

¹⁵ *Parliamentary Debates, 3rd Series, vol. 349, col. 1142.*

¹⁶ АВПР, ф. канцелярия, 1889, д. 61 (Е. Е. Стааль — Н. К. Гирсу 26 октября 1889 г.), л. 85.

¹⁷ См. *Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 28, с. 670, 676.*

Первый военный поход

¹ Southern African Dictionary of National Biography, p. 184.

² См. Изъединова С. В. Несколько месяцев у буров. СПб., 1903, с. 54.

³ Colvin J. Op. cit., vol. 1, p. 139.

⁴ Newman C. L. N. Op. cit., p. 66.

⁵ Kemp S. Op. cit., p. 54–55, 109, 130–131, 181.

⁶ Flint J. Op. cit., p. 128–129.

⁷ Kemp S. Op. cit., p. 54–55, 57–58, 70.

⁸ Mathers E. P. Op. cit., p. 343–344.

⁹ The Times, 5.VIII.1890.

¹⁰ The Times, 17.IX.1890; Pall-Mall Gazette, 13.X.1890.

¹¹ Finlason C. E. Op. cit., p. 48, 63–64, 70, 91, 99, 111, 114–115, 119, 124, 127, 137, 152, 162, 175.

¹² Kemp S. Op. cit., p. 136, 206.

¹³ Ibid., p. 159.

¹⁴ Roberts B. Churchills in Africa. London, 1970, p. 3, 11–13, 17–19, 34–35, 40.

¹⁵ Finlason C. E. Op. cit., p. 74, 77–78, 80.

¹⁶ Churchill W. S. Lord Randolph Churchill, vol. II. London, 1906, p. 451.

¹⁷ Churchill R. Men, Mines and Animals in South Africa. London, 1893.

¹⁸ The Times, 5.VIII.1890.

И первая война

¹ Kemp S. Op. cit., p. 175.

² Report by Mr. F. J. Newton upon the Circumstances Connected with the Collision between the Matabele and the Forces of the British South Africa Company at Fort Victoria in July 1893 and Correspondence Connected Therewith (C-7555). London, 1894, p. 47, 39–41, 51, 53.

³ South Africa. The British South Africa Company in Mashonaland and Matabeleland (C-7196). London, 1893, p. 10–12, 18, 28, 50–51, 76–77.

⁴ C-7196, p. 37, 39, 41, 63, 68, 72, 79–80, 83, 89–90.

⁵ Edinburgh Review, April, 1879.

⁶ C-7196, p. 75; АВПР, ф. канцелярии, 1893, д. 59 (Е. Е. Сталь – Н. К. Гирсу 20 октября /1 ноября/ 1893 г.), л. 268–269.

⁷ The Times, 1.I.1894.

⁸ Pitout J. A. Lobengula's Flight and Shangani Battle as told me by Siyatsha – an Eye Witness of the Battle. – NADA (The

Southern Rhodesia Native Affairs Annual), Salisbury, 1963, vol. 40, p. 73.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 86.

¹⁰ Newman C. L. N. Op. cit., p. 99, 144; Pall-Mall Gazette, 2.X.1893; The Times, 24.III.1894.

¹¹ The Times, 4.I.1894.

¹² The Economist, 1895, № 2862, p. 76–77.

¹³ Леруа-Болье П. Указ. соч., с. 189.

¹⁴ Мун П. Т. Империализм и мировая политика. М. – Л., 1928, с. 287–288.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 80.

¹⁶ The Matabele-scandal and its Consequences: by One Who (1) Remembers the Punishment Which Fell Upon Cain for Killing His Brother and (2) is Jealous of the Honour of Great Britain. Cambridge, February 1894.

¹⁷ Justice, 14.X.1893, 28.X.1893.

¹⁸ Justice, 2.XII.1893.

¹⁹ Pall-Mall Gazette, 14.XI.1893.

²⁰ C-7555, p. 1, 23, 34, 38, 53, 55, 93.

Кумир тех дней

¹ Raphael L. A. C. Op. cit., p. 70.

² The First, Second, Third and Final Reports of the Royal Commission Appointed to Inquire into the Depression of Trade and Industry (C-4621, C-4715 (I–II), C-4797, C-4893). London, 1885–1886.

³ Reports from the Consuls of the United States, vol. 36. Washington, 1891, p. 593–594.

⁴ Raphael L. A. C. Op. cit., p. 80.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 376.

⁶ Там же, с. 382.

⁷ Kenwood A. G. and Longheed A. L. The Growth of the International Economy, 1820–1960, London – Sydney, 1971, p. 60.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 190.

⁹ Pall-Mall Gazette, 24.II.1891.

¹⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 438.

¹¹ Africander. Cecil Rhodes – Colonist and Imperialist. – Contemporary Review, 1896, vol. 69, p. 374–390.

¹² Radziwill C. My Recollection. London, 1904, p. 332.

¹³ Ерофеев Н. А. Английский империализм в середине XIX века. М., 1977, с. 181.

¹⁴ Conan Doyle A. Our African Winter. London, 1929, p. 140.

¹⁵ Унгерн-Штернберг Р. Заметки о Родезии (Донесение генерального консула в Лондоне). – Сборник консульских донесений, т. 1. СПб., 1899, с. 12–13.

¹⁶ Lord *Soames*. From Rhodesia to Zimbabwe. — International Affairs, 1980, № 3, p. 417.

Заговор против буров

¹ G.P., Bd. XI, № 2597.

² Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1928, с. 16.

³ G.P., Bd. XI, № 2636.

⁴ Оом Поль. — Мир божий, июнь, 1900, Отдел 2, с. 54–55.

⁵ *Rosenthal E. Gold: Gold: Gold: The Johannesburg Gold Rush*. New York, 1970, p. 258–259.

Родезия против Родса

¹ The Times, 31.III.1896.

² The Times, 14.VIII.1984.

³ *Jaurdan Ph. Cecil Rhodes. His Private Life by His Private Secretary*. London, 1911, p. 46–63.

⁴ Report of the Land Commission of 1894 and Correspondence Relating Thereto (C-8130). London, 1896.

⁵ Parliamentary Debates, 4th Series, vol. 57, p. 597–598.

⁶ British South Africa Territories. Report by Sir R. E. Martin on the Native Administration of the British South Africa Company, Together with a Letter From the Company Commenting Upon that Report (C-8547). London, 1897, p. 21.

⁷ The Times, 8.IV.1896.

⁸ *Selous F. C. Sunshine and Storm in Rhodesia*. London, 1896, p. 58–59.

⁹ Parliamentary Debates, 4th Series, vol. 39, p. 1175; vol. 41, p. 418; vol. 42, p. 455.

¹⁰ *Millin S. G.* Op. cit., p. 305.

¹¹ *Ranger T. O. Revolt in Southern Rhodesia, 1896–7*. London, 1967, p. 241–258; The Times, 24.VIII, 19, 22.IX, 29.X, 28.XI. 1896.

¹² *Thomson H. C. Rhodesia and its Government*. London, 1898, p. 142–143.

Крах или только срыв?

¹ *Дионео*. Из Англии. — Русское богатство, 1897, № 8, отдел II, с. 61–62.

² *Amis K. Rudyard Kipling and His World*. London, 1975, p. 84–85.

³ Дионео. Из Англии. — Русское богатство, 1899, № 7(10), отдел II, с. 75—76.

⁴ Parliamentary Debates. 4th Series, vol. 75, p. 715—716.

Тогда в Трансваале

¹ *Michell L.* Op. cit., v. II, p. 246.

² G.P., Bd. XV, № 4320.

³ Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. М., 1961, с. 231.

⁴ Ротшильд Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М. — Л., 1960, с. 558, 565.

⁵ Булов Б. Воспоминания. М. — Л., 1935, с. 140.

⁶ *Plomer W.* Op. cit., p. 101.

⁷ *Millin S. G.* Op. cit., p. 345.

⁸ *Garvin J.* The Life of J. Chamberlain, vol. III, p. 308.

⁹ *Langer W. L.* Op. cit., v. II. London, 1951, p. 448.

¹⁰ G.P., Bd. XIII, № 3530.

¹¹ *Ibid.*, S. 575.

¹² См. Бондаревский Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива. М., 1968, с. 46.

¹³ АВПР, ф. посольства в Лондоне, оп. 520, д. 1029 (Депеша вр. поверенного Лессара 17/30/ января 1901 г.), л. 4.

¹⁴ Бурафил. В помощь бурам! Причины войны и ее течение. Возможные последствия англо-бурского столкновения. СПб., 1900, с. 25.

¹⁵ Николай Романов об англо-бурской войне. — Красный архив, 1934, т. 2/63/, с. 125.

¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 379—380.

¹⁷ *Millin S. G.* Op. cit., p. 348.

¹⁸ А.Р.О. [Cape Town], 18.XII.1909.

¹⁹ *Plomer W.* Op. cit., p. 132—133.

²⁰ *Michell L.* Op. cit., vol. II, p. 290.

И век, считайте, прожит

¹ АВПР, ф. посольства в Лондоне, оп. 520, д. 1073 (Депеша 27 марта /9 апреля/ 1902 г.), л. 18.

² Copy of the Will of the Rt. Hon C. J. Rhodes, p. 318, 321.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Завещание молодого человека 5

КОРОЛЬ АЛМАЗОВ И ЗОЛОТА

«Как разбогател Сесиль Родс» 20

Путь в политику 52

Битва финансовых магнатов 66

ГЕРОЙ ДНЯ

Страна Офир между Замбези и Лимпопо 82

От «Белой королевы» к инкosi Лобенгуле 106

Создает собственное государство 147

Первый военный поход 163

И первая война 193

Кумир тех дней 215

ВИНОВНИК АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ

Заговор против буров 240

Родезия против Родса 264

Крах или только срыв? 287

Тогда в Трансваале 302

И век, считайте, прожит 333

Примечания 358

CONTENTS

Young man's testament	5
---------------------------------	---

KING OF DIAMONDS AND GOLD

«How Cecil Rhodes became a rich man»	20
His way to politics	52
Fight of magnates	66

HERO OF THE DAY

Country Ophir between Zambezi and Limpopo	82
From the «White Queen» to inkosi Lobengula	106
Creating his own state	147
His first military campaign	163
And the first war	193
Idol of those people	215

INSTIGATING THE BOER WAR

Conspiracy against the Boers	240
Rhodesia against Rhodes	264
Collaps or just a failure?	287
Those days in Transvaal	302
Fading out	333
Comments	358